

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

144

Н. Н. ГУРИНА

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН
ЗАПАДНЫХ
ОБЛАСТЕЙ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 144

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1987

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР . № 144

Н. Н. ГУРИНА

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН
ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ СССР

(ПО МАТЕРИАЛАМ НАРВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1967

А Н Н О Т А Ц И Я

Книга представляет собой результат исследования неолитических памятников нижнего течения р. Нарвы.

Близость расположения трех поселений, отражающих собой различные хронологические этапы неолита, исключительное богатство и разнообразие костяного инвентаря, наличие специальной мастерской для их изготовления, остатки жилищ, погребений, предметов искусства, огромный остеологический материал позволили с большой полнотой охарактеризовать естественно-географическую среду и материальную культуру древних обитателей побережья р. Нарвы и их связь с племенами соседних территорий.

ОТ АВТОРА

Существенным звеном в цепи археологических памятников, позволяющих приоткрыть завесу над историей неолитических племен, заселявших в древности западные области СССР, является группа поселений, расположенных на левом берегу р. Нарвы, близ впадения ее в Балтийское море.

Несмотря на предварительный характер публикации, сделанной автором более чем 10 лет тому назад, эти памятники заняли прочное место среди археологических источников. Наступило время глубже раскрыть их содержание.

Благодаря отчетливо выраженной геоморфологии, исключительному обилию фаунистических остатков и пыльце, сохранившейся в культурном слое, имеются богатые возможности восстановить общий характер географической среды, на фоне которой развивалась производственная деятельность человека. Вместе с тем обилие и разнообразие каменного инвентаря и в особенности чрезвычайно большое количество прекрасно сохранившихся костяных орудий — явление весьма редкое для неолитических памятников севера — позволяют достаточно полно осветить хозяйственную деятельность племен, обитавших на нарвском побережье. Особое значение в этом плане имеет «костерезная мастерская», раскрывающая ряд таких деталей массового производства костяных орудий, которые до сих пор не были известны.

Для восстановления некоторых сторон быта древних племен большое значение имеют сохранившиеся остатки жилищ, дающие основания в совокупности с разнообразными орудиями труда говорить об уровне развития производительных сил и в какой-то степени о характере общественного строя. В то же время найденные на поселениях погребения, предметы искусства позволяют заглянуть и во внутренний мир жите-

лей этих поселков и попытаться понять психологию первобытного человека.

Поселения, будучи сосредоточенными в пределах одного микрорайона, имея ряд общих и отличных один от другого черт (в особенности по типам керамики), помогают проследить изменения в области материальной культуры, а также установить ее связь с культурой предшествующего периода.

Наконец, рассматриваемые в работе памятники дают существенный материал для постановки и до некоторой степени для решения этногенетических проблем, являющихся конечной целью археологических исследований.

Открытые и раскопанные в 1951—1953 гг. поселения на левом берегу р. Нарвы (Нарва I, II и III) заставили нас выделить тогда весьма оригинальный и принципиально новый тип керамики,¹ получивший позднее в работе Л. Ю. Янитса наименование «керамики нарвского типа».² За последние годы на территории Эстонии³ и Латвии⁴ был открыт целый ряд памятников, содержащих аналогичный материал, в результате чего появилась возможность значительно углубить понятие «керамика нарвского типа» и расширить территорию ее распространения.

Учитывая ярко выраженные особенности каменных и костяных орудий этих

¹ Н. Н. Гурьян. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. Сб. «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 153—175.

² Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.

³ Исследования Л. Ю. Янитса; материалы хранятся в Институте истории Академии наук Эст. ССР.

⁴ Исследования Л. В. Ванкиной, Ф. А. Загорских, И. А. Лозе; материалы хранятся в Историческом музее г. Риги и Институте истории Академии наук Латв. ССР.

поселений, чрезвычайно отчетливое своеобразие весьма оригинального керамического материала, а также локализацию таких памятников хотя и на весьма обширной, но вместе с тем заметно целостной территории, мы считаем возможным выделить особую неолитическую культуру — нарвскую.

Отсутствие в настоящее время полных публикаций этого вида поселений не позволяет пока уточнить ряд весьма важных вопросов, выявить, в частности, все хронологические и территориальные различия внутри этой культуры. Пока намечается, по-видимому, не менее трех ее вариантов.

Новые материалы, полученные в результате исследований, позволяют переосмыслить и целый ряд ранее известных поселений, а также с помощью данных, полученных радиоуглеродным методом, уточнить абсолютную датировку неолита на обширной территории Прибалтики.

Среди исследованных нами поселений, помимо таких, как Нарва III и частично Нарва I, относящихся к нарвской культуре, имеется Нарва II, содержащая иной кремневый и керамический материал, чрезвычайно близкий по своему характеру к материалу более восточных областей, заня-

тых племенами гребенчато-ямочной прибалтийской культуры.

На поселениях побережья р. Нарвы, представляющего восточную окраину территории, занятой племенами нарвской культуры, был зафиксирован один из моментов продвижения на запад более восточных неолитических племен. Найденные предметы отчетливо говорят об ассимиляции местного населения и слиянии различных элементов материальной культуры обеих племенных групп.

Однако на основе наших материалов еще не все стороны этого процесса выступают с одинаковой отчетливостью.

Для того чтобы глубже раскрыть его содержание, необходимо прежде всего ввести в научный оборот все имеющиеся к настоящему времени источники. Первейшей необходимостью является подробная публикация стоянок этого типа, исследованных за последнее время в Прибалтике. Следует надеяться, что данная работа послужит таким началом.

Учитывая важность фактических материалов, мы постарались возможно полнее осветить результаты раскопок стоянок побережья р. Нарвы.

Глава I

ТОПОГРАФИЯ И СТРАТИГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВ

В 1951 г. в связи со строительством Нарвской ГЭС начала свою работу и археологическая экспедиция ЛОИА, проводившаяся под руководством автора.

Поскольку ни в специальной литературе, ни в хранилищах архивов не содержалось каких-либо указаний о нахождении неолитических памятников на обширной территории побережья р. Нарвы, естественно пришлось начать с их поисков. Руководствуясь геоморфологией местности, мы произвели обследование всех сколько-нибудь подходящих песчаных участков.

Во время Великой Отечественной войны значительная часть г. Нарвы и окружающие поселки, в числе которых оказался и небольшой поселок Риги-Кюля, находившийся на левом берегу р. Нарвы в 8 км от ее устья, были сравнены с землей. На площади некогда существовавшего селения при осмотре одной из воронок от снарядов был обнаружен отчетливо выраженный темный, насыщенный раковинами культурный слой. Однако на многих других участках он оказался нарушенным, в результате чего некоторые комплексы древнего памятника были уничтожены. Все же на значительной площади он сохранился непогрешенным.

На протяжении 450 м по левому берегу реки располагались три несколько различных по времени древних поселения, относящихся, однако, в целом к неолитической эпохе — Нарва III, Нарва II и Нарва I (рис. 1; 2, А).¹

¹ Поселение Нарва II было открыто лишь в конце раскопок поселения, названного нами Нарва I.

В настоящее время от устья Финского залива (где расположено современное селение Усть-Нарва) до окраины г. Нарвы на протяжении 18 км по течению реки протянулась низкая равнина. Однообразие ее нарушается лишь песчаной грядой, пролегающей с юго-запада на северо-восток. На юго-западе она смыкается с высоким коренным берегом, на северо-востоке же (где гряда сильно сужена) прорезается рекой, заходя на ее противоположный берег лишь очень незначительной частью. Наибольшая ширина гряды едва превышает 1 км, наименьшая равна 300 м. На правом берегу р. Нарвы к этой гряде близко примыкает другое небольшое всхолмление, более низкое и расчлененное на две части. Направление гряды в общем совпадает с направлением современного берега Финского залива, в этой части весьма ровного, не изрезанного.

Как считают геологи,² эта гряда, являющаяся песчаной пересыпью, образовалась во время литориновой трансгрессии Балтийского моря.

Пространство протяженностью 8 км, отделяющее северо-западный край гряды от современного берега моря, совершенно ровное и прорезано лишь небольшим ручейком, впадающим в р. Нарву.

К юго-востоку гряда заметно повышается, чтобы затем круто оборваться к устью небольшой рч. Черной. Далее в том же юго-восточном направлении за про-

² Г. Н. Лисицына. Вопросы палеогеографии неолита районов северо-запада Европейской части СССР. Приложение № 3 к книге Н. Н. Гуриной «Древняя история северо-запада Европейской части СССР», МИА, № 87, 1961.

тяжении 8 км по правому берегу рч. Черной раскинулась однообразная равнина вплоть до окраин современного г. Нарвы. Остатки трех древних поселений распо-

Нарву II от соседнего с ним древнего поселения Нарва I. Ширина этого участка немногим более 200 м. Однако песчаная гряда, поднимающаяся на 14 м над современной

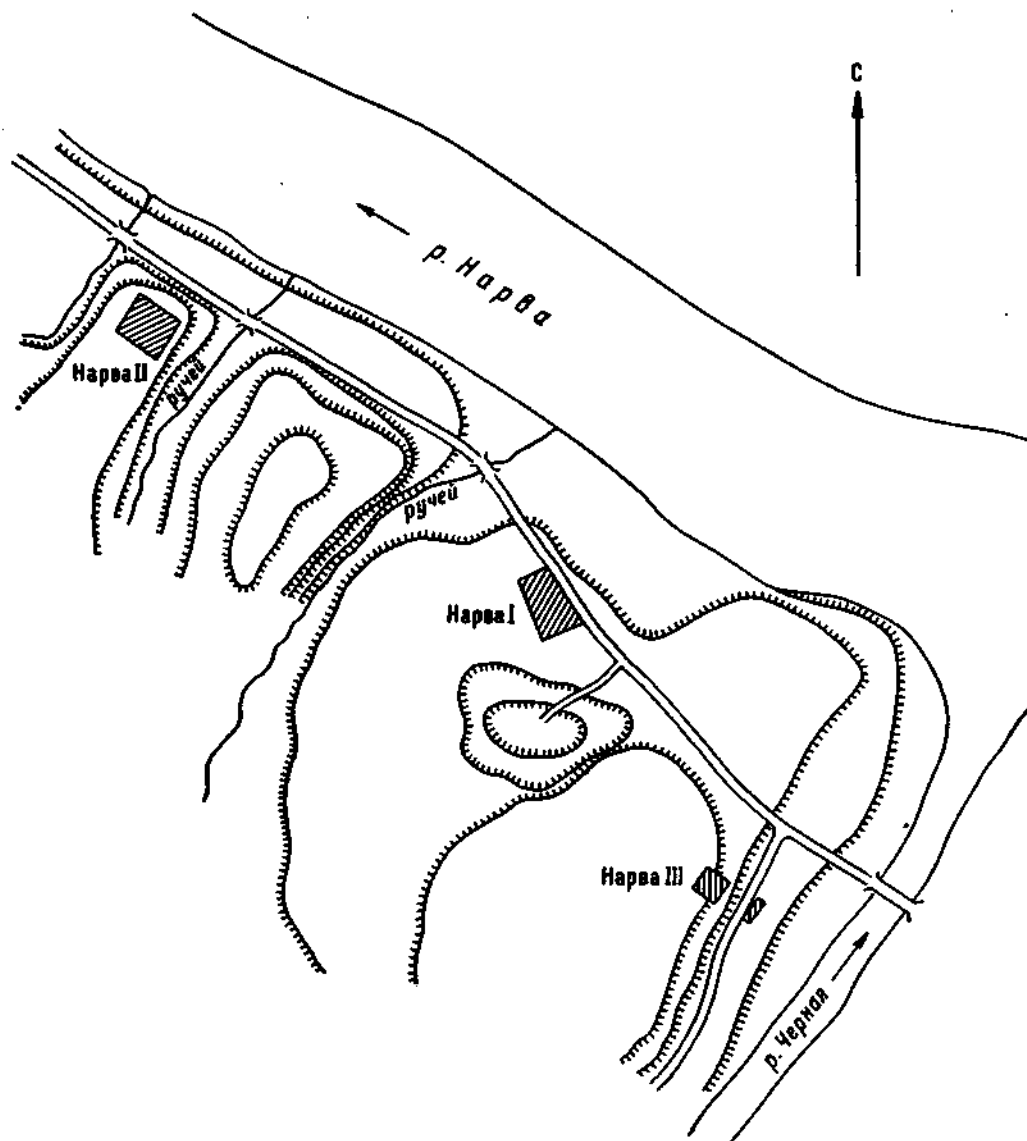

Рис. 1. План расположения поселений Нарва I, II, III.

лагаются на разных участках указанной гряды. Наиболее низкую высотную отметку имеет поселение Нарва II, занимающее узкую полосу, околонуемую с северо-запада низменностью (в прошлом морским заливом), а с юго-востока — небольшим всхолмлением, составляющим часть гряды — древнего мыса. Это возвышение и отделяет

поверхностью площадки, занятой поселением Нарва II, явилась надежным барьером, разделившим оба памятника. На этом пространстве не было обнаружено не только признаков культурного слоя, но и случайных отдельных находок.

Культурный слой поселения Нарва I на северо-западе прослеживается только до ру-

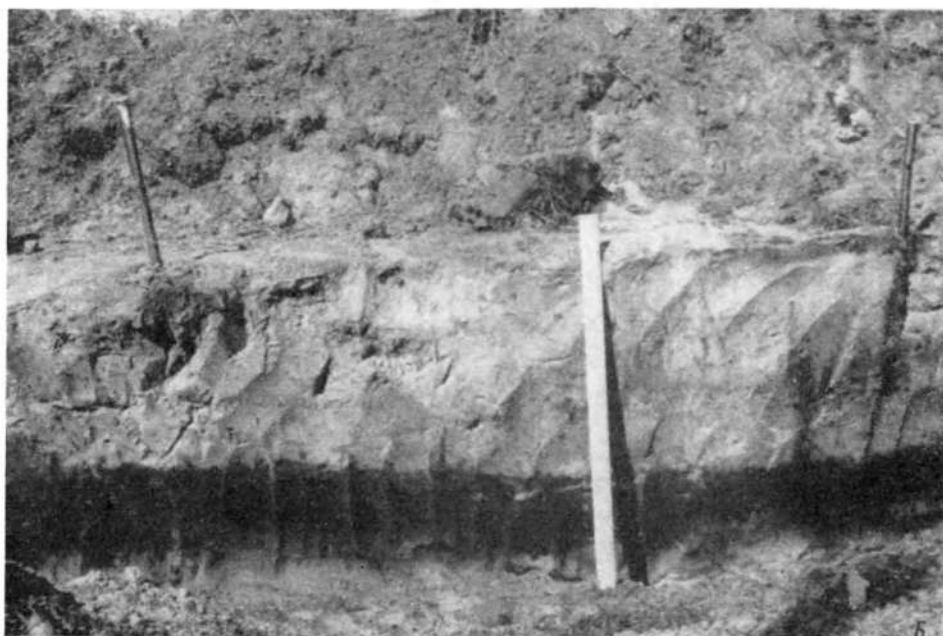
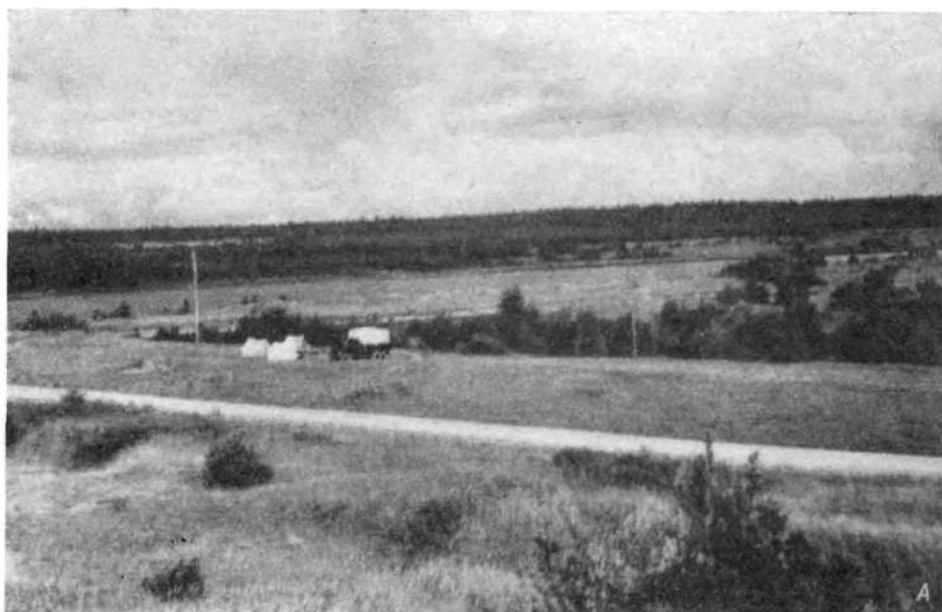

Рис. 2. Местоположение поселений Нарва I, III (А) и характер залегания культурного слоя (В).

чейка, к юго-востоку же продолжается на значительное расстояние и почти сливается³ с культурным слоем поселения Нарва III, расположенного на сравнительно ровной площадке левого берега рч. Черной. Расстояние, разделяющее поселения Нарва I и Нарва III, едва превышает 150 м. Реакого разграничения, какое наблюдается между поселениями Нарва I и Нарва II, здесь не прослеживается. Хотя культурный слой отчетливо локализуется на местах поселения, единичные находки встречаются и между ними.

Противоположный правый берег р. Нарвы имеет здесь несколько иной характер. Коренные возвышенные участки его отодвинуты вглубь от современного русла реки и образуют как бы полуциркуль. Пространство же, отделяющее их от воды, занято ровной слегка заболоченной низменностью.⁴

ПОСЕЛЕНИЕ НАРВА III

Поселение занимает наиболее южный возвышенный участок рассматриваемой площадки, сравнительно далеко отстоящий от современного берега р. Нарвы.

С южной стороны площадка, занятая стоянкой, резко обрывается к рч. Черной, за которой расстилается ровная низменность, протянувшаяся до современного г. Нарвы.

Слегка всхолмленный участок, где прослежен культурный слой, пересечен дорогой, соединяющей два шоссе, и очень сильно разрушен поздними ямами-воронками и траншеями, прорезавшими древнее поселение в различных направлениях. (рис. 2, А). Последнее обстоятельство предопределило форму и размер нашего раскопа; пришлось ориентироваться прежде всего на участки, менее пострадавшие от разрушения. По обе стороны от дороги было заложено два раскопа. Один (раскоп II), площадью 108 м², располагался на участке ближе к поселению Нарва I, будучи ограниченным с двух сторон военными траншеями. За пределами этой естественной границы раскопа были заложены лишь три траншеи, каждая из которых имела

длину 5 м при ширине 1 м. Все траншеи были ориентированы различно. Общая площадь раскопа составила 143 м² (рис. 3, А).

Второй, раскоп I, лежал к югу от дороги, непосредственно на левом берегу рч. Черной. Вследствие того что здесь культурный слой был также местами нарушен, раскоп не мог иметь обычной правильной формы. Из него были выключены заметные с поверхности ямы-воронки от снарядов и траншеи. В общей сложности площадь этого раскопа равнялась 64 м².

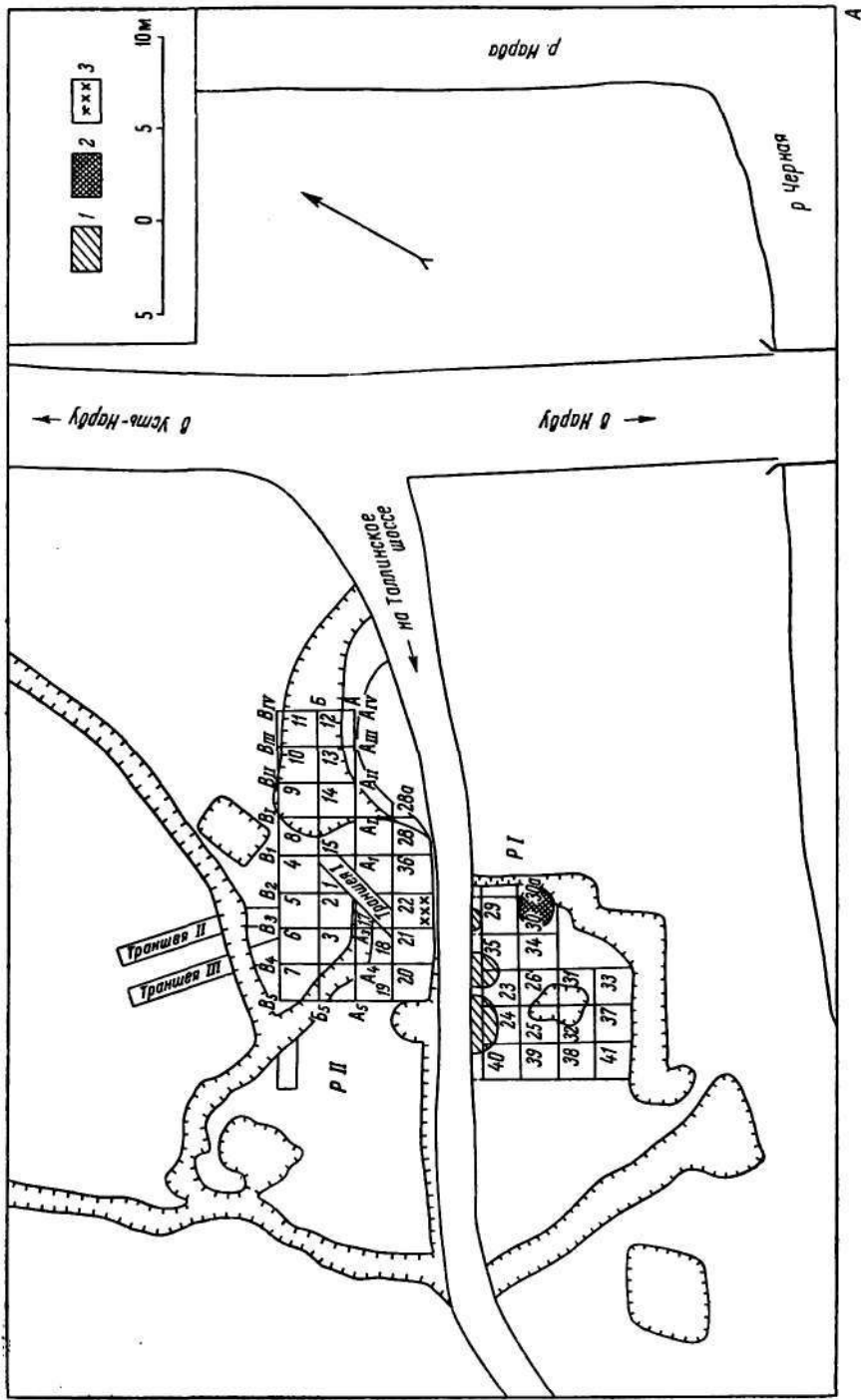
Как оказалось, дорога, прорезавшая раскоп, частично разрушила хозяйственные комплексы. Однако в нижних горизонтах культурный слой сохранился непоколебленным. Несмотря на различия в деталях, наблюдаемые на отдельных квадратах, характер стратиграфии был общим для всего раскопа.

Непосредственно под дерновым слоем, часть которого образовалась лишь в недавнее время, залегал сероватый мешаный песок сравнительно большой мощности (до 70 см). Поскольку на отдельных участках почвенный слой, перекрывающий этот сероватый песок, был сильно увеличен за счет набросанного сверху балласта (выброса при рытье современных ям), культурный слой оказался залегающим на значительной глубине (местами до 1.5 и более метров) (рис. 2, Б). По своей структуре и консистенции он был однородным — очень темный, сильно гумусированный, мелкозернистый песок, относительно ровный по верхней границе и волнистый, распылчатый, незаметно переходящий в более светлый и менее насыщенный находками нижний горизонт культурного слоя. При этом средняя мощность верхнего (темного) горизонта культурного слоя колебалась между 30 и 40 см, тогда как вместе с нижним более светлым горизонтом он составлял 70 см, а местами, где прослеживались остатки каких-либо комплексов, достигал 1 м. Здесь в отличие от поселения Нарва I в культурном слое почти не прослеживались примеси раковины. Внизу этот слой подстилал желтый, мелкозернистый однородный песок.

В юго-восточной части раскопа прослежены следы некоторых сооружений — остатки трех ям различных размеров и одного очага (рис. 3, Б). Все три углубления сохранились лишь частично. Они были выявлены до начала раскопок при зачистке

³ Точно не удастся этого проследить из-за разрушения участка.

⁴ Это место разработок диатомита носит название Тырвала.

Восток

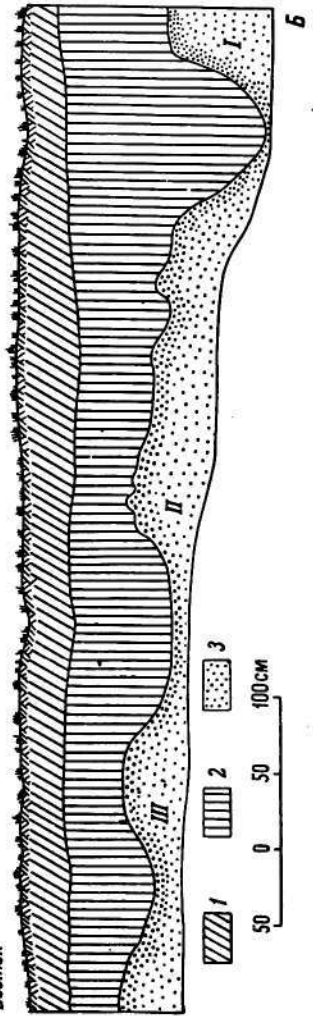

Рис. 3. План (А) и разрез (Б) поселения Нарва III.

А: 1 — углубления хозяйственного назначения; 2 — очаг; 3 — скопление керамики. Б: I — Дерновый слой; 2 — культурный слой темный; 3 — желто-серый песок. I, II, III — западины.

дороги и оказались наполовину разрушены ею.

Углубления по размерам и отчасти по форме были различны.

Первое и самое большое из них (западина I) нижней частью врезалось на 70 см в материк — серый песок и имело в этом месте диаметр несколько более 1 м. Верхняя часть этой западины терялась где-то в контурах темного слоя. В разрезе это была коническая яма с несколько мягкими очертаниями краев, сплошь заполненная сильно гумусированным и потому очень темным культурным слоем, содержащим большое количество обломков керамики и костей животных. Видимо, западина не была очажной ямой, поскольку, кроме очень небольшого количества мельчайших угольков, ничто здесь не напоминало о присутствии огня. Судя по обилию костей животных, заполнявших яму, вероятнее считать ее своего рода хозяйственной кладовой.

Второе углубление (западина II) в подстилающий материковый слой врезалось не более чем на 30 см и в отличие от первого имело меньший размер, сравнительно плоское дно и пологие стенки. Верхняя граница его также исчезала в контурах темного культурного слоя, но очень отчетливо прослеживалась на поверхности подстилающего материка в виде пятна округлых очертаний с диаметром более 1 м.

Так же как и первое углубление, западина II была заполнена интенсивно темным, гумусированным слоем, в котором встречались фрагменты керамики, кости животных и мельчайшие угольки.

Третье углубление (западина III) имело значительно меньший размер. Диаметр его на поверхности сероватого песка, подстилающего культурный слой, приближался к 1 м, глубина врезания в материк около 30 см. Заполнение углубления состояло из сильно гумусированного песка, некоторого количества фрагментов керамики и огромного числа птичьих костей.

По всей вероятности, последнее углубление имело особое, ритуальное назначение, на чем мы подробнее остановимся ниже.

Очаг размещался в восточной части раскопа, одним краем примыкая к траншее военного времени. Его перекрывал довольно мощный насыпной слой мешаного песка — выброса из соседней траншеи, который к моменту наших раскопок успел уже за-

рости достаточно мощным травяным покровом. Мощность этого балласта достигала 80 см. Непосредственно под ним прослеживалась погребенная современная почва, выделяющаяся своей более темной окраской; толщина ее приближалась к 20 см.

Ниже лежащий слой мощностью до 70 см представлял собой серовато-желтый мешаный песок — характерный слой для всех трех нарвских поселений.

Еще ниже залегал темный сильно гумусированный слой, содержащий культурные остатки (мощностью до 30 см), переходящий затем в слой более светлого оттенка. Нижняя граница его была чрезвычайно неровной (рис. 4, А).

Непосредственно в его толще размещался очаг (рис. 4, Б), сложенный из камней, подвергшихся сильному воздействию огня. Крупные камни (до 40 см) залегали на глубине 75—80 см от пикета А₃ и 1 м 80 см от верхней границы погребенной почвы; более мелкие расположены скоплением в противоположном (восточном) углу очага на глубине 93—95 см от пикета А₃. Все камни залегали в контурах очень темного углистого очажного пятна, неправильно округлого по форме, диаметром 2 × 1 м. Нижней частью очаг на 20 см врезался в материковый слой — сероватый песок.

В заполнении очага между камнями, помимо большого количества мелких углей, найдены фрагменты керамики и много костей птицы. Судя по мощности углистой прослойки, подстилающей камни и заполняющей пространство между ними, очагом пользовались довольно длительное время.

Близость к очагу углублений (западин I, II), содержащих многочисленные остатки пищи, заставляет рассматривать весь этот комплекс как единый. К сожалению, сильное разрушение культурного слоя, произведенное дорогой и траншеями военного времени, не позволяет восстановить его полностью. По-видимому, следует считать эту часть поселения одной из центральных.

Вследствие того что площадь поселения Нарва II, исследованная с помощью раскопок, не столь значительна, как например площадь поселения Нарва I, и при этом насыщенность культурного слоя не так велика, число находок здесь гораздо меньше, как мы это увидим далее. Однако они представляют значительный интерес, в особен-

Рис. 4. Характер культурного слоя над очагом (А) и очаг на поселения Парва III (В).

ности если учесть сравнительную чистоту комплекса и возможность сопоставления его с материалом двух других соседних поселений.

ПОСЕЛЕНИЕ НАРВА II

Самым северным из трех исследованных на побережье р. Нарвы поселений является Нарва II, расположенное на ровной песчаной площадке, примыкающей непосредственно к юго-восточному краю гряды. В настоящее время она поднята на 8 м над уровнем реки. Между нею и современным уровнем моря расстилается сравнительно ровное плато, на котором едва заметны уступчатые понижения — террасы, соответствующие береговым морским кромкам, образовавшимся в период сравнительно кратковременных остановок моря при движении его на север (рис. 5; 6, А, Б).

Исследованию подверглась площадь в 275 м². Вследствие того что поверхность стоянки очень сильно пострадала от воронок и построек современной деревни (от которой на данном участке, например, сохранился фундамент большого дома), раскоп пришлось разбить на две основные части — раскоп I и раскоп II. Раскоп I на северо-востоке примыкал к краю коренного берега р. Нарвы, который вначале круто спускался к ровной неширокой площадке — древней береговой террасе, а затем резко обрывался к воде.

И здесь вследствие разрушения участка воронками от мин раскоп пришлось разбить на две части — одну площадью 56 м², вторая — 20 м², заканчивающиеся воронками от мин.

Как показывают приведенные ниже разрезы, вычерченные по всем стенкам раскопа через каждые два метра, наблюдалась следующая стратиграфия (рис. 7, I—II). Культурный слой залегал под слоем почвы, которая вместе с дерном составляла всего лишь 30 см. Мощность культурного слоя была неодинаковой, в среднем 50—60 см. В сторону реки толщина слоя, там, где он не был нарушен поздними углублениями, заметно увеличивалась за счет намыва его водой.

В южной части раскопа I культурный слой сохранился сравнительно хорошо, в северной же части подвергся гораздо более сильному разрушению. Наиболее отчетливо выраженный культурный слой имел

темную окраску из-за большого количества примешанного к песку гумуса и мельчайших угольков. На отдельных участках (по линии аз—Вз; Аз—А5) он был двухцветным — более темный вверху и светлый внизу; при этом в отдельных случаях мощность его равнялась 75 см.

В северной части площадки по линии пикетов А2—В2, А1—В1, А11—А14, В11—В14 прослеживалась иная стратиграфия. Культурный слой темный, сильно гумусированный, залегал непосредственно на глине с небольшой примесью песка. Подстилающим материковым слоем был сероватый песок.

В самой северной части раскопа I культурный слой оказался сильно нарушенным и сохранился *in situ* лишь незначительными линзами.

Глинистая прослойка под нижней границей культурного слоя прослеживалась и на других участках поселения: например, в южной части раскопа II по линии пикетов Гз—Д8, Дз—Д10, Гз—Г10, а также в северной части того же раскопа II — по линии пикетов Д—Б, В1—Г1.

На остальных квадратах раскопанного поселения на наиболее возвышенной ее части глинистой прослойки не наблюдалось, хотя в большинстве случаев культурный слой сохранился непо потревоженным (рис. 8, I—IV).

Наличие тонкой глинистой прослойки, залегающей на сероватом материковом песке и подстилающей культурный слой, свидетельствует о том, что древние жители, пришедшие на эту площадку, застали наиболее пониженные участки ее еще несколько влажными. По-видимому, море отступило здесь сравнительно незадолго перед их приходом. В процессе обитания часть этого слоя перемешалась с песком и образовала суглинистый слой, прослеженный нами. Например, на участке Г—Б раскопа II между гумусированным культурным слоем и глинистой тонкой прослойкой залегала 35—40-сантиметровая прослойка суглинка.

Вследствие того что во многих местах целостность культурного слоя была нарушена, естественно нельзя было получить вполне отчетливой картины. Так, большая часть поселения, при этом центральная, была полностью уничтожена постройкой дома. Однако до нас сохранилось несколько весьма интересных комплексов, судя по

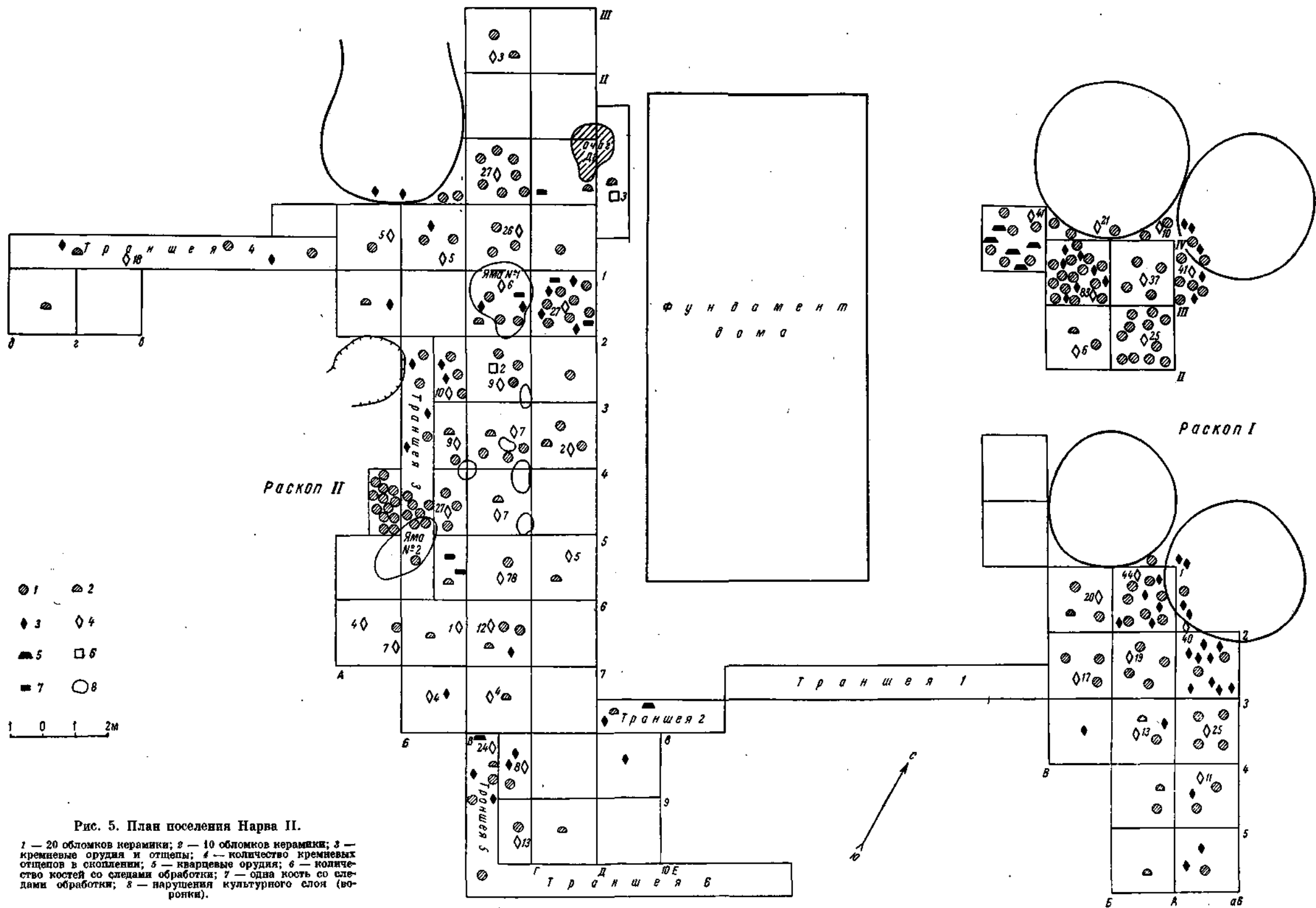

Рис. 5. План поселения Нарва II.

1 — 20 обломков керамики; 2 — 10 обломков керамики; 3 — кремневые орудия и отщепы; 4 — количество кремневых отщепов в скоплениях; 5 — кварцевые орудия; 6 — количество костей со следами обработки; 7 — одна кость со следами обработки; 8 — нарушения культурного слоя (воронки).

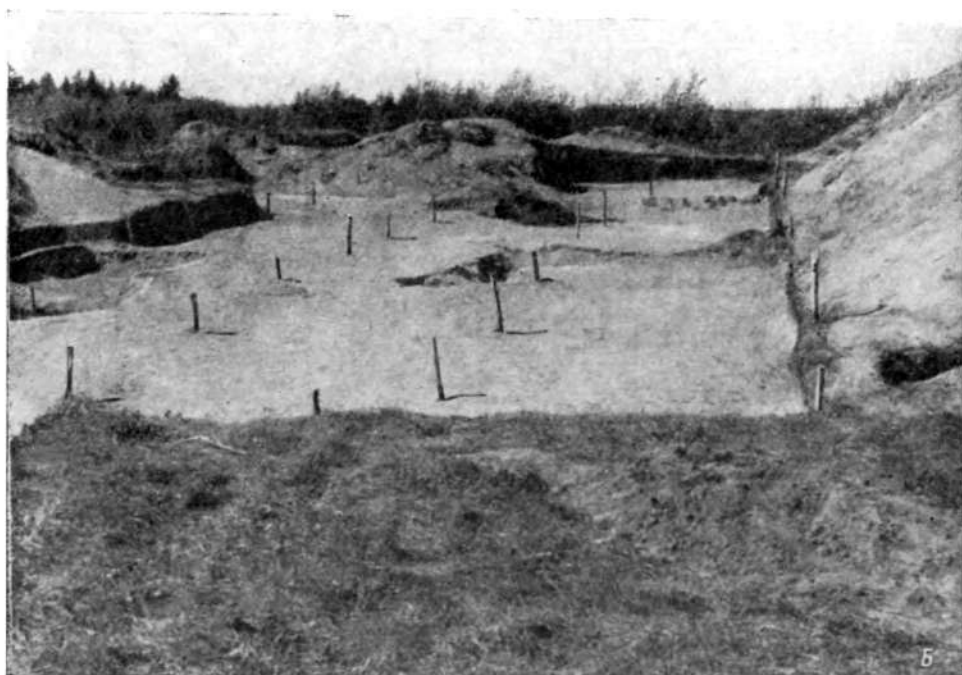

Рис. 6. Раскоп на поселении Нарва II.
А — северо-восточная часть раскопа; Б — южная часть раскопа.

расположению которых можно допустить возможность существования здесь в древности жилищ, уничтоженных затем при строительстве современного дома.

В середине и в северной части раскопа II располагались каменный очаг и два углубления, судя по заполнению, хозяйственного назначения, а также несколько небольших ямок с углями.

Очаг № 1 занимал небольшое пространство в северной части раскопа II. После снятия культурного слоя на глубину 30—40 см в кв. кв. Д—Г, Д₁—Г₁, Д_{II}—Г_{II} обратило на себя внимание пятно интенсивно темного цвета из-за примеси мелких углей (рис. 9, А). После полной зачистки всего пространства на глубину 50 см, обрисовались достаточно подробно его контуры (рис. 9, Б). Пятно, очень отчетливо выступавшее на фоне светло-желтого песка, оказалось весьма правильных округлых очертаний, диаметром около 1,5 м, с небольшим резко вытянутым с одного края выступом довольно правильных подчетырехугольных очертаний.⁵ По мере его расчистки появились небольшие, неправильных очертаний камни, сильно пережженные от пребывания в огне. Полная расчистка сооружения показала, что это — яма, вырытая на глубину от 30 до 40 см в материке — светло-сером песке. Верхней частью она сливалась с темным культурным слоем, перекрытым в свою очередь серовато-желтым песком, который прослеживался и над культурным слоем всего поселения (там, где он не был нарушен более поздними сооружениями). Яма была до дна заполнена камнями, сохранившими на себе следы длительного пребывания в огне (рис. 9, В). В средней ее части камни лежали несколько ниже, чем у краев; пространство, свободное от камней, и между ними было заполнено темным углистым слоем.

Наблюдения, сделанные в процессе раскопок этого очажного сооружения, и сопоставление полученных данных с данными этнографии позволяют сделать вывод, что при раскопках нами был встречен развал печи, сложенной из камней, основание которой было опущено в специально выкопанную яму, сравнительно неглубокую (не более 40 см), а верхняя часть ее возвышалась

⁵ Максимальный диаметр очага в месте выступа равнялся 2 м.

над уровнем земли — основанием культурного слоя. Печь эта имела устье, обращенное на юг (в плане именно оно было заметно в виде небольшого выступа подчетырехугольных очертаний).

В процессе разрушения верх печи в середине, где был свод, обрушился во внутреннюю полую часть ее, образовав здесь некоторое углубление по сравнению с краями печи, замеченное нами при расчистке.

По своей конструкции печь мало чем отличалась, например, от тех печей-каменок, которые прежде карельские рыбаки или охотники устраивали на месте долговременных останков. Обычно на тонях они ставили маленькие деревянные рубленые избушки, в которых близ входа складывалась подобная печь-каменка, топившаяся «по черному» (без трубы, выведенной наружу).

В заполнении пространства, образовавшегося между камнями, слагавшими печь, помимо интенсивного зольно-углистого слоя, встречены фрагменты керамики, типичной для всего поселения.

В непосредственной близости от этого сооружения располагались две небольшие ямы овальных очертаний. Одна из них (яма № 1) размером 2 × 2,20 м имела глубину 80 см в средней части, по краям же она равнялась 70—74 см от пикета Г₂, в силу чего дно ее было коническим. По своей форме она напоминала описанный выше очаг — будучи округлой, имела с одной стороны небольшой выступ, вероятно вход.

Вторая яма (яма № 2) находилась в 6 м от первой, в южной половине раскопа. В верхней части она имела овальную форму; размер ямы 2,5 × 1,5 м, глубина 85 см, дно ее было слегка коническим.

Обе ямы были заполнены темным, сильно гумусированным культурным слоем, содержащим много обломков сосудов, которые большим скоплением залегали и в северной части квадратов, где располагалась яма № 2, непосредственно у ее края. Такая же картина наблюдалась и у восточного края ямы № 1. По-видимому, обе ямы использовались для хранения запасов пищи, часть которых клалась в глиняные сосуды. Следов углей здесь не наблюдалось.

Между этими двумя ямами было обнаружено еще 5 маленьких ямок, одна из которых была заполнена мелкими угольками.

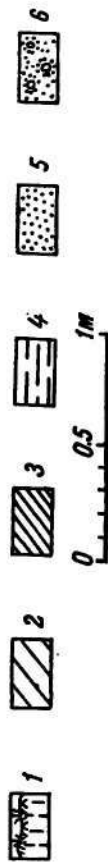
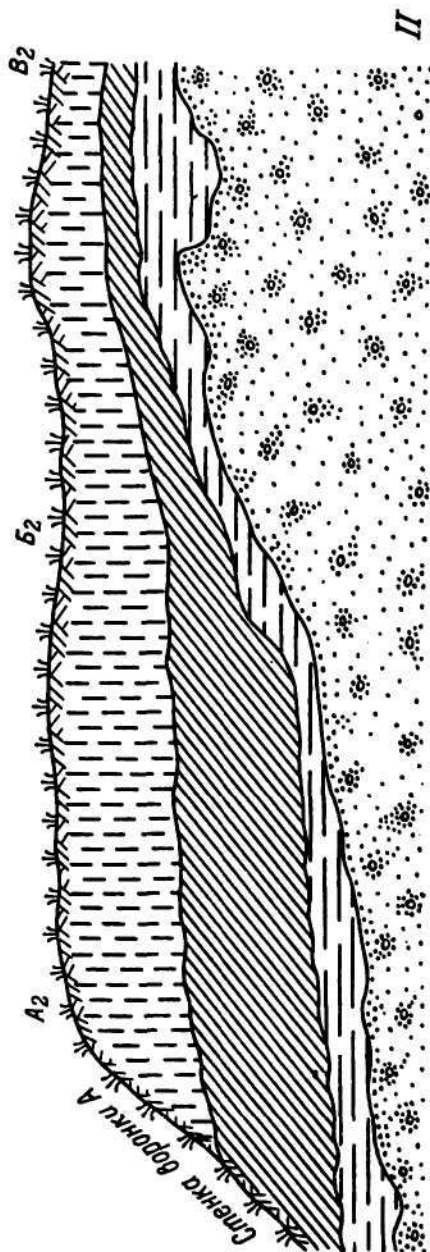
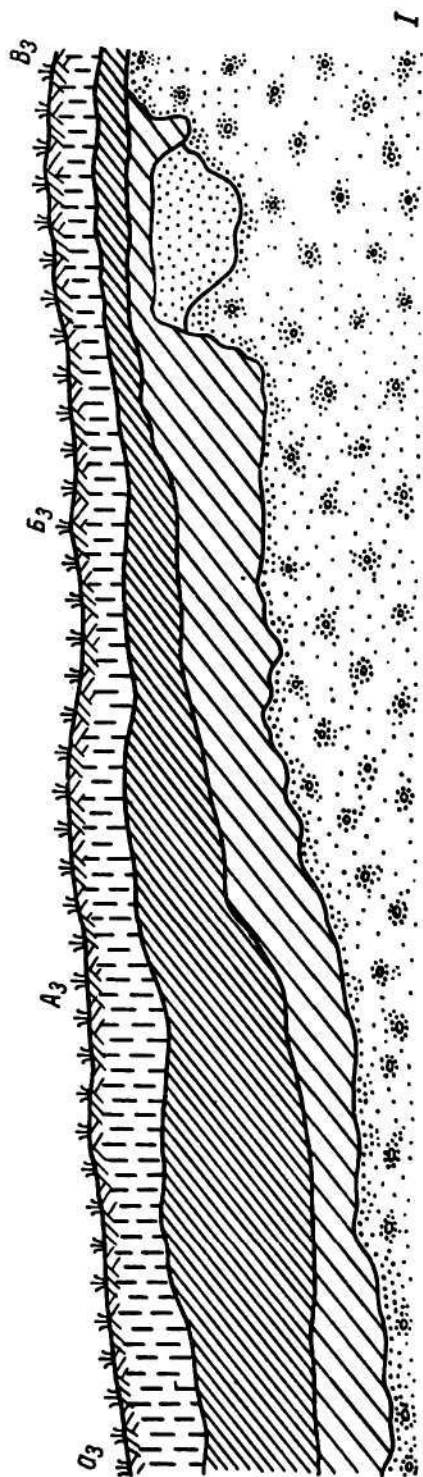
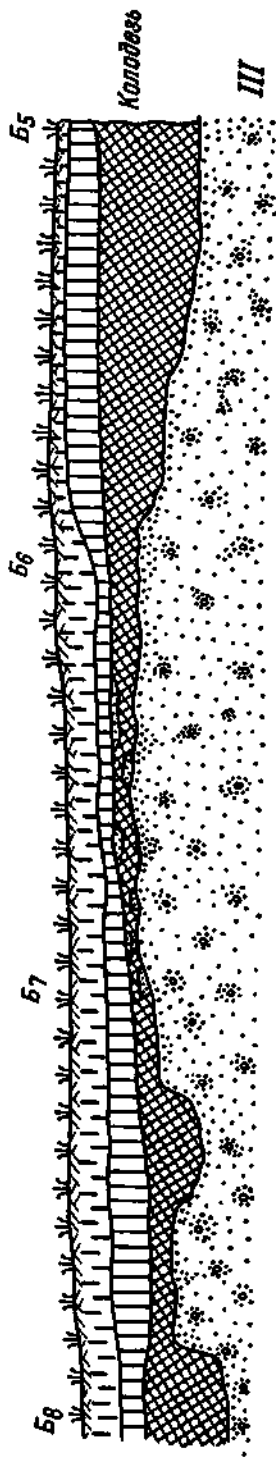
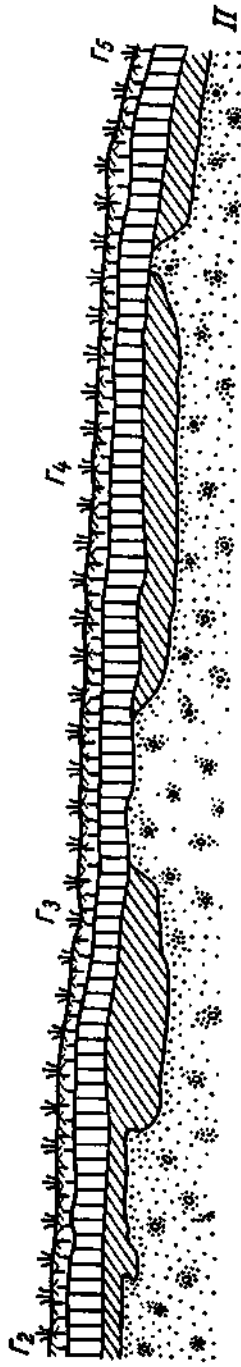
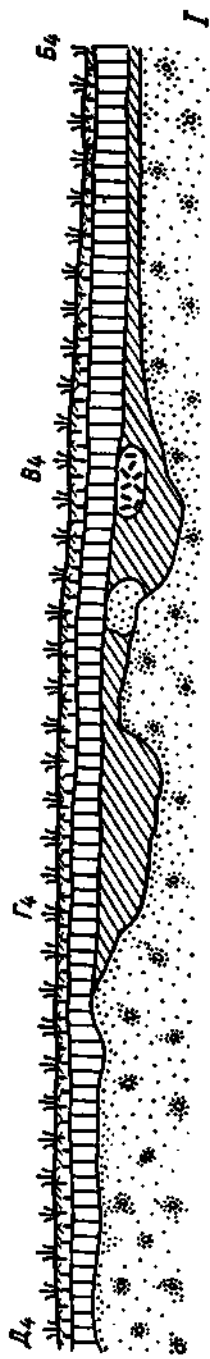

Рис. 7. Характер стратиграфии на поселении Нарва II, раскоп I (I—II).

1 — навал и почвенный слой с дерном; 2 — светлый культурный слой; 3 — темный культурный слой; 4 — глинистый слой; 5 — глинистый слой с песком; 6 — песок.

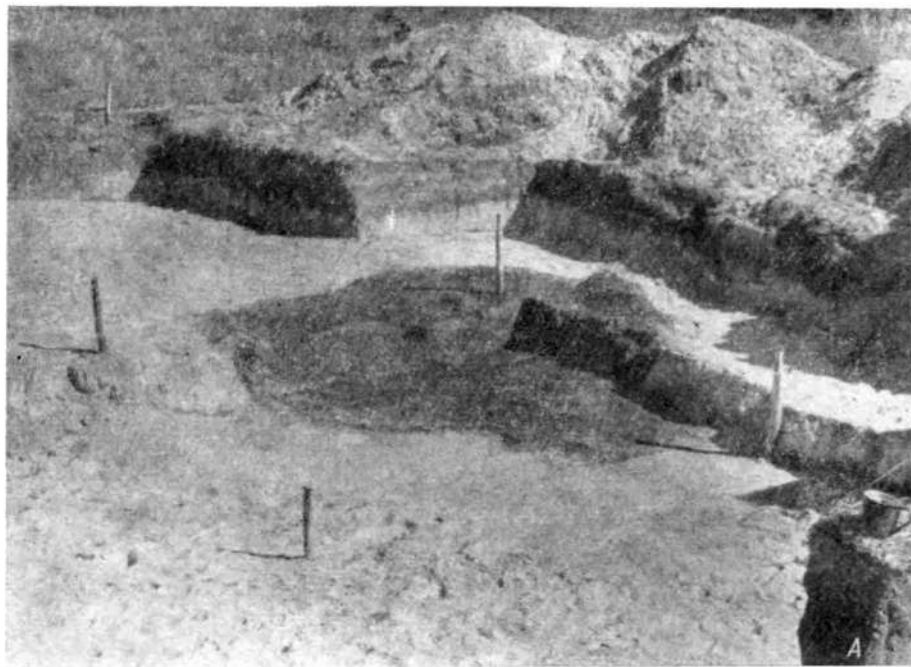

Рис. 9. Очаг на поселении Нарва II.
А, Б, В — последовательность расчистки очага.

Прослеживалось большое скопление керамики и в средней части раскопа I. К сожалению, воронки от снарядов разрушили здесь прилегающее пространство, вследствие чего, по-видимому, уничтожили имевшиеся там комплексы, о наличии которых свидетельствуют большие скопления здесь находок.

Вещественный материал, найденный на поселении, весьма многочислен, однако ко-

сёлка Риги-Кюля и воронки от снарядов военного времени разрушили значительную часть поверхности древнего поселения. К счастью, разрушения затронули не всю площадь, благодаря чему культурный слой местами оказался нетронутым, что позволило сохраниться весьма интересным комплексам. Наиболее хорошо сохранилась полоса, непосредственно примыкающая к дороге, где и был заложен раскоп 1951 г.

Рис. 9 (продолжение).

личество его значительно меньше, нежели на поселении Нарва I; распределение по площади неравномерно. На окраине поселения в южной, северной и в особенности западной стороне находок было мало.

ПОСЕЛЕНИЕ НАРВА I

Центральное место в территориальном отношении и первое по обилию материала занимает поселение Нарва I, наиболее близко расположенное к современному берегу реки. Край этого поселения был отрезан шоссейной дорогой Нарва—Усть-Нарва, однако основная часть памятника сохранилась.

Поселение занимало относительно ровную площадку, вытянутую вдоль реки. Однако фундаменты домов современного по-

За три года раскопок (1951—1953) была вскрыта территория в 388 м², при этом раскопки велись сплошной площадью, ежегодно они являлись продолжением один другого. Благодаря такому приему удалось вскрыть общую картину расположения сооружений на поселении и понять их взаимосвязь (рис. 10).

Стратиграфия, прослеженная на этом памятнике, отличалась от стратиграфии, характерной для всех других нарвских поселений. Культурный слой был значительно большей мощности, чрезвычайно густо насыщен находками, отличался наличием в некоторых местах примеси раковины, а местами скоплением ее, что позволило хорошо сохраниться костному материалу и костяному инвентарю.

Обобщая характер стратиграфии, прослеживаемой на всех основных участках, можно сказать следующее.

На поверхности площадки в большей части поселения прослеживался растительный слой, очень часто нарушенный и перемешанный с песком, являющимся навалом из разрушенных рядом участков. Мощность этого слоя местами доходила до 50 см в отличие от тех квадратов, на которых прослеживались современные ямы, разрушившие в большой мере культурный слой. Такие ямы располагались, например, на участках Г₂—В₂, Г₄—В₄, Ж₇—Ж₈, у пикетов Е₄—Е₅ и др.

Ниже на многих квадратах под этим почвенно-насыпным слоем залегал мешанный песок, полученный, вероятно, в результате нарушения культурного слоя в процессе существования современного поселка. Только на некоторых квадратах культурный слой прослеживался непосредственно под растительным слоем и навалом песка. Мощность мешаного песка не превышала в среднем 20 см и лишь в очень редких случаях (например, у пикета Д₉—Д₁₀) достигала 40 см.

Культурный слой, сильно гумусированный и потому очень темного цвета, имел большую мощность (по сравнению с северными неолитическими поселениями), колеблющуюся в пределах от 40 до 70 см. Исключение составляли квадраты, мощность культурного слоя которых достигала 1, 20 м в связи с наличием здесь жилых сооружений или хозяйственных ям.

В центральной части раскопа темный, гумусированный культурный слой содержал в ряде случаев большую примесь ракушек унго, на некоторых же участках прослеживались значительные скопления их. Следует при этом еще раз подчеркнуть, что такое положение наблюдалось лишь в центральной части поселения, где, как мы увидим далее, располагался комплекс жилого характера — две полуземлянки (жилище № 1 и № 2), тогда как на окраинах поселения примесь раковин была очень незначительной или вовсе отсутствовала.

Так, основная масса культурного слоя, содержащая большое количество примеси раковины унго, прослежена по разрезам Д₅—Д₉, Г₁₁—Д₁₁, Г₃—Г₆, Г₅—В₅, Г₆—Д₆.

Вместе с этим на ряде квадратов в контурах темного, сильно гумусированного культурного слоя наблюдалось залегание

скоплений ракушняка, располагавшегося, как правило, незначительными линзами. Такая линза наблюдалась, например, у пикетов Д₉—Д₈ (рис. 11), где она заполняла небольшую яму, врезанную в материк, и сливалась своей верхней частью с темным культурным слоем, содержащим в свою очередь немного ракушек. Вторая линза ракушняка была вскрыта в культурном слое между пикетами Е₈—Е₉, а третья, значительная по величине, — на квадрате между пикетами Д₉—Д₁₀ также в культурном слое.

Подстилающим слоем на площади всего поселения являлся светло-желтый несортированный дюнный песок, благодаря чему удалось без особого труда проследить контуры основания жилых сооружений и хозяйственных ям, опущенных своей нижней частью в материковый слой.

Как указывалось выше, в центральной части поселения найдены остатки двух жилых сооружений.

Жилище № 1 было прослежено на кв. кв. Е₄—Е₈, Г₄—Г₈. К сожалению, значительная часть его оказалась разрушенной, западная сторона почти полностью уничтожена. Но сохранившаяся половина этого жилища позволяет почти полностью восстановить нижнюю часть, вкопанную в землю (рис. 12, I, II).

Форма жилища округлая, возможно слегка овальная, около 8 м в диаметре. Лучшее всего уцелела юго-восточная четверть жилища. Контуры его отчетливо вырисовывались в нижней части на фоне светлого подстилающего несортированного песка, в который жилище углублялось до 40 см. Культурный слой, заполнявший его, богато насыщенный ракушником, содержал огромное количество находок, среди которых видное место занимали костяные орудия, эпифизы, отпиленные от плюсовых и пястных костей парнокопытных, и распиленные рога лося.

Примерно в центре жилища (в кв. кв. Д₆—Д₇, Е₆—Е₇) располагался очаг, сохранившийся в виде пятна, сильно насыщенного золой и мелкими угольками. Основание очага было выше пола жилища не более чем на 35—40 см.

В непосредственной близости от очага, в восточном крае жилища, также несколько выше его пола (не более 30—35 см) обнаружено погребение взрослого субъекта (рис.

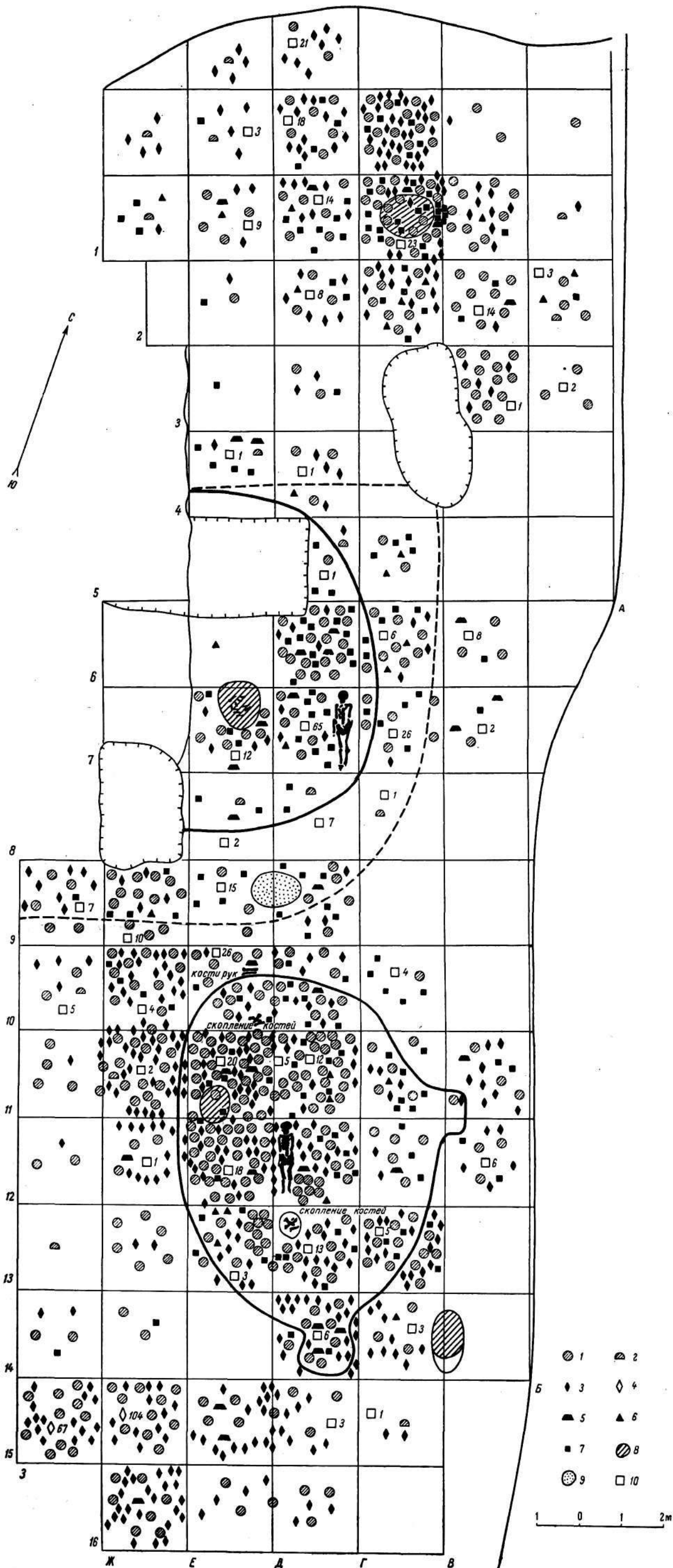

Рис. 10. План поселения Нарва I.

1 — 20 обломков керамики; 2 — 10 обломков керамики; 3 — кремневые орудия и отщепы; 4 — количество кремневых отщепов в скоплениях; 5 — кварцевые орудия; 6 — роговые орудия; 7 — кость со следами обработки; 8 — очажные пятна; 9 — яма с ранушняком; 10 — количество костей со следами обработки.

13, А). Покойник был положен на спину, руки его лежали вдоль туловища, голова слегка повернута вправо, ноги вытянуты. Сохранность костяка относительно хорошая, если не считать некоторого повреждения левой части черепа и лица. Ориентировка костяка головой на север с небольшим отклонением к западу.

В связи с тем что погребение располагалось в культурном слое, интенсивно насы-

угольками. Вблизи жилища наблюдалась большая концентрация находок, в отличие от более отдаленных квадратов, лежащих к востоку от него и представлявших, в известной мере, периферию поселения.

Остатки жилища № 2 прослежены в южной части раскопа. К счастью, оно оказалось наименее потревоженным позднейшими сооружениями; разрушение затронуло лишь самую верхнюю часть, нижняя же поло-

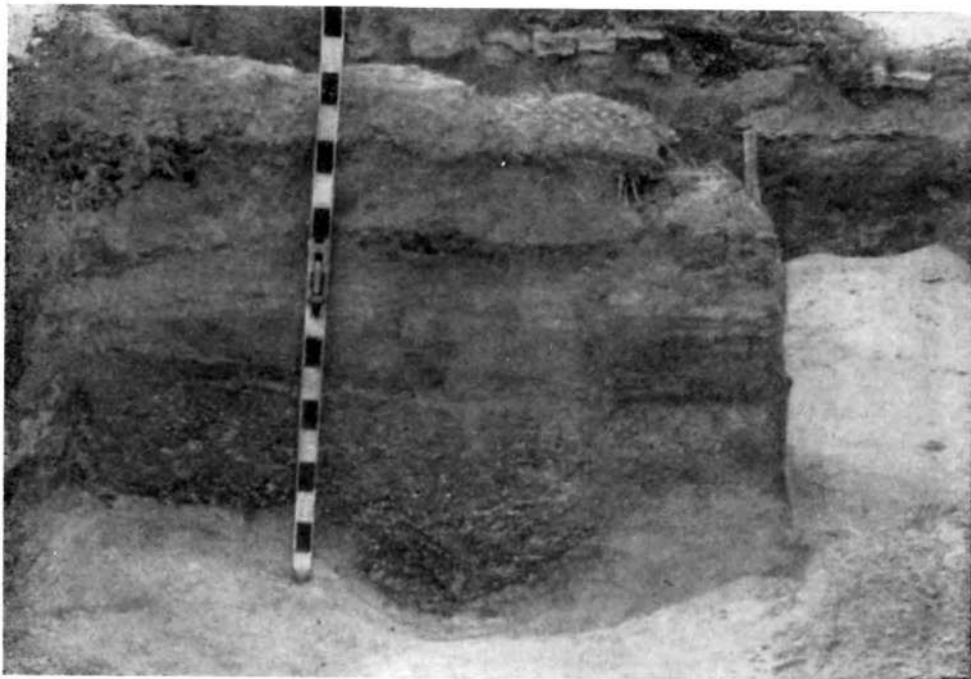

Рис. 11. Яма, заполненная ракушняком.

щенном находками, среди которых видное место занимали фрагменты керамики и орудия, трудно с полной уверенностью связать с погребенным какие-либо из предметов. Во всяком случае это отчетливо не выявлялось.

Входа в это жилище проследить не удалось, по всей вероятности он находился в разрушенной части.

В непосредственной близости от жилища, на квадратах, примыкающих к нему с востока, прослеживалось значительное количество ракушняка, заполняющего культурный слой. К югу же от жилища за пределами его контуров располагался небольшой очаг в виде пятна, округлого в плане, диаметром 1 м, сильно насыщенного золой и мелкими

вина хорошо сохранилась, что позволило произвести в процессе раскопок все необходимые наблюдения.

Перемычки, оставленные в средней части углубления, предоставили возможность видеть, как выклинивался слой по краям углубления и западал в середине. Выяснилось, что размер углубления был достаточно большим (6 × 8 м), а глубина превышала 1.20 м (от нижней границы серовато-желтого мешаного песка, перекрывающего культурный слой).

Продольный разрез, проведенный через жилище, имел следующий характер. Приблизительно на середине между пикетами Д₉—Д₁₀ замечалось резкое падение культур-

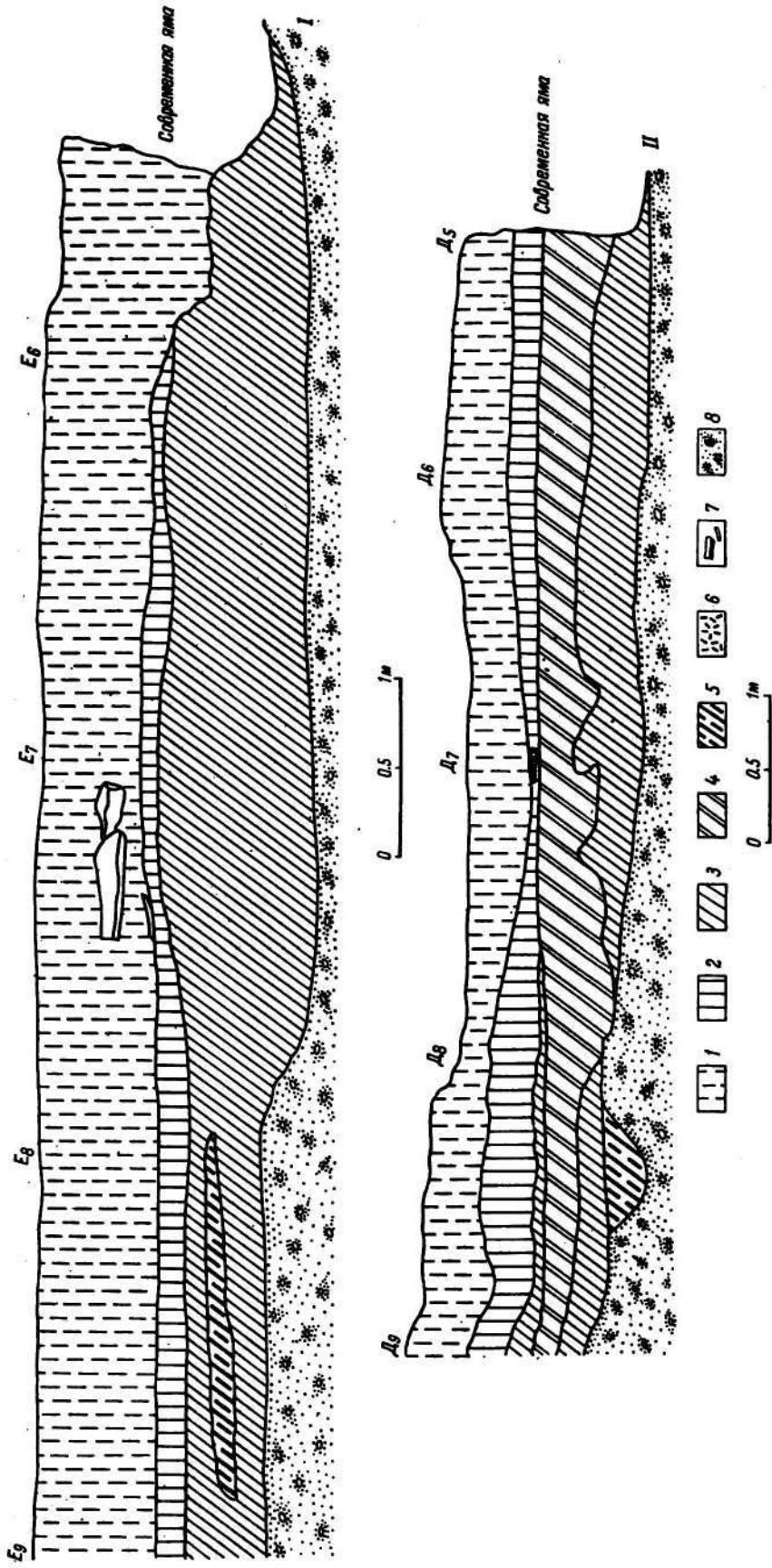

Рис. 12. Разрез жилища № 1 на поселении Нарва I (I, II).

1 — навал и почвенный слой; 2 — серый мешаный слой; 3 — темный культурный слой с ракушками; 4 — культурный слой с ракушками; 5 — ракушки; 6 — очажный слой; 7 — камни; 8 — материк.

ного слоя, который заметно врезался в материковый песок. Это было отчетливо видно в связи с резко различной цветностью культурного слоя темного, гумусированного песка

Приведенный разрез отчетливо отражал архитектурные особенности углубления — сравнительно ровное дно, хорошо выраженную ступенчатость небольшого выступа, ко-

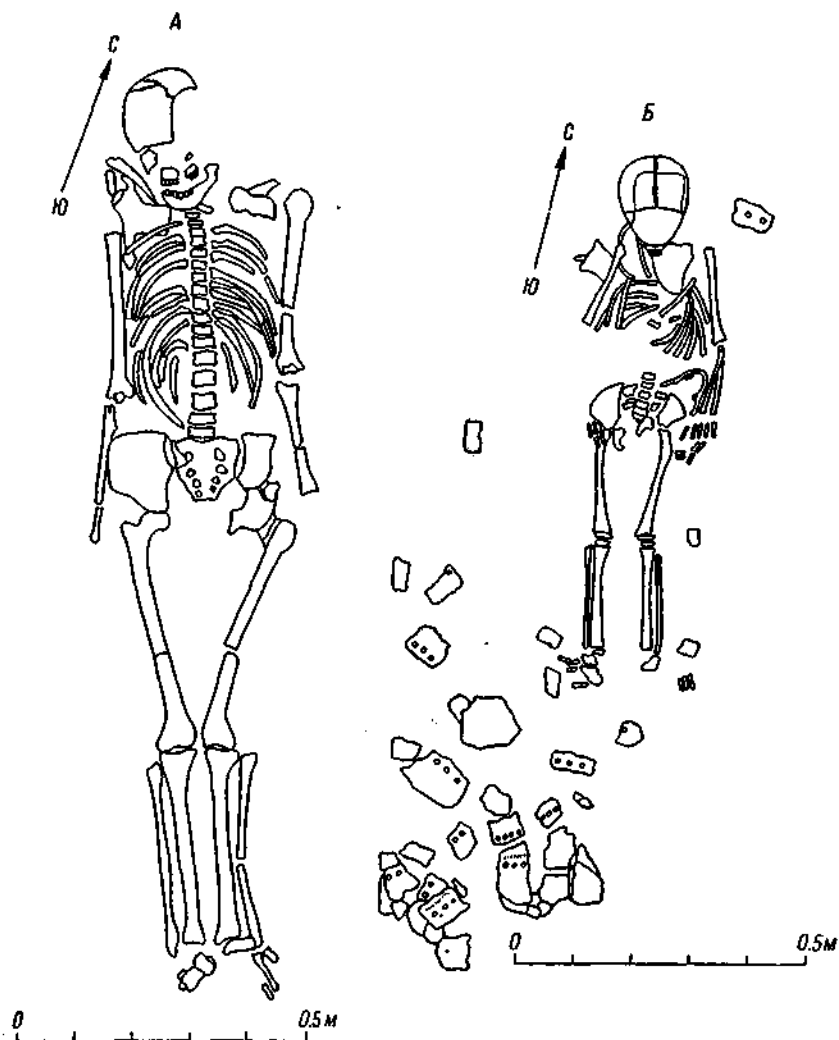

Рис. 13. Погребения на поселении Нарва I.

А — в контурах жилища № 1; Б — в контурах жилища № 2.

и подстилающего его светло-желтого материка (рис. 14, Б).

По мере удаления от пикета Д₉ к пикету Д₁₀ культурный слой незначительно падал, но от пикета Д₁₀ вплоть до пикета Д₁₃ на протяжении 6 м шел почти совершенно ровно. Затем (в 75 см) от пикета Д₁₃ до пикета Д₁₄ культурный слой поднимался и потом снова выравнивался, чтобы резко подняться вверх у пикета Д₁₄.

торый, возможно, служил нишей или вторым входом, и слегка покатую противоположную стенку землянки. Здесь у пикетов Д₁₀—Д₉ прослеживалось много примеси к культурному слою раковины, залегавшей небольшой линзой.

Поперечный разрез углубления по линии пикетов Б₁₁—З₁₁ (рис. 14, А) дал приблизительно такую же картину, с той лишь разницей, что величина углубления здесь

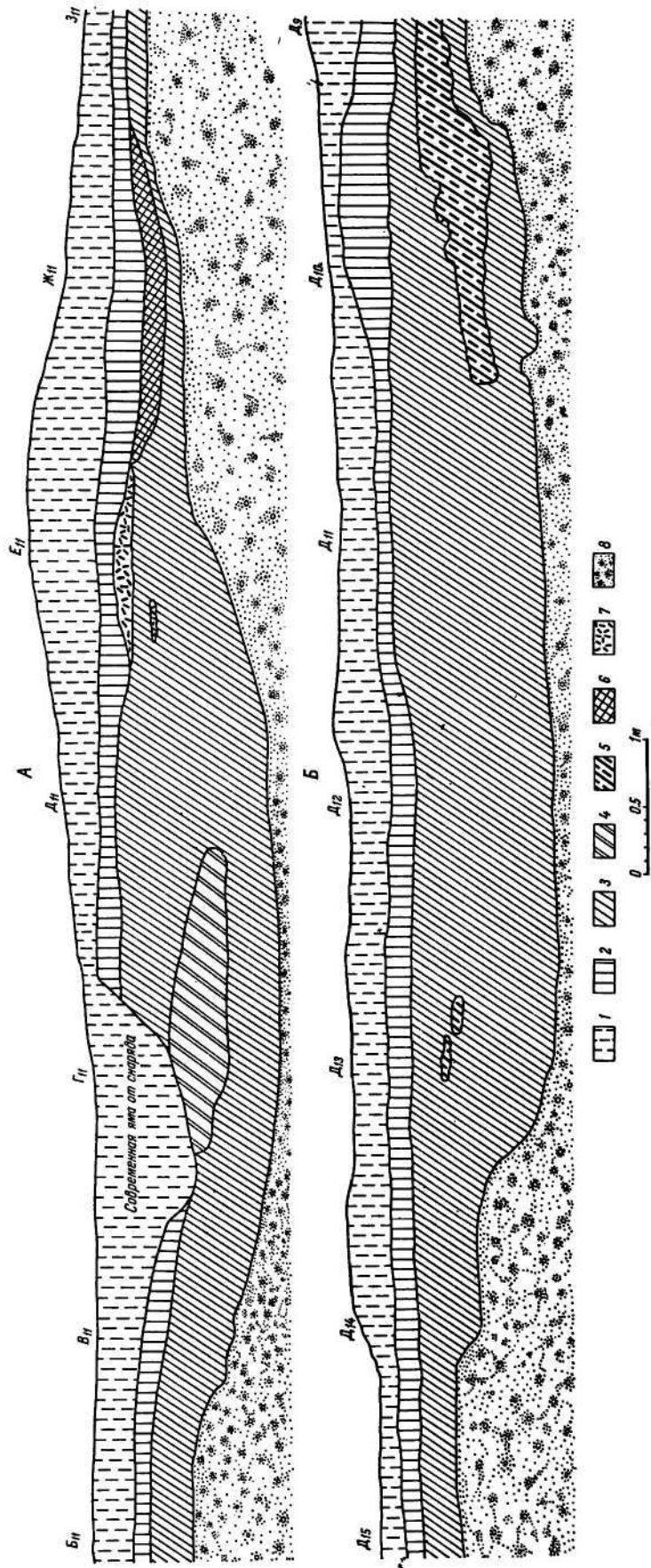

Рис. 14. Поперечный (А) и продольный (Б) разрезы через жилище № 2 на поселении Нарва I. I — навал и почвенный слой; 2 — серый мешаный слой; 3 — темный культурный слой; 4 — культурный слой с ракушняком; 5 — ракушняк; 6 — культурный коричневый слой; 7 — очажный слой; 8 — материк.

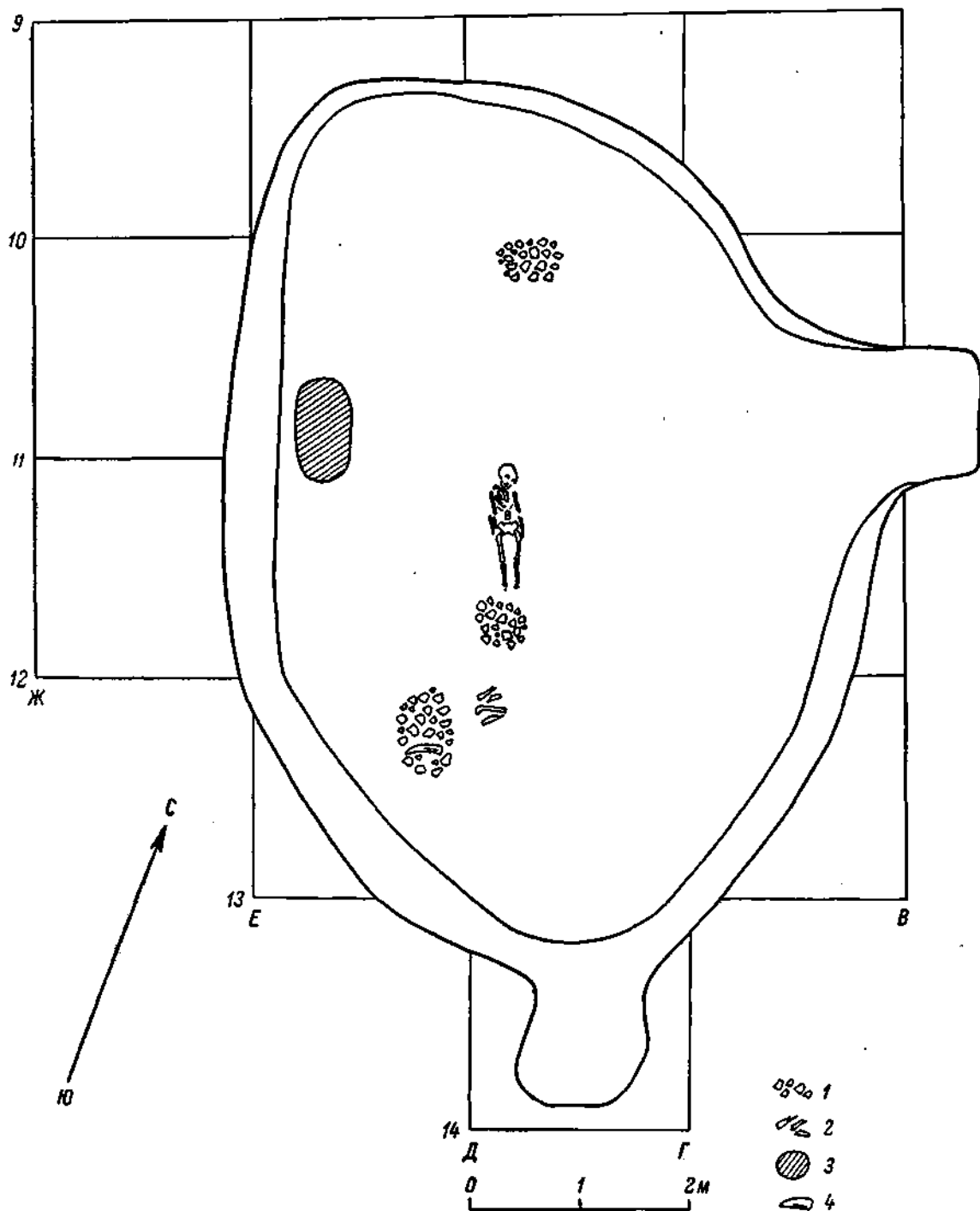

Рис. 15. План жилища № 2.

— скопления керамики; 2 — скопления костей; 3 — очажное плито; 4 — рог.

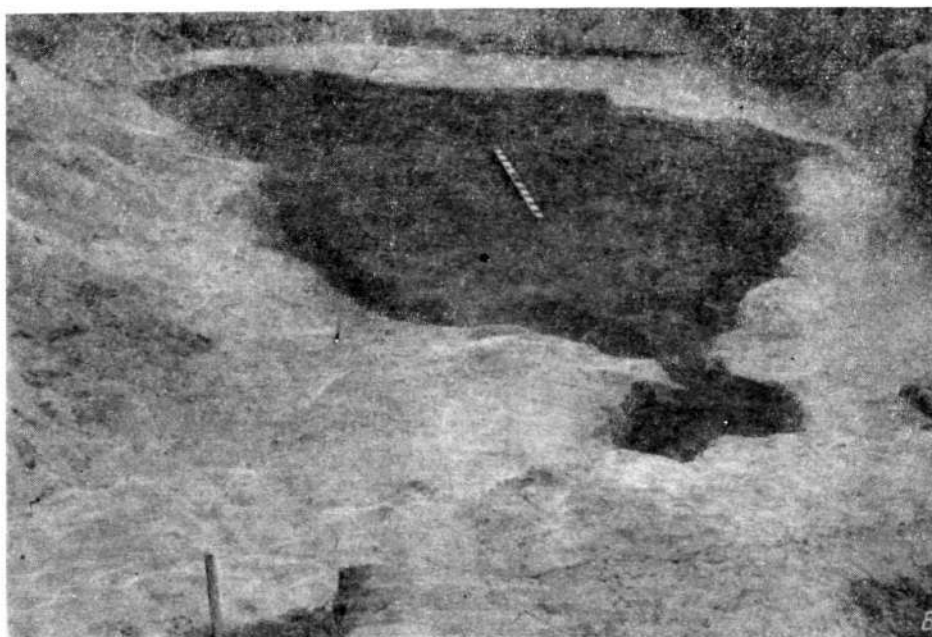
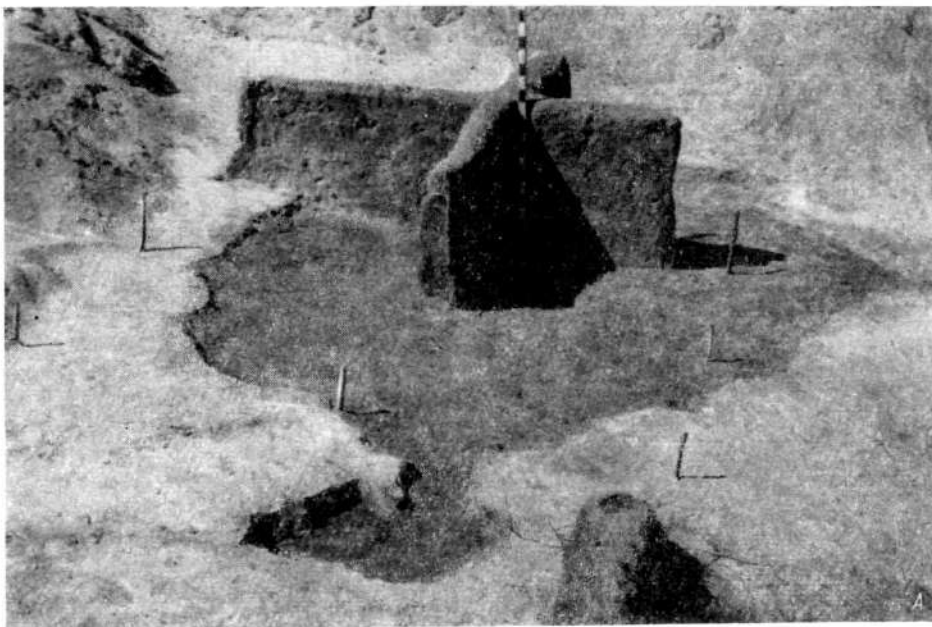

Рис. 16. План жилища № 2 в момент расчистки (А) и после расчистки (В).

была значительно меньшей. Понижение культурного слоя и врезание его в материковый светлый песок началось несколько ранее пикета Е₁₁. Он сначала плавно углублялся, затем от Д₁₁ до Г₁₁ шел более или менее ровно, затем плавно повышался до В₁₁, после чего выравнивался и переходил в культурный слой обычной мощности.

После окончательной выборки культурного слоя на светлом подстилающем песке ясно обрисовались контуры жилища № 2 по полу. Оно имело неправильно овальную форму. К востоку, в сторону реки, отчетливо прослеживался вход в жилище в виде небольшого выступа подчетыреугольных очертаний, а в южной части — небольшой выступ неправильной формы — ниша, вырытая в полу (рис. 15; 16, А, Б).

Ближе к западной стенке располагался очаг, так же как и в первом жилище залегающий несколько выше уровня пола. Он представлял собой пятно овальной формы, диаметром около 1 м, состоящее из зольного слоя, сильно насыщенного мельчайшими угольками.

В заполнении очага и в непосредственной близости от него — в контурах углубления и на квадратах, примыкающих к его северо-западной стенке, встречено большое количество фрагментов сосудов, костяные орудия и кости со следами обработки. За пределами жилища находки заметно редели, а на некоторых крайних квадратах совсем исчезали.

В центральной части жилища в контурах культурного слоя, но так же как и в первой землянке, несколько выше уровня пола обнаружено погребение ребенка. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на север с небольшим отклонением на запад. Кости залежали в полном анатомическом порядке. Сравнительно хорошо сохранился, в частности, череп. Лишь у правой руки отсутствовало предплечье (по-видимому, оно было стронуту грызунами), однако фаланги оказались на месте.

Нахождение костяка в толще слоя, сильно насыщенного различными культурными остатками, не позволяет со всей категоричностью утверждать о связи каких-либо предметов с погребенным. Среди массы окружающих его орудий мы выделяем, до некоторой степени условно, те из них, которые могли входить в погребальный инвентарь,

например скопление фрагментов сосуда, лежащего в ногах покойника, однако на 20—25 см ниже уровня его залегания (рис. 13, Б; 17). Не исключена также возможность, что и небольшой кремневый скребок, находящийся вблизи руки погребенного, был специально положен с ним.

Рис. 17. Погребение ребенка в контурах жилища № 2 на поселении Нарва I.

Совершенно аналогичные условия залегания погребенных в контурах жилищ, расположение их несколько выше пола, вблизи очагов, одинаковая ориентировка и положение костяков не оставляют сомнений в преднамеренности и относительной одновременности их захоронения.

По всей вероятности, их следует связывать или с последним этапом существования жилищ, или допустить возможность несколько более позднего захоронения покойников. Существенно отметить

при этом наличие раздавленного сосуда, залетающего несколько ниже ног детского люстяка и, очень возможно, связанного с ним.

Крупный, достаточно толстостенный, с большим количеством введенной в тесто органической примеси, с сильными расчесами на внешней и внутренней поверхности, с утолщенным краем, орнаментированный длинным двойным гребенчатым штампом, сочетающимся с глубокими ямками, сосуд принадлежит к отчетливо выраженной гибридной керамике, сочетавшей в себе элементы нарвской и гребенчато-ямочной.

Южнее ног детского захоронения на той же высоте встречена человеческая кость. Помимо того, несколько обломков разрозненных человеческих костей обнаружены и в других частях поселения, за пределами жилищ.

Вне контуров второй землянки, к юго-востоку от нее располагался небольшой очаг открытого типа, представляющий собой зольное пятно овальных очертаний (размером 1.5×0.75 м) со значительной примесью мельчайших угольков.

Как уже указывалось выше, в заполнении жилищ культурный слой был чрезвычайно густо насыщен находками. За пределами их, помимо упомянутых ранее квадратов, расположенных к северо-западу (D_9 — J_9 , E_{11} — J_{11}), сильно насыщенные находками оказались участки, примыкающие к юго-восточной стенке жилища (B_{12} — B_{14} , I'_{12} — I'_{14}), вблизи одного из которых располагался указанный выше очаг открытого типа. Помимо того, значительное количество находок прослеживалось по обе стороны входа в землянку на кв. кв. B_{10} — B_{12} , B_{10} — B_{12} .

Глава II

ИНВЕНТАРЬ И КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЙ НАРВА III, НАРВА II И НАРВА I

ПОСЕЛЕНИЕ НАРВА III

Из всего материала поселения Нарва III несомненно наибольший интерес представляет глиняная посуда, поскольку на основании именно этого памятника и была выделена «керамика нарвского типа», привлекающая к себе в настоящее время пристальное внимание археологов.

Общее количество фрагментов сосудов не очень велико (1491 экз.), что находится в соответствии с раскопанной площадью.

Приступая к рассмотрению керамического материала Нарва III (рис. 18—23), имеющего общие черты с керамикой довольно широкой территории (Эстония, Латвия, Ленинградская область и др.), мы должны предупредить, что столкнемся с заметным разнообразием ее не только на соседних или более далеких памятниках, но и внутри одного поселения. И прежде всего примером такого разнообразия является керамика самой стоянки Нарва III.

Отмечая те или иные черты, нельзя не оговориться, что встречаются сосуды и иного типа. Это в большей мере относится к каждому поселению, будет ли оно на территории Эстонии или Латвии. Однако такое положение не должно пониматься как отрицание наличия общих черт вообще (об этом см. гл. IV).

Обратимся к объективному освещению керамического материала Нарва III как исходного для понимания керамики «нарвского типа». Примесь к глине во всех случаях органическая, преимущественно раковина (возможно, унго или перловица). В большинстве фрагментов количество ее весьма значительно. Чаще она очень мелко

раздроблена, реже — встречаются довольно крупные пластинки преимущественно округлых очертаний. Иногда от нее сохранились лишь следы в виде небольших углублений, заметных как с внешней, так и с внутренней стороны. В отдельных случаях примесь совершенно не улавливается, хотя легкость черепка свидетельствует о том, что она была органической. В этом случае черепок в изломе не дает пористости, а представляет собой очень компактную массу. Примеси песка к глине не наблюдается. От количества и состава примеси зависит внешняя и внутренняя поверхность черепка. Градусы здесь настолько велики, что трудно поверить вначале, что такая керамика совмещается в пределах одного поселения и относится к одной хронологической эпохе.

Сила обжига также, по-видимому, различна. Основную массу составляют черепки желтого и сероватого цвета, но различного оттенка, от сравнительно светлого до темного, иногда темно-серого и почти черного. Нередко в пределах одного черепка наблюдается известная разноцветность, обусловленная, по всей вероятности, неравномерностью обжига. Впечатление слабости обжига, возможно, происходит вследствие того, что органическая примесь придает черепку определенную рыхлость. Отличительной особенностью керамики нарвского типа является обработка внешней и внутренней поверхности глубокими штрихами, имеющими различное направление и преимущественно собранными в группы, расположенные под углом друг к другу и нередко пересекающиеся. На ряде фрагментов довольно широкие и глубокие штрихи, по-видимому, нанесенные крупным гребенчатым штампом.

создают впечатление узора. Количество такой керамики с расчесами составляет значительный процент по отношению ко всей остальной массе черепков (рис. 18, 1—17; 19, 1—8, 10—15; 20, 1—11).

Казалось бы, прямой противоположностью такому типу сосудов является другая группа черепков с совершенно гладкой поверхностью, значительно меньшая по количеству, однако присутствующая и на других памятниках, содержащих керамику нарвского типа. Так же как и у нас, она встречается там в очень небольшом количестве. Исключением являются Приладожские стоянки Иностранцева, где такая керамика является единственной, составляющей комплекс керамики нарвского типа.

Гладкостенная керамика в Нарве III представлена черепками не более чем от трех сосудов (рис. 19, 9). Тесто их настолько плотно, что характер примеси проследить не удастся, однако, по всей вероятности, она была неорганической, о чем свидетельствует вес черепка. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов сильно сглажена, по-видимому жидкой глиной, или получена в результате того, что само сглаживание производилось по мокрой еще поверхности глиняного сосуда. Только с внутренней стороны наблюдаются очень мелкие, но широкие бороздки, полученные, возможно, при заглаживании мест стыка глиняных лепт, в результате чего образовались как бы каннелюры. Однако в целом поверхность таких сосудов гладкая.

Среди этой группы встречаются сосуды, содержащие растительную примесь, на что указывает легкость их и наличие небольших пустот округлых очертаний, заметных как с внешней, так и с внутренней стороны.

Прослеживается большое число и таких сосудов, которые занимают промежуточное положение между сосудами с расчесами и гладкостенными — поверхность их обработана также штрихами, но значительно менее резкими по сравнению с сосудами первой группы.

Толщина стенок в подавляющем большинстве 6—7 мм, но в очень редких случаях встречаются сосуды с толщиной стенок 4 мм. Кроме того, хотя и нечасто, но все же попадаются черепки, толщина которых приближается к 13 мм. Как правило, такие толстостенные сосуды имеют значительное количество растительной примеси, введенной

в некоторых случаях в виде каких-то крупных кусочков. Иногда это, по-видимому, раковина, которая, однако, полностью выгорела при обжиге. Внешняя поверхность их покрыта расчесами.

О форме говорить несколько затруднительно, поскольку нет возможности полностью восстановить сосуды. Суждение приходится основывать на сохранившихся краях и днищах.

Отличительной особенностью всех сосудов является наличие прямого края, полностью соответствующего направлению и толщине стенок. При этом бережок его в большей или меньшей степени округлый. Отклонением от этого правила является значительная группа сосудов, края которых не имеют столь правильной линии, единой с линией стенки. Оставаясь столь же тонкими, они незначительно скошены внутрь, и только в двух случаях несколько утолщены. Следует при этом заметить, что на стоянках с нарвской керамикой, расположенных на территории Эстонии и Латвии, край, скошенный внутрь или чуть отогнутый наружу, встречается гораздо чаще; вместе с тем в керамике приладожских стоянок он полностью отсутствует.

Днище сосудов во всех случаях, когда это удастся уловить, коническое (рис. 18, 10; 20, 11). Однако форма его и степень остроты различны. Наиболее резко оттянуто днище одного из сосудов (рис. 20, 11), вследствие чего толщина его в самой средней части достигает 4 см. Кверху оно очень сильно расширяется, и на высоте 5 см толщина равняется всего лишь 1 см. Такого типа днища, столь же толстые в нижней части, но менее оттянутые, имеются и в других стоянках с нарвской керамикой (Кяапа, Оса и др.). Днища другого типа значительно более пологие, в самой нижней части округлые, чашеобразной формы; при этом они не имеют столь сильного утолщения, как в первом случае (рис. 20, 10). Оба типа днищ сохранили следы сглаженности, имеющие горизонтальное направление.

Общей чертой, сближающей нашу керамику с керамикой аналогичных стоянок Прибалтики, является наличие отверстий, просверленных по сухой или сильно подсушенной глине. Можно только удивляться, как устойчива эта деталь. Отверстия эти бывают различного диаметра, располагаясь преимущественно в верхней части сосудов. То,

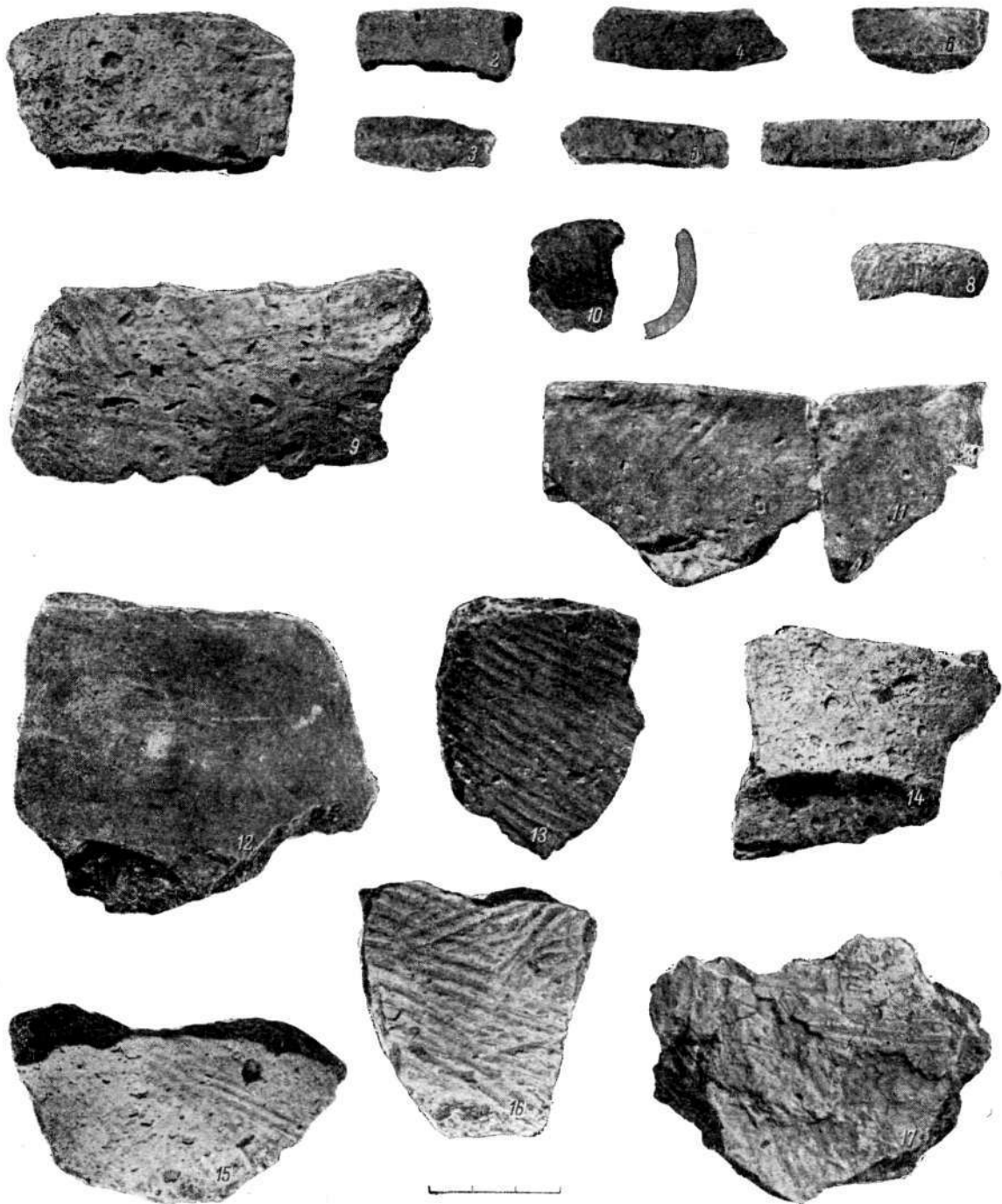

Рис. 18. Керамика поселения Нарва III (1—17).

что ряд из них просверлен именно по сухой глине или после того, как данный сосуд был уже обожжен, свидетельствуют концентрические круги, прослеживаемые внутри отверстия и образованные в результате работы сверла. При этом во всех, теперь уже многих десятках, случаях, имеющих место в керамике побережья Нарвы, Приладожья и Прибалтики, они неизменно нанесены с внешней стороны сосуда. Здесь отверстие имеет гораздо более широкий диаметр (1,5 см), тогда как с внутренней стороны он равен всего лишь 5 мм.

Назначение этих отверстий, так устойчиво связанных с керамикой нарвского типа, не совсем ясно. Вероятнее всего их следует объяснять потребностью починки сосудов. Об этом свидетельствует один из фрагментов, найденный в стоянке Нарва (город). По всей вероятности, щель треснувшего сосуда была предварительно смазана смолой, следы от которой прослеживаются очень ясно по краю трещины. Такой случай не является единственным.

Особого внимания заслуживает техника изготовления сосудов. С одной стороны, она отличается оригинальностью, которая, что очень существенно, проявляется почти во всех памятниках, содержащих керамику этого рода, с другой — неустойчивостью или неоднотипностью. Лепка сосудов в Нарве III производилась двумя способами. Один, достаточно типичный для ямочно-гребенчатой керамики, способ изготовления сосудов из широких или более узких лент, заходящих одна на другую так, что края обеих лент, прижимаясь, становились более тонкими и в месте подлепа давали такую же толщину, как и весь остальной сосуд. Ширина лент на сосудах, вылепленных таким способом, не была значительной, в большинстве случаев она не превышала 5 см. В месте соединения лент они делались заметно тоньше, а к краю плавно или более резко сходили на нет. Количество фрагментов со следами стыков лент довольно значительно.

Вторым способом, более существенным для нас, является лепка сосудов весьма оригинальным, мало распространенным способом, не встречающимся, за редчайшим исключением, в керамике ямочно-гребенчатого типа. Именно наличие этой весьма оригинальной техники служит основанием для выделения в ряде случаев керамики нарвского типа.

Сущность этого приема заключается в том, что наращивание сосуда хотя и производится с помощью лент, но последние не подлепляются друг к другу, а налепляются друг на друга, соприкасаясь лишь по горизонтали. При таком положении ленты в разрезе не имеют скоса под небольшим углом, как в первом случае. Один конец их выпуклый, округлый, чрезвычайно похож на край сосуда, а противоположный имеет вогнутость, поскольку одна лента как бы вдвигается в другую (рис. 18, 2—8; 20, 8).

В силу того что площадь стыка двух лент при таком способе очень незначительна, ширина их небольшая, не более 5 см, чаще же уже, особенно к краю, где она нередко едва достигает 1,5 см, а иногда и не более 1 см. Такая ширина глиняных лент очень устойчива не только для сосудов нашего поселения, но наблюдается и на других памятниках с этим типом керамики. Оригинальность этой техники лепки сосудов позволяет с большим основанием производить сопоставление памятников очерченной зоны.

Орнаментация сосудов также резко отлична по стилю от орнаментации обычных ямочно-гребенчатых. Для последних наиболее характерными являются следующие черты: строгая зональность узора, нарядность и сложность его, полученная, впрочем, лишь благодаря разнообразию сочетания друг с другом немногочисленных элементов, расположение узора равномерно по всей площади сосуда и выделение верхней части лишь за счет обычной оформлять ее с особой тщательностью. Сама орнаментация края подчеркивает форму сосуда. Это же относится в полной мере и к днищу. Узор обычно располагается таким образом, что с особой силой оттеняется форма дна. Часто оно украшается концентрическими кругами, а в самом центре помещается одна точка-ямка.

В керамике нарвского типа все обстоит иначе. Прежде всего следует отметить исключительную бедность орнаментации. Подавляющее большинство сосудов вовсе лишено украшений. Из 1491 фрагмента орнаментировано только 8%, тогда как вообще без орнамента насчитывается 92%. В последнем случае на внешней стороне сосуда отчетливо заметны следы от выгоревшей примеси и от заглаживания глины — расчесы. Когда сосуд орнаментирован, узор, покрывающий его, чрезвычайно беден. Во

Рис. 19. Керамика поселения Нарва III (1—15).

всех случаях он очень поверхностный¹ и не имеет строгой разработанности. Почти каждый сосуд обладает индивидуальными особенностями орнамента, редко повторяющимися на других экземплярах.

Отличительной чертой сосудов Нарва III, как, впрочем, и большинства керамики нарвского типа, является преимущественная сосредоточенность орнамента в верхней части, иногда только по самому бортику. Лишь в редких случаях орнамент спускается до средней части, а на дне отсутствует вовсе.²

В большинстве случаев срез края сосуда не орнаментирован (приблизительно в 6 случаях из 10), что, возможно, объясняется его формой — обычно он тонкий, округлый или слегка скошен внутрь. В тех же немногих случаях, когда на срезе края присутствует орнамент, он состоит из оттисков округлой формы короткого гребенчатого штампа, создающего впечатление небольших правильной формы ямок, или из косых отпечатков тончайшей гребенки.

Все элементы орнамента можно свести к весьма короткому перечню: 1) ямочные вдавления округлых или подчетырехугольных очертаний, как правило, очень мелкие (рис. 21, 7, 9—12; 22, 1—8, 10), 2) слабые отпечатки гребенки прямой и короткой, в подавляющем большинстве случаев очень тонкой (рис. 22, 11, 16, 23), реже крупной (рис. 23, 4, 6, 7), 3) нарезные линии очень тонкие, серповидной формы или прямые, узкие (рис. 21, 1—6), или более широкие (рис. 22, 12, 21), 4) прочие элементы орнамента: особой формы штамп, состоящий как бы из двух коротких палочек, и круглые маленькие ямочки с двумя усиками каждая (рис. 21, 13).

Из этих более чем ограниченных элементов слагаются следующие узоры: а) горизонтальные ряды (один, два, реже несколько) из нарезок, удлиненных или округлых ямок, отпечатков короткой и тонкой гребенки; они располагаются обычно в верхней части сосуда параллельно его краю; б) простейший зигзаг из ритмического чередования линий, нанесенных под углом

друг к другу, иногда заходящих концами одна на другую в результате как бы легкого покачивания штампа в момент нанесения узора, — «шагающая гребенка»; в) ленты, нанесенные по диагонали к краю сосуда, выполненные параллельными отпечатками гребенчатого штампа, — случаи в полной мере единичные.

Частым элементом узора являются ямки подчетырехугольных очертаний, в большей или меньшей степени удлиненные, слагающие горизонтальные ряды. Этот узор наиболее характерен для многих стоянок нарвского типа (Кяла, Оса и др.). Значительный интерес в плане сопоставления керамики нарвского типа с керамикой других районов представляют сосуды, украшенные узором из шагающей гребенки. Особенно показателен один, на котором узор выполнен очень четкой слегка изогнутой гребенкой. Благодаря тому, что концы оттисков штампа соединены между собой, получена сплошная непрерывная широкая полоса (рис. 23, 3).

Второй сосуд украшает хотя и шагающая, однако весьма неотчетливая гребенка. Поверхностные отпечатки ее, образующие горизонтальные пояса, так близко поставлены друг к другу, что с трудом можно уловить их покачивание. Узор этот иногда дополняется столь же слабыми оттисками горизонтально положенной гребенки, соприкасающимися друг с другом (рис. 22, 20, 22, 24; 23, 1, 2, 9).

Следует отметить также фрагменты, украшенные тонкими изогнутыми нарезками, и в особенности один с узором, нанесенным весьма оригинальным штампом — с одной углубленной стороной, перпендикулярно которой располагаются короткие черточки, в результате чего отпечатки по форме напоминают букву Е (рис. 21, 17—20). При этом штамп не отрывается от стенки сосуда, как в верхней части его, а слегка протаскивается. Сама композиция также весьма необычна: срез края украшают короткие слабые отпечатки штампа подтреугольной формы. По венчику располагается полоса из двойного ряда мелкого штампа, затем второй пояс из двойных отпечатков того же протянутого штампа, образующего косые линии. Следует при этом заметить, что поверхность сосуда имеет слабые расчесы, но очень тщательно заглаженные хорошо смоченной глиной, и оттого она как бы залощена.

¹ За исключением 49 черепков с гребенчато-ямочным орнаментом, типичным для прибалтийской культуры.

² За исключением специфических сосудов в форме лодочек, нижняя часть которых нередко имеет богатый узор.

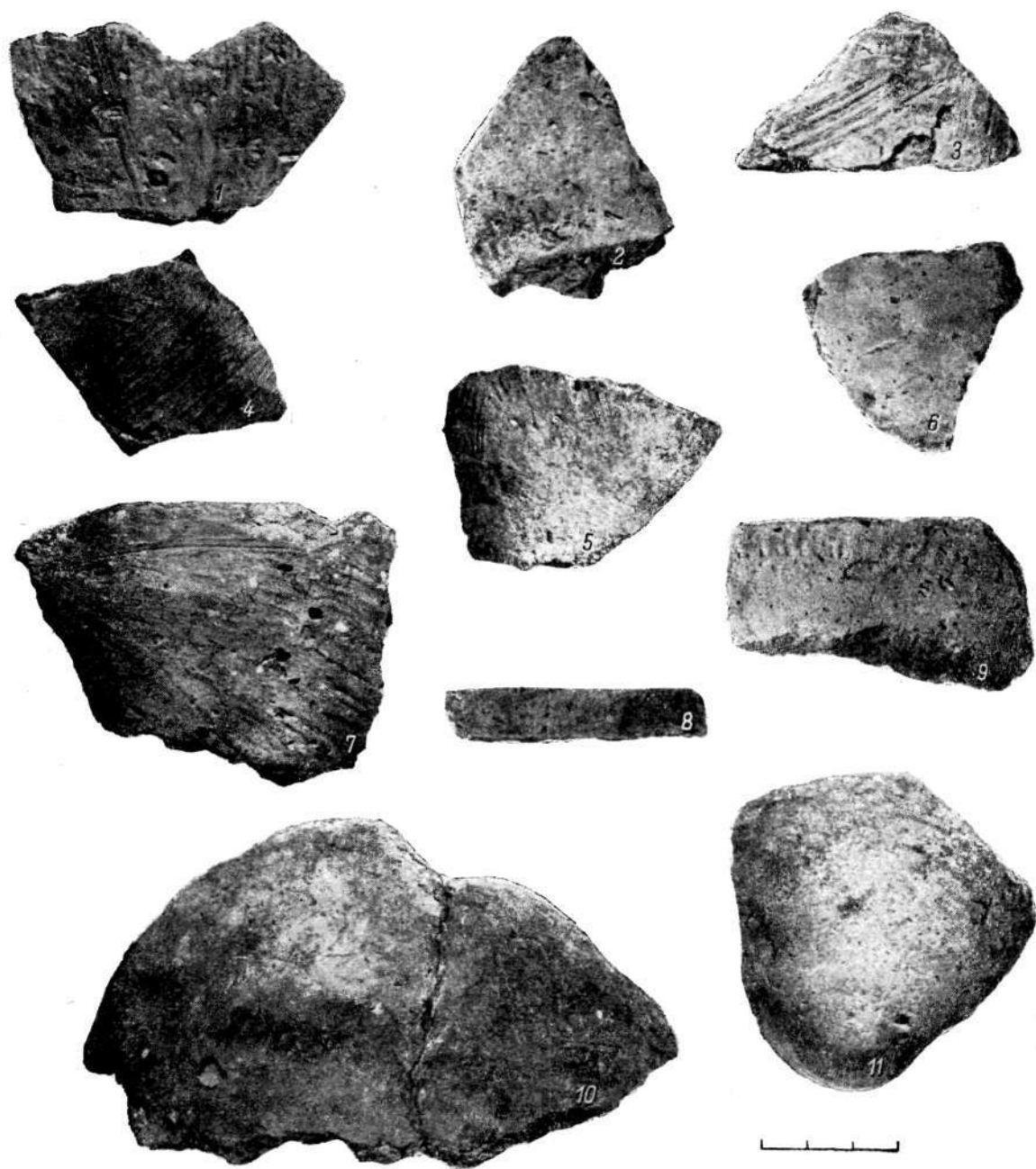

Рис. 20. Керамика поселения Нарва III (1—11).

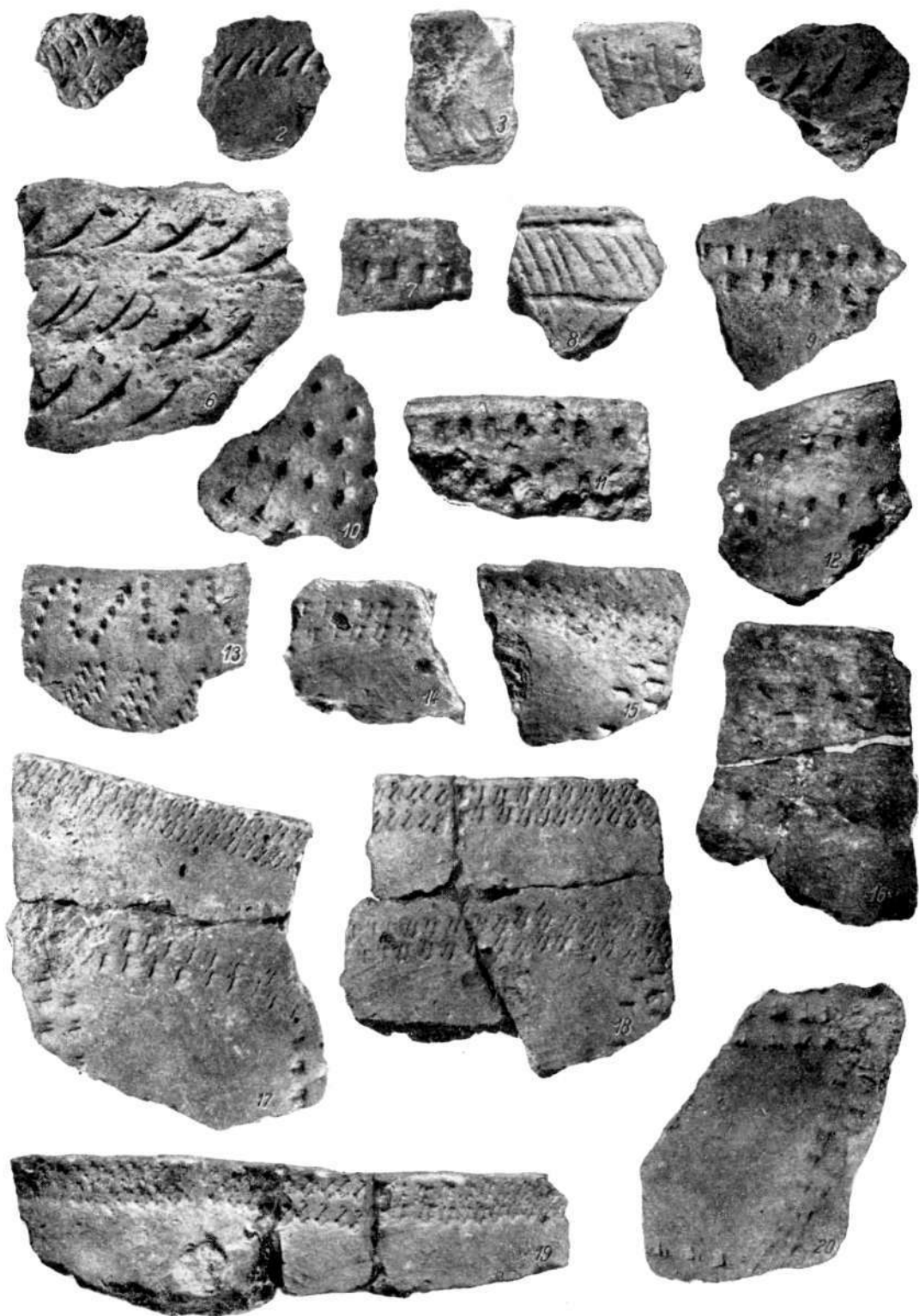

Рис. 21. Керамика поселения Нарва III (1—20).

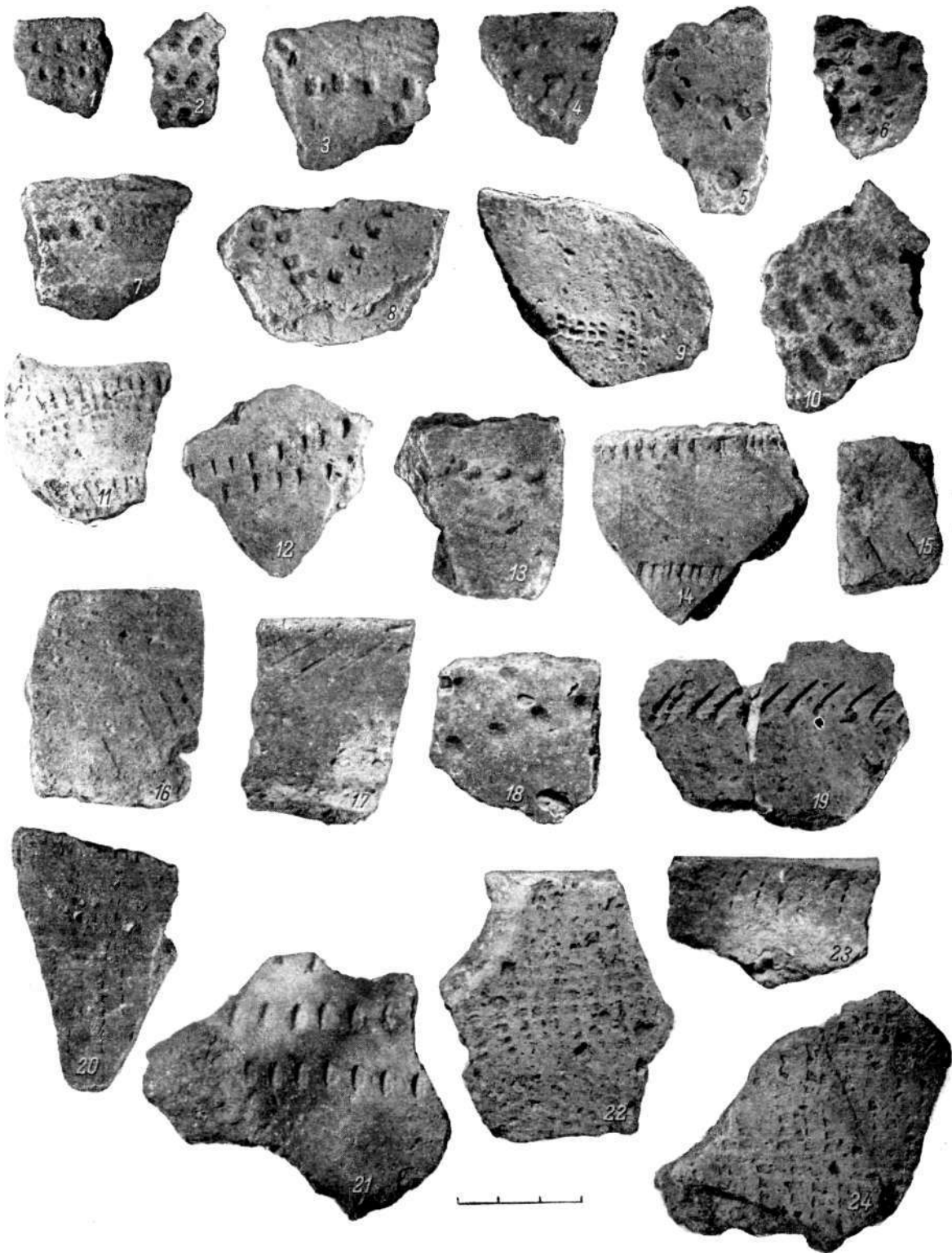

Рис. 22. Керамика поселения Нарва III (1-24).

Особую, численно незначительную группу в поселении Нарва III составляет керамика, относящаяся к гребенчато-ямочному типу. Общее количество фрагментов 49 (не более чем от 4 сосудов). Отличительные особенности их по сравнению с прочей массой керамики Нарва III можно свести к следующему: 1) большая толстостенность (равная 1 см), 2) отсутствие раковины, примешанной к глине; лишь на части черепков заметна какая-то полностью выгоревшая органическая примесь, придающая им легкость. Основная же масса черепков имеет обильную примесь мелкого кварцитового песка, типичную для гребенчато-ямочных сосудов этой области. Обжиг их сильный. Вся внешняя поверхность сплошь покрыта рельефным орнаментом, который не оставляет свободного поля, за исключением небольших промежутков между ямками. Следует при этом заметить, что часто ямки нанесены не по мокрой, а по сильно подсушенной глине, о чем свидетельствует их четкость и образовавшиеся закраины (рис. 23, 11, 13—15).

Чрезвычайно однообразный орнамент состоит из чередования крупных или более мелких, чаще всего овальных, за редким исключением круглых, ямок нередко расплывчатых очертаний, иногда нанесенных концом довольно длинной и крупной гребенки. Полосы из ямок и гребенки, расположенные горизонтально, смеяют друг друга. Лишь в одном случае мелкая гребенка создает клетку.

Очень существенно, что все эти сосуды сосредоточены в одной — северной — части раскопа, пограничной с поселением Нарва I.

Глиняные изделия Нарвы III, кроме сосудов, представлены также стерженьками небольшой величины, округлыми в сечении, с заостренным концом. В качестве примеси к глине в них использовано растительное вещество; обжиг достаточно сильный. Назначение данных предметов не совсем ясно, возможно, это штампы для нанесения орнамента на сосуды.

Орудий из камня очень немного, как, впрочем, и во всех стоянках (чистого комплекса) с керамикой нарвского типа (рис. 24, 6—8; 25, 4). Вместе с тем Нарва III по составу инвентаря резко отлична от стоянок с гребенчато-ямочной ке-

рамикой и прежде всего от поселения Нарва II.

Все немногочисленные орудия сделаны из серого пятнистого кремня местного происхождения, поскольку и на всех остальных стоянках этого типа использован такой кремень.

Из крупных орудий (всего 2 экз.) имеется довольно длинный листовидный наконечник стрелы, обработанный с двух сторон крупной неряшливой ретушью (рис. 24, 7), и скребок резко удлинненной формы с трапециевидным поперечным сечением и очень крутой ретушью по двум узким противоположным граням. Как показывают следы сработанности на спинке узкого конца, именно эта часть и являлась рабочей. Орудие использовалось, по-видимому, для обработки небольшой, нередко вогнутой твердой поверхности предметов (рис. 25, 4).

Помимо указанных двух орудий, имеется всего только три отщепов того же серого кремня неправильных очертаний и маленький обломок с частичной ретушью.

Из десяти отщепов кварца, встреченных на поселении, только один обработан. Он полуовальный в сечении, с выемкой на узком конце. С одной стороны лезвие образовано мелкими сколами, благодаря чему оно слабо вогнуто и по форме напоминает *rièze écaillé*. Следует заметить, что принцип обработки таким способом кварцевых скребков прослеживается на широкой территории северо-запада европейской части СССР; они известны также в Кунде и на Кольском полуострове, начиная с памятников «арктического палеолита».

Из двух крупных орудий (из песчаника и кварцита) одно темного цвета, подчетырехугольное в поперечном сечении, расширенное к тыльной части, обработанной крупными сколами, и сужено к обломанному рабочему концу. Второе орудие удлинненных очертаний, представляет собой естественно окатанную гальку, на одном конце которой по обеим узким противолежащим граням произведена дополнительная подправка поперечной зашлифовкой. К тыльной части оно сужено.

Из числа предметов, применявшихся для изготовления орудий труда, имеются части трех кварцитовых пил, зауженных к одному концу, с чрезвычайно четко выраженным рабочим краем, сильно утонченным и покрытым тонкими, параллельными друг

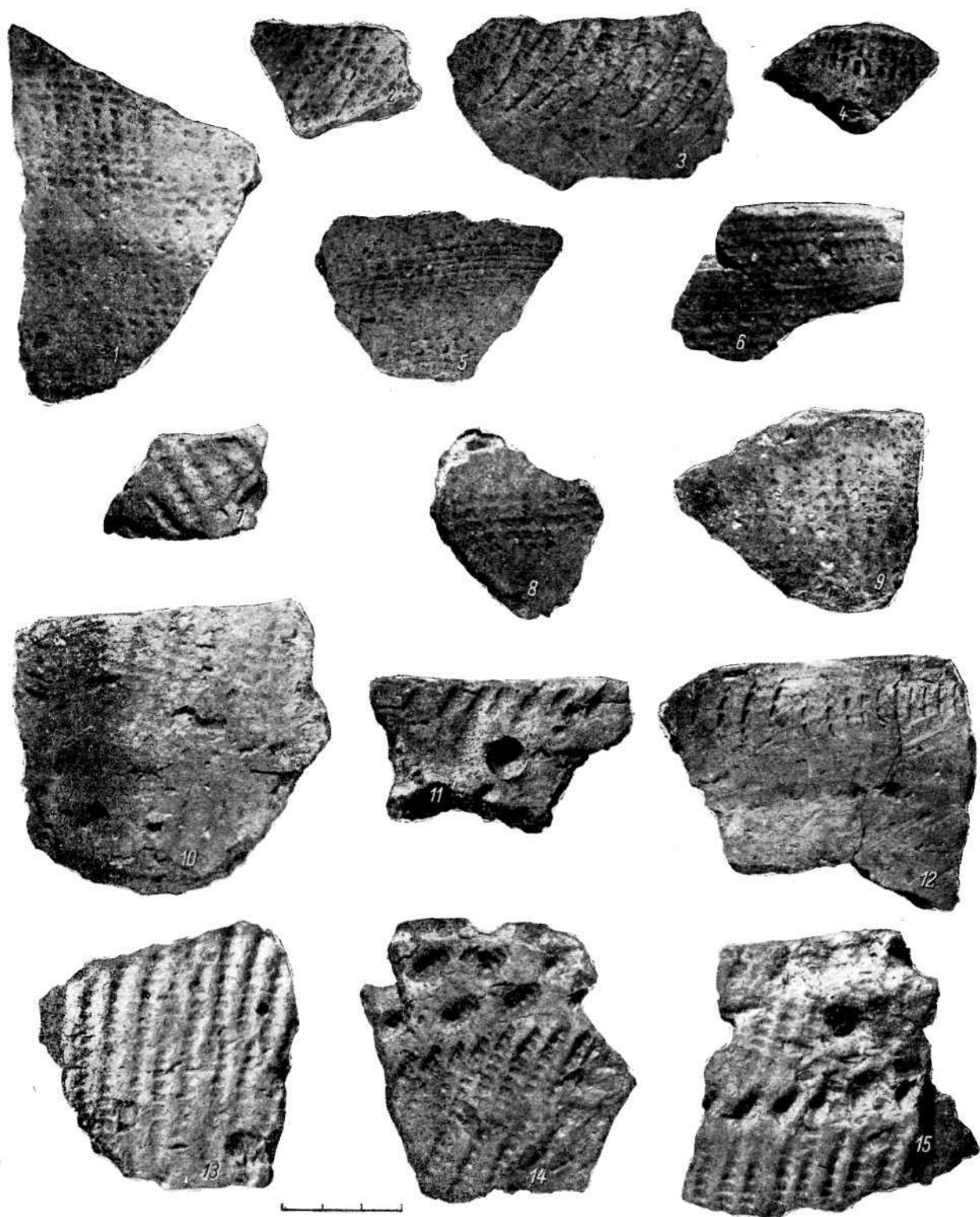

Рис. 23. Керамика поселения Нарва III (1—15).

другу и краю орудия штрихами (рис. 24, 6, 8).

Одна из пил не крупного размера, трапециевидных очертаний в плане, имеет вогнутую, неровную, как бы слегка зазубренную рабочую часть, сохранившую параллельные лезвию тончайшие штрихи (полученные от работы), захватывающие площадь шириною в 1 см. Эта часть сильно отличается от остальной шероховатой поверхности пилы. Оглаженность всех трех остальных граней указывает, что в данном случае это не фрагмент, а целая пила, при этом по форме весьма удобная для работы. Вогнутость лезвия свидетельствует о распиливании выпуклых плоскостей — округлых в сечении предметов.

Наличие кварцитовых пил, столь специфического рабочего инструмента, распространенного лишь на весьма ограниченной территории, существенно для выводов о связи поселения Нарва III с соседними Нарва I и Нарва II.

К этой же категории предметов относятся и целые шлифовальные плиты. Среди них есть одна наиболее массивная, крупного размера (28 см длина и 13 см ширины при высоте 10 см), из серого, очень мелкозернистого кварцита. При удлиненной форме и четырехугольном поперечном сечении она имеет две перпендикулярно расположенные рабочие грани (одну широкую, вторую узкую), сильно вогнутые от длительного употребления. Третья грань ее лишь с начатым шлифованием, четвертая обработана крупными грубыми сколами. Столь сильные следы изношенности свидетельствуют о длительном употреблении данного инструмента, используемого для изготовления крупных орудий.

Для этих же целей служили и еще четыре обломка кварцитовых шлифовальных плит, один из которых (овальной формы, с двумя рабочими гранями) имеет крупный размер, два других — более мелкие. В качестве четвертой шлифовальной плиты использована галька подчетырехугольных очертаний, с одной сильно уплощенной стороной.

Встречены узкие, небольшие плитки с четырехугольным поперечным сечением, со слабо вогнутой рабочей поверхностью. В этом случае они служили основой, на которой производилось затачивание и шлифование орудий.

К этой же категории относятся гальки округлых очертаний различной величины и степени уплощенности, с естественно окатанной поверхностью, используемые древними жителями побережья р. Нарвы в качестве своего рода лоцил для разглаживания различных мягких предметов (вероятно, поверхности сосудов в процессе их изготовления, кожи и бересты), а также при обработке коры деревьев. Некоторые из них заполированы в процессе употребления до блеска. Обращает на себя внимание из числа указанных предметов серия небольших и совсем маленьких плоских галечек (10 экз.) с сильно заглаженной поверхностью, величина которых колеблется от 2,5 до 7 см; они, по-видимому, использовались для мелких работ.

Костяные и роговые орудия многочисленнее и разнообразнее каменных. Несколькими экземплярами (в большинстве случаев фрагментированными) представлены мотыгообразные орудия различной величины, изготовленные из рогов лося. Тыльные части их тупо срезаны, рабочие — резко асимметричной формы благодаря косому срезу, произведенному под острым углом. Величина их колеблется от 7 до 12 см. Поперечное сечение одних подчетырехугольное, других — подчетырехугольное с округлыми гранями; лишь одно орудие имеет округлое поперечное сечение. По всей поверхности они зашлифованы. Многие мотыги сломаны, чаще всего в продольном направлении (по наиболее легко разрушающейся губчатой поверхности) (рис. 24, 2—4). По форме близко к ним стоит небольшое роговое тесло с округлым асимметричным лезвием, одна сторона которого плоская, вторая — выпуклая, тыльная часть орудия обломана (рис. 24, 1).

Крупные костяные орудия различны по назначению. Для одного из них (18 см длины) использована очень массивная кость животного (лопатка?). Лезвие его косо срезано пилой, тыльной частью служит эпифиз (в настоящее время сильно разрушенный). Поверхность орудия хорошо заглажена, рабочий же конец заполирован в процессе употребления. Судя по следам сработанности, очевидно, что оно использовалось в качестве колющего инструмента типа кинжала, этому в большой мере способствовала и форма. Не исключена возможность приме-

Рис. 24. Костяные и каменные орудия Нарва III.

1—5 — роговые мотыги и тесла; 6, 8 — кварцитовые пилы; 7 — кремневый наконечник стрелы; 9 — кусок опиленного рога.

нения его и для снятия коры с деревьев (рис. 24, 5).

Одно из орудий с сильно уплощенной и косо срезанной тыльной частью хорошо зашлифовано по всей поверхности. Два других долотовидных орудия сделаны из трубчатых костей крупных животных; одна сторона их выпуклая, вторая — вогнутая (естественная форма кости). Орудия уплощены к лезвию в результате стачивания, тыльная часть в одном случае имеет два крупных среза, у второго экземпляра она обломана (рис. 25, 15, 16).

Привлекает внимание орудие из трубчатой кости с естественно вогнутой внутренней поверхностью и выпуклой внешней, сильно зашлифованное с обеих сторон и заполированное от употребления, в особенности косо срезанная тыльная часть его. Ближе к рабочему концу ширина орудия резко уменьшена благодаря срезу с одной стороны. Грани его здесь заметно округлы; судя по аналогичным орудиям Нарвы I, отсутствующий конец, по-видимому, уплощен. Очень отчетливые следы от работы в виде залощенности свидетельствуют о длительном использовании данного предмета (рис. 25, 14). Очень существенно его близкое сходство с такими же предметами из Нарвы I и ряда других памятников с нарвской керамикой.

Для одного из орудий использован диафиз лучевой кости волка; тыльной частью его служит эпифиз, в то время как рабочая образована резким косым сколом и затачиванием с одного края, в результате чего превращена в тонкое, с округлым поперечным сечением острие (рис. 25, 9). Круговые штрихи на конце указывают на использование данного инструмента в качестве шила, которое не только прокалывало отверстие, но и расширяло его. Второе орудие изготовлено из верхней части трубчатой кости, с одной стороны довольно резко суженной к рабочему концу. Тыльная часть и само острие обломаны, внешняя поверхность хорошо залощена от употребления.

Орудия охоты представлены двумя фрагментированными наконечниками стрел и тыльными частями гарпунов. Один из наконечников (?) — острие, хорошо заточенное к одному концу, который затем заметно расширяется, а потом снова сужается, превращаясь в узкий четырехугольный в поперечном сечении черешок (рис. 25, 8).

Другой фрагмент является тыльной частью, по-видимому игловидного наконечника, исключительно тщательно зашлифованного и залощенного (рис. 25, 5).

От обоих гарпунов сохранились лишь расширенные и сильно уплощенные тыльные части — одна с просверленным отверстием, другая с нарезкой. Поверхность их, помимо зашлифованности, очень сильно залощена от употребления. По-видимому, оба гарпуна были выброшены после того, как оказались сломанными на охоте (рис. 25, 2, 6).

Остальной костяной инвентарь представлен: маленькой просверленной фалангой (рис. 25, 1); куском рога с опиленными двумя концами и одной длинной стороной (при этом во всех трех случаях пиление произведено с двух сторон навстречу друг другу) (рис. 24, 9), небольшим, округлым в сечении стерженьком, расширенным на конце и уплощенным с двух сторон, служившим, возможно, нижней частью составного рыболовного крючка (рис. 25, 7); несколькими костяными остриями, одно из которых является зубцом гарпуна; очень тщательно заглаженным и заполированным ребром — лопилом; трубчатой костью птицы с нарезками (рис. 25, 3) и целым рядом других, менее выразительных предметов.

Особенно следует подчеркнуть наличие распиленных костей, имеющих важное значение при сопоставлении нарвских поселений. Один из кусков метаподия имеет косые опилы с двух сторон и совершенно тождествен «ромбическим» орудиям Нарвы I, другой распилен продольно по двум граням, (рис. 25, 11), в результате чего образован узкий, резко удлинённый стержень. Имеется косо срезанный эпифиз метаподия лося, предварительно распиленный вдоль, при этом пропилом произведен с двух сторон навстречу друг другу, и блоки, отчлененные от метаподия (рис. 25, 13).

Особого интереса заслуживает предмет, дающий представление о степени развития искусства, аналогичный предмету, обнаруженному в поселении Нарва I. Он изготовлен из ребра крупного животного. Одна половина его утрачена в древности, о чем свидетельствует залощенность участка на внутренней стороне кости, примыкающей к тыльной части. Рабочий конец отсутствует, частично сохранившийся противоположный конец плоско срезан и заглажен.

Рис. 25. Костяные и каменные орудия. Нарва III.

1 — просверленная фаланга; 2, 6 — тыльные части гарпунов; 3 — кость птицы с нарезками; 4 — кремневый скребок; 5, 7, 8 — части костяных наконечников стрел; 9 — проколка; 10 — часть костяного стержня; 11 — ромбическое орудие, отпиленное от метаподия; 12 — костяное острие; 13 — блок, спиленный с нижней части метаподия; 14—16 — костяные долота, тесла и стамески.

По уцелевшему с одной стороны краю ребра нанесены поперечные короткие сравнительно широкие и глубокие нарезки, на внешней стороне — две продольные линии и остатки третьей.

Характер узора совершенно аналогичен узору на предмете из Нарвы I. Он состоит из мельчайших круглых, близко поставленных точек в одном случае по 4, а во втором по 6 в ряд, нанесенных не в шахматном порядке, а строго одна под другой. Количество точек третьего ряда неизвестно, поскольку здесь сохранился очень небольшой участок. Отличие в орнаментации данного предмета от аналогичного предмета Нарвы I состоит лишь в том, что в нашем случае отсутствует тонкая прочерченная линия в верхней части орнаментальной полосы.

Несмотря на то что в средней части предмет фрагментирован, а верхняя часть, содержащая узор, отслоилась в двух местах еще в древности, предмет продолжал использоваться — участки с утраченным орнаментом столь же сильно залощены, как и соседние с ними орнаментированные. О назначении данного предмета мы можем говорить лишь предположительно. Значительно интереснее здесь сам факт наличия столь мелкого и совершенного узора.

Для завершения кратко описания материала поселения Нарва III следует указать на чрезвычайно большое количество остатков весьма разнообразной фауны и в частности на огромное число птичьих костей, в особенности водоплавающих (в основном уток), среди которых 62 экз. со следами пребывания в огне.

Помимо наших работ, исследование поселения Нарва III было продолжено Л. Ю. Янитсом в 1954 и 1962 гг.³

Раскоп 1954 г., расположенный выше и далее от реки, дал небольшой материал весьма смешанного характера, в отличие от очень целостного материала наших раскопок. Орудия, обнаруженные здесь, очень малочисленны и не вносят чего-либо принципиально нового в наши представления об инвентаре поселения Нарва III. Это двусторонне обработанные наконечники копья и стрелы; отщепы с частичной ретушью и без нее такого же серого кремня, как и на нашем раскопе; костяное орудие со слегка

уплощенным с одной стороны лезвием, продольные грани которого получены с помощью пиления; обломок исключительно сильно залощенного гарпуна со следами поперечных штрихов, полученных при обработке; маленький, слегка уплощенный в тыльной части костяной наконечник; округлая уплощенная галька с двумя заглаженными от работы сторонами; обломок шлифовальной плиты со слегка вогнутой от работы стороной; обломки трех кварцитовых пил; стерженьки из серой глины с органической примесью; подвеска — просверленный клык волка или собаки; мелкие, мало выразительные обломки костяных орудий; сильно залощенный предмет из трубчатой кости лтицы с обоими обломанными концами; кусочки пластинки из резцов бобра и, наконец, мелкие куски кварца.

Особого внимания заслуживает довольно крупная (длина морды 7, длина шеи с головой — 7,5 см) голова животного или птицы (?), выполненная из рога. Шея ее заканчивается круговым опилом или срезами, в результате чего получились концентрические круги. Морда сильно повреждена. Поверхность хорошо заглажена. По очертаниям изображение напоминает лосиные головы Оленеостровского могильника.

Немного нового дает и керамика. В подавляющем большинстве случаев она измельчена, вероятно в результате последующего заселения этого участка, и гораздо разнородней по сравнению с той, которая была встречена при наших раскопках.

Керамика нарвского типа (первая группа) обычно имеет в качестве примеси к глине органическое вещество, реже раковину. Она изготовлена частично с помощью налепа (во всяком случае в верхней половине сосуда), неширокими, а чаще очень узкими лентами; часть керамики лишена орнаментации вовсе — в этом случае она или гладкая, или покрыта расчесами; иногда со слабым поверхностным узором из мелких ямочных вдавлений (округлой или подчетырехугольной формы), тонких насечек и более широких полулунных вдавлений, слабых оттисков крупной и более тонкой и длинной гребенки, создающей елочный узор и, наконец, один фрагмент орнаментирован шагающей гребенкой.⁴

³ Материалы хранятся в Институте истории Академии наук Эст. ССР (г. Таллин).

⁴ Форма этих сосудов, судя по краям и сохранившемуся фрагменту дна, такая же, как и на основной части поселения.

Вторая группа керамики, с примесью довольно крупных зерен кварца, по орнаменту ближе всего стоит к керамике второй группы поселения Нарва I. Поверхность ее сплошь украшена мелкими ямочными вдавлениями, крупными ямками, сочетающимися с нарезками или гребенкой. В отдельных случаях нарезками и гребенкой выполнен и флажковый узор.

Некоторые черепки с примесью крупных зерен кварца украшены круглыми ямками, весьма типичными для керамики поселения Нарва II. Отдельные сосуды, в глину которых примешана дрсва, довольно толстостенны, внешняя поверхность их покрыта отгисками крупного двузубого штампа, образующего диагональные полосы, сочетающиеся с горизонтальным рядом из круглых ямок.

Привлекает внимание некоторое количество очень толстостенных, плохо обожженных черепков с орнаментом из крупных поверхностных вдавлений, иногда образующих елочный узор, или горизонтальных полос из маленьких ямок.

Встречены единичные фрагменты шнуровой керамики — очень толстостенной, по видимому, с примесью выгоревшей шерсти, со слегка утолщенным отогнутым краем и легкими следами от заглаживания, без орнамента.

ПОСЕЛЕНИЕ НАРВА II

Для того чтобы ярче выступило различие между тремя нарвскими памятниками, следует теперь перейти к рассмотрению поселения Нарва II, материал которого во многом несходен с только что рассмотренным материалом Нарвы III. Это особенно отчетливо проявляется в керамике. Обращает на себя внимание, что основная масса ее обладает следующими чертами: а) отсутствием в качестве примеси к глине дробленой раковины и абсолютным преобладанием примеси зерен кварца, б) наличием резко утолщенного, нередко гофрированного края вместо прямого края сосудов из Нарвы III, конической формой дна вместо оттянутого и округлого, в) отсутствием сосудов, изготовленных техникой налепа, г) полным господством глубокого гребенчато-ямочного орнамента, покрывающего сплошь всю внешнюю поверхность сосудов от края до самого дна; не орнаментированные или

поверхностно орнаментированные сосуды не встречаются вовсе.⁵

Исходя из всего комплекса признаков, керамический материал Нарвы II мы делим на две численно неравные группы (рис. 26—33): I — керамику нарвского типа, составляющую незначительный процент, и II — гребенчато-ямочную, включающую в себя основную массу материала (см. табл. 1, 2).

К сосудам I группы во всех случаях к глине примешана раковина или другое органическое вещество, от которого остались густоты небольшого размера, нередко округлых очертаний. Цвет сосудов светло-желтый, желтовато-серый или светло-серый. Обжиг сильный, но от обилия органической примеси черепки непрочны, а поверхность их неровная, с небольшими, но густо расположенными выщербинками. На внешней и внутренней поверхности ярко выражены расчесы. Толщина стенок незначительна, чаще всего 6—7 мм (рис. 31, 1—7).

Орнамент на всех черепках, кроме одного, отсутствует. Этот единственный черепок украшен двойным рядом очень мелких вдавлений подчетыреугольных очертаний, по срезу края — небольшие округлой формы углубления. Такой род орнамента идентичен орнаменту одного из сосудов Нарвы III, имеющему в качестве примеси к глине толченую раковину.

О форме сосудов можно лишь догадываться по фрагменту одного края и дну. Край их прямой, одинаковый с толщиной стенок, дно — округлое, сильно утолщенное.

По всем указанным признакам очевидно, что данная группа сосудов, хотя и немногочисленная, очень характерна для стоянок с керамикой нарвского типа.

Как было уже сказано, основную массу керамического материала составляет гребенчато-ямочная керамика (группа II). Однако обладая отчетливо выраженными общими чертами, отличающими ее от керамики нарвского типа, керамика группы II неоднородна, что и заставляет нас внутри ее наметить две подгруппы — А и Б.

Если часть керамики II группы (подгруппа А) содержит в себе все основные черты гребенчато-ямочной керамики, то

⁵ Имеется в виду в данном случае массовый керамический материал (за исключением 3% нарвской керамики).

Типы орнаментов

Наименование памятника	Керамика нарвского типа								Гребенчато-			
	с органической примесью и раковинной								с органической примесью			
	Всего керамики нарвского типа	Без орнамента	Слабые оттиски гребенки	Поверхностные от- тиски гребенки типа «шагающей»	Тончайшая гребенка	Нарезки	Ямчатые вдавления	«Шагающая» гребенка	Всего с органиче- ской примесью без нарвской	Гребенчато-ямочный	Гребенчатый	Ямочный
Нарва I	2752 (100)	2352 (85)	154 (6)	88 (3)	17 (0.7)	91 (3.5)	34 (1.2)	16 (0.6)	1944	1211 (62)	329 (17)	190 (10)
Нарва II	78 (100)	78 (100)	—	—	—	—	—	—	1404	1074 (76)	274 (20)	45 (3)
Нарва III	1442 (100)	1325 (92)	21 (1.5)	15 (1)	2	22 (1.5)	42 (3)	15 (1)	27	12 (45)	15 (55)	—
Всего . .	4272	3755	175	103	19	113	76	31	3375	2297	618	235

Примечание. В скобках даются проценты каждого вида орнамента по отношению к общему количеству фрагментов

другая часть (подгруппа Б) несет на себе заметное влияние керамики нарвского типа, проявляющееся главным образом в технике изготовления сосудов, в полной или частичной примеси к глиняному тесту раковины или растительных волокон, в применении техники налепа и наличии на внешней и внутренней поверхности расчесов. При этом указанные черты не обязательно сопутствуют друг другу, как в керамике нарвского типа, а могут встречаться и раздельно. Например, иногда сосуд, обладающий всеми особенностями, присущими керамике гребенчато-ямочной, имеет расчесы на внешней или внутренней поверхности, в иных же случаях — наращивания лент с помощью налепа или, наконец, примесь раковины или растительных волокон. Вместе с тем форма, размер и в особенности орнаментация сосуда совершенно типична для гребенчато-ямочной керамики. Абсолютное большинство сосудов, относящихся ко II группе, имеют неорганическую примесь к глиняному тесту — преимущественно крупные зерна кварца, введенного часто в значительном количестве, реже — кварцитового песка, хорошо заметную как на поверхности, так и в изломе черепка (рис. 27—30). В меньшем количестве сосу-

дов к глине добавлена органическая примесь, оставившая после себя пустоты то узкоудлиненные, то округлых очертаний (рис. 31, 8—14). Иногда встречается и комбинированная примесь, где органические элементы явно преобладают, что придает известную легкость черепку (рис. 32, 1—14). Весьма часто это наблюдается на сосудах крошечной величины (до 5 см в диаметре, с толщиной стенок не более 3 мм), где наряду с неорганической примесью присутствует и органическая, но лишь в очень малом количестве.

Надо полагать, что сила обжига сосудов была приблизительно одинаковой, однако прочность черепков с неорганической примесью значительно выше. Черепки с растительной примесью легче расслаиваются, толщина стенок их колеблется от 6 до 12 мм, в изломе наиболее толстых заметна разноцветность (светло-желтая по краям и темная в середине).

К сожалению, на поселении Нарва II не сохранилось не только целых, но и больших частей сосудов, что, по-видимому, связано с повторным заселением места стоянки в более позднее историческое время. Поэтому о форме сосудов мы можем судить лишь по краям и днищам.

Таблица 1

тащи керамики

эмочная												Итого гребенчато-ямочной	Всего керамики	Шнуровая	Особый сосуд с сильным обжигом
с раковинной					с неорганической примесью										
Нарезки и ямки	Флажки	Сложный геометрический узор	Маленькие сосудики	Отпечатки крупной веревки	Всего с неорганической примесью	Гребенчато-ямочный	Гребенчатый	Ямочный	Нарезки и ямки	Флажки	Сложный геом. узор				
91 (45)	47 (2.5)	36 (2)	30 (1.8)	10 от одного сосуда (0.2)	5590	5019 (90)	69 (1.2)	318 (6)	94 (1.5)	57 (0.8)	33 (0.5)	7534	10286	6	316 от одного сосуда
—	11 (1)	—	—	—	2050	1610 (79)	180 (9)	155 (7.5)	—	84 (3.5)	21 (1)	3454	3532	5	
—	—	—	—	—	22	22 (100)	—	—	—	—	—	49	1491	—	
91	58	36	30	10	7662	6651	249	473	94	141	54	11037	15309	11	316

этой группы.

Все сосуды группы II остродонны. Край их в отличие от сосудов группы I и краев сосудов Нарвы III значительно разнообраз-

внешней стороны, при ровной прямой внутренней линии. В абсолютном же большинстве случаев утолщение имеется с внутрен-

Таблица 2

Соотношение типов керамики к общему числу фрагментов на данном поселении

Наименование керамики	Поселения		
	Нарва I	Нарва II	Нарва III
Нарвский тип	2752 (26.7)	78 (3)	1442 (96.7)
Гребенчато-ямочная с органической примесью	1944 (18.8)	1404 (39)	27 (1.9)
Гребенчато-ямочная с неорганической примесью	5590 (54.5)	2050 (58)	22 (1.4)
Всего	10286	3532	1491

Примечание: В скобках указывается процентное содержание числа фрагментов от общего их количества.

нее (рис. 26). Наиболее просты прямые края с ровным или слегка округлым срезом. В этих случаях ширина края и стенок одинакова. Несравненно же чаще встречаются сосуды с утолщенным краем, полученным в редких случаях за счет наращивания

ней стороны, при этом срез края делает резкий наклон во внутрь сосуда. Это достигается следующим образом: глиняная лента, из которой формируется верхняя часть сосуда, у края сильно примята, и потому более тонкая, загибается во внутреннюю

сторону его, образуя как бы петлю, а в нижней части сводится на нет. Таким образом, здесь смыкаются фактически две ленты, в силу чего образуется утолщенный край, ровный с внешней стороны и с выступом во внутренней.

На поселении Нарва II значительная группа сосудов имеет волнистый край. Поскольку при самом минимальном подсчете

получался с помощью сильных вмятин (иногда по ширине достигающих 1,5 см), нанесенных пальцем, которые, чередуясь с незатронутыми участками, создавали гофрированную поверхность.

Сосуды с таким оформлением края в пределах зоны, занятой ямочно-гребенчатой керамикой, имеют весьма ограниченное

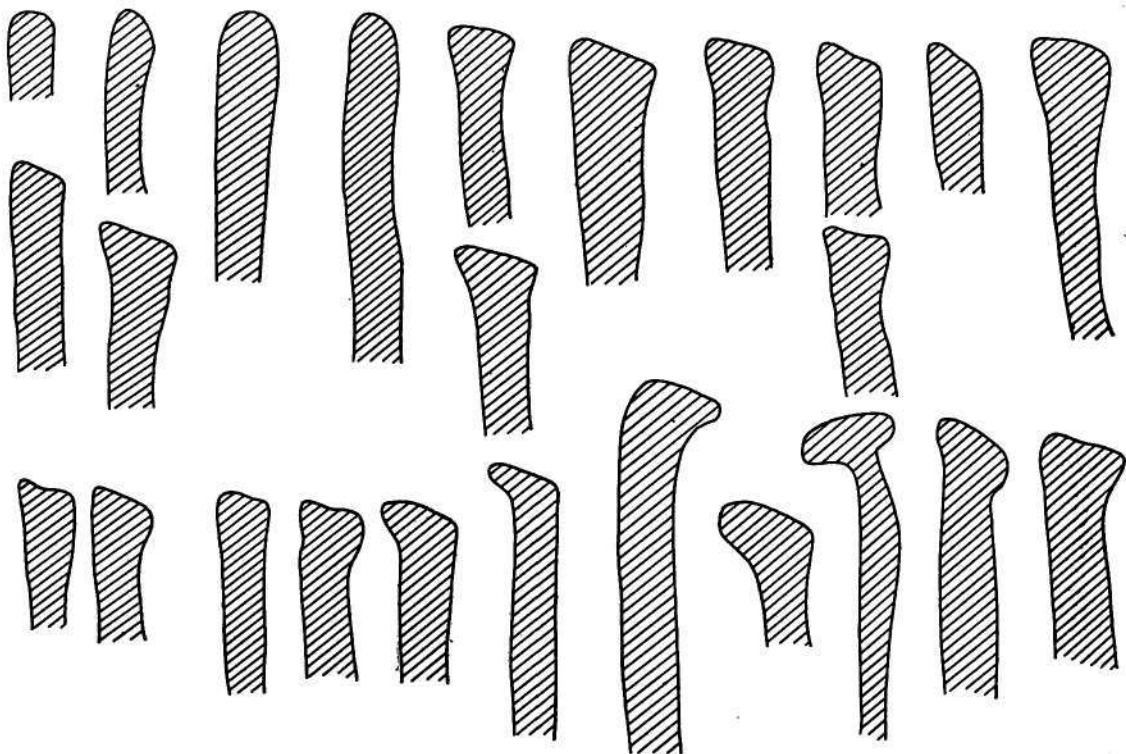

Рис. 26. Профили верхней части сосудов. Нарва II.

количество таких сосудов достигает 46 экз., следует считать, что волнистая форма края не случайна и может быть отмечена как одна из характерных особенностей данного памятника.

Оформление такого края на части сосудов получено в результате лишь коротких неглубоких насечек, нанесенных с внешней стороны сосуда, в месте пересечения березка со срезом. Иногда же взамен нарезок нанесены неглубокие, узкие вдавления, в ряде случаев поверх отпечатков гребенки, покрывающих березок и срез сосуда, чем неизбежно нарушается гармоничность узора.

Такой край занимает как бы промежуточное положение между прямым и типич-

распространение. Если они и попадаются в поселениях Волго-Окского междуречья, Карелии или северо-востока европейской части СССР, то лишь как редкое исключение. Вместе с тем они хорошо известны в памятниках современной Ленинградской области, Эстонии, Латвии и Финляндии. Это явление, взятое в связи с другими, еще раз доказывает правильность выделения особой гребенчато-ямочной прибалтийской неолитической культуры, отражающей известную этническую общность.

Большинство сосудов имеет значительный диаметр, иногда превышающий 40 см. Естественно, что этому сопутствует и толщина стенок, которая колеблется от 6 до 10 мм. Однако среди рассматриваемой

группы выделяются сосудики с диаметром до 5 см.

Явно преобладающим элементом орнамента является гребенка, дополненная некоторым количеством ямочных вдавлений, что и заставляет именовать эту группу керамики гребенчато-ямочной.

Гребенчатые штампы, украшающие сосуды, различны — короткие и широкие, средней и небольшой величины и очень четкие. Ямки также бывают изредка крупные (до 1.5 см), широкие, как бы двухъярусные, и очень мелкие, поверхностные, которые, сочетаясь с крупными ямками, заменяют в композиции гребенчатый штамп.

В подавляющем же большинстве случаев ямки средней величины (7—8 мм), среди них встречаются оригинальные ямки с выступающим дном, нанесенные, по-видимому, трубчатой костью, а также некрупные, приближающиеся по очертаниям к ромбическим.

Узор, составленный указанными элементами, чрезвычайно прост. Почти всем сосудам свойственно чередование полос из гребенки, отслютой наклонно и перемежающейся с редкими и узкими поясами из ямочных вдавлений (чаще всего округлых, очень редко овальных или приближающихся к ромбическим). Значительно реже оттиски гребенки, имеющей противоположное направление, образуют елочный узор. Исключительно редки горизонтальные отпечатки гребенки. В единичных случаях гребенка заменена стержнем с едва заметными неровностями дна как бы сильно сработанного гребенчатого штампа, шнуром или, наконец, изредка мелкими нарезками.

Нередко самый венчик украшен слабыми вдавлениями, захватывающими часть края, ниже располагается широкий пояс из ямок чаще всего неправильно округлой формы. Иногда по бережку нанесены нарезки, также частично захватывающие срез края сосуда, ниже которых лежат четырехугольные или неправильно округлые ямки, образующие пояс (в 1—2 ряда), и под ними более сложный узор — полосы, направленные под углом к краю сосуда, состоящие из подтреугольного штампа или мелких ямочных вдавлений (рис. 28, 1).

Очень немного сосудов, у которых бережок края оформлен просто ямками различной величины, без пояса насечек или оттисков гребенки (рис. 27, 1, 4). Иногда ниже

их располагается узор из мелких лунчатых вдавлений, короткой гребенки и др.

Обращает на себя внимание один сосуд со значительным количеством растительной примеси в тесте при наличии редких, но крупных зерен кварца. Бережок его резко отогнут наружу и образует утолщение с внутренней стороны. Часть среза края (с наружной стороны) украшена косыми отпечатками гребенчатого штампа. Самая верхняя часть, сильно выступающая наружу, гладкая, ниже она орнаментирована крупными (1 см) ямками, неглубокими, как бы двухступенчатыми, посаженными поверх узора из крупной гребенки, а еще ниже — широким поясом из правильных круглых ямок с плоским дном.

Близок к этому сосуду с примесью кварца и органического вещества, орнаментированный поясом из косых оттисков крупной гребенки, поверх которых нанесен один ряд глубоких конических ямок, а еще ниже — оттисками более короткой гребенки, имеющей противоположное направление (рис. 32, 10).

Многочисленную группу составляют сосуды, бережок которых оформляют оттиски гребенки, ниже которых размещаются ямки различного диаметра. В отдельных случаях гребенка заменена нарезками. Пространство ниже ямок занято различным узором (рис. 27, 10, 17; 28, 6; 29, 3). Среди таких сосудов есть один с выступающей наружу частью бережка, украшенный косыми отпечатками гребенки, образующей елочный узор, перекрытый округлыми ямками (рис. 29, 7).

Иногда гребенка заменена мелкими ямочными вдавлениями (рис. 27, 2, 5), в других — челночками, а ниже их — овальными довольно крупными ямками. При этом орнамент нанесен поверх легких расчесов (рис. 27, 3).

Оригинален один сосуд, верхняя часть которого украшена косыми линиями гребенки, ниже — один ряд ямок, между которыми расположены вертикальные оттиски гребенчатого штампа, затем снова полоса из близко поставленных косых отпечатков гребенки, а ниже — горизонтальные линии.

Значительную группу составляют сосуды, край которых орнаментирован гребенкой, сочетающейся с очень редкими ямками или заменяющими их другими элементами, например челночками.

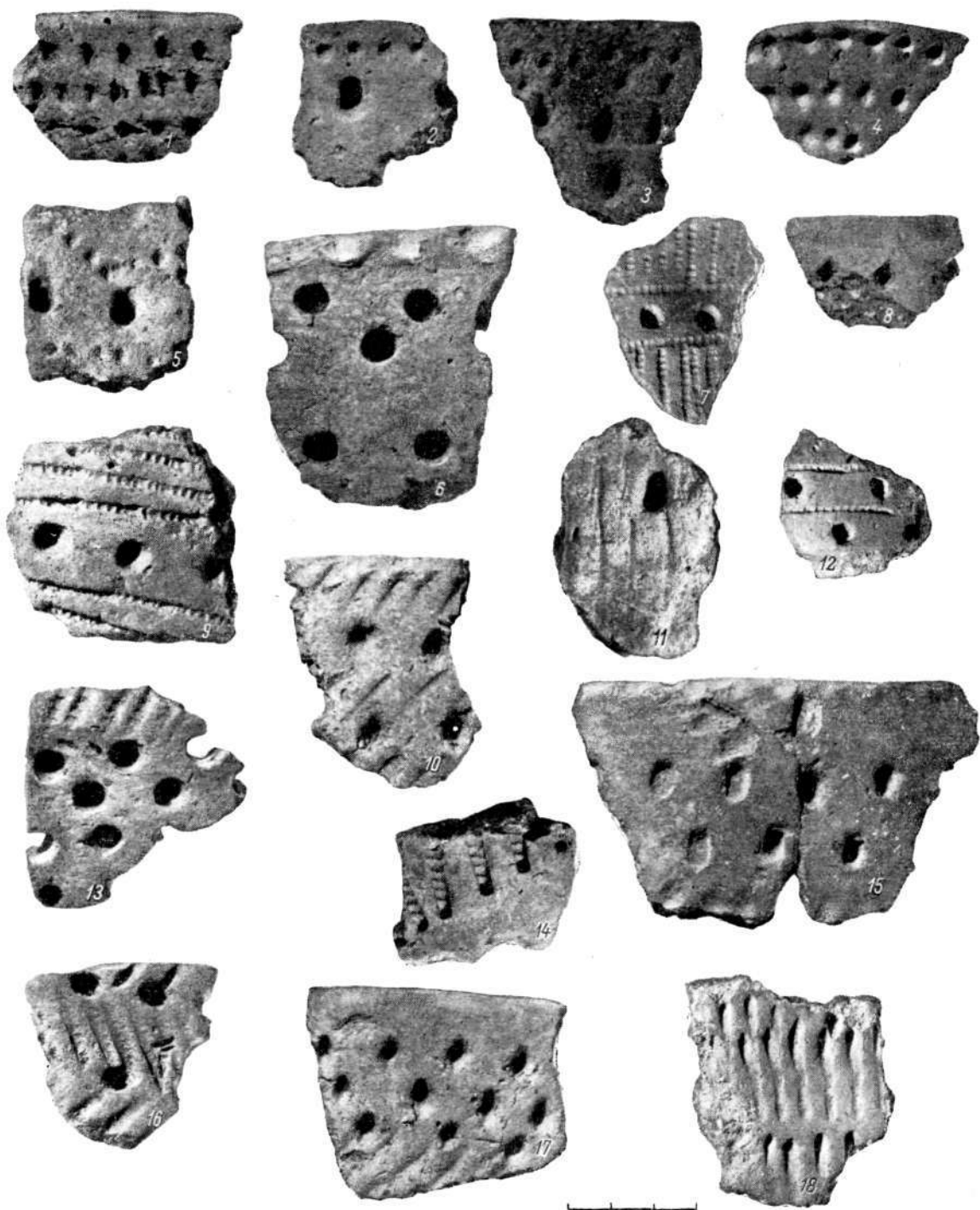

Рис. 27. Фрагменты сосудов с неорганической примесью. Нарва II (1—18).

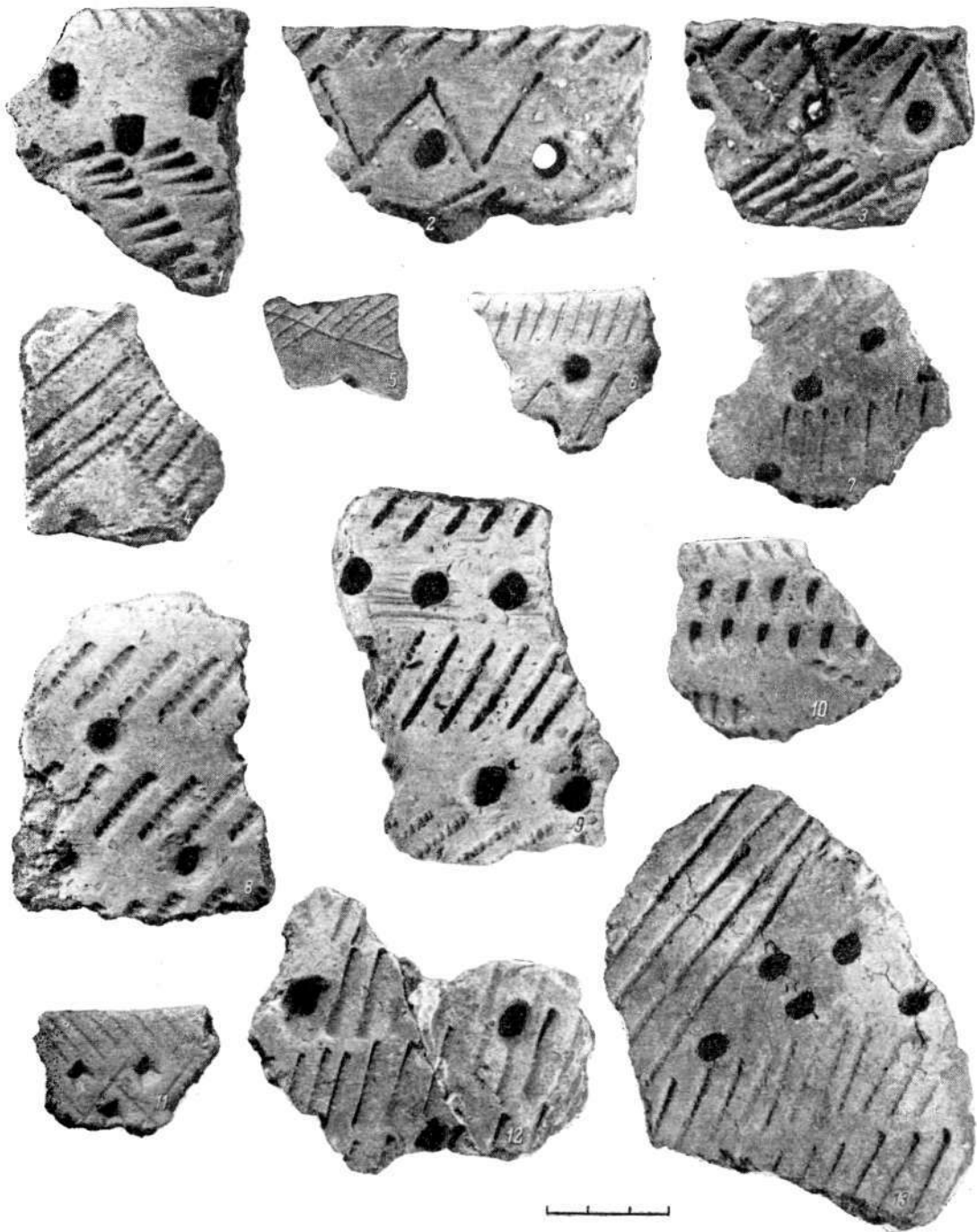

Рис. 28. Фрагменты сосудов с неорганической примесью. Нарва II (1—13).

Следует выделить особую группу фрагментов сосудов (116 экз.) с геометрическим орнаментом, среди которых большинство украшено «флажками» (рис. 28; 30). Как следует из табл. 1, количество их весьма значительно (95 экз.). Флажки (чаще всего 2×2 см) представляют собой ромбы, выполненные гребенчатым штампом или, очень редко, нарезками. Они имеют различную степень четкости: иногда образованы сравнительно крупным, достаточно широким гребенчатым штампом, в иных же случаях чрезвычайно тонким и коротким. Как правило, ромбы на сосуде располагаются по диагонали и сочетаются с горизонтальными рядами из круглых ямок. В редких случаях они вписаны в рамку, в остальных же образованы параллельными отпечатками гребенки (от 4 до 6), при этом так, что каждая крайняя линия, будучи в два раза длиннее средних, создает крайнюю линию соседнего ромба; в этом случае они связаны друг с другом. Иногда флажки располагаются очень близко один к другому.

Отсутствие крупных частей сосудов этого типа не позволяет подсчитать общее их количество. Наиболее отчетливы края восьми сосудов, три из которых наиболее близки между собой, в двух же случаях они почти идентичны. Срез края и бережок их украшают отпечатки косо поставленной гребенки, ниже которых располагается ряд ямок, дополненных на одном сосуде гребенчатым зигзагом, в верхнюю часть которого (в незамкнутый треугольник) вписаны ямки, ниже размещен флажок, выполненный той же крупной гребенкой (рис. 28, 2, 3); на одном — зигзаг из гребенки расположен между рядами ямок (рис. 30, 15). Другой сосуд также покрыт зигзагообразным орнаментом из очень мелкой и четкой гребенки, дополненным овальными ямками. При этом зигзаг располагается на свободном поле венчика, в силу чего создан разреженный рисунок.

Края двух следующих сосудов украшены косыми отпечатками гребенки и вертикально расположенными флажками, сочетающимися в одном случае с одним, во втором — с двумя рядами глубоких ямок (рис. 30, 2, 9).

Последние три сосуда имеют такой же орнамент: один с косой гребенкой по венчику, двойным рядом ямок и флажком, выполненный тонкой гребенкой (рис. 31, 11);

другой с ямками и флажком из крупной гребенки (рис. 30, 3). Орнамент третьего сосуда удается восстановить лишь в самой верхней части; он состоит из косых, зигзагообразных оттисков гребенчатого штампа.

Наконец, имеются фрагменты от двух небольших сосудов с прямым краем; срез одного украшен нарезками, другого — гребенчатым штампом, а венчик — косыми нарезными линиями и гребенкой, образующими флажки и диагональные полосы, перемежающиеся с ямками.

Геометрический орнамент встречен также на фрагменте очень грубой толстой стенки, плохо обожженной, слепленной из глины с примесью крупных зерен кварца. Узор состоит из треугольника, околтуренного длинной гребенкой и заполненного ямками. Композиция очень неудачная — заполнение ямками не подчеркивает формы треугольника (рис. 28, 13).

В отдельных случаях гребенчатым штампом образованы горизонтальные линии. На нескольких сосудах пояса из горизонтальных оттисков гребенки занимают значительное пространство и сочетаются с редкими рядами ямок (рис. 27, 7, 9, 12; 29, 1).

Фрагменты сосудов только с гребенчатым орнаментом⁶ немногочисленны. По всей вероятности, почти или все они являются частями сосудов, украшенных дополнительно и ямками. Тесто их ничем не отличается от гребенчато-ямочных сосудов; преобладающей примесью являются зерна кварца, иногда с добавлением органического вещества, или только одно органическое вещество. В таких случаях почти всегда на внешней и внутренней стороне сосудов заметны следы расчесов, которые обычно отсутствуют на сосудах с примесью только зерен кварца.

Вариации в орнаменте достигаются различием в характере самого гребенчатого штампа — длинного или короткого, широкого или узкого. Композиция же очень проста: горизонтальный пояс, образованный косо поставленными отпечатками из проти-

⁶ Следует при этом учитывать, что речь идет не о сосудах, украшенных только гребенкой (таких сосудов было очень мало или, возможно, просто не было), а лишь о черепках, вся поверхность которых покрыта только гребенкой.

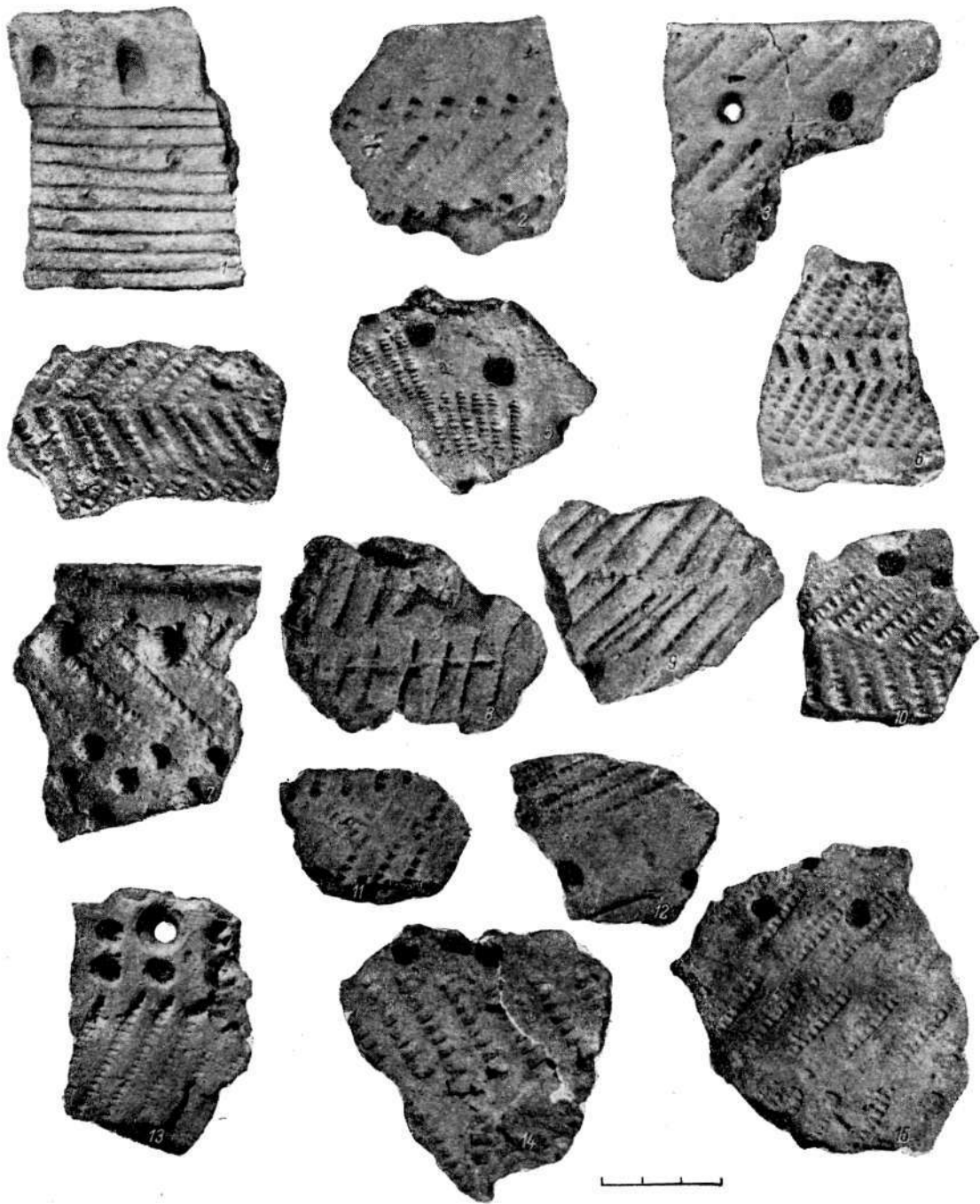

Рис. 29. Фрагменты сосудов с неорганической примесью. Нарва II (1—15).

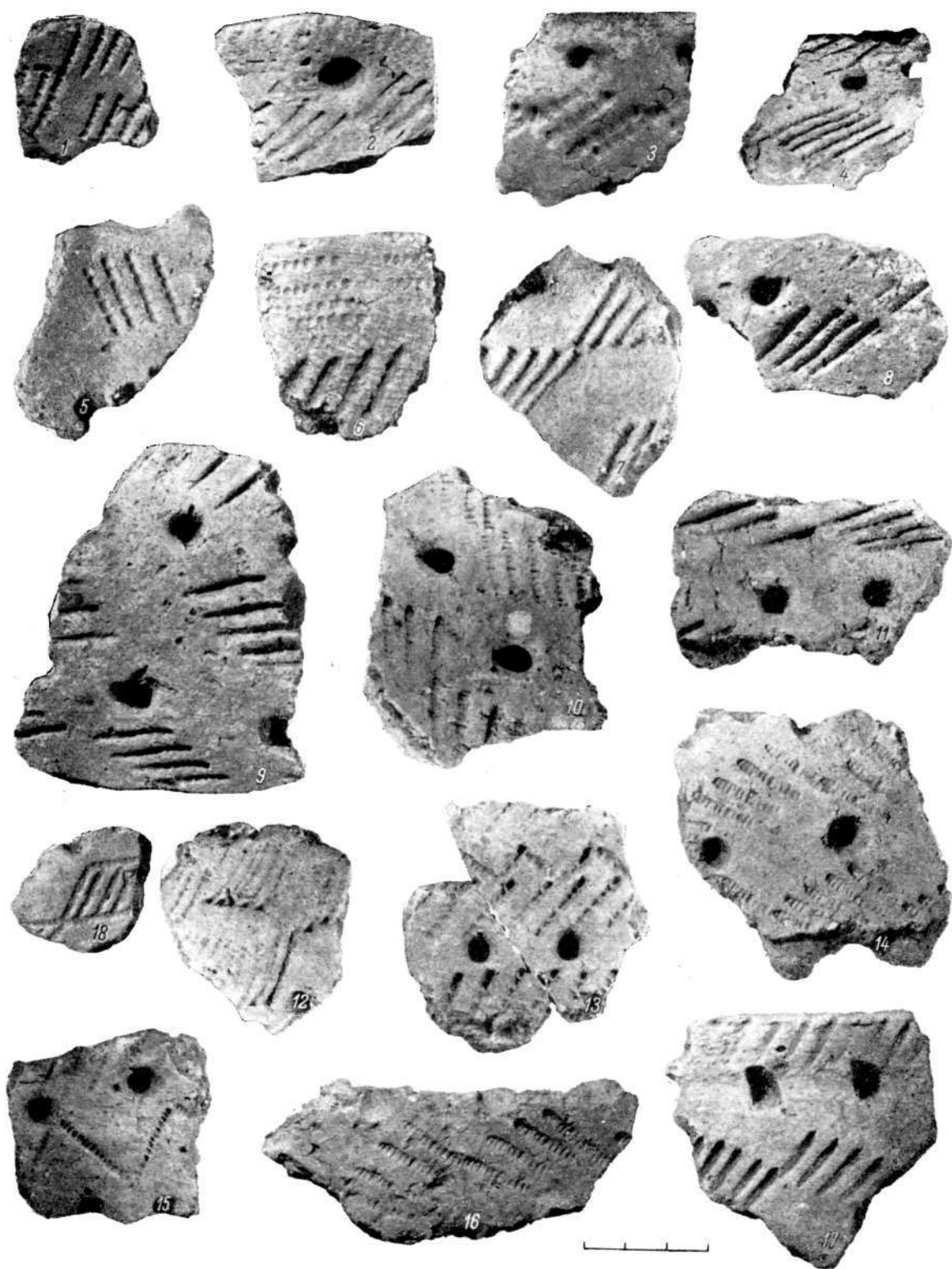

Рис. 30. Фрагменты сосудов с неорганической примесью. Нарва II (1—17).

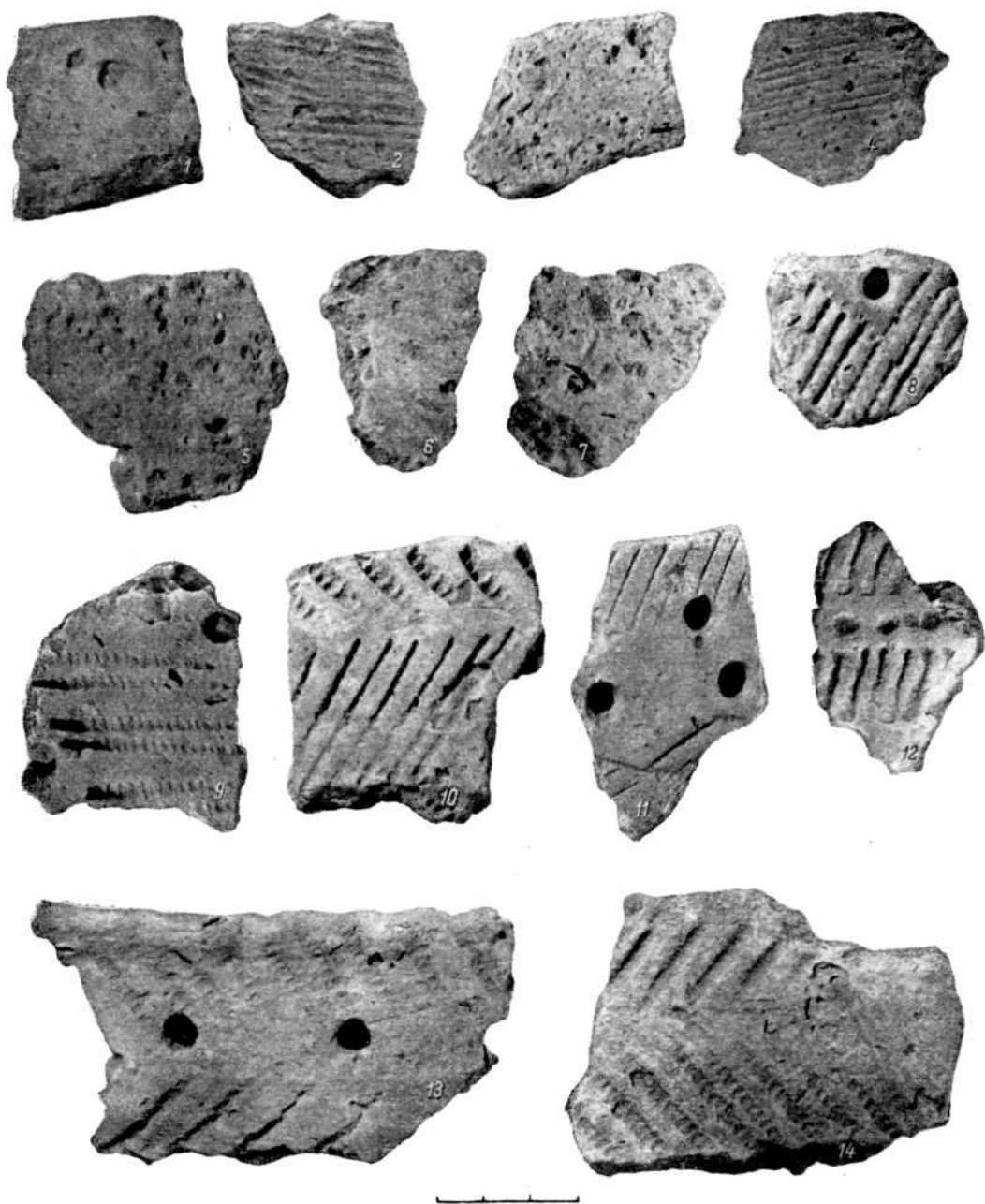

Рис. 31. Фрагменты сосудов с органической примесью. Нарва II (1—14).

воположно наклоненной гребенки (елочный узор).

Существует вид орнамента, полученного благодаря сочетанию поясов гребенки, поставленных вертикально и горизонтально (рис. 32, 7, 12), а также зигзагообразных поясов, выполненных оттисками очень тонкой гребенки, размещенных на свободном поле.

Наконец, следует указать на наличие отпечатков длинной и узкой, как бы сдвоенной гребенки, один конец которой довольно сильно углублен, в результате чего образованы продолговатые небольшой величины ямки (рис. 31, 9). Есть сосуд с вертикальным елочным узором (рис. 32, 8).

Один из сравнительно толстостенных сосудов с органической примесью и добавлением небольшого количества кварцевого песка, с сильными расчесами на внешней поверхности сплошь покрыт отпечатками длинного гребенчатого штампа, образующего елочный узор (рис. 32, 9, 11, 14). Верхняя часть сосуда прямая. Срез края орнаментирован глубокими вдавлениями, провадженными, по-видимому, концом большого пальца (заметны следы ногтя), в результате чего край его волнистый. Непосредственно у венчика наколот ряд крупных ямок. Состав теста и обработка его поверхности резкими расчесами совершенно идентичны тесту и техническим приемам изготовления сосудов нарвского типа, в то время как орнамент весьма типичен для ямочно-гребенчатой керамики в широком смысле этого слова. Вместе с тем на сосудах, имеющих неорганическую примесь (кварц), расчесы встречаются чрезвычайно редко.

Как следует из табл. 1, количество фрагментов, украшенных только ямками, сравнительно невелико (200 экз.). Если сосуды, украшенные сплошь ямками, и имели место, то только в виде редкого исключения. Видимо, ямки на них сочетались с гребенкой или мелкими ямочными вдавлениями, выполнявшими функцию гребенки, с целью нарушить однообразие узора.

Следует подчеркнуть, что абсолютное большинство черепков с ямочным орнаментом имеет примесь зерен кварца, нередко в очень значительном количестве. Фрагментов с органической или комбинированной примесью всего лишь 45. Существенно, что в этом случае ямки, украшающие их, неряшливы, не имеют правильной округлой

формы, нередко приближаются к овалу, иногда же они хотя и правильно округлые, но неглубокие, с уплощенным дном. Почти на всех таких сосудах в большей или меньшей степени заметны расчесы — явление чрезвычайно редкое на фрагментах, украшенных ямками с неорганической примесью.

В числе оригинально украшенных (около 20 черепков) встречаются отпечатки гребенчатого штампа подтреугольных очертаний, с одним более сильно углубленным концом (рис. 32, 1); серповидные тоненькие или более широкие нарезки; сдвоенная гребенка (три фрагмента), сочетающаяся с круглыми ямками (рис. 29, 15), а также черепки, украшенные штампом различной формы: плоскими овалами с тройной перегородкой, как бы сдвоенными полукруглыми мелкими углублениями, обращенными плоскими сторонами друг к другу (рис. 29, 2), и оттисками конца палочки, обмотанной шнуром. Все такие черепки в полной мере единичны (в каждом случае не более трех).

Среди керамического материала Нарвы II особо следует выделить группу маленьких сосудов, часть из которых настолько мала, что не могла, конечно, иметь практического назначения. Большинство их изготовлено из глины с органической примесью или с небольшим добавлением к ней сравнительно крупных зерен кварца. Только отдельные сосудики имеют неорганическую примесь. Характер примеси и отчасти орнаментация сближают эти сосуды с керамикой нарвского типа, однако отождествлению с ней мешает наличие неорганической примеси, совершенно не свойственной нарвской керамике. И все же эту группу, в особенности подавляющую часть ее, следует рассматривать как промежуточную, нередко близкую по орнаменту к керамике нарвского типа. Это относится в первую очередь к сероватым по цвету сосудам, орнаментированным мелкими и тонкими нарезками полулунной формы, едва заметными отпечатками трубчатой кости, образующими вертикальные или горизонтальные ряды, перекрещиваемыми отпечатками тонкой гребенки, создающей сетку, рядом тонких прочерченных горизонтальных линий, а также к вовсе неорнаментированным сосудикам или сосудицам, украшенным крошечными ямками как бы со слегка приподнятым с одного края дном (рис. 33, 1—30).

Рис. 32. Фрагменты сосудов с комбинированной примесью. Парва II (1—14).

Внешнюю поверхность несколько более крупных сосудов (диаметром не более 8—9 см) также покрывают ямки, преимущественно мелкие, образующие горизонтальные ряды, в одном случае как бы с частично приподнятым дном. В подавляющем большинстве форма ямок округлая, в двух — правильно ромбическая, в одном — резко удлиненная. Нередко ямки сочетаются с оттисками крупной или более мелкой гребенки, нарезками и иногда прочерченными линиями. На одном сосуде тончайшим гребенчатым штампом образована линия из ромбов.

Помимо двух рассмотренных нами групп, в поселении Нарва II обнаружены семь фрагментов сосудов, близких к сосудам нарвского типа, но значительно более толстостенных (13 мм), с округлым краем и примесью хотя и органической, однако несколько иной, нежели примесь, обычная для керамики нарвского типа (следы очень тонкой грубой травы или волокон шерсти), а также один фрагмент с небольшими выпуклинами (жемчужинами) по венчику, полученными благодаря накаливанию изнутри ямок, и прочерченной горизонтальной полосой. Наконец, есть и еще один фрагмент, украшенный по бережку и срезу края оттисками перевитого шнура. По-видимому, вся эта незначительная группа (8 фр.) должна быть отнесена к более позднему времени — к группе шнуровой керамики.

Для того чтобы закончить описание керамических изделий поселения Нарва II, необходимо указать на фрагменты трех поделок из глины: один стерженок, округлый в поперечном сечении (глина, из которой он изготовлен, имеет примесь крупных зерен кварцевого песка); часть округлого предмета из глины без всякой примеси, внешняя поверхность которого украшена отпечатками гребенчатого штампа, и, наконец, кусочек плоского, толстого, по-видимому, дна сосуда. Более точного определения этих предметов сделать не удалось.

Различия, отмеченные в керамике двух поселений Нарва III и Нарва II, с большой убедительностью выступают при сопоставлении кремневого инвентаря: 1) на поселении Нарва II большое количество кремневых орудий и отщепов получено при их изготовлении, в то время как на поселении Нарва III они почти полностью отсутствуют; 2) наличие среди орудий и отщепов импорт-

ного (в частности, валдайского кремня) взамен применяемого жителями Нарвы III серого пятнистого кремня местного происхождения; 3) кремневые орудия, встречающиеся на поселении, выражены более отчетливо по сравнению с орудиями поселения Нарва III, хотя они и здесь не образуют устойчивых типологических рядов (рис. 34, 1—10; 35; 36; 37).

Наконечники стрел и копий немногочисленны и не имеют строго выработанной формы. В общей сложности они представлены 17 экз., значительная часть которых фрагментирована или обработка их не полностью закончена (рис. 34, 1—10). Наиболее тщательно изготовлены 2 экз. — наконечник копья или дротика и наконечник стрелы. Для обоих случаев материалом послужил серый кремень. Наконечник дротика крупный, уплощенный, в плане подтреугольных очертаний, имеет двустороннюю обработку очень мелкой и чрезвычайно плоской ретушью, заходящей с одной стороны на тыльный конец, — свидетельство того, что в этой части орудие не фрагментировано (рис. 34, 8). Сильная залощенность поверхности указывает на возможное использование его в качестве ножа, что вполне вероятно, если учесть его асимметричную и несколько вогнутую с одного края форму. Однако первоначальное назначение предмета было служить наконечником.

Второй наконечник стрелы, столь же тщательно обработанный плоской, мелкой, несколько беспорядочной ретушью, имеет весьма оригинальную форму — в виде широкого листа, ближе к тыльной части сильно вырезанного с одного бска. Одна сторона здесь ретуширована, другая склота (рис. 34, 5). Его легко было бы принять за фрагментированный экземпляр, у которого выколосась часть, прилегающая к тыльной, если бы не тщательная ретушь, покрывающая здесь орудие. При этом плоский скол использован в качестве ударной площадки. Свидетельством того, что данный предмет имел такую форму при начальном изготовлении, является и линия его края, округлая, плавно сужающаяся наконечник к тыльной части. Против возможной утилизации орудия с помощью вторичной подправки говорит отсутствие подживляющей ретуши; вся ретушь, покрывающая орудие, выполнена одним приемом и одинаково патинизирована.

Рис. 33. Фрагменты маленьких сосудов. Нарва II (1—30).

Шесть других наконечников стрел очень мелкие (до 2,5 см), три плоские, из них два совершенно идентичны по величине, форме и характеру обработки. Изготовленные из

стрелы очень небольшого размера, двусторонне обработанный, фрагментирован (по-видимому, он был листовидной формы). От пятого экземпляра, по всей вероятности

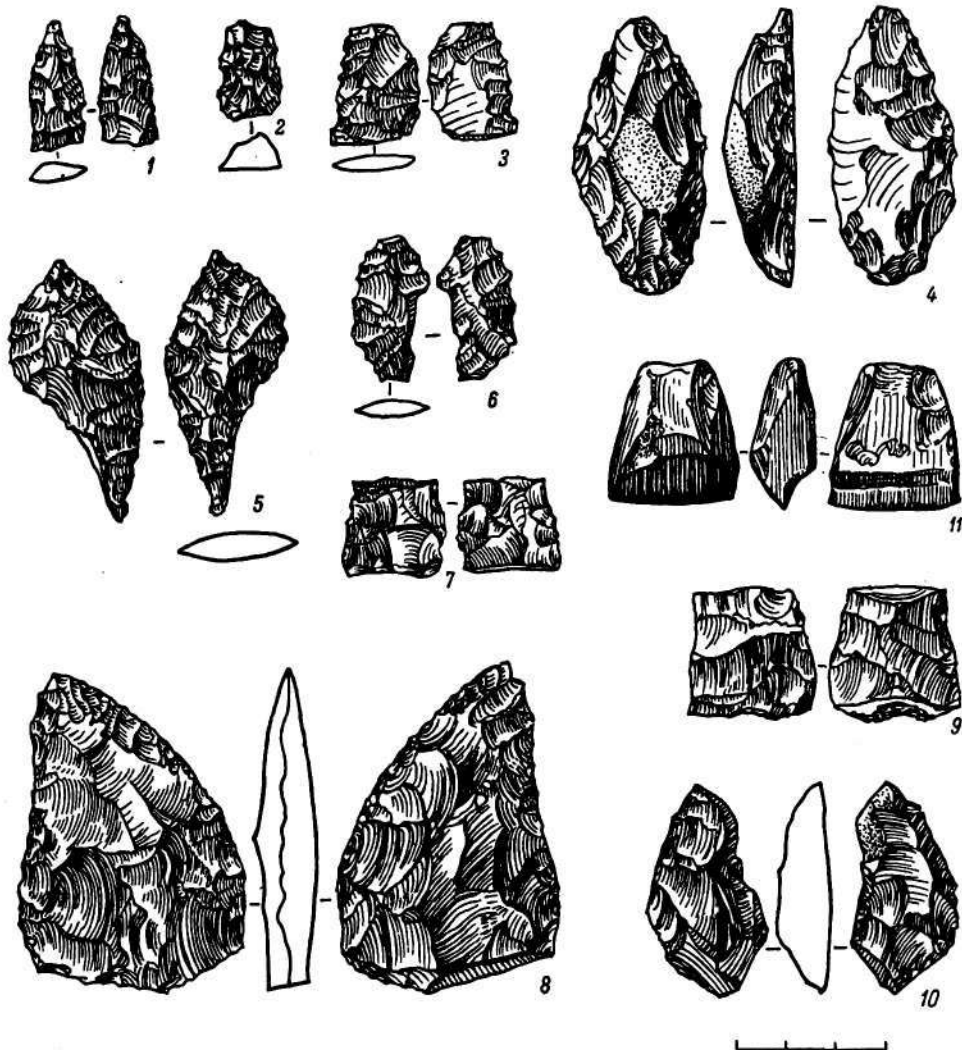

Рис. 34. Кремневые орудия. Нарва I (11), II (1—10).

отщепов подтреугольных очертаний, они слегка скошены к тыльной части и обработаны по краям мелкой ретушью с одной стороны. На третьем экземпляре (фрагментированном с обоих концов) с одной стороны ретушь покрывает всю поверхность, с другой — только края. Четвертый наконечник

имеющего в прошлом также листовидную форму, сохранилась лишь средняя часть. Обе стороны его очень тщательно отретушированы. От шестого наконечника осталась лишь тыльная часть.

Остальные наконечники в той или иной степени фрагментированы — это острия,

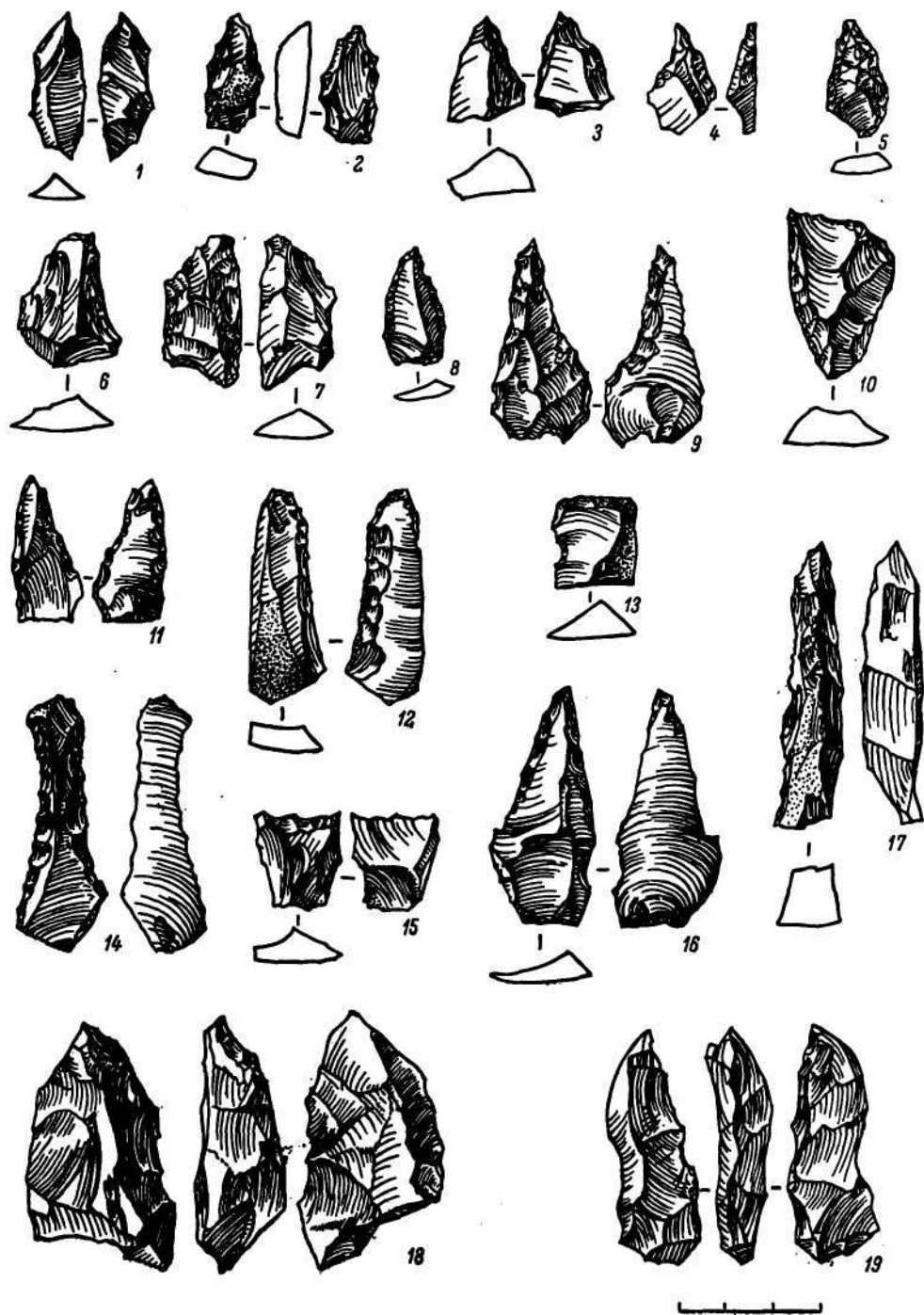

Рис. 35. Кремневые орудия. Нарва II (1—19).

средние или тыльные части, а также заготовки, не прошедшие последней фазы обработки.

Острий, которые можно было бы причислить к проколкам, резчикам и сверлам, отнесенных много (16 экз.). Разнообразные по величине и форме, изготовленные из массивных или резко уплощенных отщепов, все они имеют острие, образованное не с помощью специального режущего скола, а мелкой ретушью (рис. 35, 1—11, 16, 17, 19). В отдельных случаях оно очень тонкое, сравнительно длинное, тщательно оформлено, в других — совсем короткое, в виде небольшого жальца, выступающего на массивном теле. Ряд таких острий, судя по сильно сработанным выемкам, расположенным по двум противоположным граням, использовался в качестве сверлышек. Экземпляры с крохотным лезвием, как правило, сделаны на трехгранных в сечении, очень массивных отщепах, с одной или двумя гранями, образованными сколами, а третьей или второй и третьей — мелкой ретушью. В этом случае они применялись как резцы.

К категории резчиков следует отнести предмет, изготовленный из отщепа высококачественного фиолетового валдайского кремня овальной формы с маленьким клювовидным жальцем (рис. 37, 10), полученным с помощью ретуши, покрывающей три грани со спинки и заходящей с брюшка на основание, что придает ему некоторое сходство с *pièces écailées*, а также маленькую проколочку серого кремня на треугольном отщепа, с тоненьким оттянутым концом жальцем.

Несмотря на значительное количество (31 экз.), среди скребков затруднительно указать твердо выработанную форму, в отличие от скребков других стоянок. Очевидно лишь, что все они изготовлены из отщепов разнообразных очертаний и различной величины (рис. 36, 6, 15; 37, 1—21). По существу для этого типа орудий не готовилась специальная пластинка, которой придавалась бы строго целесообразная форма, а брался всякий более или менее подходящий отщеп округлых, подтреугольных или иных очертаний — от очень плоского до достаточно массивного.

В одном случае для скребка был использован толстый пластинчатый отщеп, подтреугольный в сечении, с двумя ранее сколотыми гранями, о чем свидетельствует

различие в латине. Крутая ретушь покрывает лишь широкий конец его, тогда как противоположная тыльная часть не ретуширована, но имеет небольшую выемку. Угол, образованный ею и срезом тыльной части, использовался, по-видимому, в качестве острия резчика, на что указывает его заполированность от работы (рис. 36, 3).

Остальные скребки по форме различны. Наиболее отчетливо выраженные из них имеют округлые, подтреугольные и подчетыреугольные очертания. Округлые скребки покрывались ретушью по всем или почти по всем граням; ретушь очень мелкая и тщательная; в скребках подтреугольных очертаний она, как правило, занимает один широкий рабочий конец, в подчетыреугольных — три или одну грань. Два скребка являются плоскими отщепами, вся поверхность которых покрыта коркой, а ретушью обработана лишь рабочая часть (рис. 37, 3, 8). Один скребок сделан из массивного отщепа, утолщенная часть которого покрыта крутой длинной ретушью, нанесенной с одной широкой стороны, вследствие чего создается впечатление, что это часть площадки сколота с нуклеуса. Край в средней части довольно сильно сработан (рис. 36, 15).

Наиболее крупный по размеру скребок — четырехугольной формы, плоский, со всеми четырьмя ретушированными гранями; на трех из них имеются сильно сработанные по краю выемки, использовавшиеся для обработки округлых в диаметре предметов (рис. 36, 13).

Есть маленькие довольно аморфные скребки со сплошь ретушированной спинкой (рис. 36, 12).

Наконец, последним из кремневых орудий является белый ножичек, изготовленный из резко удлиненного пластинчатого отщепа и ретушированный довольно крутой ретушью по обоим длинным граням (рис. 35, 14), а также кусок сланца с пришлифовкой по двум сторонам, но без следов использования.

Помимо кремневых орудий, имеется большое число (44 экз.) отщепов кремня с частичной подправкой граней нередко очень мелкой и тщательной ретушью. Это главным образом тонкие пластинчатые отщепы, которые использовались в качестве ножей, а иногда и скребков. Наконец, часть отщепов хотя и не имеет преднамеренной

Рис. 36. Кремневые орудия. Нарва II (1—15).

обработки, но хранит на себе следы употребления в виде выщербины по краю.

Встречаются некрупные отщепы, являющиеся сколами с нуклеусов, возможно при подживлении их. Одна, выпуклая, сторона таких отщепов покрыта сколами от ранее снятых с нее чешуек, вторая отчетливо сохраняет раковистость излома и выщербинки.

Собственно нуклеусов 5 экз., при этом все со следами снятых с них сколов, а не пластин (рис. 36, 2, 5, 7, 9, 14). Они мелкие (от 1.5 до 3 см высоты), не имеют строго разработанной правильной формы. Два из них близки к коническим, три же могут быть отнесены к этой группе лишь условно.

Один экземпляр является нуклеусом-рабо. С одного края плоской ударной площадки его сняты удлиненные отщепы. На второй стороне (также с края площадки) сняты мелкие чешуйки, благодаря чему создан рабочий край, оформленный крутой ретушью. На лезвии прослеживаются слабые следы сработанности.

Помимо кремневых, имеется 12 орудий из кварца и 36 кварцевых отщепов частично со следами обработки (рис. 38, 1—15). Наличие мелких (до 6 см) галечек и сколов с них (с частично сохранившейся коркой) указывает на то, что древний обитатель поселения Нарва II для изготовления орудий использовал не пласты кварца, а подобранные им гальки (рис. 38, 15) и мелкие куски их, о чем свидетельствуют два призматических нуклеуса (около 2 см).

Отчетливо выраженных орудий, серийность которых подавила бы говорить об устойчивости форм, не встречено. Некоторые отщепы удлиненных очертаний, нередко подтреугольные в сечении, подправлены короткими или длинными продольными (двумя или тремя) сколами, иногда беспорядочной ретушью, в результате чего орудия, имеющие острый конец, использовались, по-видимому, в качестве резчиков, другие же — с ретушью на одном небольшом участке или на одной из граней — применялись в качестве скребков, при этом некоторые из них имели сравнительно крупную величину. Рабочих концов иногда бывает два, расположенных на противоположных сторонах.

Говоря об отсутствии устойчивых типов кварцевых орудий, следует указать, однако, на наличие особого технического приема

изготовления скребков на концах удлиненного отщепы, обычно узкая рабочая часть которых получена в результате двух сколов, нанесенных с двух противоположных плоскостей; при этом лезвие слегка округло и вогнуто с обеих сторон. По форме эти орудия несколько напоминают *pièce écaillée*. Такой прием получения кварцевых скребков весьма типичен для Кунда и очень многих стоянок эпохи мезолита и неолита Кольского полуострова.

В плане сопоставления нарвских памятников принципиальное значение имеет найденный на поселении Нарва II обломок сравнительно тонкой песчаниковой пилки, удлиненной формы, с одной рабочей гранью, сильно заглаженной по сравнению с остальной частью орудий (рис. 38, 17). На нем сохранились продольные следы от пиления. Присутствие пилки вместе с косоопиленными концами костей свидетельствует о тождественном приеме обработки кости во всех трех поселениях (Нарва I, II, III). Вероятно, так же как и в Карелии, для этих целей часто использовались куски сильно сточенных шлифовальных плит (рис. 39, 3, 4; 40, 5).

Имеется еще два небольших обломка кварцитовых пил, менее сильно сработанных.

Интересно также отметить наличие трех песчаниковых галек, преимущественно удлиненной формы, овальных или округлых в сечении, с очень сильно заглаженной, а в одном случае и зашлифованной плоской поверхностью. По всей вероятности, они служили своеобразными лопочками, употреблявшимися для заглаживания не слишком твердых предметов. Не исключена, например, возможность применения их, в частности, при изготовлении глиняной посуды (рис. 39, 1, 2).

Весьма многочисленна категория орудий, также имеющих полную аналогию в стоянке Нарва III и I, — точильные камни и шлифовальные плиты (общим числом 14), материалом для которых послужил песчаник, близкий по плотности к кварциту. Величина и форма их различна. Есть крупные (15 × 8 и 10 × 12 см), очень уплощенные, овальные по форме, с сильно сработанными сторонами. На поверхности одной из плит в результате круговых движений при шлифовке предметов образовалось чашеобразное углубление, что и послужило причиной

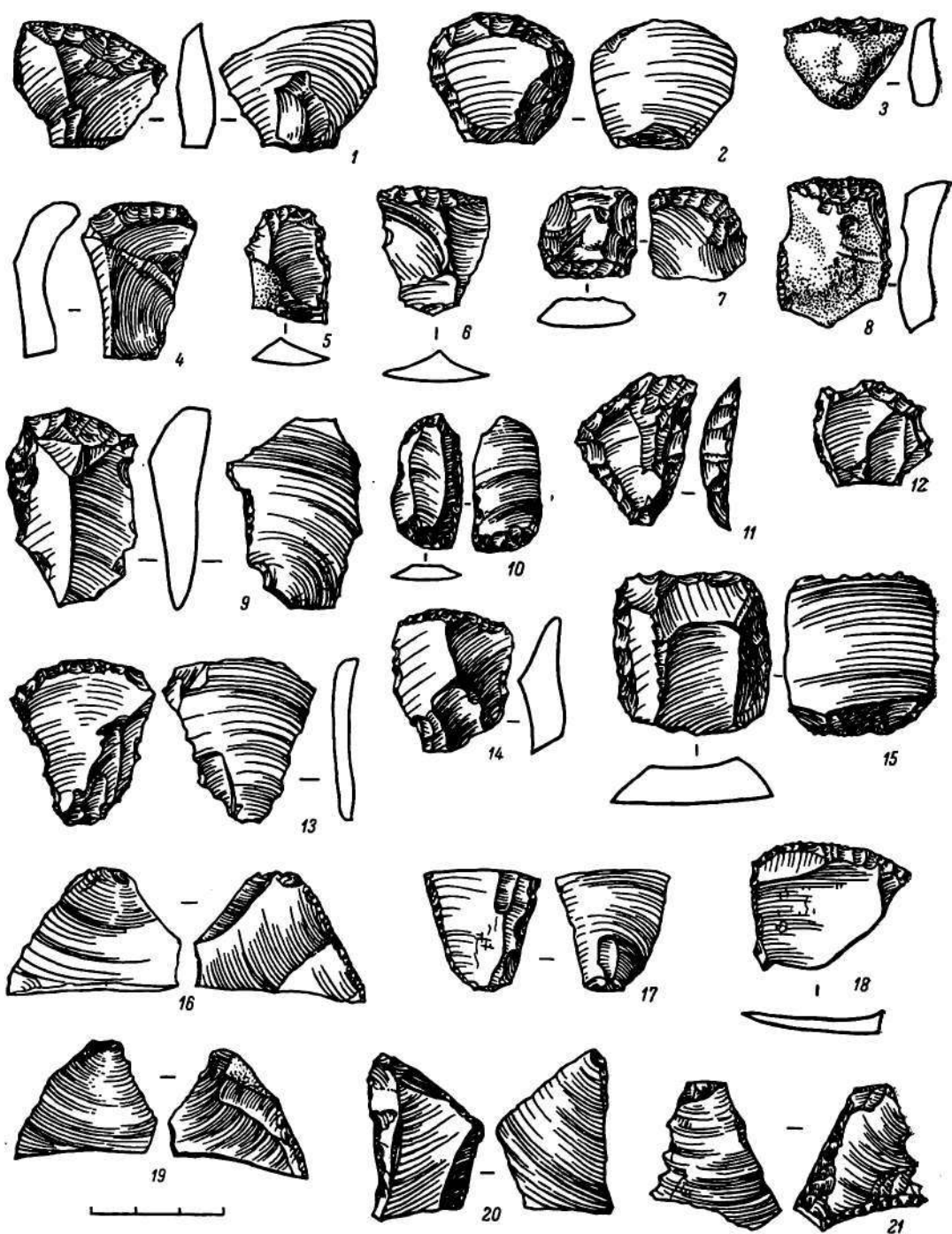

Рис. 37. Кремневые орудия. Нарва II (1—21).

слома плиты в средней части. То же произошло и с другой такой же плитой. Имеется и еще два обломка от крупных уплощенных плит.

них поверхность вогнутых узких граней зашлифовалась до блеска, видимо в результате заглаживания каких-то несомненно мягких предметов. На многих точильных

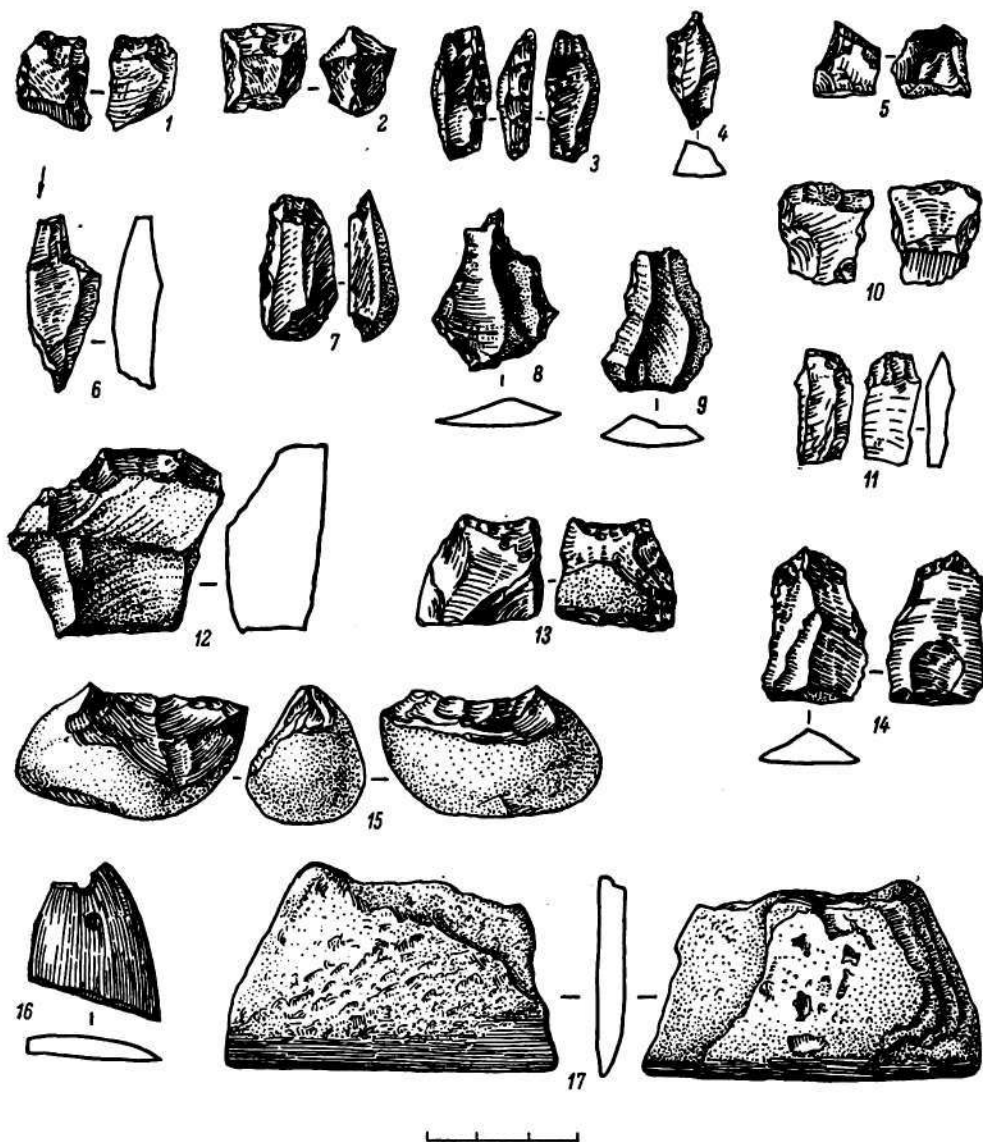

Рис. 38. Кварцевые орудия. Нарва II (1—17).

Но есть и иного типа абразивы, которые из-за их длинной и узкой формы и четырехугольного сечения правильнее было бы назвать точильными брусками. Все четыре грани их сильно сработаны, широкие уплощены, узкие вогнуты от встречного движения затачиваемого предмета. У одного из

камнях сохранились узкие следы от затачивания острых орудий очень малого диаметра.

Помимо перечисленных предметов, на стоянке найден обломок очень тонкой пришлифованной сланцевой плитки, с частичными противоположными опилами, произ-

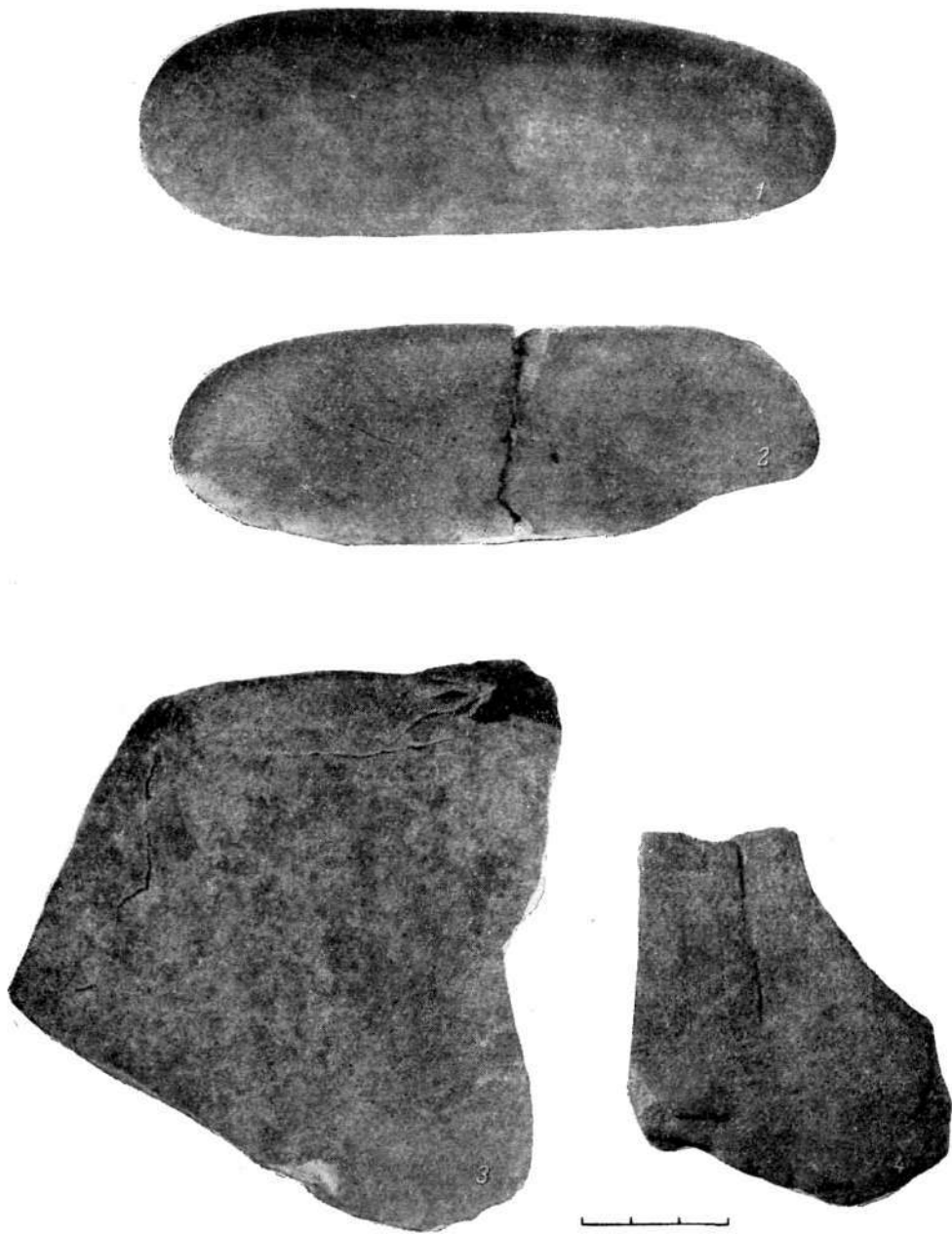

Рис. 39. Каменные лоцила и кварцитовые шлифовальные плиты (1—4).

веденными по двум концам орудия, а также фрагментированная подвеска серовато-зеленоватого сланца, тонкая, овальной формы, с обломанным концом. Уцелевший противоположный конец ее снабжен маленьким сквозным просверленным отверстием. В связи с тем, что самый конец подвески около отверстия оказался обломанным, на одной из сторон ее было начато новое сверление, оставшееся, однако, не законченным (рис. 38, 16).

В отличие от каменных орудий, костяных в Нарве II немного. Их исчезновение может объясняться залеганием культурного слоя близко от поверхности и отсутствием в нем ракушняка. Вместе с тем малое количество орудий может быть вызвано и тем обстоятельством, что в этом поселении вообще значительно больше каменного инвентаря, который в быту заменял кость. Однако несмотря на небольшое количество предметов (рис. 40, 1—4, 6—11), они имеют важное принципиальное значение для установления преемственности в технике изготовления орудий между тремя рассматриваемыми поселениями.

С наибольшей отчетливостью это проявляется в наличии здесь четырех косоопиленных верхних эпифизов метаподий парнокопытных, представленных единственным экземпляром в Нарве III и столь многочисленными в поселении Нарва I (рис. 40, 6, 10, 11). В одном случае кость распилена продольно с одного, а возможно и с обеих сторон (вторая сторона фрагментирована), а затем косым опилом под острым углом (около 35°), произведенным с двух противоположных сторон, удален эпифиз. На втором экземпляре косой опилен произведен лишь с одной стороны, продольный же — с двух.

Два других косоопиленных эпифиза мельче размером и являются дорзальными частями. На них также отчетливо заметны предшествующие продольные опилы, расположенные на противоположных сторонах. Косой опилен на одной кости односторонний, на другой — произведен с двух противоположных сторон.

Помимо того, на стоянке найден еще один эпифиз метаподия более мелкого животного, с двумя продольными опилами и одним косым, произведенным также с двух противоположных сторон.

Все эпифизы являются фактически отбросами производства, однако они интересны как показатели тождественности приемов обработки кости на всех нарвских поселениях.

Наблюдения показывают, что при изготовлении орудий из метаподий на поселении Нарва II применялись совершенно те же приемы, что и на поселении Нарва I и массе других прибалтийских стоянок.

Сначала производилось продольное опиление кости, а затем уже каждая опиленная половина, почти всегда положенная вверх плоским срезом, пропиливалась по косой с целью удаления эпифиза. При этом продольное пиление произведено как для отделения передней стенки от задней, так и для расчленения боковых стенок.

Из орудий многочисленные аналогии в поселении Нарва I имеет небольшое тесло (рис. 40, 7), изготовленное из трубчатой кости, лезвие которого получено благодаря стесанной и потому резко уплощенной одной стороны и округло-выпуклой дугой. Вся поверхность его зашлифована, лезвие вогнуто благодаря естественной форме трубчатой кости. Такие орудия широко известны в Прибалтике, при этом не только в стоянках с керамикой нарвского типа, но и мезолитических (Кунда, Пярну, мезолитический слой Нарвы (город) и Оса).

От более массивного, по-видимому мотыгообразного, рогового орудия сохранился лишь обломок, зашлифованный и залощенный от употребления.

Встречено костяное орудие удлиненной формы с опиленным под углом в 45° концом, тщательно зашлифованное по всей поверхности (рис. 40, 1), а также четыре коротких куска кости ромбической формы, отпиленные непосредственно от верхнего эпифиза метаподий парнокопытных (лопила) (рис. 40, 2, 4). Помимо того, найдено около двух десятков обломков стерженьков и уплощенных костяных предметов, назначение которых понять не удастся, среди них есть, по-видимому, зубцы гарпунов и небольшие острия.

В плане установления связи между поселениями Нарва II и Нарва I существенно и наличие двусторонне опиленного куска рога, распиленного в поперечном направлении и обработанного по краям (рис. 40, 9).

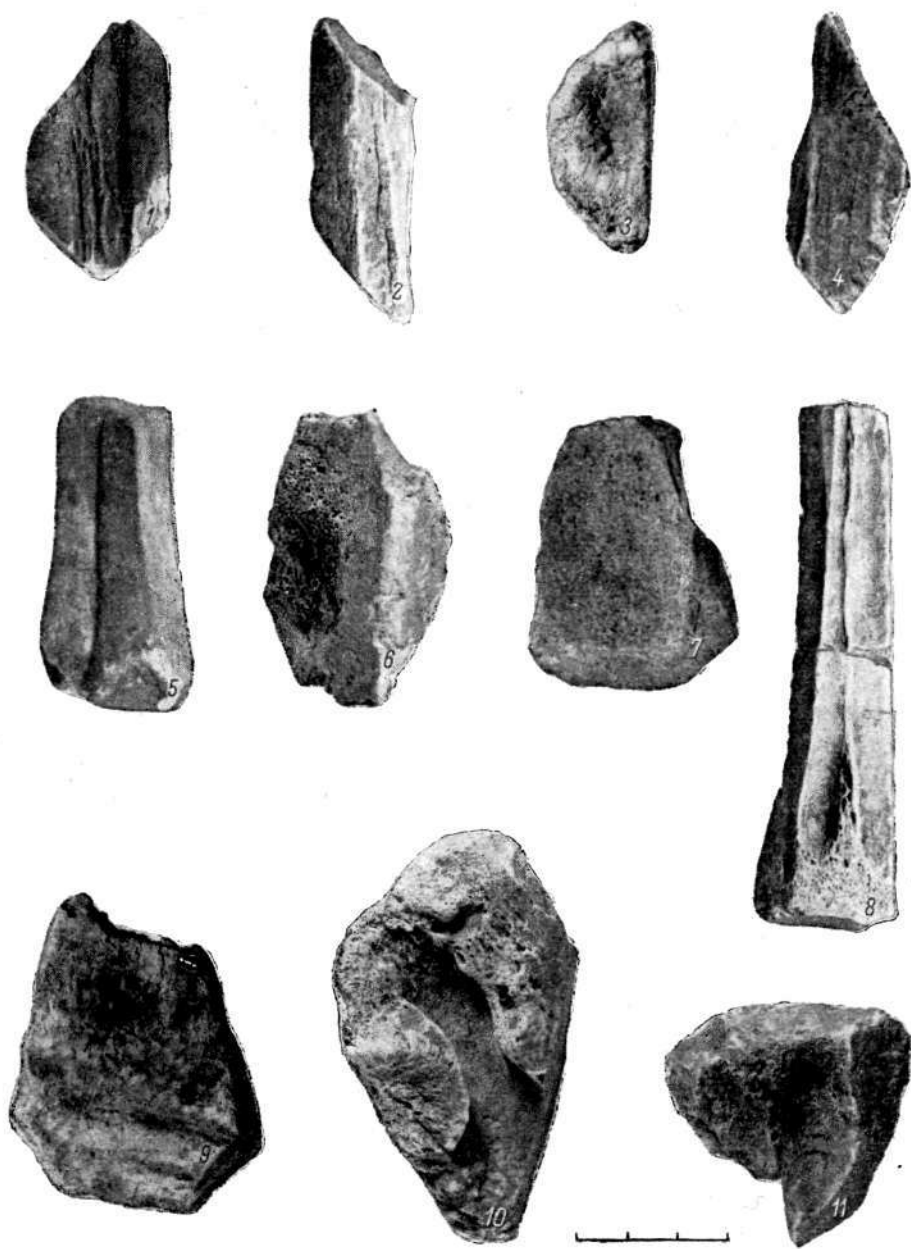

Рис. 40. Костяные орудия и отполированные эпифизы метаподий парнокопытных (1—11).

ПОСЕЛЕНИЕ НАРВА I

Наибольшим по исследованной площади является поселение Нарва I. Наряду с огромным количеством предметов, изготовленных из кости и рога, на поселении Нарва I имеется множество разнообразной керамики, которую довольно легко можно отнести к тому или иному типу ввиду того, что мы познакомились с керамическим материалом поселений Нарва III и Нарва II, имеющих значительно более чистые комплексы.

В керамике поселения Нарва I прежде всего выделяются сосуды нарвского типа, очень характерные для Нарвы III, и типичная гребенчато-ямочная керамика, явно господствующая в Нарве II.

Однако на данном поселении обильно представлена и третья, качественно новая, группа керамики (встреченная в Нарве II в небольшом количестве и не в столь отчетливо выраженной форме); которая является как бы гибридной, объединяющей в себе признаки двух различных керамических групп — нарвской и гребенчато-ямочной.

Начнем рассмотрение материала Нарвы I в том же порядке, как рассматривали его в предшествующих памятниках.

1. Керамика нарвского типа (рис. 41—50)

На поселении насчитывается 2752 фрагмента керамики нарвского типа. К сожалению, ввиду плохого качества глиняного теста (наличие большого количества органической примеси и, вероятно, более слабого обжига) отсутствуют не только цельные сосуды, но и более или менее крупные части их, хотя величина отдельных фрагментов нередко бывает сравнительно большой. Составить представление о форме сосудов можно на основании многочисленных краев и дна, а также данных, полученных в результате раскопок стоянок с керамикой нарвского типа в Прибалтике (правда, цельными там представлены только маленькие сосуды-лодочки, крупные же удалось реставрировать только в одном поселении Сарнете, при этом они несколько иные по профилировке).

Нарвская керамика Нарвы I в основных чертах сходна с керамикой Нарвы III и других стоянок этого типа (рис. 41, 1—

67). Примесью к глиняному тесту служит дробленая раковина (в абсолютном большинстве случаев) или какая-то растительная примесь, совершенно выгоревшая при обжиге. Неорганическая примесь в этой группе керамики встречается лишь в 6 фрагментах. Обжиг сосудов, по-видимому, не очень сильный, хотя, вероятно, и более равномерный, во всяком случае там, где введена растительная примесь, поскольку сгорание ее в процессе обжига происходило внутри самих стенок сосудов.

Профиль края сосудов чрезвычайно прост. В абсолютном большинстве случаев он прямой, очень ровный, утонченный (иногда до 5 мм) по сравнению со стенками, бережок его округлый, значительно реже чуть-чуть утолщенный с наружной и скошен во внутреннюю сторону (рис. 41, 31—41).

Днища сосудов идентичны днищам сосудов Нарвы III и других стоянок нарвского типа (рис. 42, 13—27; 43, 1, 11—15). Среди них встречаются два вида — с оттянутым, как бы заостренным (до 6 мм) концом, заполненные сплошь глиняной массой, и неправильно округлой формы, также довольно сильно утолщенные (до 2 см).

Размер сосудов различен. Есть крупные, до 30 см в диаметре горла, и вместе с тем встречается целая группа (до 30 шт.) маленьких, диаметр которых не превышает 4—5 см. Техника изготовления их, имеющая в данном случае большое значение для сопоставления нашего памятника с другими, представлена довольно отчетливо.

Судя по частям сосудов, распавшихся на месте скрепления, можно сделать заключение о наличии двух различных технических приемов изготовления их: а) налепом и б) подлепом. При этом, основываясь на количественном соотношении черепков с сохранившимися следами изготовления, приходим к выводу, что первый способ, хотя, по-видимому, и не являлся господствующим, был вместе с тем нередким. Так, 181 черепок сохранил признаки налепной техники, тогда как техника подлепа отчетливо заметна всего лишь на 69 фрагментах. Это не отражает, конечно, действительного соотношения двух приемов формовки сосудов, поскольку лишь на немногих черепках сохранились следы изготовления, однако приведенные цифры служат показателем того, что техника налепа — явление не слу-

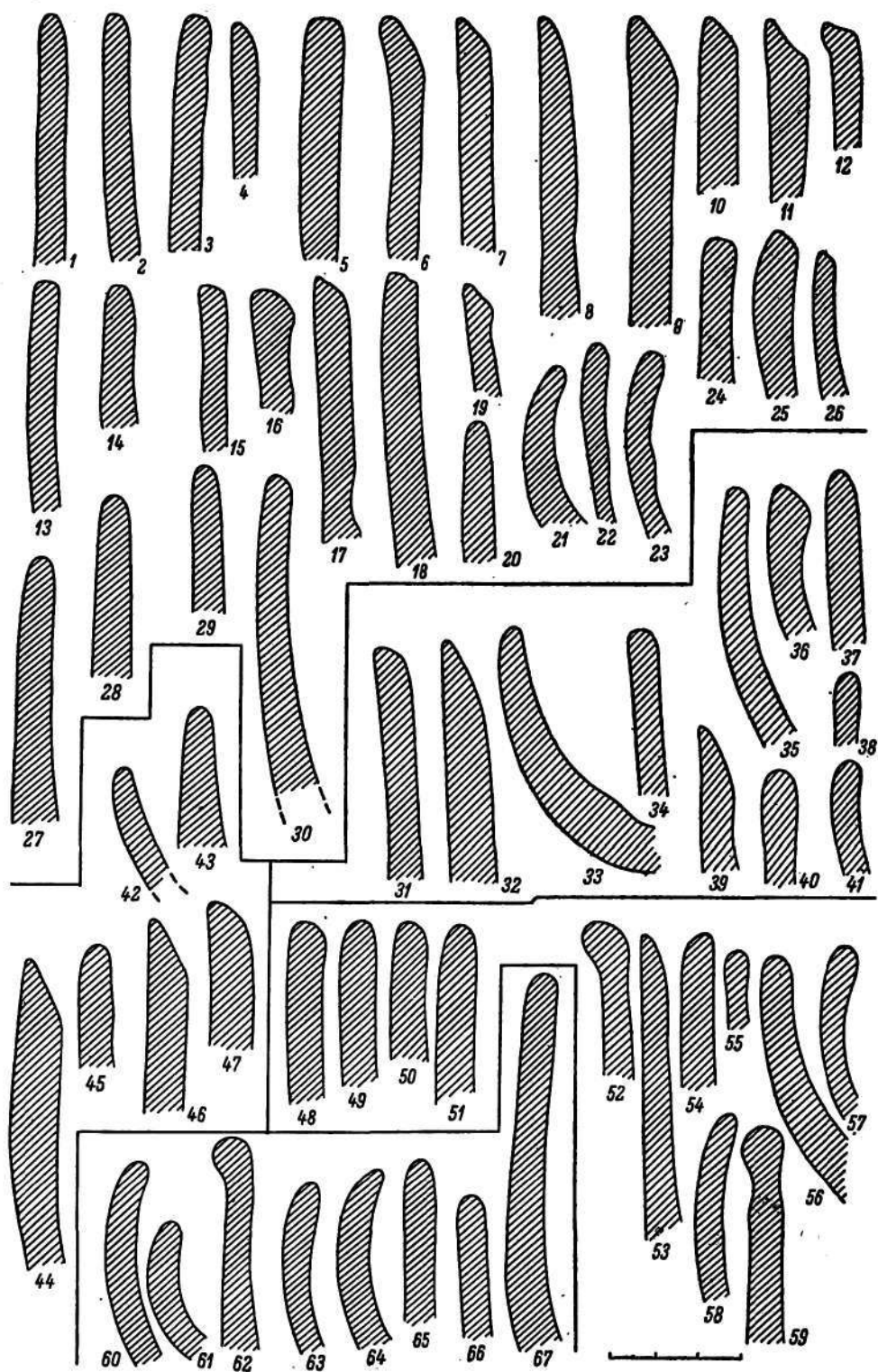

Рис. 41. Края сосудов нарвского типа.

1—30 — Нарва III; 31—41 — Нарва I; 42—47 — Оса; 48—59 — Нарва (город); 60—67 — Кяла.

чайное, а достаточно типичное для данной группы керамики.

Ширина глиняных лент невелика (рис. 43, 2—9). Как правило, она не превышает 5.5 см, чаще же значительно уже — 3.5—

особенно прочным, в результате чего сосуд распадался именно в этих местах.

Существенно, что способ налепа, часто встречающийся в керамике нарвского типа, почти не наблюдается на сосудах с типич-

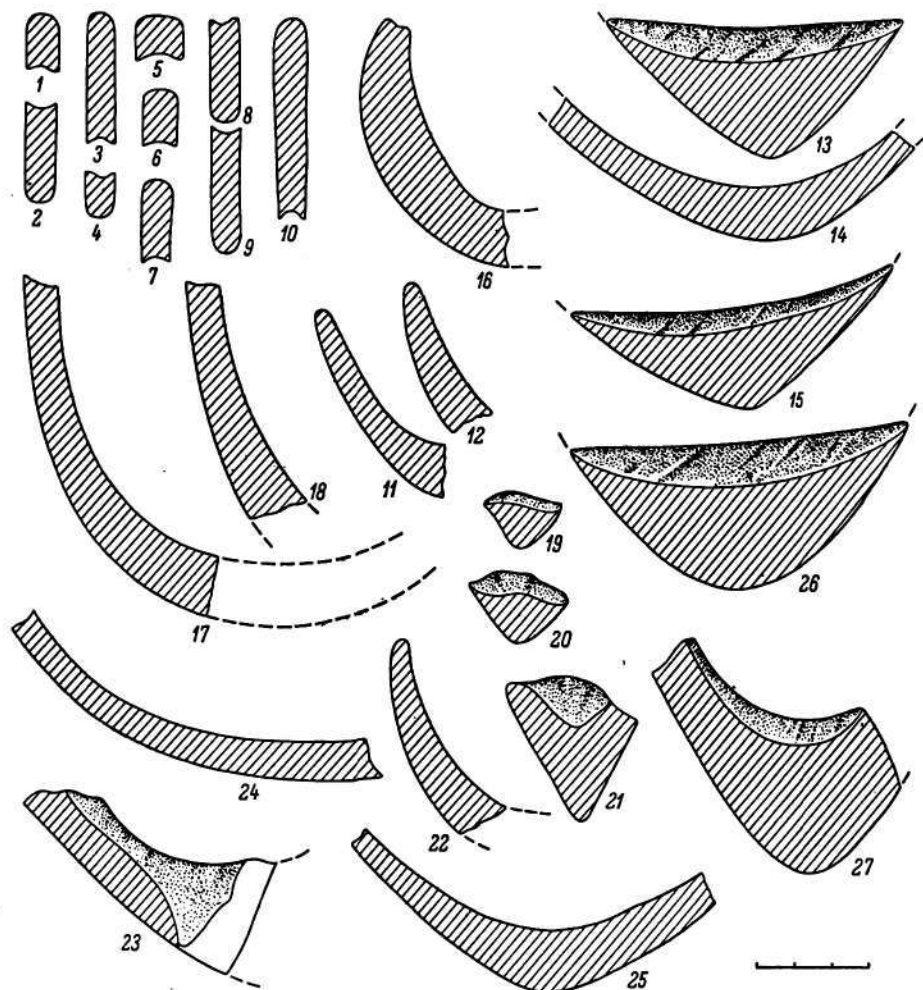

Рис. 42. Техника налепа керамики нарвского типа (1—10), форма днища сосудов (11—27).

1—23 — Нарва I; 24, 25 — Пестяня; 26 — Кяапа; 27 — Нарва III.

2.8 см. Вместе с тем очень много сосудов, где ширина лент чрезвычайно мала — 7 мм, а в одном случае даже равна 5 мм. Существенно, что способ наращивания сосудов столь узкими лентами не случаен, поскольку таких лент (во фрагментах) насчитывается 102. Как удалось заметить, благодаря подбору нескольких лент ими наращивался сосуд в основном в верхней части, ближе к краю. По-видимому, такой способ не был

ным ямочно-гребенчатым орнаментом. Присутствие его отмечено лишь в полной мере в единичных случаях (например, в одном из черепков стоянки у Кавголовского озера).⁷

Известная неразработанность, неустойчивость керамики нарвского типа, отмечен-

⁷ См.: Л. А. Динцес. Неолитическая стоянка в Токсове. Отд. Ленингр. окружного общ. краеведения на финско-ладожском перешейке. Л., 1929.

ная нами в Нарве III, в полной мере проявляется и в рассматриваемой группе сосудов Нарва I. Так, в ряде случаев в пределах

Вся керамика этого типа с внешней и внутренней стороны имеет сильные расчесы — явление, чрезвычайно характерное

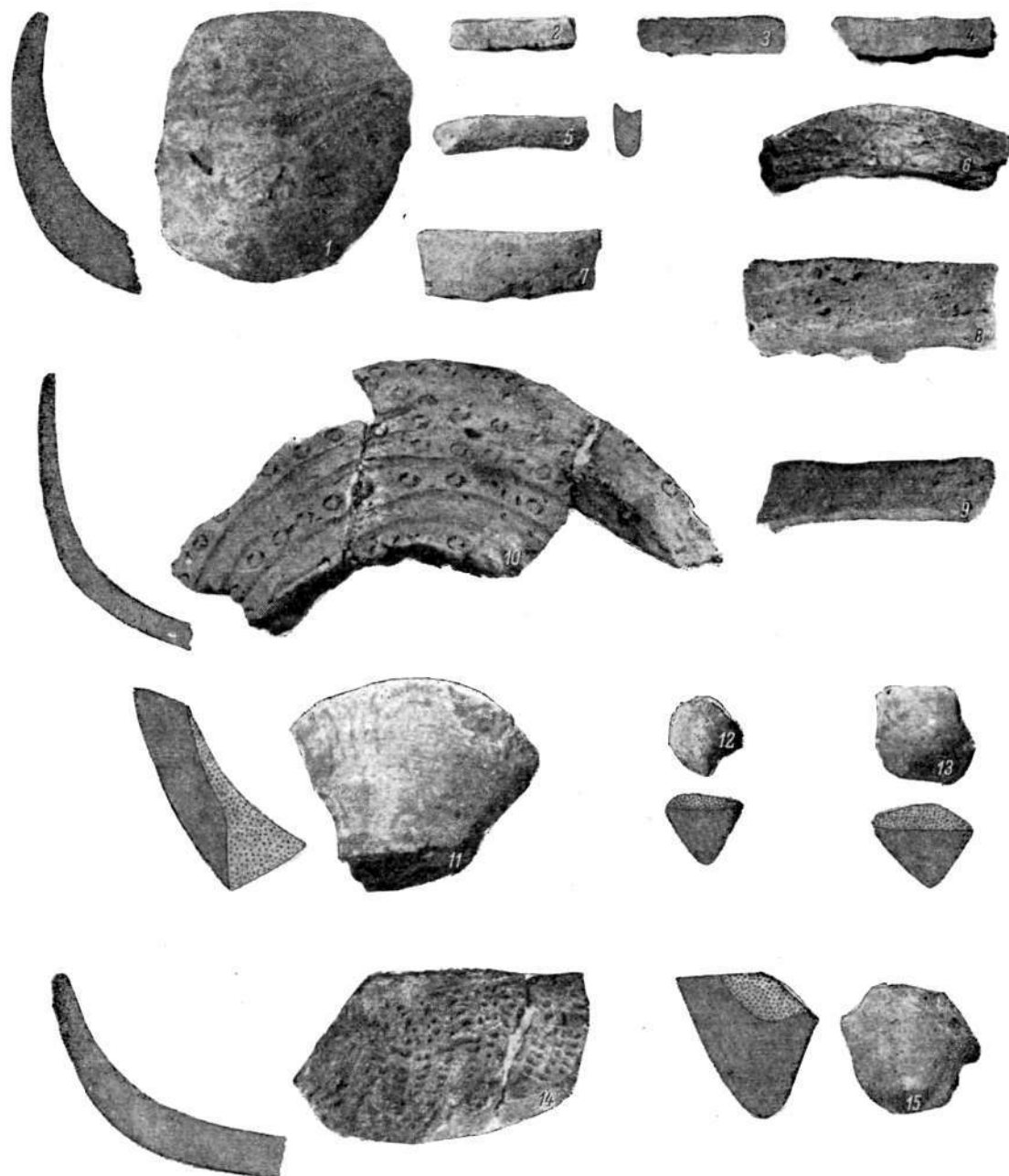

Рис. 43. Керамика нарвского типа. Нарва I (1—15).

одного сосуда соединяются два приема изготовления — одна сторона ленты скреплена с другой в нижней части с помощью подлепа, а в верхней — налепа.

для керамики Нарвы III. Однако если рассматривать этот признак в деталях, можно заметить, что резкость штрихов в Нарве I несколько смягчена, они не такие глубокие

и рельефные, как в поселении Нарва III. Внешняя и внутренняя поверхность черепков заметно пориста, внешняя иногда заглажена.

Некоторым отличием керамики Нарвы I от этого же типа керамики Нарва III является и очень малое количество в первой гладких сосудов темного цвета, с сильно заглаженной, как бы гляцевитой поверхностью, не имеющей на внешней стороне следов расчесов (рис. 44, 1—4).

В подавляющем большинстве случаев, подобно керамике Нарвы III, она не орнаментирована. Из 2752 фрагментов этого типа, без орнамента насчитывается 2352, т. е. свыше 85%. Остальная керамика, хотя и украшена, однако, резко отлична от керамики гребенчато-ямочной. Узор, нанесенный на ней, очень неглубокий. Часто штамп едва касается поверхности глины, нередко как бы скользит по ней.

Преобладающим элементом украшений служат гребенчатые отпечатки, нанесенные с помощью легкого прикосновения штампа к глине, при этом сама гребенка очень разнообразна — редко четкая, чаще как бы слитная, иногда напоминающая отступающий штамп, оттиски ее наползают друг на друга как бы в результате покачивания (рис. 43, 14; 44, 11) и даже сами зубцы у гребенки разной величины. В целом гребенчатый орнамент поражает отсутствием разработанности и строгой повторяемости в отличие от узоров гребенчато-ямочных сосудов. Лишь очень небольшое количество орнаментировано тоненькой и узкой гребенкой (рис. 45, 2—5, 7—11, 13, 14).

Вторым элементом орнамента являются нарезки и насечки, также создающие горизонтальные полосы. Величина и глубина их различны — от очень тонких и длинных, как бы прорезанных острым инструментом, до коротких и широких, напоминающих резко удлиненные мелкие ямки (рис. 46, 3—5, 10, 12, 16).

Иногда оба элемента узора — гребенка и нарезки сочетаются друг с другом, примером чего является наиболее сложно орнаментированный сосуд с довольно отчетливо выраженной зональностью (представленный 14 фр.), где узор складывается из чередования горизонтально положенных коротких нарезок, создающих линию (от двух до четырех рядов), и горизонтальной же полосы отпечатков короткой гребенки. Ближе ко дну

нанесен ряд мелких нарезочек (рис. 47, 15, 16). Край другого сосуда украшают горизонтальные линии, составленные отпечатками штампа (близко поставленными друг к другу, в результате чего создана видимость сплошного узора); край третьего орнаментирован двумя поясами из оттисков гребенки, поставленной в одном случае прямо (рис. 45, 17), в другом — наклонно.

Композиция удивительно проста и даже примитивна. Горизонтальные полосы, создаваемые гребенчатым штампом, далеко не всегда размещены правильно по сосуду, нередко мастер не в состоянии выдержать прямой линии, в силу чего она ломается — то приближается к краю сосуда, то отдалляется от него. И сами оттиски гребенки, создающие эти линии, поставлены кое-как, без строгого соблюдения угла наклона по отношению к краю сосуда, нередко они находят одна на другую. В некоторых случаях покачивание гребенки произведено преднамеренно, в результате чего создается «шагающий узор», при этом в очень редких случаях четкий (рис. 48, 11, 15—26). Только единичные экземпляры могут быть причислены к этой группе. В одном случае сохранившиеся значительные по величине части позволяют произвести реконструкцию сосуда (рис. 49).

Типичный ямочный орнамент отсутствует, однако 34 фрагмента украшены очень мелкими ямчатыми вдавлениями, также образующими в основном горизонтальные ряды. Диаметр и форма ямочек различны, в подавляющем большинстве они мелкие, округлых, изредка подчетырехугольных очертаний. Только один небольшой сосуд украшен ямочными вдавлениями, образующими горизонтальную линию и спускающиеся от нее гирлянды (рис. 46, 9).

Особо следует отметить 30 фрагментов от очень маленьких, иногда крошечных сосудов, диаметр которых колеблется от 4 до 2 см. Стенки их соответственно очень тонкие, чаще всего не превышают 3 мм. Тесто почти всегда с растительной примесью или толченой раковинной, к которой лишь в исключительных случаях добавлен мелкий песок (рис. 50, 1—18).

Край таких сосудов прямые или округлые, форма сферическая, орнамент, покрывающий всю поверхность, состоит преимущественно из мелких ямочных вдавлений или крошечных нарезок, нанесенных часто

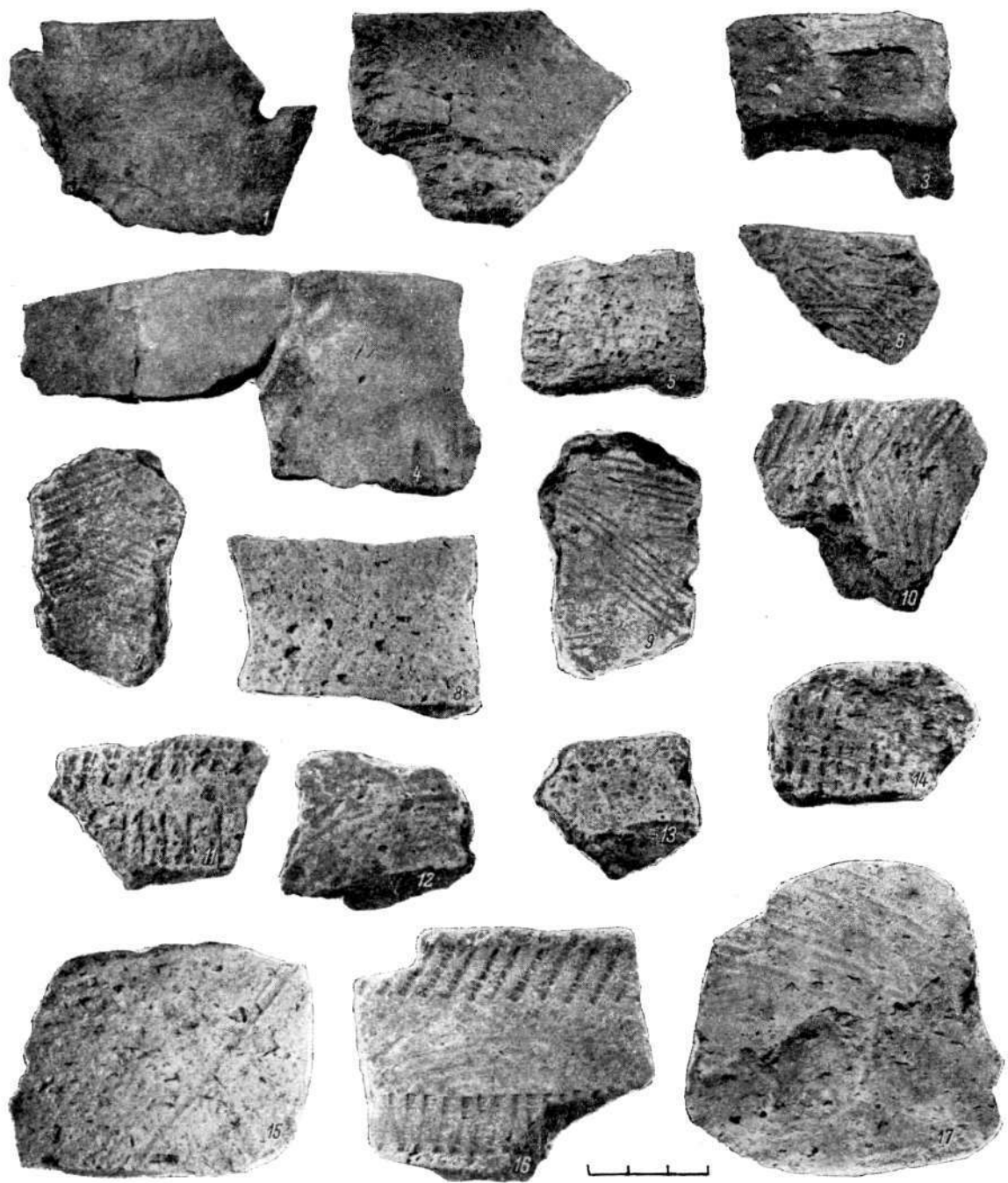

Рис. 44. Керамика нарвского типа. Нарва I (1—17).

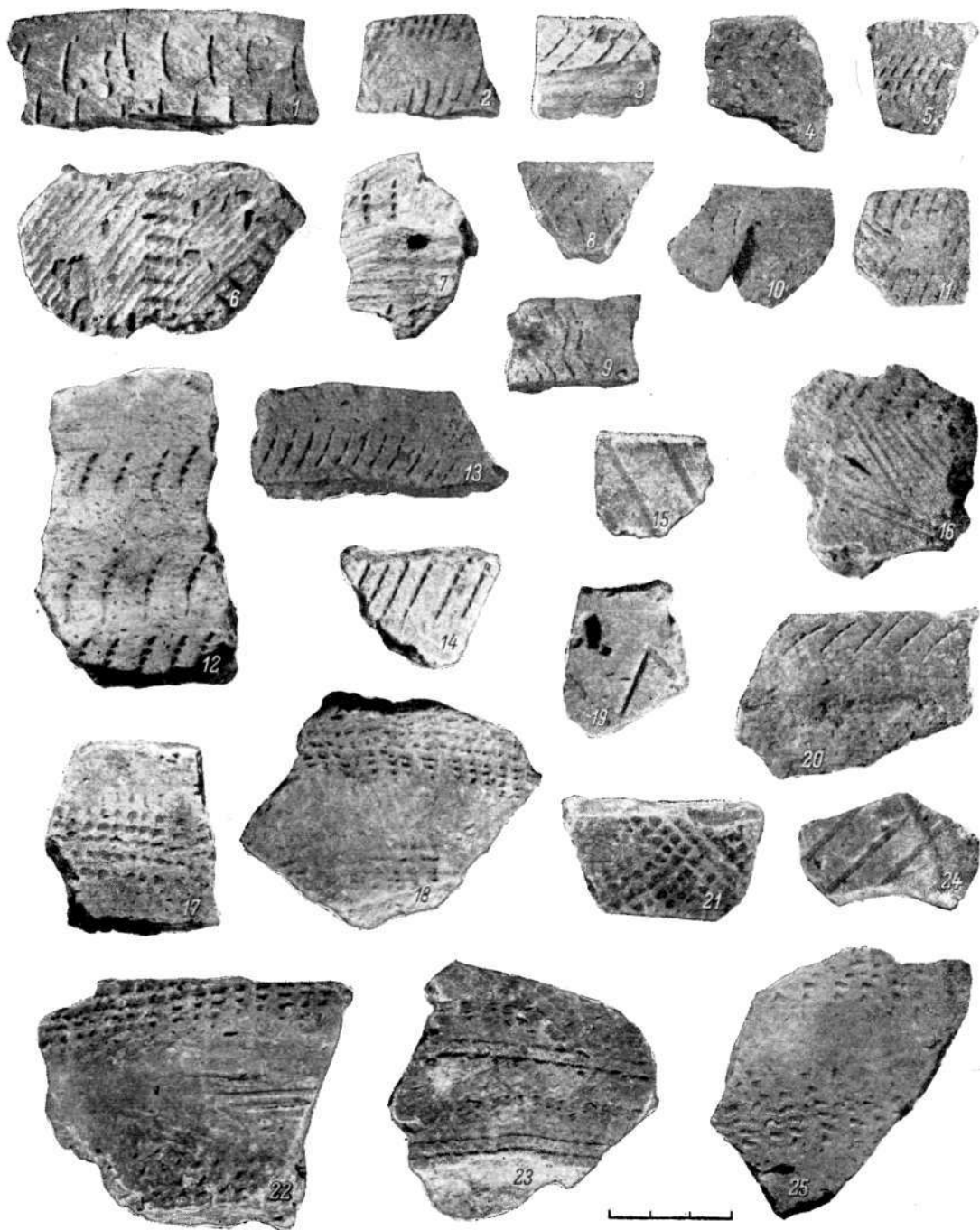

Рис. 45. Керамика нарвского типа. Нарва I (1—25).

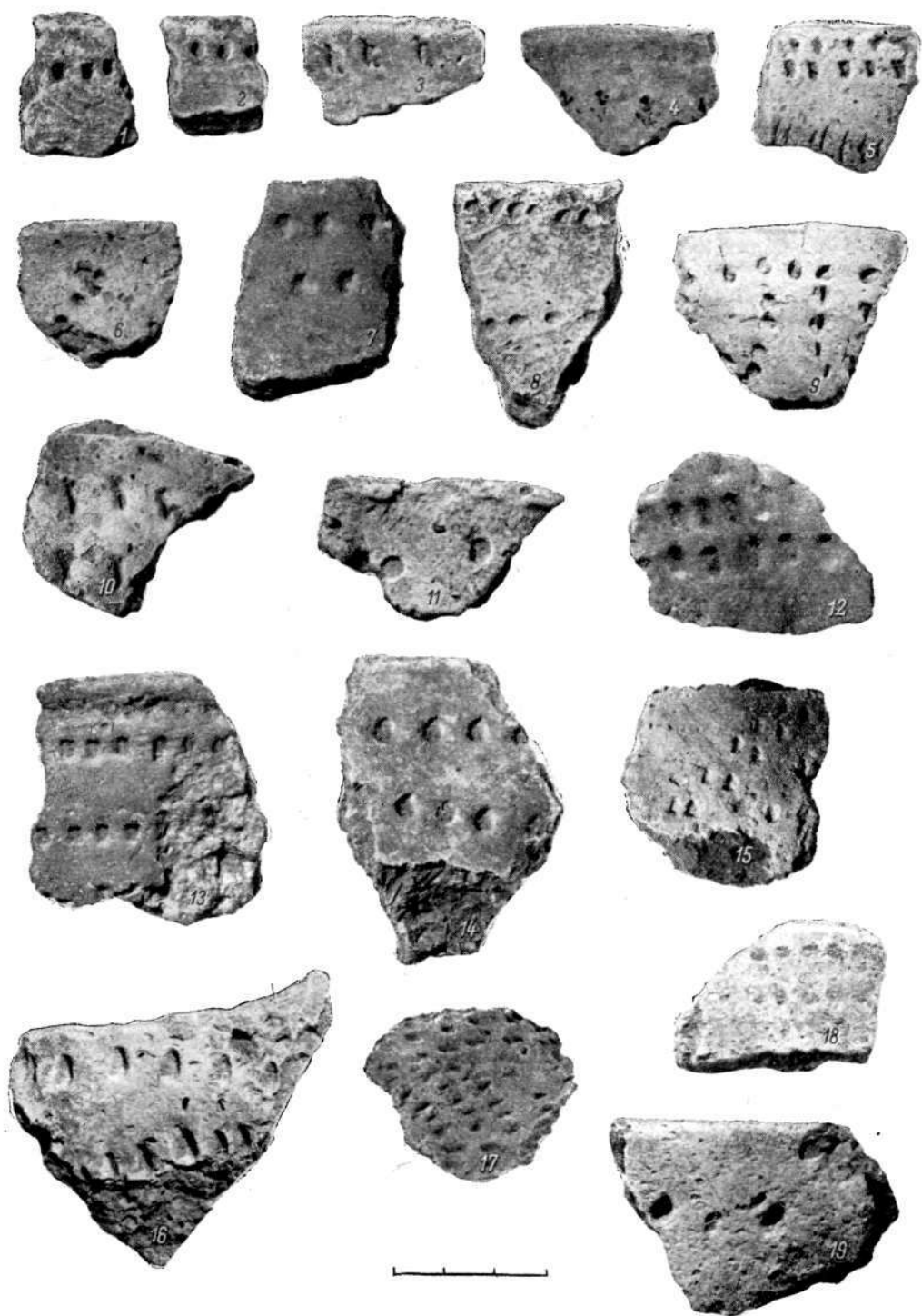

Рис. 46. Керамика нарвского типа. Нарва I (1—19).

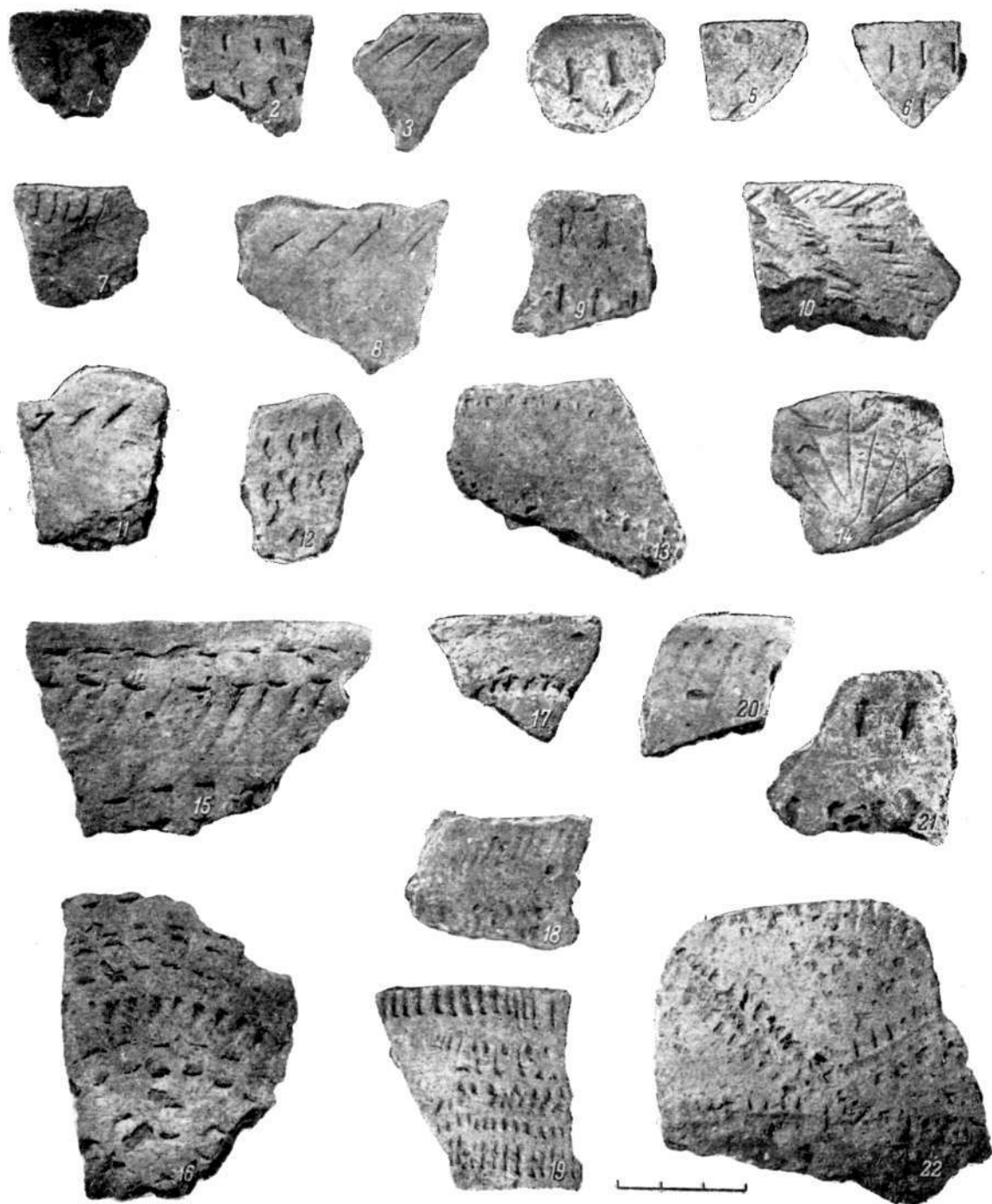

Рис. 47. Керамика нарвского типа. Нарва I (1—22).

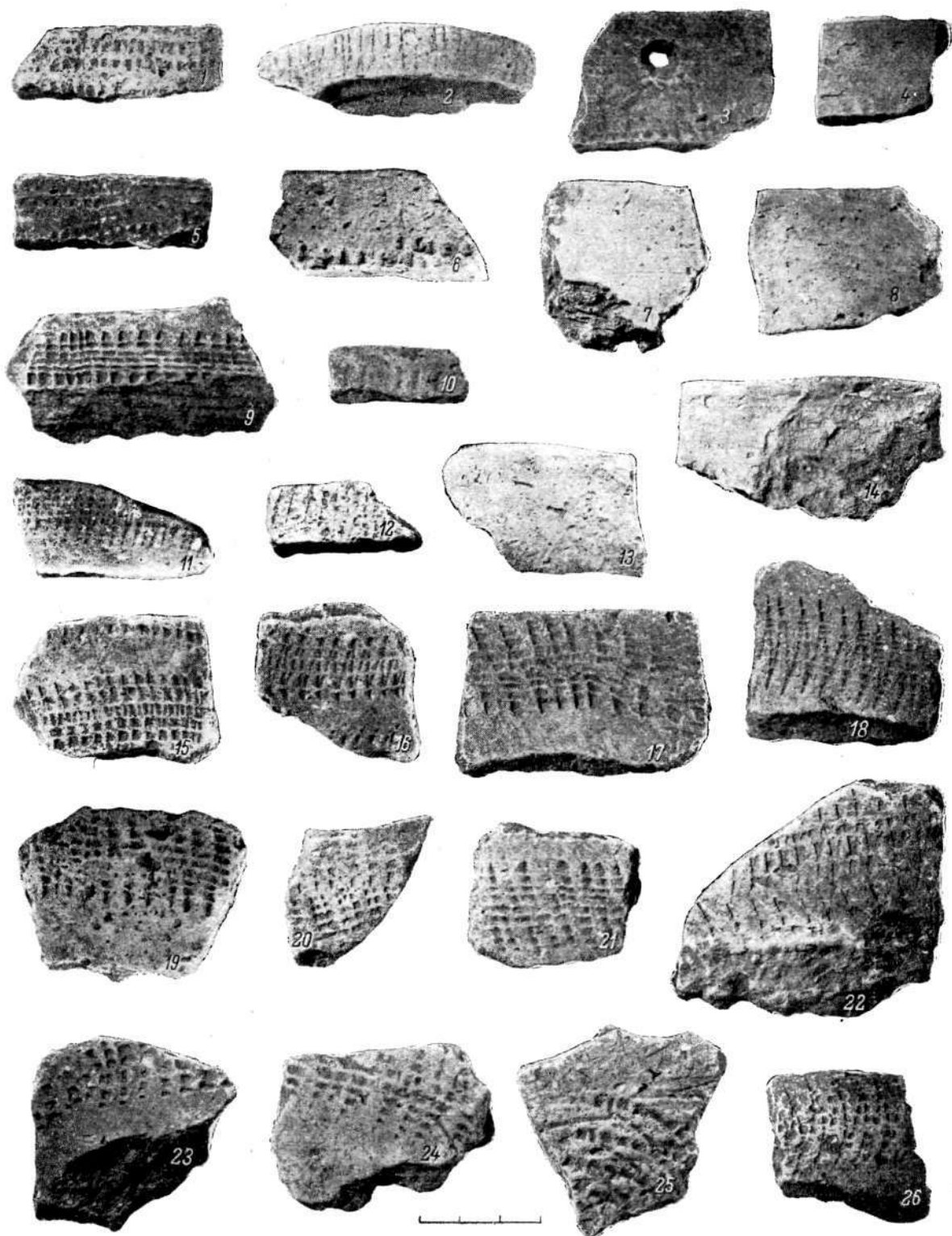

Рис. 48. Керамика нарвского типа. Нарва I (1—26).

поверх расчесов. Один из таких сосудов весь украшен отпечатками поверхностной гребенки; на другом даже заметна попытка создать некоторый узор (рис. 50, 3) из двух элементов — ямок и короткой гребенки, тре-

сая мисочка (по всей вероятности, миска-лодочка), украшенная горизонтальными рядами отпечатков трубчатой кости, чередующимися с прочерченными горизонтальными же линиями (рис. 43, 10).

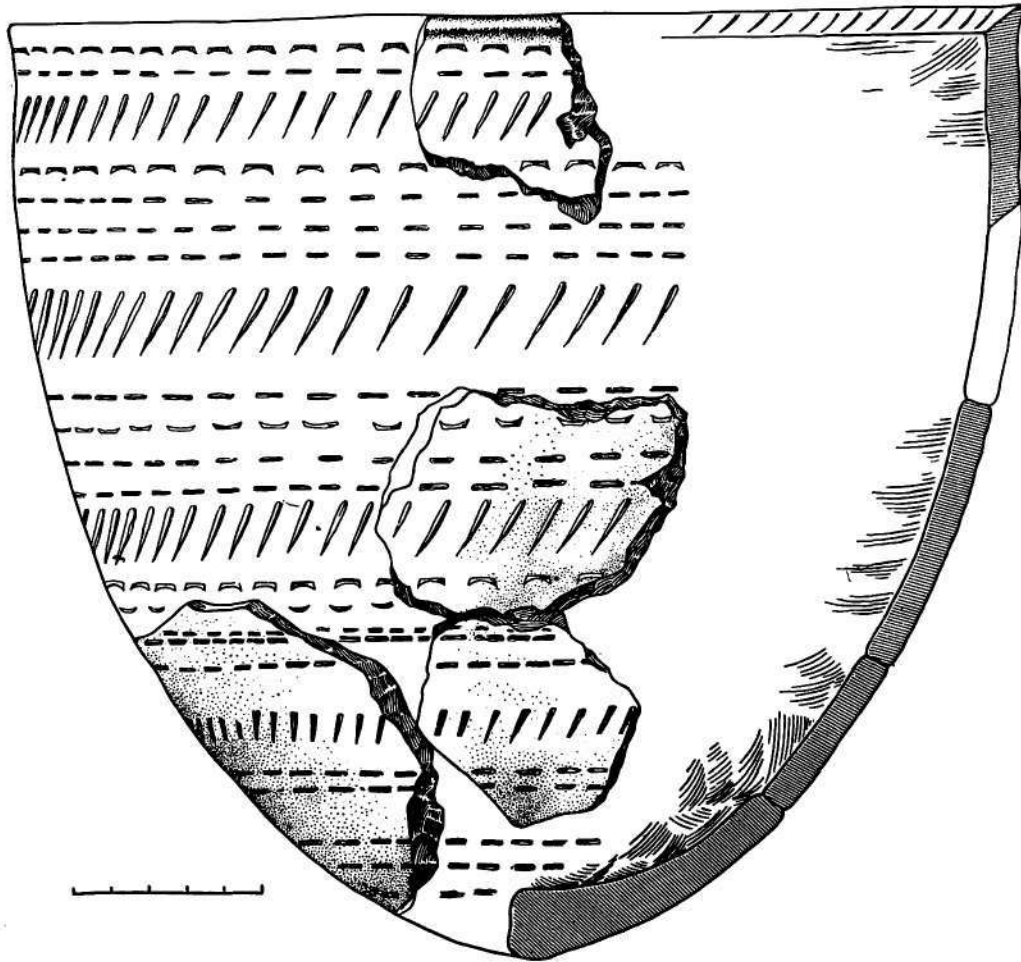

Рис. 49. Реконструкция одного из сосудов нарвского типа.

тий сосудик украшен только ямками. В виде исключения в этой группе встречаются вовсе неорнаментированные сосудики. Очень малый размер не дает основания видеть в них предметы, имеющие практическое значение; возможно, они служили для каких-то ритуальных целей или являлись игрушками.

Остальные виды орнамента (двухзубый штамп, прочерченные линии и др.) представлены в полной мере единичными экземплярами (от 2 до 7). Наиболее ярким образцом этой группы является небольшая, очень пло-

II. Гребенчато-ямочная керамика

А. Керамика с неорганической примесью

Чтобы отчетливее почувствовать различие между керамическими комплексами поселения Нарва I, необходимо после керамики нарвского типа перейти к рассмотрению гребенчато-ямочных сосудов (рис. 51—62) с неорганической примесью (подгруппа А).

Общее количество фрагментов таких сосудов насчитывается около 6000 (5590 экз).

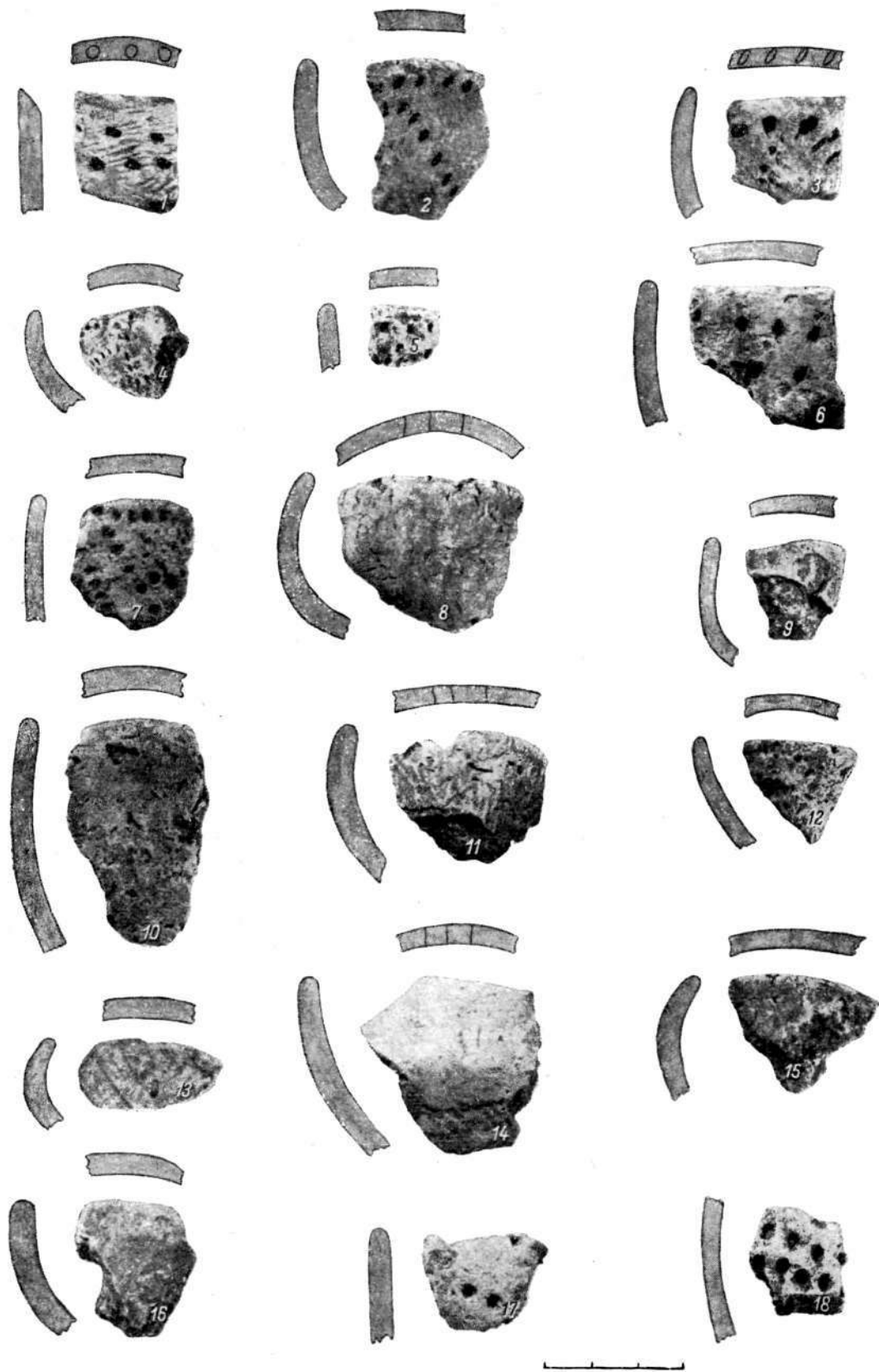

Рис. 50. Керамика нарвского типа. Нарва I (1—18).

Наиболее существенным отличием от керамики нарвского типа является примесь к глине во всех случаях крупнодробленого кварца и лишь изредка мелкого песка с блестками слюды. В силу такого состава примеси черепки жестки и шероховаты на ощупь. Цвет их почти всегда темно-желтый и очень редко с сероватым оттенком, что по видимому, в большой мере зависит от сильного относительно равномерного обжига, о чем свидетельствует одноцветность черепка в изломе. Лишь иногда встречается более темный цвет на внутренней стороне сосуда.

Отличительной чертой этой группы керамики от керамики нарвского типа является также отсутствие следов от расчесов. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов заглажена, на внутренней нередко заметны легкие трещины, образовавшиеся при высыхании глины или в процессе обжига.

Размер сосудов крупный, мелкие и средней величины отсутствуют. О форме их дают представление края и, в известной мере, стенки. Отчетливо выраженных дна нет. Во всех случаях края сосудов не профилированы, типичны для гребенчато-ямочной керамики, бережок края утолщен по сравнению с толщиной стенок и нависает над ней, нередко вследствие того, что глиняная лента, формирующая край, загнута во внутрь. Иногда же это утолщение наблюдается на внешней стороне. Срез края чаще всего слегка скошен во внутрь, нередки случаи, когда он примят периодическим нажатием пальца, и потому волнистый (рис. 51, 3, 7, 9).

Толщина стенок средняя (до 8—10 мм), также типична для гребенчато-ямочной керамики. Глубокий рельефный орнамент покрывает всю поверхность сосудов от края до самого дна. Сосуды без орнамента отсутствуют. Прослеживается строгая зональность, выражающаяся в чередовании горизонтальных различно орнаментированных поясов. По сравнению с керамикой нарвского типа орнамент гораздо более разнообразен и строго разработан. Наблюдается правильное чередование зон, гармоническое сочетание элементов узора, выдержанность рисунка. Чрезвычайно редки случаи, когда один вид узора смыкается с другим или частично заходит на него, что весьма характерно для сосудов нарвского типа. Как правило, он отделен от другого свободным пространством.

Разнообразие и нарядность достигается весьма ограниченными элементами узора: ямками, преимущественно глубокими, коническими и очень редко мелкими, которые используются в отдельных случаях как дополнение к крупным ямкам. Форма ямок различна, чаще всего они округлые, реже овальные и совсем редко подчетыреугольные или ромбических очертаний. Однако в любом случае ямки служат не основным, а дополнительным, хотя и важным, элементом украшений. На сосуде зоны, которые заполнены гребенкой или нарезками, значительно шире. Однако сопоставление этой группы керамики с аналогичной керамикой Нарвы II показывает, что там подчиненное значение ямок выражено значительно отчетливее.

Наиболее распространенным узором является чередование горизонтальных лент, опоясывающих сосуд, составленных из наклонного гребенчатого штампа в один или два, реже три ряда, сменяемого лентой из ямок в один или два ряда.

Характер гребенчатого штампа различен. Иногда гребенка очень крупная и четкая, совершенно прямая, иногда узкая, короткая или длинная. В исключительных случаях встречается чрезвычайно короткая двузубая гребенка, как бы составленная из полуovalов (рис. 52, 6, 10, 13).

В отличие от керамики нарвского типа отпечатки гребенки глубокие, отставленные один от другого на строго определенное расстояние. Такое чередование полос гребенки и ямок прослеживается на абсолютном большинстве краев сосудов. При этом только в очень редких случаях бережок края оформляется ямками, а не гребенкой, тогда он, как правило, волнистый (рис. 51, 3, 7, 12).

Иногда наблюдается замена гребенки шнуром, намотанным на твердый стержень. В отдельных случаях он чрезвычайно мелкий и туго переплетенный. Ряд сосудов имеет сложную композицию узора, составленную, однако, из тех же двух элементов — гребенки и ямок. Иногда гребенка положена горизонтально от 3 до 6 рядов, создавая широкие полосы (рис. 53, 8, 9).

К числу сложно орнаментированных следует отнести сосуды, хотя и отличающиеся один от другого, но имеющие один общий принцип орнаментации. Края их

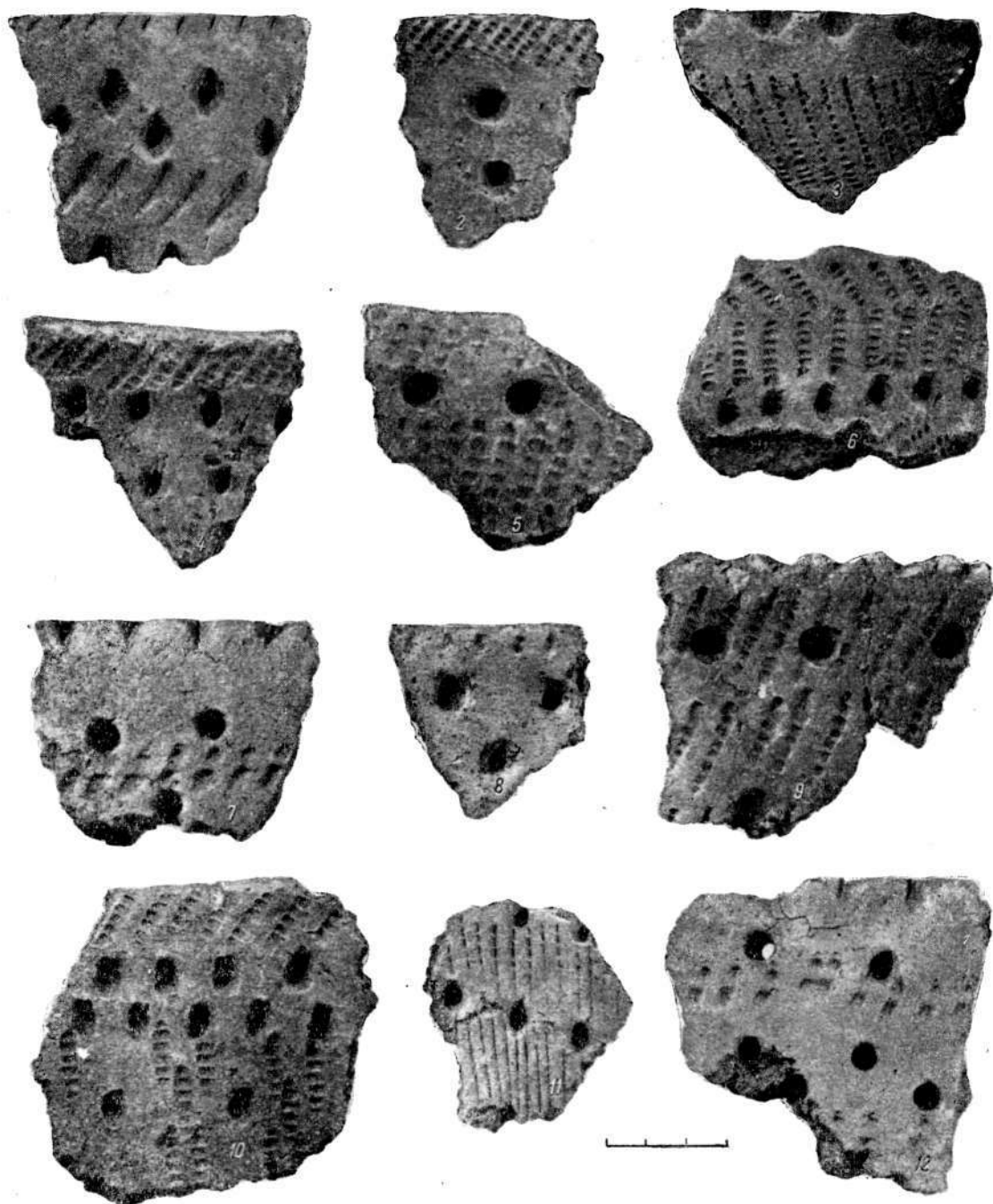

Рис. 51. Fragменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—12).

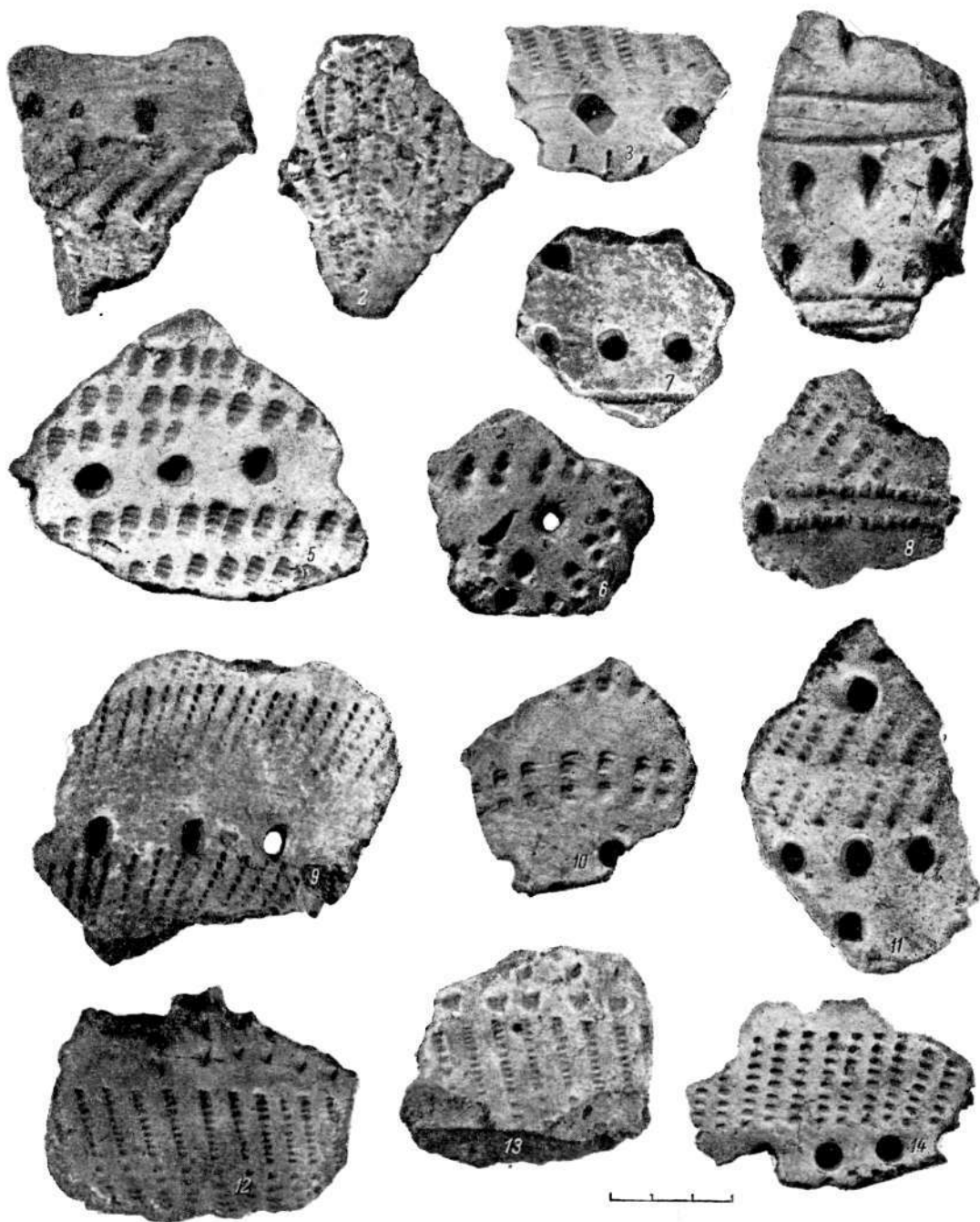

Рис. 52. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1-14).

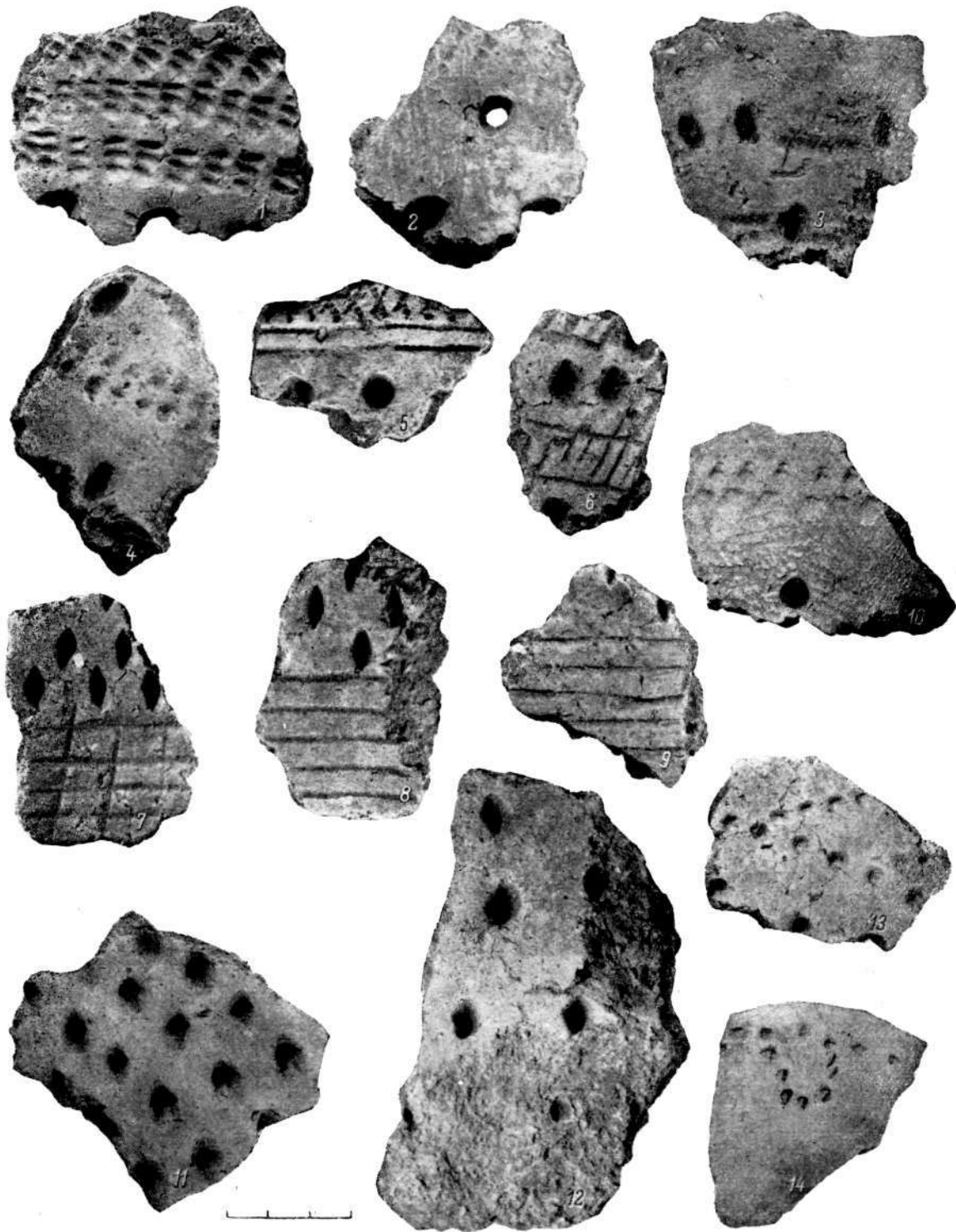

Рис. 53. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—14).

украшены диагональными поясами, образованными отпечатками косо поставленного, чаще всего короткого гребенчатого штампа (рис. 55, 1, 3, 10). В двух случаях края ровные, хотя и слегка утолщенные, бережок оформлен коротким, но широким гребенчатым штампом, покрывающим на одном сплошь срез края, на другом — бережок с внутренней стороны. Ниже идет одиночный ряд круглых ямок и под ним диагональные полосы из той же крупной широкой гребенки. В первом сосуде они близко примыкают друг к другу, во втором разделены свободным полем (рис. 55, 10). Третий сосуд украшен диагональными полосами из гребенки, ограниченными с одной стороны рядом круглых крупных ямок, а с другой — оттисками косо поставленной гребенки (рис. 55, 3).

Близок к ним по орнаментации и сосуд со срезом края, украшенный короткой, но крупной гребенкой, а бережок двойным рядом ямок (мелких и крупных) и затем диагональными полосами из короткой и длинной гребенки.

Несколько необычен по профилировке (сильно утолщенный во внешнюю сторону бережок края) сосуд темно-серой глины, сравнительно толстостенный (до 1 мм) и со значительной примесью крупных кварцевых зерен. Верхняя часть его орнаментирована крупными круглыми глубокими ямками и ромбами, заполненными тонкой гребенкой. Ниже виден угол следующего ромба (рис. 55, 2).

Края остальных сосудов орнаментированы различно. Часто узор составляется из крупной гребенки в сочетании с круглыми ямками, при этом край сосуда волнистый вследствие периодического нажима пальцем. Некоторые фрагменты стенок сосудов украшены ромбами, сплошь выполненными гребенкой, горизонтальными полосами, окаймленными и заполненными тонким гребенчатым штампом; на одном фрагменте он образует двойной крест (рис. 54, 2), а на другом, перекрещиваясь, — косую клетку (рис. 53, 5, 7). Таких сложно орнаментированных фрагментов насчитывается около 90 экз. Среди этой группы особо следует отметить фрагменты (57 экз.) сосудов, украшенных ромбами, заполненными оттисками гребенки — флажками. Тесто, из которого изготовлены сосуды, толщина стенок, глубина и техника орнамента не отличают эти

сосуды от сосудов с примесью дресвы, украшенных обычным рисунком. Фигуры ромбов выполнены гребенкой различного размера — то очень тонкой и достаточно длинной, то короткой и широкой (рис. 56, 1—13). В ряде случаев оттиски гребенки очень четкие, в других поверхностные, иногда они заменены отпечатками мелкого шнура, намотанного на стержень (рис. 56, 8), — отделены друг от друга пустым пространством; на некоторых сосудах они нанесены в два-три ряда, создавая широкие полосы, в других — одинарный ряд ромбов чередуется с рядами ямок.

Отсутствие целых сосудов не позволяет проследить полного узора, и лишь некоторое исключение представляет собой крупная часть одного сосуда, которую удалось собрать с большим трудом из-за плохого качества глины. Орнамент, покрывающий его, нанесен очень небрежно. Бережок края сосуда утолщен. Под ним размещен одинарный ряд крупных, круглых ямок, ниже — лента из косо поставленной гребенки, под которой нанесена цепь ромбов-флажков, соединенных углами, затем снова одинарный ряд крупных ямок, ниже — двойной зигзаг из крупной гребенки, под которой наколоты ямки; на внутренней стороне сосуда заметны слабые расчески (рис. 57, 8). Другой сосуд, изготовленный (во всяком случае в данной части) техникой налена, на внутренней и внешней стороне покрыт расчесами и украшен фигурой ромба.

Довольно часто гребенчатые отпечатки заменены тонкими нарезками или насечками, то очень короткими (1 см) и узкими, то более длинными (до 3 см) и широкими (рис. 57, 1—7, 9, 10; 58, 1—5; 59, 1—14). В подавляющем большинстве случаев, будучи нанесенными под углом к краю сосуда и поставленными близко друг к другу, они создают узкие или несколько более широкие ленты, опоясывающие сосуд, чередуясь при этом с поясами из двух-трех, реже одной ямок. Такой характер рисунка чаще всего прослеживается до самого края, при этом бережок оттеняется полосой нарезок, так же как и срез его, а в отдельных случаях нарезки заходят на внутреннюю сторону края сосуда.

Нередко ямки, наколотые позже нарезок, перекрывают их.

Имеется несколько краев сосудов, украшенных нарезками и ямками. Часть их

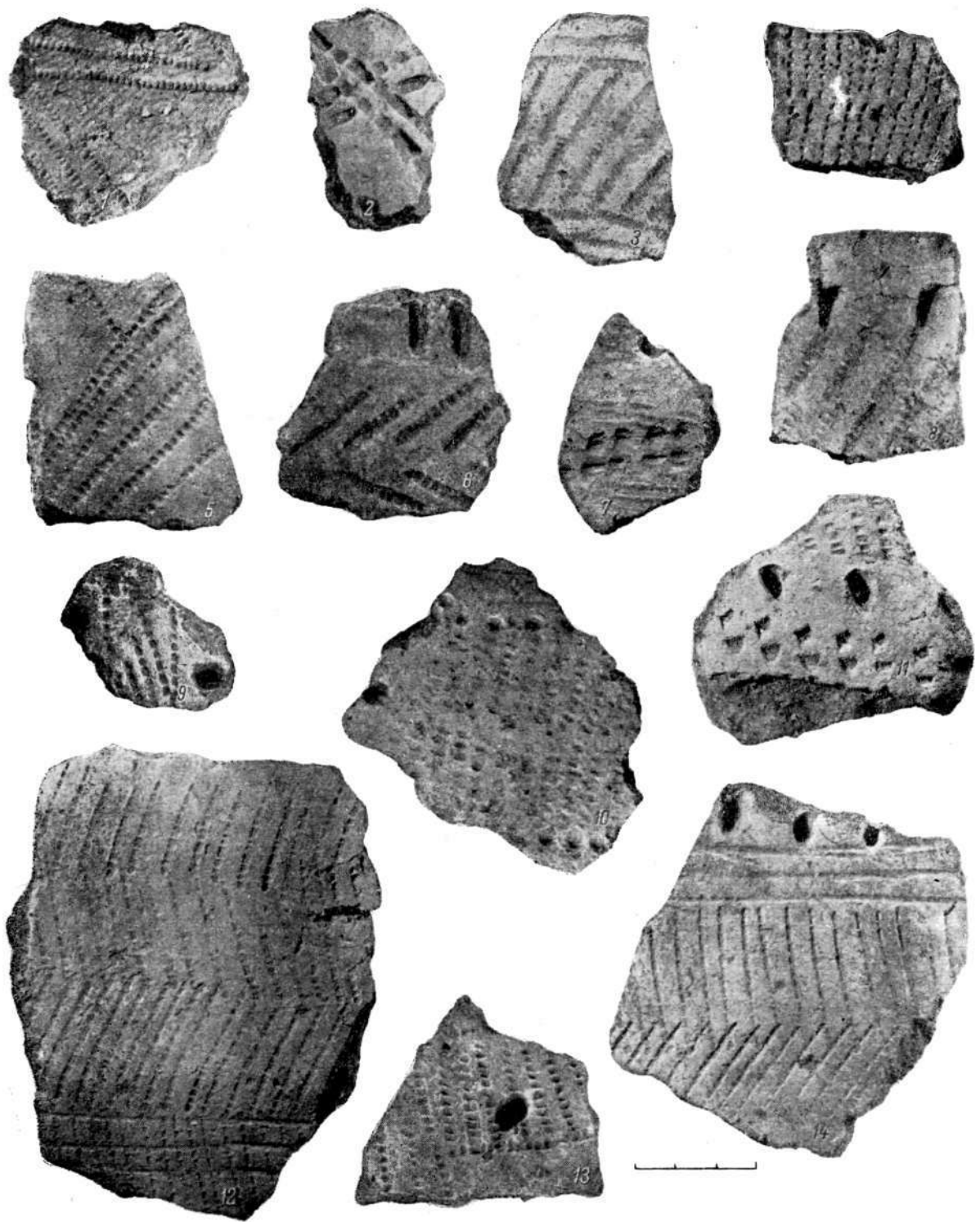

Рис. 54. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—14).

Рис. 55. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—10).

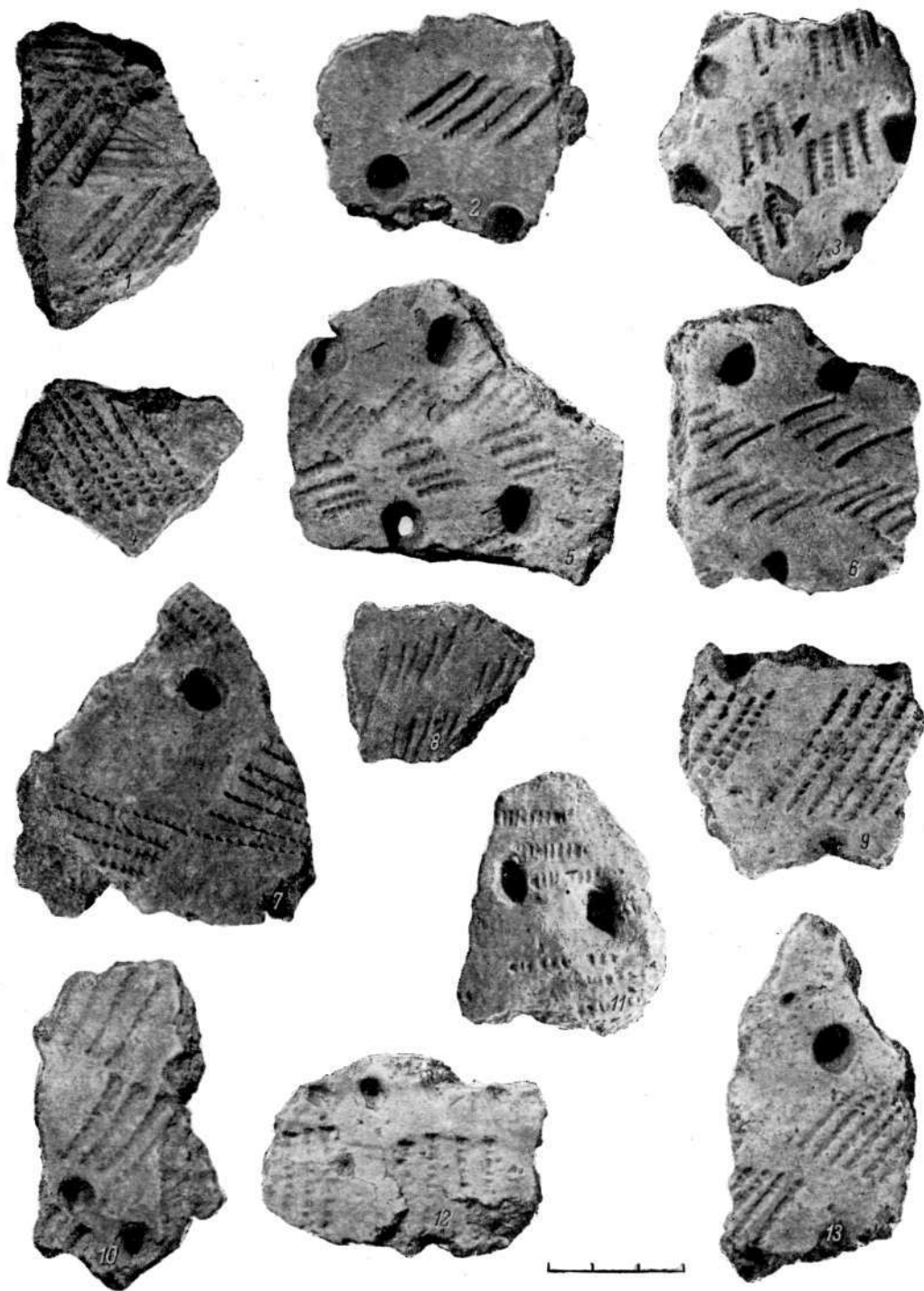

Рис. 56. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Парва I (1—13).

слегка гофрирована благодаря небольшим вдавлениям овального штампа, оттиснутого с внешней стороны по бережку края (рис. 58, 1; 59, 9, 11). Волнистая форма края сближает эту группу керамики с керамикой Нарвы II. В большинстве же случаев края прямые (рис. 57, 4, 5; 58, 2, 3).

Наиболее сложно и нарядно украшен один сосуд, с прямым, лишь слегка утолщенным (толщина края равна 10 мм, стенок 5 мм) и скошенным внутрь краем, срез которого, так же как и бережок, с внешней стороны украшен косыми нарезками. Ниже размещается ряд крупных ямок неправильных очертаний, а еще ниже полоса, составленная из расположенных по диагонали сравнительно коротких нарезок с перемычкой внутри, создающих елочный узор, и под ним снова ряд овальных ямок (рис. 60, 4).

В этой группе фрагментов, так же, правда, как и в других, в ряде случаев орнамент, покрывающий бережок края с внешней стороны, перенесен на этот участок и с внутренней. Особо в этой связи следует отметить один фрагмент придонной части сосуда, с внешней стороны сплошь украшенный тонкими и короткими нарезками, создающими елочный узор; на внутренней стороне его нанесен узор из мелких округлых ямок, по-видимому составляющих четырехугольники. Такое же явление неоднократно наблюдается и на других сосудах, также украшенных короткими подтреугольной формы нарезками. Один фрагмент, близкий к придонной части сосуда, украшен короткими подтреугольной формы нарезками и, по-видимому, рядом ямок, а с внутренней стороны — тройным рядом таких же нарезок. На втором фрагменте орнамент на внутренней стороне, также состоящий из нарезок подтреугольных очертаний, размещен на верхней части сосуда, непосредственно примыкающей к краю.

Наконец, необходимо отметить и еще один сосуд, представленный довольно крупными фрагментами, по тесту совершенно типичный для гребенчато-ямочной керамики (рис. 58, 1). Край его тонкий, прямой, с прямым срезом, украшенный короткими нарезками, ниже — двойной ряд из мелких овальных ямочек, зигзагообразные нарезные линии, двойной ряд ямок, косые нарезки, одинарный ряд ямок, зигзагообраз-

ные нарезные линии, одинарный ряд ямок, снова пояса из косых нарезок и затем до самого дна — неглубокие овальные ямки. Существенно, что при типичном тесте (примесь песка), обработке поверхности сосуда (отсутствию расчесов) и орнаментации, полностью характерных для гребенчато-ямочной керамики, присутствует одна черта, типичная только для керамики нарвского типа, — изготовление сосуда, во всяком случае в его верхней части, техникой налеща.

О сочетании мелких и крупных ямок с нарезными линиями свидетельствует и еще один довольно сложно украшенный сосуд (рис. 59, 14). Верхняя часть его украшена косыми перекрещивающимися нарезными линиями, ниже — мелкими небольшими ямками, затем горизонтальным рядом крупных ямок и рисунком из мелких ямочных вдавлений — прямая линия и пустые ромбы из тех же ямок с одной ямкой посередине.

Среди этой группы сосудов есть один со слабо волнистым краем, образованным в результате неглубокого нажима с внешней стороны на его бережок, украшенный крупными, с одного бока глубокими, с другого мелкими ямками и ниже диагональными линиями из горизонтальных наколов.

Количество черепков с неорганической примесью, сплошь покрытых только гребенчатым орнаментом, сравнительно невелико, при этом нередко они являются частями сосудов, украшенных гребенчато-ямочным узором (рис. 54, 14). Гребенка на них, то длинная, то короткая, четкая или как бы размытая, составляет пояса шириною до 5 см (рис. 54, 1, 3—6, 12).

Только ямочный орнамент встречается в этой группе сосудов также сравнительно редко (всего лишь 318 фр., что составляет 5.5% к общему числу гребенчато-ямочной керамики с неорганической примесью). При этом необходимо напомнить, что речь идет также не о целых сосудах, а о черепках, которые могут составлять один сосуд вместе с черепками иной орнаментации. Однако все же встречаются сосуды, украшенные только ямками до самого среза края (рис. 61, 1, 2, 4, 10, 12). Тесто их имеет примесь дробленого кварца, в результате чего черепки жестки на ощупь и легко отличимы от гребенчато-ямочной керамики с органической примесью. Ямки имеют раз-

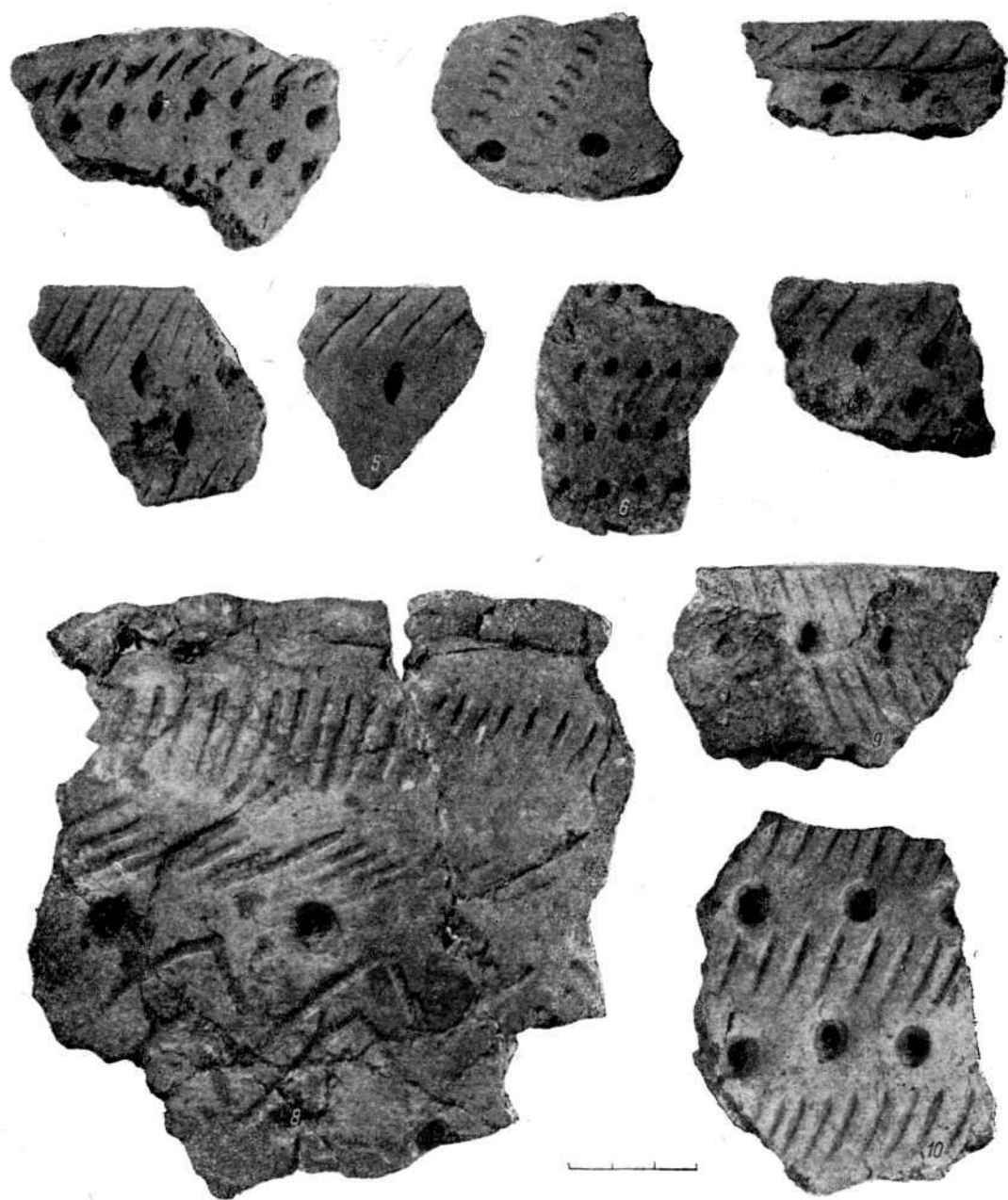

Рис. 57. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—10).

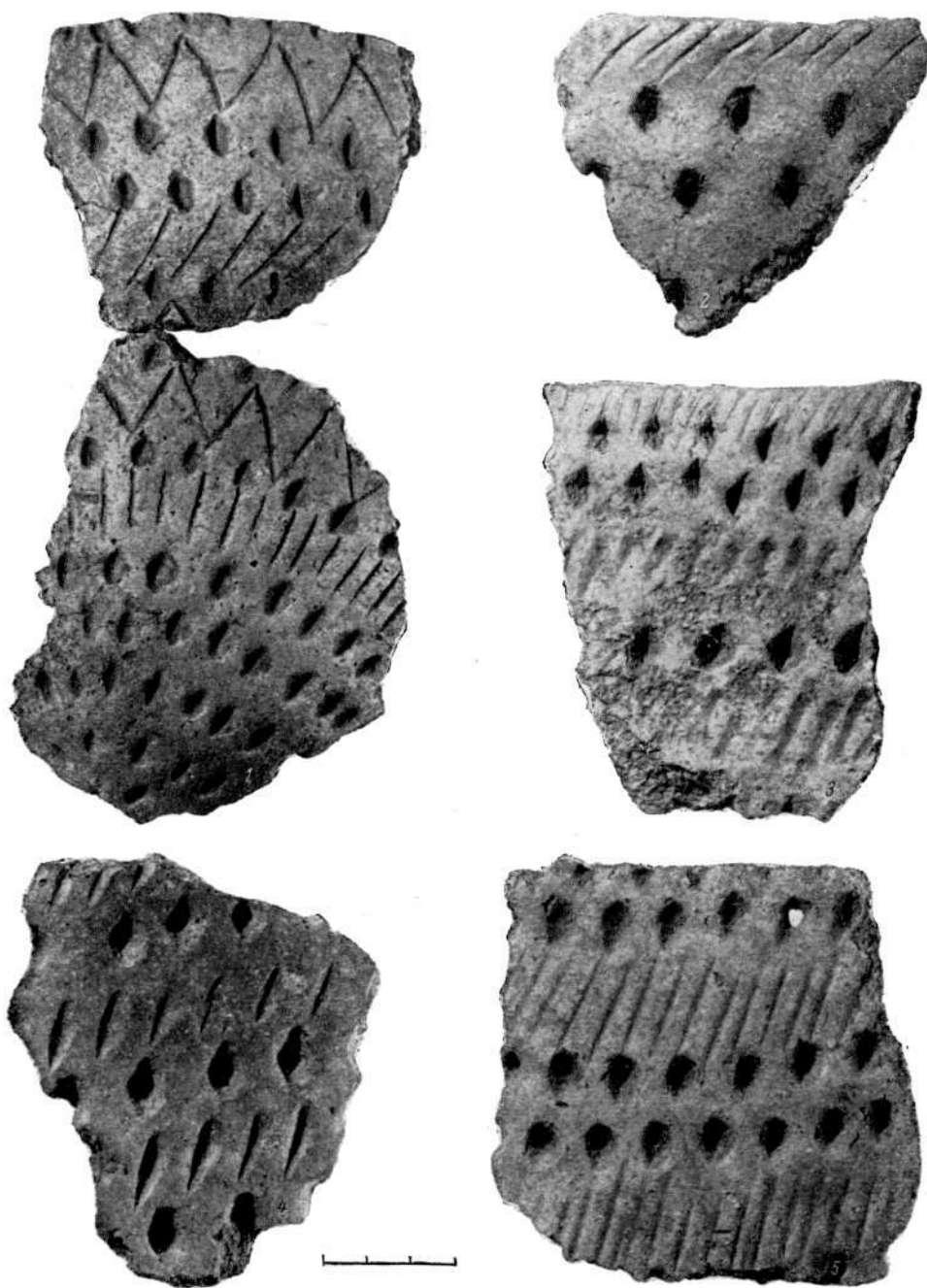

Рис. 58. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—5).

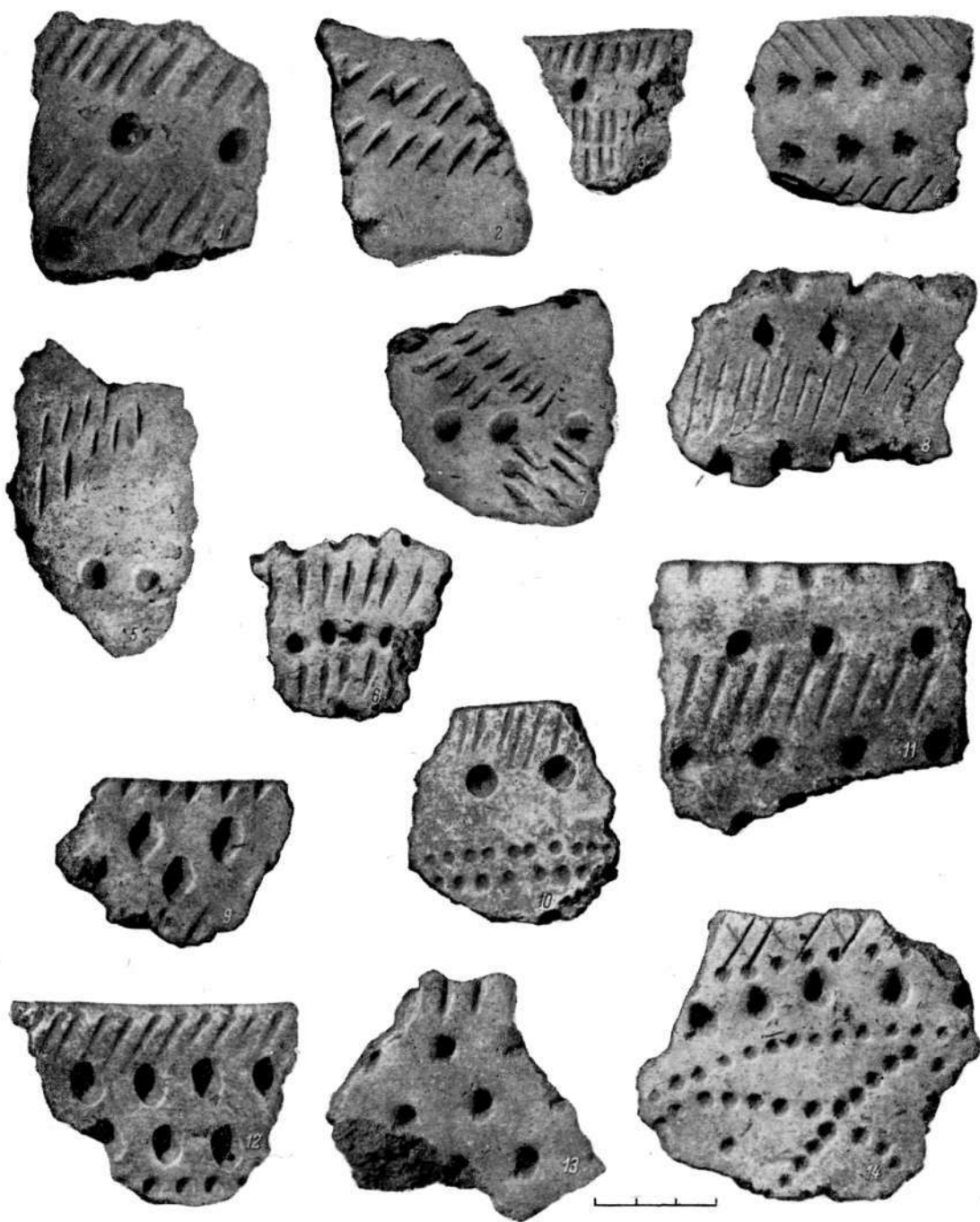

Рис. 59. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—14).

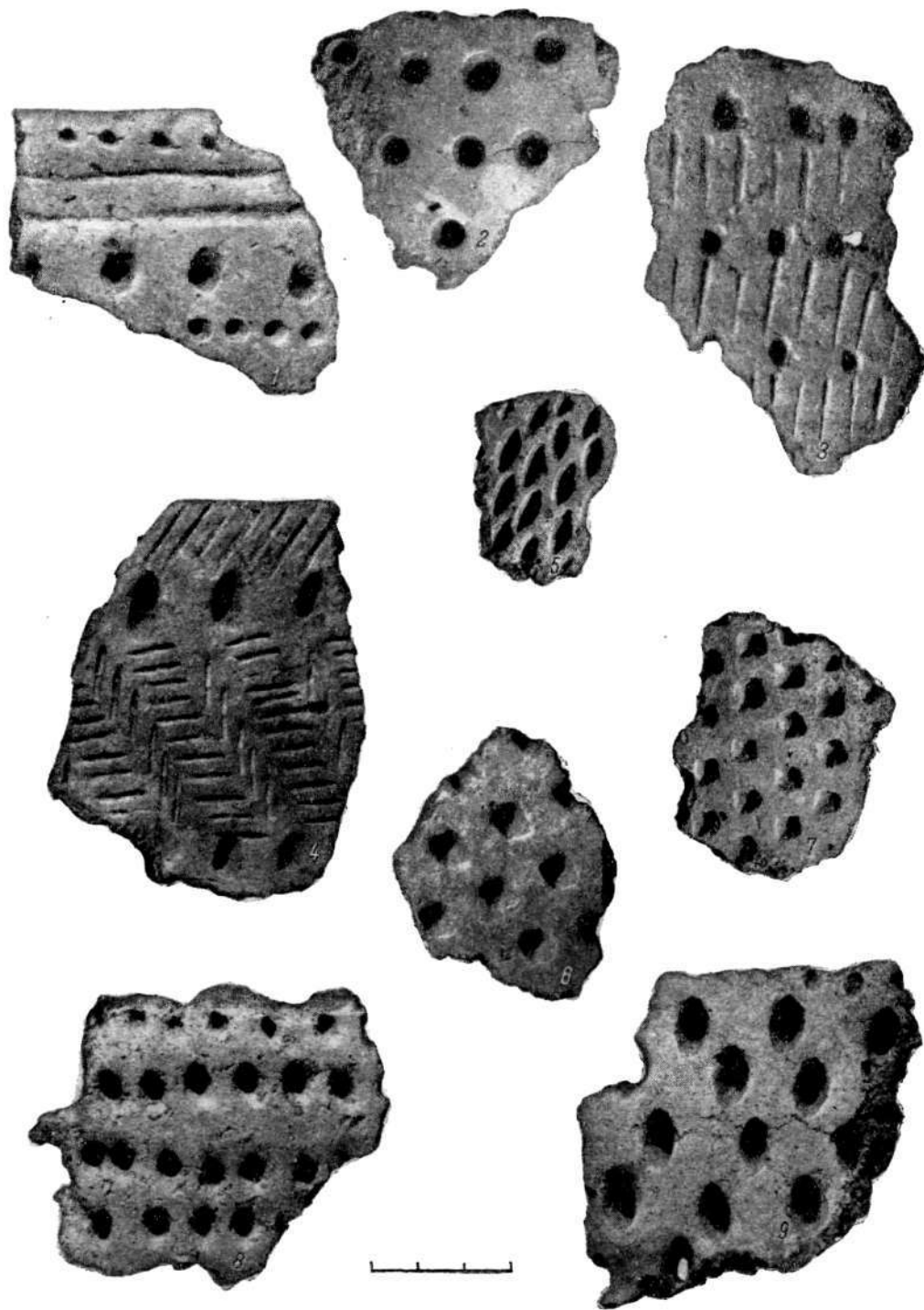

Рис. 60. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—9).

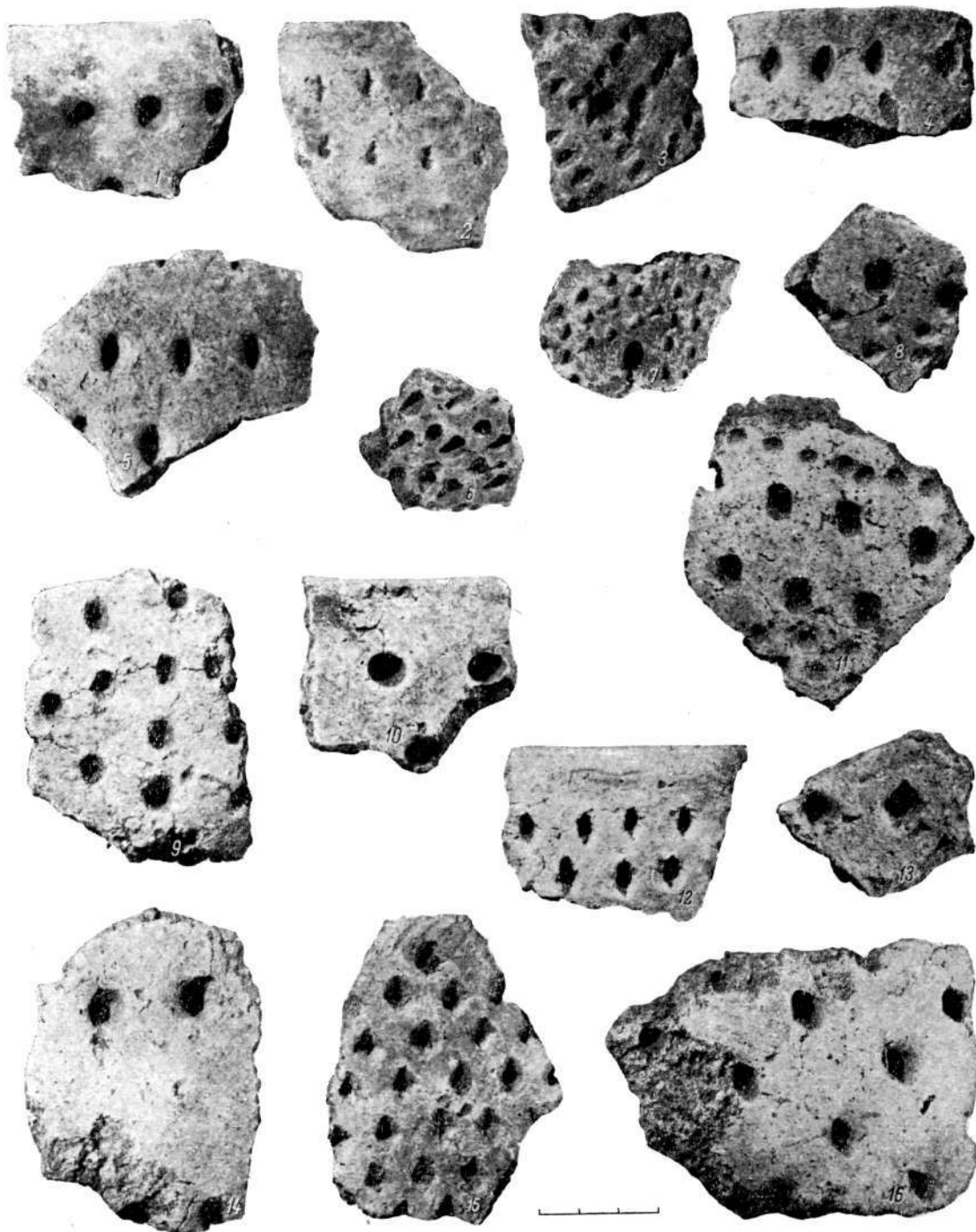

Рис. 61. Фрагменты керамики с неорганической примесью. Нарва I (1—16).

личную величину и форму, редко правильного круга или овала, чаще же они округлых очертаний; на нескольких фрагментах они приближаются к ромбу (рис. 60, 5—7; 61, 13, 16). Есть один сосуд с правильным ромбо-ямочным орнаментом; ямки на нем поставлены близко друг к другу (рис. 61, 15).

току, в особенности для Волго-Окского междуречья, современной Карелии и части Вологодской области с их сосудами, вылепленными из хорошо промешанной глины, с коническими ямками правильной формы, тщательно наколотыми в строго шахматном порядке.

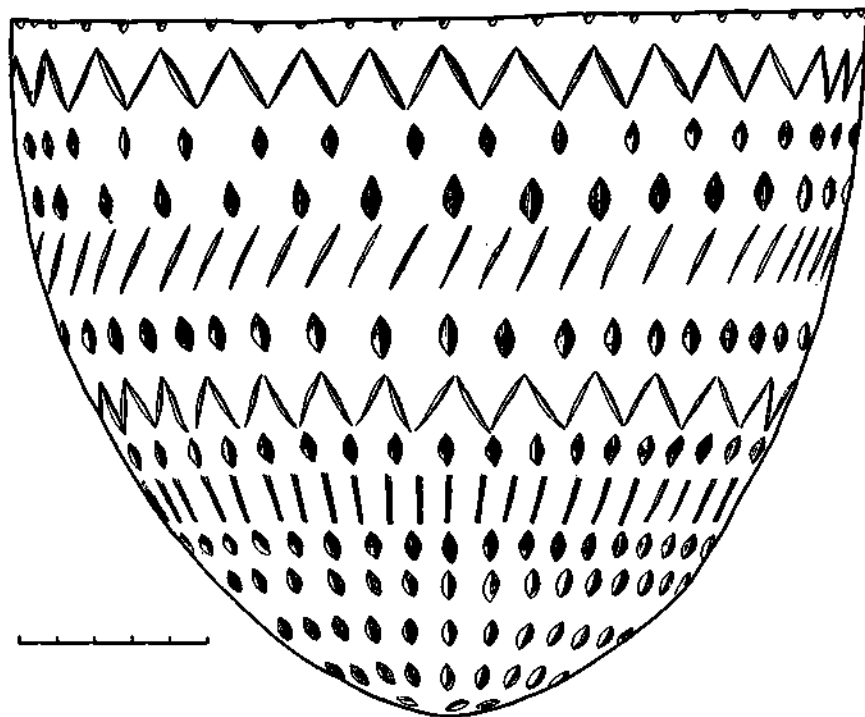

Рис. 62. Реконструкция одного из сосудов с неорганической примесью. Нарва I.

Нередки ямки крупного размера, хотя насчитывается до десятка черепков с очень мелкими ямочными вдавлениями, почти наколами, выступающими в сочетании с крупными ямками лишь как дополнительный элемент орнамента (рис. 53, 13; 61, 7, 8, 11).

Как правило, ямки построены в ряды одна под другой или в шахматном порядке. Расстояние между ними различно, довольно часто они разрежены, в результате чего создается много свободного, не занятого рисунком поля (рис. 62).

Все отмеченные черты, взятые в совокупности, позволяют легко заметить отличие этой группы керамики от типичной ямочно-гребенчатой, характерной для широкой зоны, лежащей к востоку, северо- и юго-вос-

В рассматриваемой группе керамики, так же как в аналогичной керамике Нарвы II, помимо прямого, встречается и волнистый край. Иногда он выражен слабо, вместо вдавлений пальцем нанесены сравнительно неглубокие нарезки, занимающие место пересечения бережка со срезом края на внешней стороне. Только в одном случае они значительно более широкие и глубокие, с перемычкой посередине. Волнообразность края следует считать весьма характерной особенностью рассматриваемой группы керамики. Хотя эта черта и встречается на сосудах соседних областей, например Карелии, но лишь в порядке исключения. Тогда как наибольшее распространение ее отмечается для Прибалтики.

*Б. Керамика с органической
и комбинированной примесью*

Выделяется численно весьма значительная группа сосудов — 1944 фрагмента (рис. 63, 1—9; 64, 1, 2; 66—70), которые, обладая типичным для гребенчато-ямочной керамики глубоким рельефным орнаментом, достаточно толстыми стенками (7—8 мм), формой утолщенного края, вместе с тем как бы перенимают от керамики нарвского типа отдельные черты, проявляющиеся в наличии расчесов на внешней и внутренней поверхности, растительной примеси или дробленой раковины, иногда в изготовлении техникой налепа. В отдельных случаях орнамент переходит на внутреннюю сторону сосуда — его край или придонную часть.

Днища таких сосудов несколько отличаются от типично ямочно-гребенчатых. Оставаясь в целом коническими, они имеют значительно более округлую форму, а в отдельных случаях как бы слегка сплюснены. Вместе с тем в отличие от нарвской керамики днища их не имеют чрезвычайно сильного утолщения, т. е. сплошного заполнения глиной, толщина их лишь немного увеличена по сравнению с толщиной стенок. Оттянутых днищ вовсе не встречается.

Среди сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом имеется один (рис. 63, 1—3), представленный 84 фрагментами сравнительно крупной величины, среди которых есть и части края. Цвет черепков несколько светлее обычного — сероватого оттенка. Примесь к глине служит битый кварц и какое-то органическое вещество, обжиг сильный, внешняя и внутренняя поверхность расчесана. Диаметр сосуда не менее 40 см, стенки толстые (до 1 см), край утолщен и отогнут во внутреннюю сторону.

Орнамент несколько необычный — срез края украшен едва заметными оттисками косо поставленной гребенки, по бережку края, непосредственно под утолщенной частью его, проходит линия из одного ряда ямок, ниже которой размещаются косые отпечатки длинной двойной гребенки, создающие елочный узор. Ямки несколько необычной, с выпуклым дном, подтреугольной формы.

По типу орнаментации близок к нему и сосуд (67 фр.) с прямым, лишь очень слабо утолщенным венчиком, украшенным рядом некрупных ямок, дополненных елоч-

ным узором из двойной длинной гребенки, при этом часть отпечатков нанесена поверх ямок (рис. 63, 4—7, 9). В средней части пояса из двойной гребенки разбиты двумя рядами округлых или подчетыреугольных углублений с крестообразным дном, оттиснутых углом того же гребенчатого штампа. Внутренняя сторона венчика сосуда украшена полосой из оттисков перекрещивающегося гребенчатого штампа шириной в 3,5 см, срез же края — косыми насечками.

Влияние керамики нарвского типа проявилось в органической примеси и технике налепа, заметной на части черепков, в переходе орнаментации на внутреннюю сторону сосуда и поверхностном характере гребенчатых отпечатков.

Третий сосуд того же типа представлен 39 фрагментами, преимущественно от края. Орнамент его состоит из очень четкой косо поставленной гребенки, нанесенной в один или два ряда, чередующейся с некрупными овально-подчетыреугольными ямками (рис. 64, 1, 2). Край сосуда слегка утолщен во внутреннюю сторону, срез покрыт отпечатками косо поставленной гребенки, значительное пространство в нижней части орнаментировано только двойными рядами редких овальных ямок, разделенных пустым пространством. Днище округло-коническое. Его оформляет полоса из гребенки или шнура, намотанного на стержень, ниже которой пространство занято несколькими наклонными некрупными овальными ямками, расположенными по кругу.

Черты керамики нарвского типа проявляются в расчесах, в особенности на внутренней поверхности, и технике налепа, выраженной очень отчетливо. Ширина ленты в верхней части не превышает 4 см, ниже равна 5 см. В месте стыка один край черепка выпукло-округлый, второй вогнутый. Удалось подобрать и склеить две ленты, при этом наблюдения показали, что скрепление лент было действительно непрочным.

К этой же группе следует отнести и четвертый сосуд (представленный 54 фр.) с прямым слегка утолщенным волнистым краем (рис. 65, 10). Внешняя поверхность его сплошь орнаментирована крупными ямками подчетыреугольно-овальных очертаний, наколотыми под углом к краю сосуда. По венчику они расположены в два ряда, по туловищу — в один. Промежутки между ямками заполнены широкими (4,5 см) поясами из

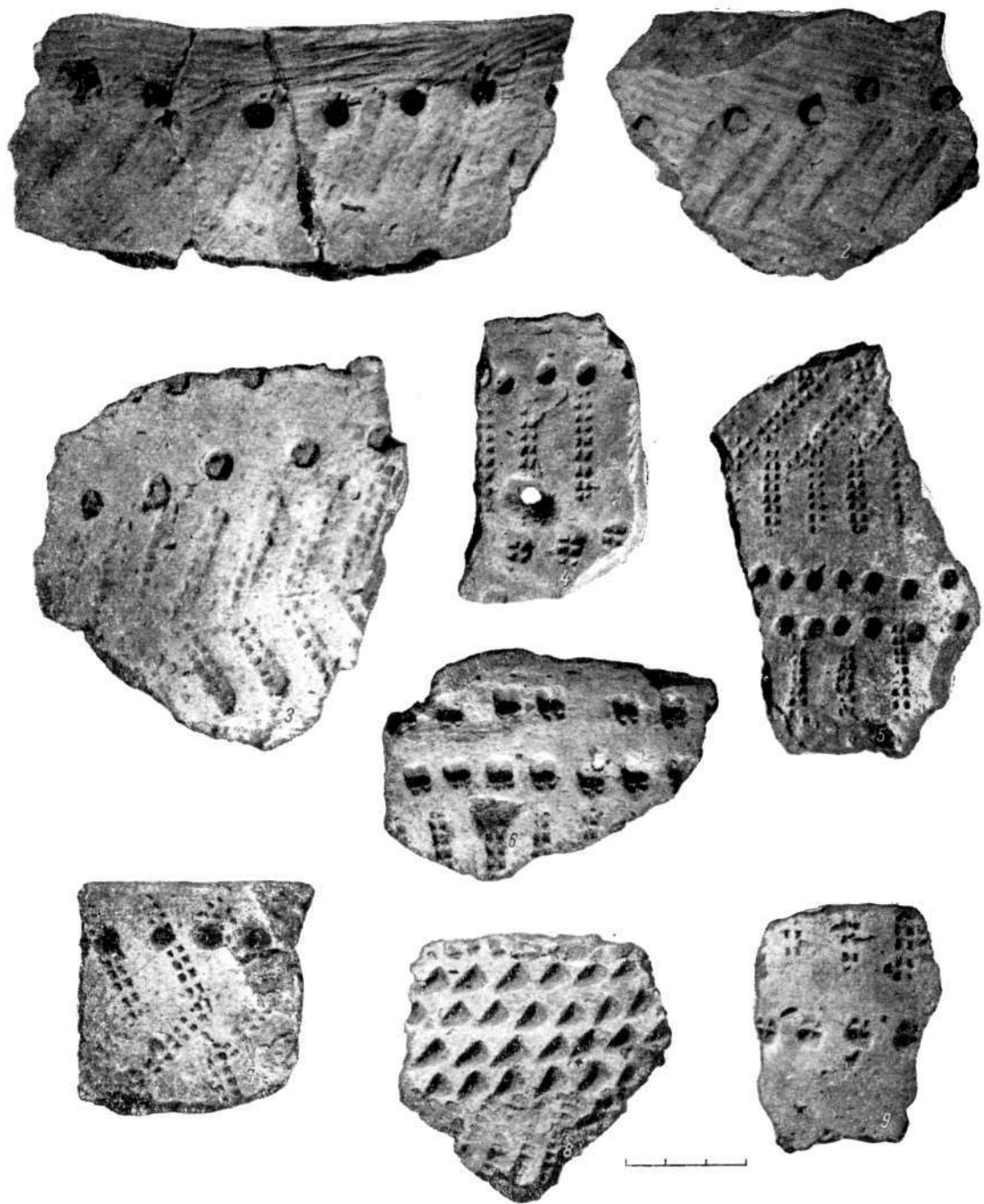

Рис. 63. Фрагменты сосудов с органической и комбинированной примесью.
Нарва I (1—9).

крупной перекрещивающейся гребенки, образующей косую сетку. Сходство с керамикой нарвского типа проявляется в очень резких расчесах на внешней и внутренней сто-

бенки, очень близко поставленной друг к другу и образующей пояса, чередующиеся с поясами (одним или двумя) из мелких овально-ямочных вдавлений, слегка наклон-

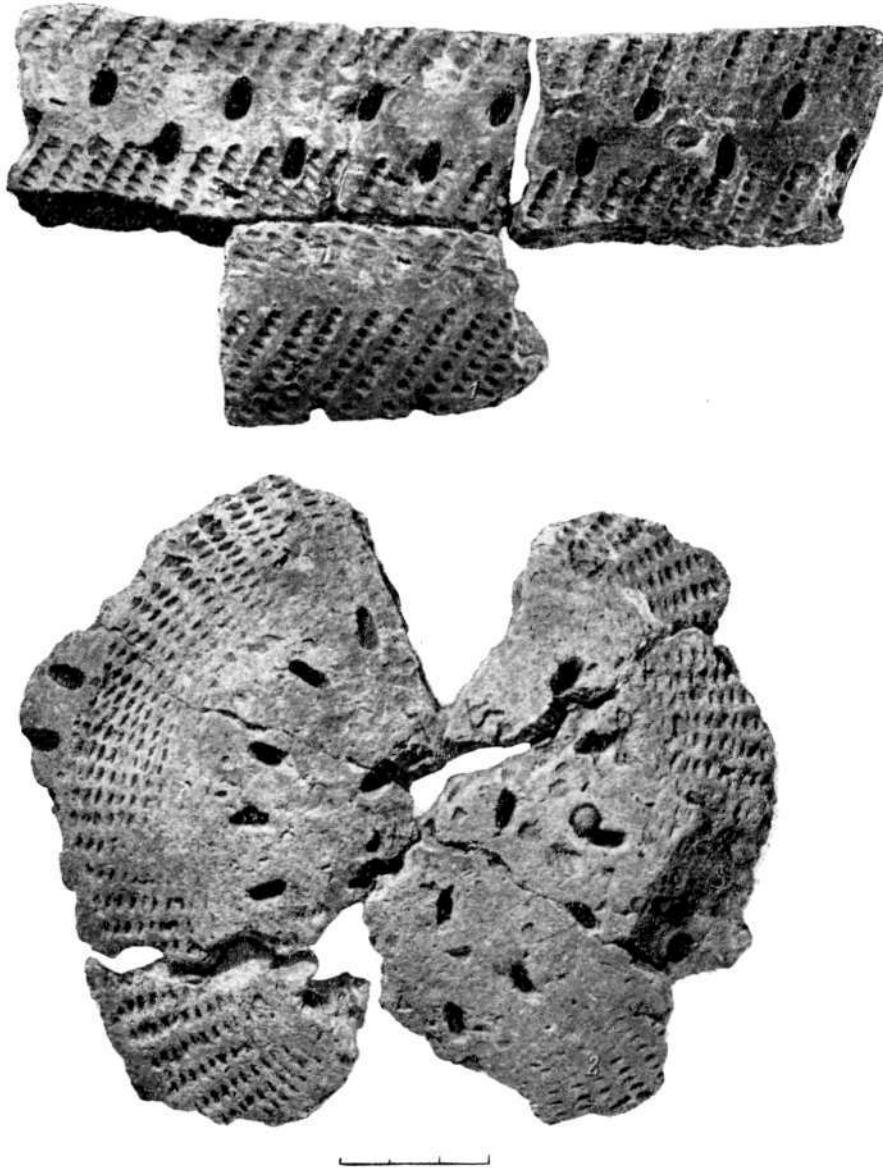

Рис. 64. Фрагменты сосудов с органической примесью. Нарва I (1, 2).

роне сосуда, поверх которых нанесен орнамент, а также в примеси к глине органического вещества, однако с некоторым добавлением кварцевого песка.

Весьма интересен один сосуд (36 фр.), сплошь покрытый оттисками тонкой гре-

ных по отношению к краю сосуда. Толщина стенок равна 9 мм, края — 10 мм. Сам край прямой, очень слабо скошенный внутрь. Бережок с внешней и внутренней стороны, так же как и срез края, украшен очень тонкой косой гребенкой (рис. 66, 1—3, 5).

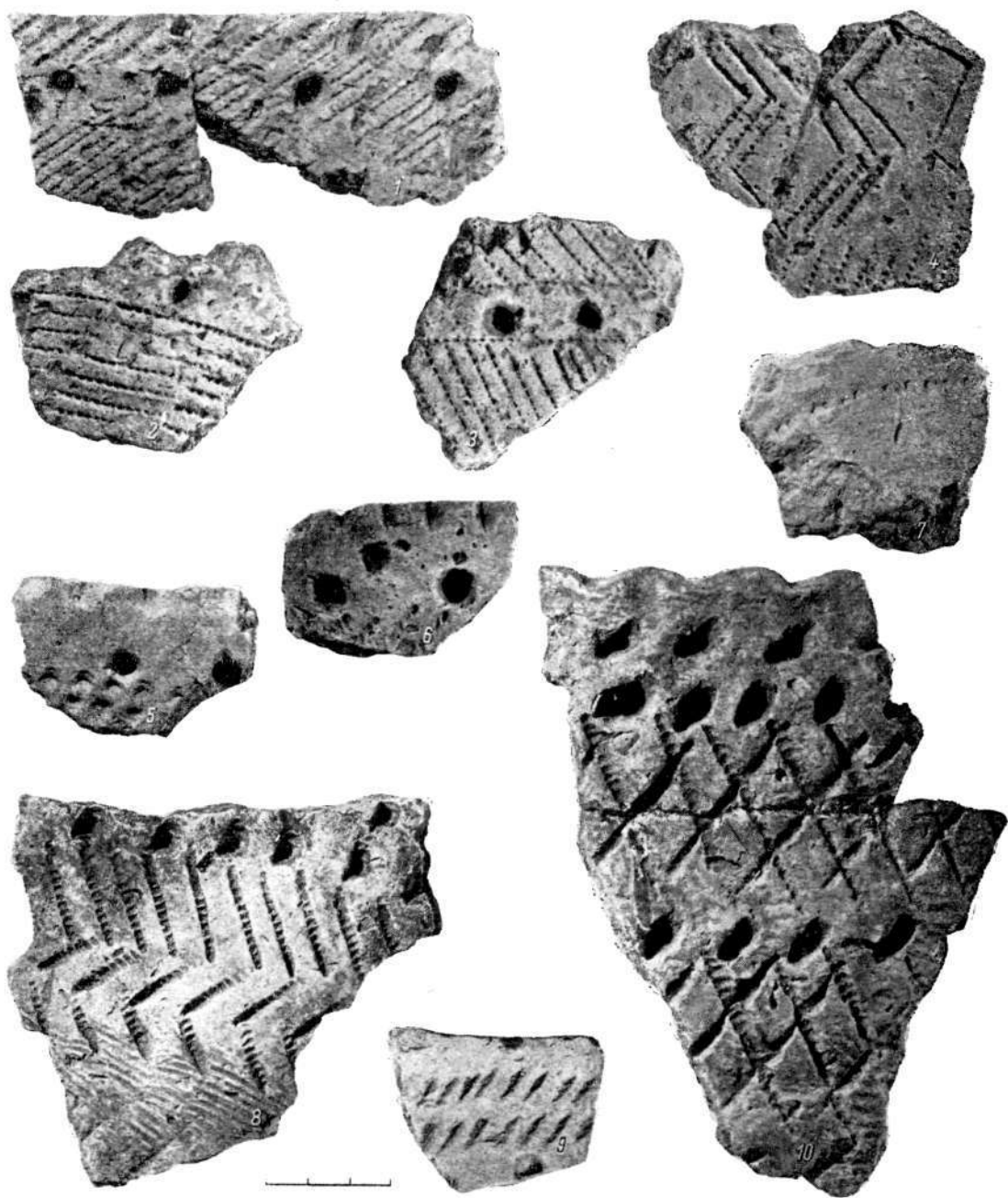

Рис. 65. Фрагменты сосудов с комбинированной примесью. Нарва I (1—10).

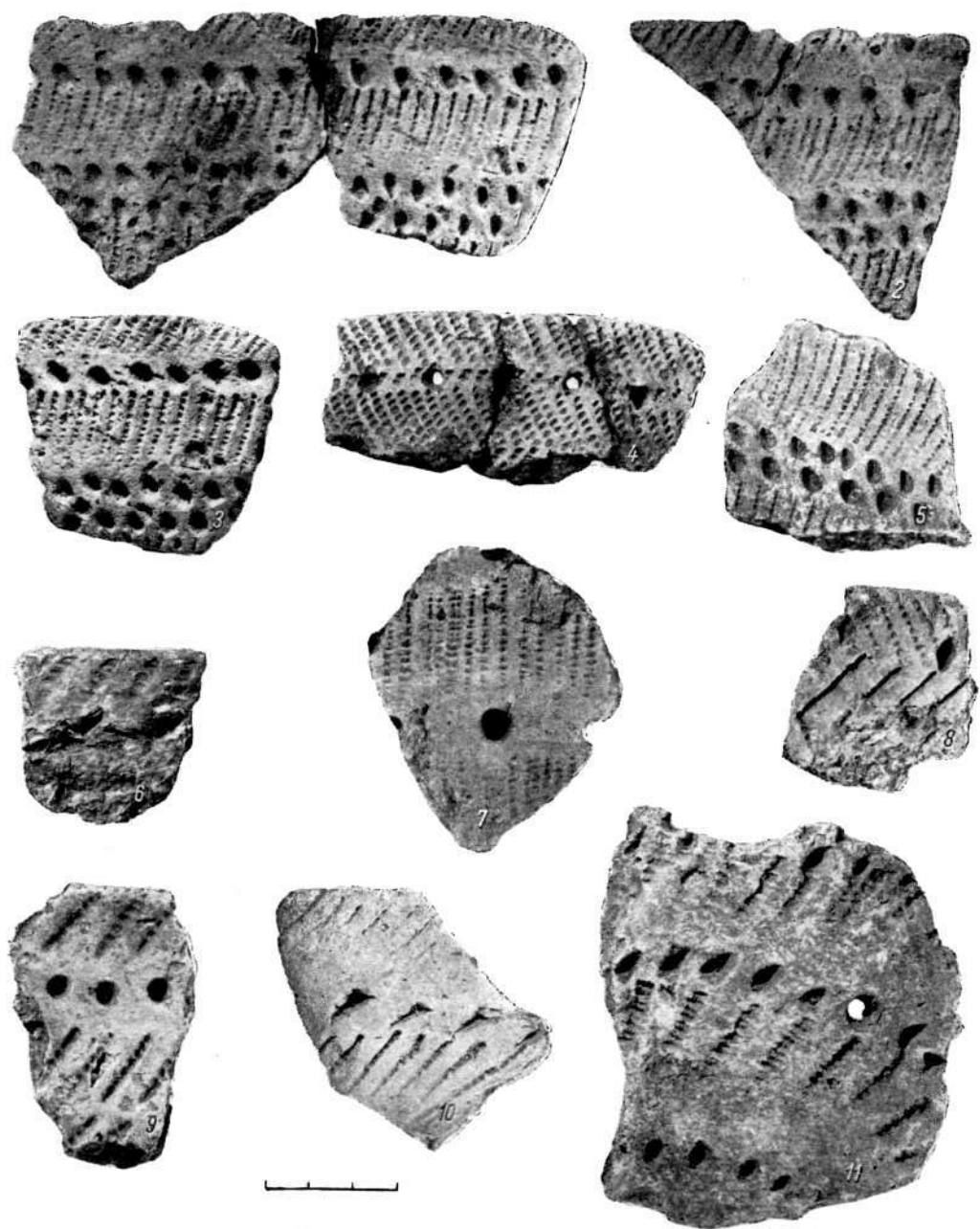

Рис. 66. Фрагменты сосудов с органической примесью. Нарва I (1—11).

Пористое тесто из-за обилия органической примеси, следы расчесов, а также техника изготовления (верхняя часть края сделана с помощью налепа, о чем отчетливо свидетельствуют выпуклый край верхней узкой ленты и типично вогнутый край нижней широкой ленты), — все это говорит о влиянии керамики нарвского типа; о прочности техники налепа свидетельствует отслоившаяся почти на всем протяжении края лента глины.

Очень близок к нему и еще один сосуд с органической примесью и добавлением некоторого количества крупных кварцевых зерен (рис. 65, 1—3). Поверхность его густо покрыта тонкой гребенкой и ямками средней величины. Орнамент, по-видимому, довольно сложен. Тонкая гребенка образует, по всей вероятности, диагональные линии и ромбы со сплошным заполнением, а также горизонтальные пояса с вписанными туда круглыми ямками. Тесто его чрезвычайно рыхлое и легко распадается.

К этой же группе следует отнести и массу черепков от огромного числа сосудов, покрытых чередующимися полосами из ямок (узкими) и косо поставленной гребенки (широкими). Края сосудов слегка утолщены и скошены во внутреннюю сторону, срез орнаментирован косо гребенкой. Чаще всего этим же способом украшен и бережок края (рис. 63, 8; 65, 5, 6, 8; 66, 6—8, 9; 68, 1, 2, 6).

Более сложные узоры состоят из ямок и диагональных линий, выполненных горизонтально или косо поставленной гребенкой.

Из числа таких сосудов обращает на себя внимание один, диаметром более 30 см, с резкими расчесами на внешней стороне, украшенный глубокими коническими ямками и диагональными полосами из крупной горизонтально положенной гребенки (рис. 67, 3). Край его резко утолщен (до 12 см), сильно волнистый, заметно прижатый с внутренней стороны пальцем, следы которого чрезвычайно отчетливо видны в луку. Примесь к глине органическая, лишь с очень небольшим добавлением крупного кварцитового песка.

В одном случае край (с очень крупными чешуйками раковины, примененной к глине) украшен ямками и длинной тонкой гребенкой, образующей заполненные треугольники, обращенные вершинами вверх (рис. 67, 7). Иногда гребенка заменена от-

тисками шнура, намотанного на стержень. Встречаются и несколько иные композиции из гребенчатого штампа (рис. 68). Имеются также сосуды с коротким гребенчатым двузубым штампом, довольно небрежно наколотым; на внутренней стороне их заметны резкие штрихи.

Число фрагментов, украшенных только ямками, невелико (190 экз.) (рис. 71, 1—19; 72, 1—3, 5—7). Вероятно, таких сосудов вообще было мало. Ямки чаще всего комбинируются с оттисками гребенки. Тесто их по примеси такое же, как и у всей гибридной керамики. Встречаются сосуды только с примесью раковины, без добавления к ней другого вещества. Внешняя поверхность сосудов часто расчесана в большей или меньшей степени и заглажена. Край бывает разный: прямой, утолщенный во внешнюю или внутреннюю сторону, и сильно волнистый, образованный в результате прижатости его пальцами. Иногда ямки крупные, неправильно-овальные, реже круглые, сочетающиеся с очень мелкими ямочными вдавлениями. Существенно наличие изредка встречающихся сквозных отверстий (рис. 71, 9, 13), просверленных по сухой глине, и техники налепа, заметной на отдельных сосудах. И то и другое указывает на традиции предшествующей керамики нарвского типа.

Образцом гибридных сосудов, орнаментированных преимущественно гребенкой с небольшим добавлением ямок, при этом по очертаниям, близким к ромбам, является сосуд, представленный восемью фрагментами. Край его прямой, равный по толщине стенкам, примесь к глине служит раковина. Орнамент состоит из оттисков тонкой гребенки, поставленной под углом друг к другу и образующей елочный узор; на венчике и ниже, на тулове сосуда, он дополняется небольшими ямками ромбических очертаний, при этом по венчику они наколоты поверх оттисков гребенки. Оттиски тонкой косо гребенки покрывают и внутреннюю сторону бережка. Стенки сосуда тоньше обычного (7 мм), следы расчесов слабые.

Говоря о взаимоотношении керамики типичной гребенчато-ямочной с неорганической примесью и керамики с растительной или раковинной примесью, также с глубоким рельефным орнаментом, нужно отметить группу фрагментов (47 экз.), украшен-

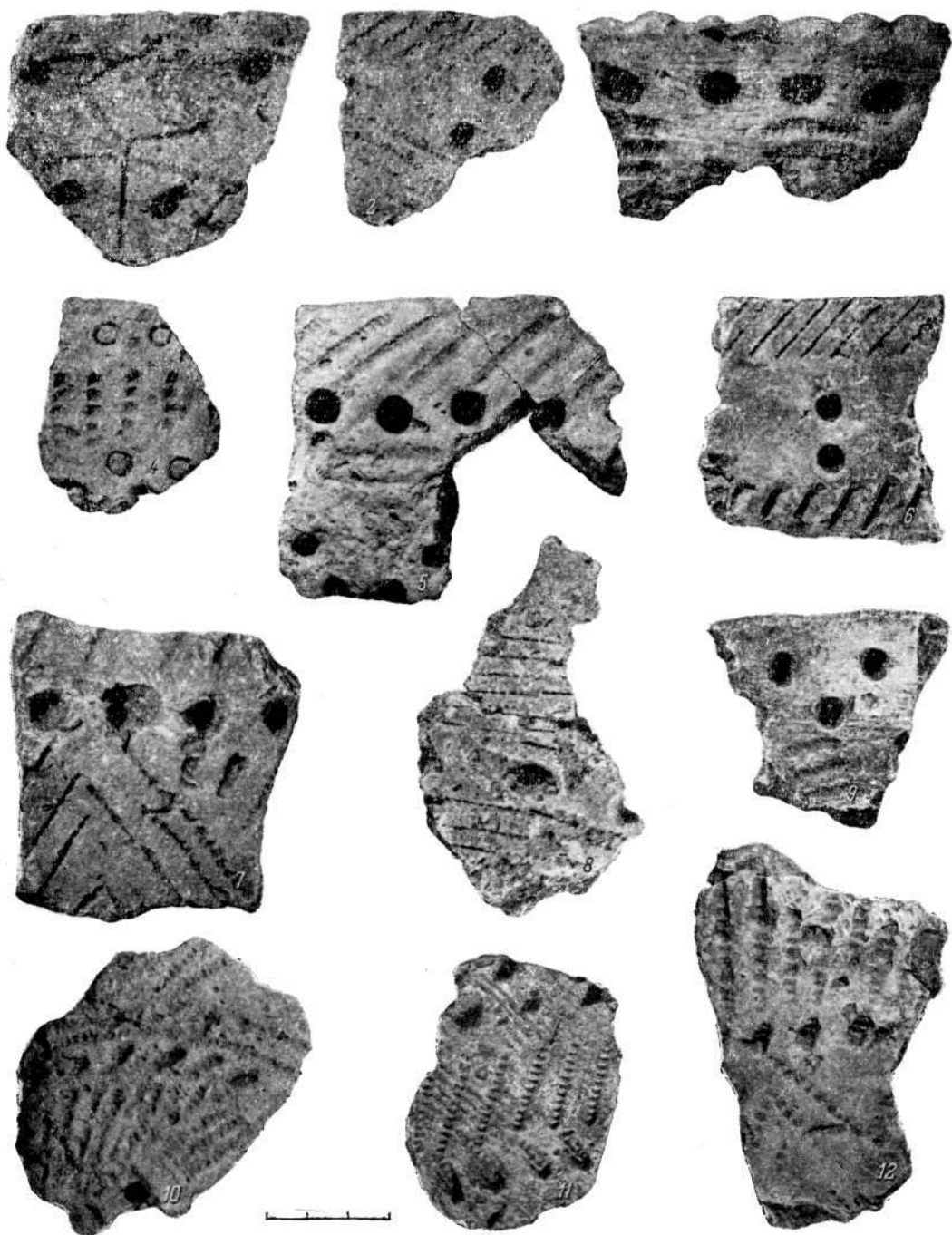

Рис. 67. Фрагменты сосудов с органической и комбинированной примесью.
Нарва I (1—12).

ную флажками, чаще всего сочетающимся с небольшим количеством ямок (рис. 69, 1—15). Между этой группой и керамикой

ной или очень мелкой гребенки, поставлены, как правило, наискось по отношению края сосуда и нередко соединяются между

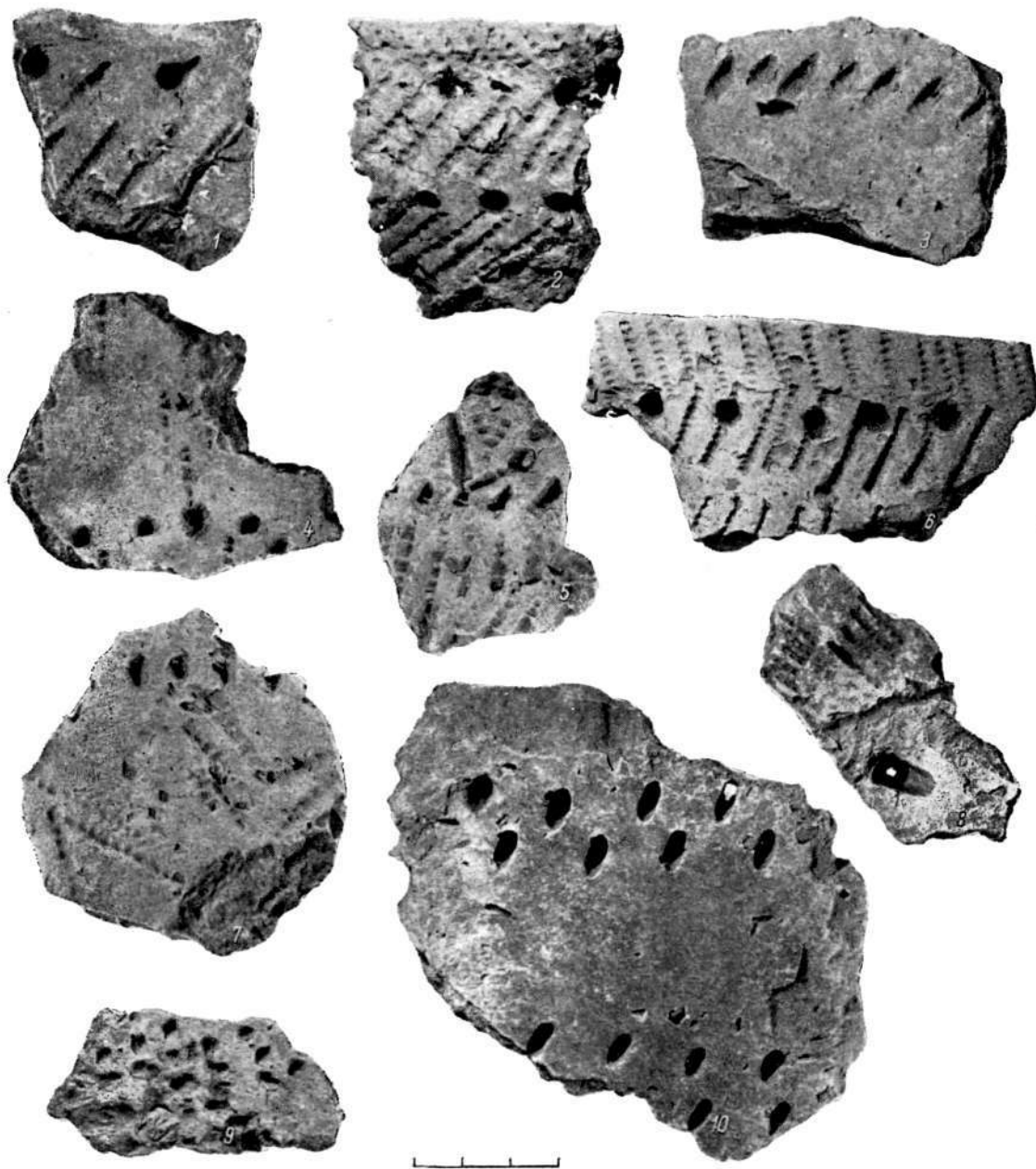

Рис. 68. Фрагменты сосудов с органической примесью. Нарва I (1—10).

как с раковинной, так и с неорганической примесью, украшенной таким же узором, не прослеживается существенных различий. В обоих случаях ромбы выполнены оттисками круп-

собой углами. Только в одном случае флажки поставлены прямо (рис. 69, 12). У некоторых сосудов ряд из круглых ямок неровный — то выше, то ниже, очень небрежный, иногда

ромбы выполнены тончайшим переплетенным из двух нитей шнуром (рис. 69, 2, 13); штрихи очень резкие, в особенности на внутренней поверхности.

Встречено несколько сосудов с органической примесью, края которых украшены ямками и нарезками, иногда срез края волнистый (полученный в результате периодического нажима пальцем). Ямки, дополняющие нарезки, располагаются не в строго шахматном порядке, а чаще одна под другой (рис. 70, 1—13).

Обнаружено несколько фрагментов керамики с органической примесью, орнаментированных круглыми ямками и нарезками. На стенках их заметны довольно сильные расчесы. Края несколько утолщены во внутрь сосуда, по бережку (с внутренней и внешней стороны) нанесены косые насечки во встречном направлении (рис. 70, 3, 4, 7). Несколько краев сосудов с крупными глубокими нарезками подтреугольных очертаний, иногда расположенными у самого края, в других же случаях лишь по бережку сосуда, ниже их нанесены ямки. В одних случаях край прямой, в других волнистый, образовавшийся в результате сильных периодических нажимов пальцем.

Несколько отличен тонкостенный сосуд из глины с органической примесью, внешняя поверхность его очень залощена и покрыта елочным узором, поверх которого наколоты ямки (рис. 70, 12).

Фрагментов сосудов, украшенных только гребенкой, насчитывается 329. Иногда в качестве примеси к глине использована довольно крупно размолотая раковина. По величине гребенка различна, часто длинная и достаточно крупная, в других случаях очень тонкая и короткая. Она образует широкие полосы, составленные из одного, двух или трех рядов косых отпечатков, реже елочный узор — в результате нанесения оттисков в противоположном друг другу направлении. В исключительных случаях гребенка заменена шнуром, намотанным на стержень.

Особенно интересен тонкостенный сосуд (рис. 65, 4) со сложным зигзагообразным узором, напоминающим как бы сдвоенные ромбы, выполненным тонкой гребенкой.

Всю эту керамику как с неорганической, так и с органической и комбинированной (рис. 72) примесью мы с полным основа-

нием должны называть гребенчато-ямочной, подчеркивая тем самым несомненный примат гребенки в орнаментации сосудов.

Помимо огромного числа фрагментов сосудов, керамические изделия в данном поселении встречаются в виде мелких поделок — стерженьков, круглых шариков и обломков какой-то крошечной чашечки. При этом, как и все предметы в этом поселении, глиняные стерженьки представлены большей серией (55 экз). Поскольку подавляющее большинство их фрагментировано, о полной величине судить затруднительно. Длина отдельных фрагментов более 5 см, длина одного сохранившегося экземпляра 2 см. Все эти предметы резко удлиненной формы, округлые в сечении и суженные к концу, иногда как бы приостроенному, в других случаях тупо-округлому. Иногда они очень тоненькие с диаметром до 5 мм, а у острого кончика — 1—2 мм. У других диаметр в средней части равен 17 мм, а округлого конца — 8 мм.

Во всех случаях они изготовлены из глины с какой-либо примесью — раковины, органического вещества и значительно реже песка, сильно обожжены, нередко поверхность их хорошо залощена, иногда залощена от употребления. Все стерженьки сплошные, лишь иногда в них прослеживаются пустоты от выгоревшего в процессе обжига какого-то органического вещества. Два имеют изогнутую форму.

Большое количество этих предметов свидетельствует о том, что они не были случайными и имели весьма частое применение, можно допустить, что их использовали для нанесения орнамента на сосуды, однако найти примеры бесспорного их применения в роли штампов не удается. Не исключено и другое предположение, что они при изготовлении глиняной посуды являлись пробой для определения силы будущего обжига.

Существенно отметить, что большое количество стерженьков найдено на поселении Нарва I и III, и лишь единичные экземпляры — в Нарве II (большое количество их обнаружено в одной из стоянок Карелии — Соломенное II).

Помимо стерженьков, имеется три фрагментированных шарика, изготовленных из глины с примесью песка, на одном из которых (более крупного размера) сохранились с удивительной отчетливостью отпечатки пальцев.

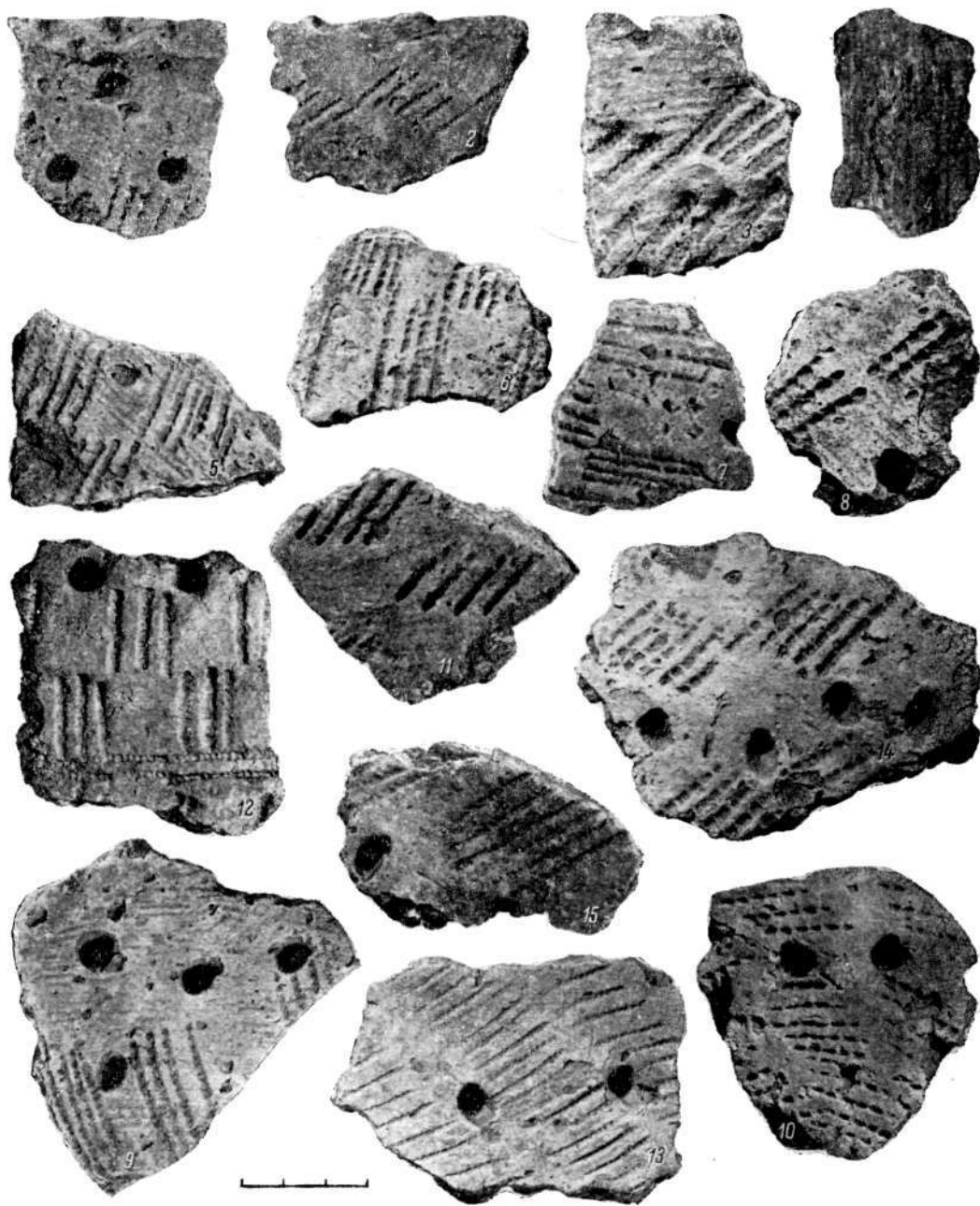

Рис. 69. Фрагменты сосудов с органической примесью. Нарва I (1—15).

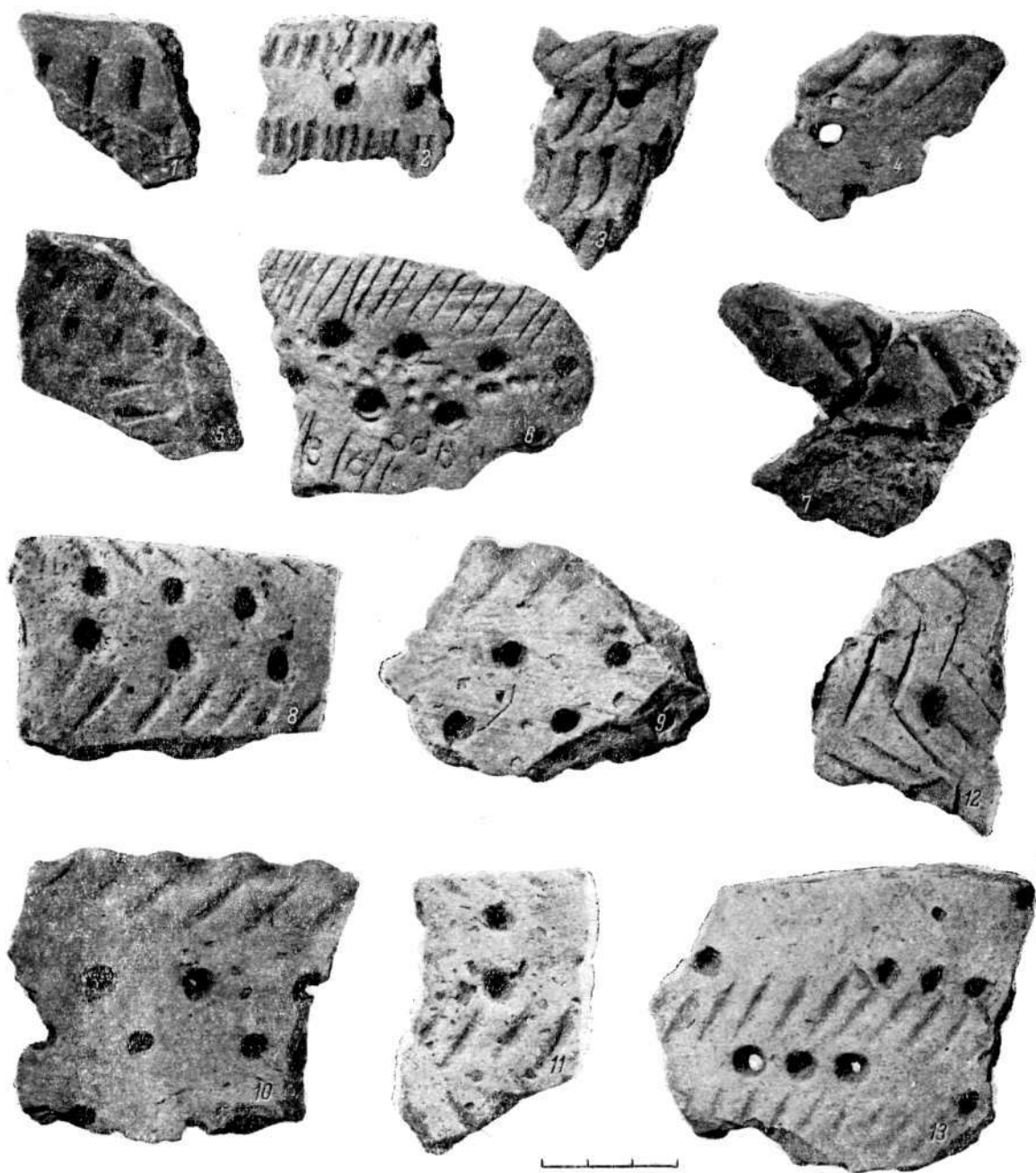

Рис. 70. Fragменты сосудов с органической примесью. Нарва I (1—13).

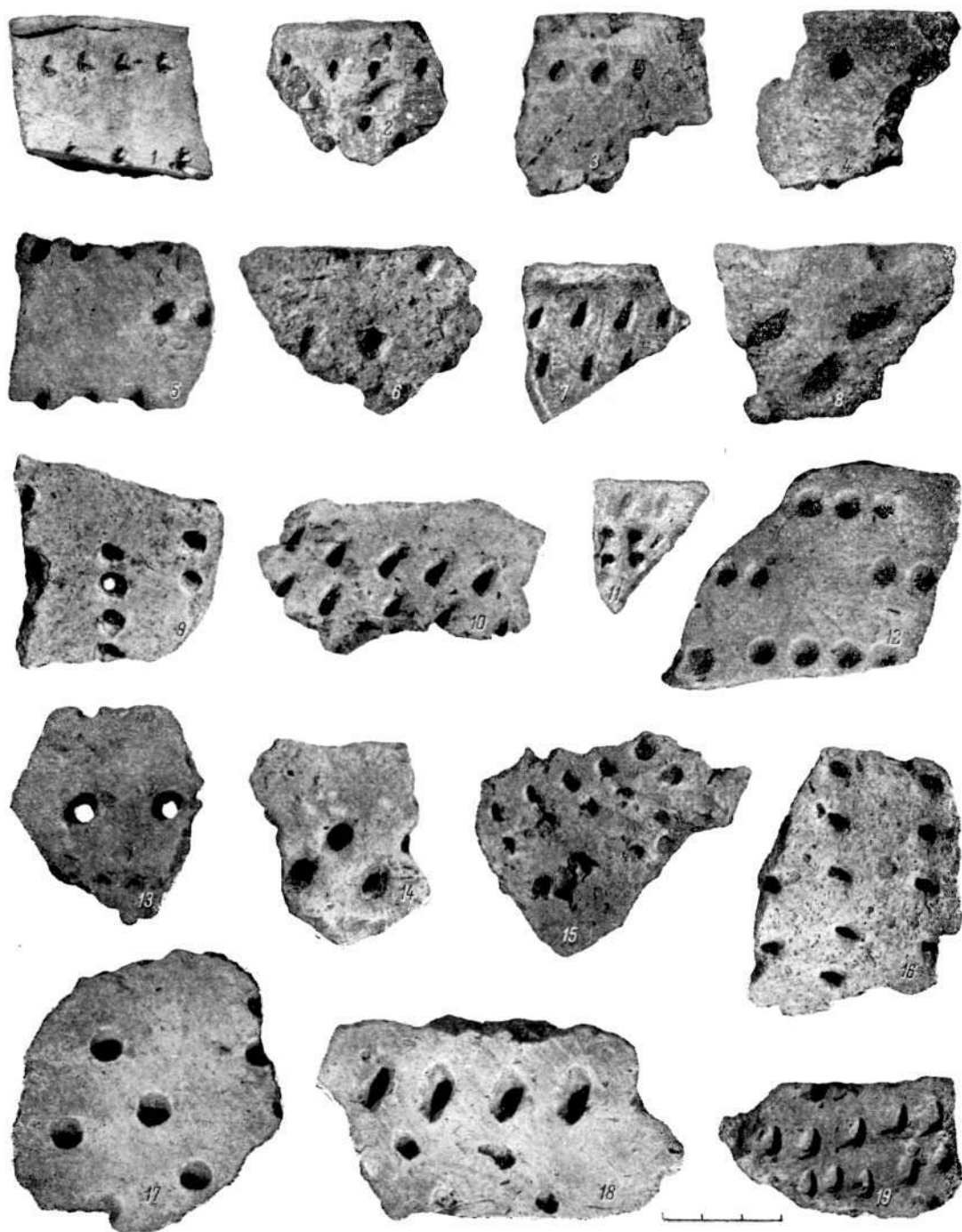

Рис. 71. Фрагменты сосудов с органической и комбинированной примесью. Нарва I (1—19).

Наконец, встречен кусочек какого-то судика по величине не больше наперстка и обломок расширенного на конце глиняного стержня подчетыреугольных очертаний.

светло-серый или желтоватый, иногда очень светлый, розоватого оттенка (представленный в большинстве случаев довольно крупными, очень плоскими отщепами). Особенно

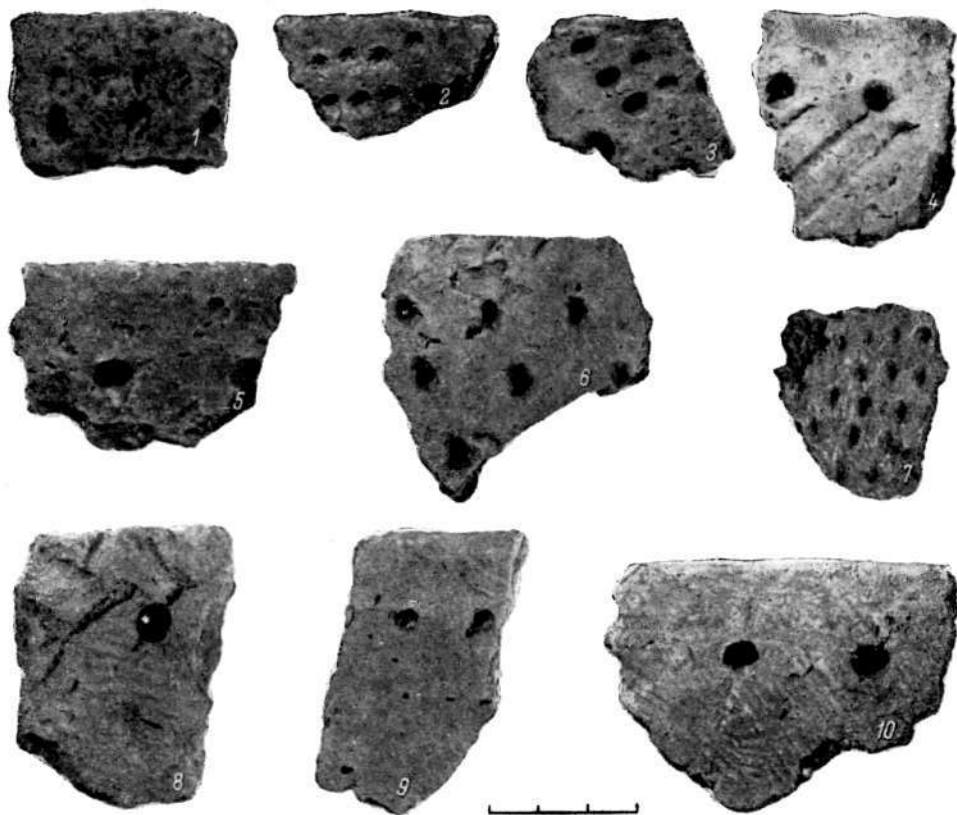

Рис. 72. Фрагменты сосудов с комбинированной примесью. Нарва I (1—10).

III. Каменные орудия поселения Нарва I (рис. 73—78)

Кремневый инвентарь поселения Нарва I (рис. 73, 1—36; 74, 19, 21, 23, 25; 75, 1—38) не столь многочислен, как это можно было бы ожидать, исходя из огромного количества керамического материала. По-видимому, это должно частично объясняться присутствием здесь керамики нарвского типа, обычно сопровождающейся более чем ограниченным количеством кремневых орудий и отщепов кремня. Например, как мы могли видеть, ничтожно малое число кремневых орудий в поселении Нарва III.

Кремень, из которого получены орудия и отщепы, разнообразен, преимущественно

существенно отметить присутствие фиолетового валдайского кремня.

Общей чертой для всех орудий данного поселения является изготовление их из отщепов; правильные ножевидные пластины вовсе отсутствуют. Лишь 4 экз. могут быть причислены к орудиям, изготовленным из пластин, но при этом неправильного ограничения.

Не слишком велик и ассортимент кремневых орудий: наконечники стрел, скребки и отщепы с частичной ретушью, выполняющие их функции, ножи и ретушированные плоские отщепы, используемые в качестве ножей, резчики и проколки, несколько массивных отщепов, приближающихся по форме к нуклеусам, используемых, по всей

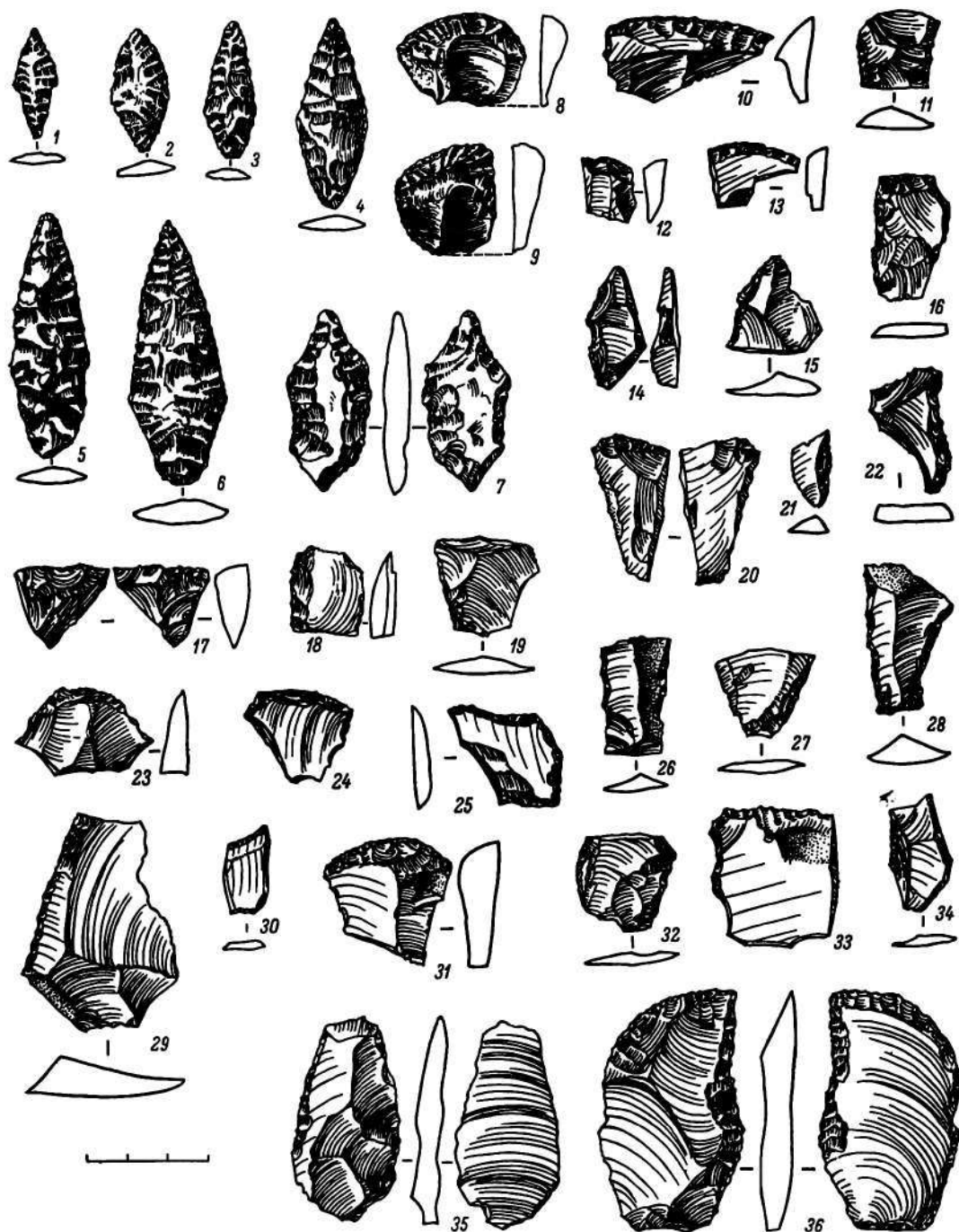

Рис. 73. Кремневые орудия. Нарва I (1-36).

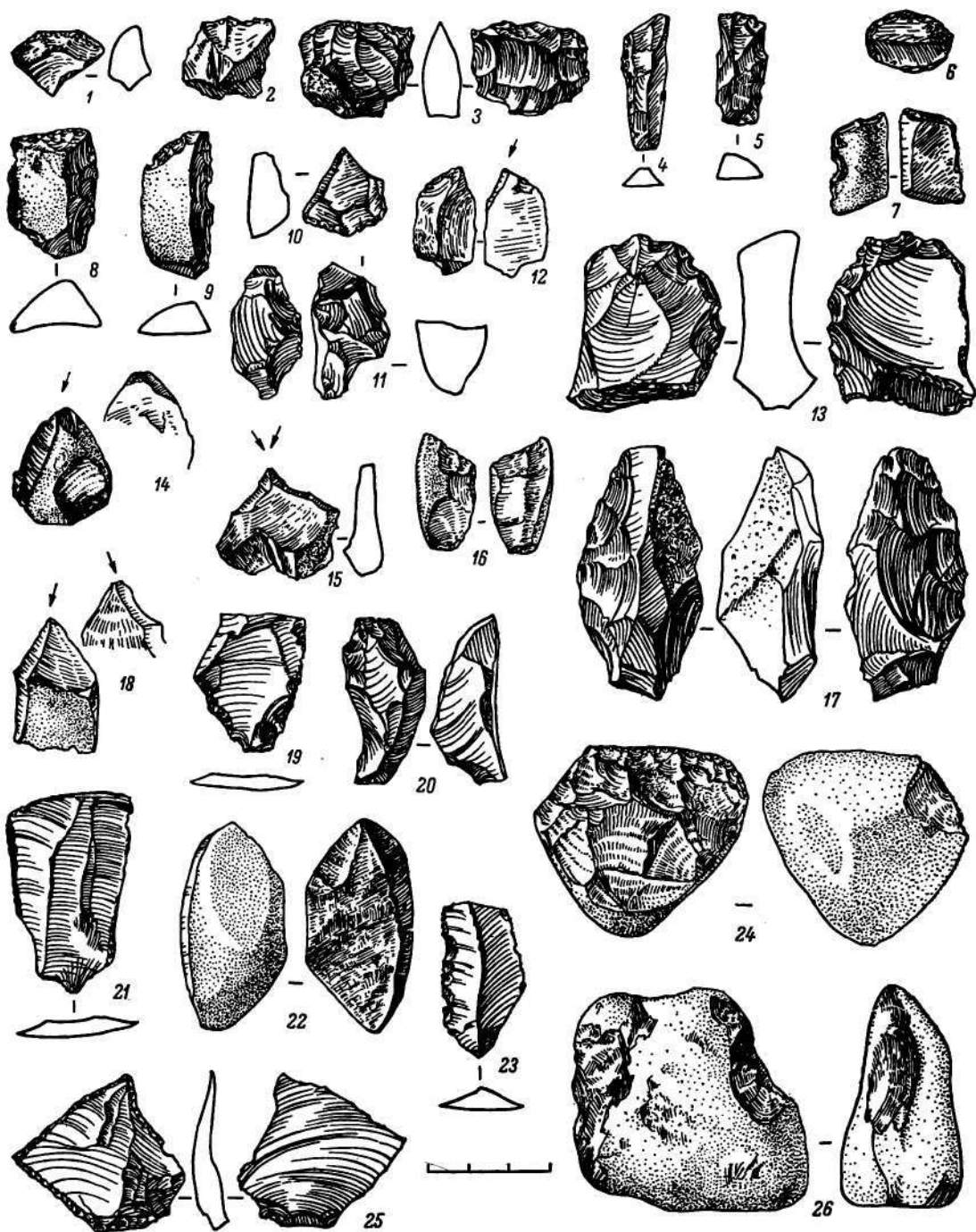

Рис. 74. Кремневые (19, 21, 23, 25) и кварцевые (1—18, 20, 22, 24, 26) орудия. Нарва I.

Состав каменного инвентаря

Наименование памятников	Кремневые							Кварцевые					
	Наконечники стрел и копья	Скребки	Резьба и проколки	Ножи, концевые пластинки, пласт. отщепы	Отщепы с частичной ретушью	Нуклеусы и сколы с них	Отщепы и чешуйки	Скребки и резчики	Гальки со следами сколов и нуклеусы	Сколы с нуклеусов- галеk	Отщепы	Пилы кварцевые	Крупные орудия из галеk с параллело- кой
Нарва I	13 ¹	24	14	19	15 ²	45	485 ³	17	18	61	87	34	3
Нарва II	17	31	16	34	44	11	842 ⁴	12	3	—	33	3	—
Нарва III	1	1	—	—	1	—	3	—	—	—	10	3	1

Примечания: ¹ Один из сломанных наконечников превращен в скребок; ² основная часть их использовалась в качестве кремня; ³ основной частью их использовалась в качестве кремня.

вероятности, в качестве скребков. Собственно нуклеусы отсутствуют.

Наконечники стрел (13 экз. вместе с фрагментами) во всех случаях имеют двустороннюю обработку (рис. 73, 1—6). Размер их варьирует от 2,5 до 6,5 см. Лишь 1 экз. со спинки обработан несколько в меньшей степени — средняя часть его оставлена неретушированной и сохранила следы отжатых от нее ранее узеньких пластинок. Во всех случаях ретушь тщательная, мелкая, отжимная, достаточно плоская, что позволяет сделать наконечник тонким. По форме наконечники листовидные, в той или иной мере приближающиеся к ромбовидным, за исключением 2 экз., где это выражено менее отчетливо, и 2 фрагментов, по которым трудно угадать форму цельных орудий. Один из наиболее крупных экземпляров очень тонкий и тщательно ретушированный, имеет весьма правильную форму, при этом поперечная ось ромба проходит не по середине орудия, а ближе в его тыльной части. Другой наконечник имеет, помимо того, хорошо выраженный черешок и крошечные шипы. Остальные наконечники более аморфны. В целом кремневые наконечники поселения Нарва I ближе всего напоминают аналогичные орудия поселений Рыбежная I и валдайские стоянки.

Один из наиболее крупных, исключительно тщательно изготовленных наконечников стрел был утилизирован и превращен

в скребок после того, как сломался, при этом рабочий конец оказался сильно сработанным (рис. 75, 18).

Как следует из табл. 3, мелких кремневых орудий довольно много. Скребки (24 экз.) разнообразны по величине и форме, степени обработки и использованию (рис. 73, 8—10, 31; 75, 1—9, 23—25, 29, 30, 33). Однако, как и все прочие орудия, они изготовлены на отщепках. Шесть маленьких скребочков (от 1,5 до 1,8 см) округлые по форме, почти во всех случаях имеют круговую обработку крутой, очень часто тонкой ретушью. Два других также очень тщательно ретушированы, овальных очертаний, 4 скребка довольно небрежно обработаны, несколько удлиненных пропорций, 3 экз. — подчетырехугольных очертаний, на сравнительно плоских отщепках, ретушированных по трем граням, наконец, 3 скребка резко удлиненные, с ретушью на одном, двух или трех концах.

Следует отметить еще один резко удлиненный отщеп, ретушированный по трем граням крутой ретушью, имеющий очень сильные следы сработанности, а также 2 скребка на плоских отщепках (один подтреугольных очертаний с тремя обработанными гранями и второй — полуовальной формы, тщательно ретушированный, из фиолетового валдайского кремня).

Исходя из приведенного перечня, в данном поселении нет достаточно устойчивого

Таблица 3

поселений Нарва I—III

Сланцевые и песчанниковые				Итого орудий и отщепов из камня						Глиняные поделки	
Тесла и долота	Стерженьки из шифера	Подвески	Шлифовальные плиты и гладила	Кремень		Кварц и кварцит		Сланец и прочие		Стерженьки	Шарики
				Орудия	Отщепы	Орудия	Отщепы	Орудия	Шлифовальные плиты и обломки		
12	3	1	120	85	530	54	166	16	120	55	3
4	—	1	14	142	853	14	36	5	14	1	1
1	—	—	43	3	3	4	10	1	43	—	—

стве скребков; ³ из них 41 отщеп фиолетового цвета (валдайский кремень); ⁴ из них 90 отщепов фиолетового цвета (валдай-

типа скребка, форма его в ряде случаев определялась подходящей формой отщепа, используемого в качестве болванки.

Помимо собственно скребков, эту функцию выполняли и сравнительно многочисленные (15 экз.) отщепы кремня с частичной обработкой по одной или нескольким граням (рис. 73, 11—13, 15—30, 32—34; 74, 2, 5).

Среди кремневых орудий обращает на себя внимание оригинальностью формы крупный отщеп серого кремня подтреугольных очертаний, с треугольным поперечным сечением. Тыльная часть его едва подправлена по ударному бугорку, ретушь покрывает со спинки широкий рабочий конец с выемкой посередине и спускается на прилегающие к ней длинные грани. Выемка, покрытая крупной ретушью, сильно сработана (рис. 75, 38). Ножей как таковых имеется всего лишь 3 экз., один из которых изготовлен из удлиненного достаточно крупного отщепа, плавно округляющегося к концу, обработанного по этой округлой и по противоположной грани со спинки и с брюшка очень плоской тщательной ретушью. Форма и соответствующая тщательная обработка позволили создать очень эффективное орудие типа «сапожного ножа». Второй нож также изготовлен из удлиненного отщепа, имеет ретушь со спинки и по двум длинным граням, брюшко оставлено без обработки. Третий экземпляр —

очень тонкий отщеп подчетыреугольных очертаний, ретуширован со спинки по всем четырем граням.

Помимо того, имеется 15 экз. очень плоских отщепов с частичной ретушью по одной или двум длинным граням или вовсе без обработки, но со следами использования их в качестве ножей.

Особую группу, так же как и в Нарве II, составляют инструменты, используемые как резчики, проколки и сверла. Специально изготовлено для этих целей всего лишь 4 экз., при этом один из них, возможно, являлся лишь заготовкой; 3 экз. весьма различны по величине (от 2 до 4 см длины). По овальной форме и двусторонней обработке они напоминают собой наконечники стрел с черешком (рис. 73, 7), однако асимметричность формы, отсутствие обработки острия и круговые следы на зауженной части орудия (жальце) свидетельствуют об использовании данных предметов как проколок и сверлышек.

Близки по назначению, но иные по форме 9 плоских отщепов различной величины и очертаний, все с подтреугольным поперечным сечением, всегда с одним сильно вытянутым углом, представляющим рабочую часть орудия — жальце (рис. 75, 11, 16, 20, 21). Оно образовано пересечением трех граней с небольшой подправкой ретушью — или только со спинки, или с брюшка и со спинки, или одной гранью, ретушированной

со спинки, и двумя сколотыми гранями, или, наконец, всеми тремя гранями, ретушированными как со спинки, так и с брюшка.

Кремневые нуклеусы в коллекции отсутствуют, но есть нуклеовидные сколы со следами многочисленных снятых с них мелких отщепов, форма их различна, некоторые были использованы в качестве скребловидных орудий (рис. 75, 36, 37).

Наконец, следует указать на особое кремневое орудие — тонкий отщеп полукруглой формы с несколько вогнутым основанием, ретушированным со спинки и с брюшка очень мелкой плоской ретушью (рис. 75, 14). Такая же ретушь покрывает округлую грань орудия со спинки. Данный предмет, напоминающий по форме лунницу, по-видимому, использовался в качестве скребков для каких-то очень тонких работ.

Крупные каменные орудия представлены теслами, изготовленными из темно-серого и черного сланца (рис. 76, 2, 6—15). Величина их варьирует в пределах от $2,5 \times 2,5$ см до 6×4 см. Помимо того, есть нижняя часть тесла, по-видимому, более крупного размера (при ширине 5,5 см уцелевшая часть имеет длину 4,5 см). Во всех случаях рабочий конец асимметричен, лезвие очень острое (когда не сильно сработано), вся поверхность орудия тщательно зашлифована, очертания в пяти случаях из девяти четырехугольные, в остальных — в большей или меньшей степени сужены к тыльной части.

Четыре тесла отличны друг от друга по форме. Одно имеет удлиненно-трапециевидное сечение, лезвие его по углам сработано, тыльная часть сильно заужена (рис. 76, 11). Второе тесло клиновидное, с широкой, уплощенной, почти симметричной рабочей частью и сильно утолщенным, зауженным и округлым тыльным концом (рис. 76, 2). Третье тесло небольшое, уплощенное, с одной стороны небрежно зашлифовано, с очень сильно сработанным лезвием (рис. 76, 10). Наибольшей оригинальностью обладает четвертое небольшое тесло, также довольно сильно суженное к тыльной части, с поперечным жребком у лезвия — довольно типичный круммайзель (рис. 34, 11).

Остальные 4 тесла, хотя и различного размера и степени сработанности (одно из них использовано чрезвычайно сильно), но

все широкообушковые (ширина тыльной части равна ширине лезвия), с острым рабочим краем, некоторые экземпляры имеют сбитые тыльные части, указывающие на использование этих орудий без рукояти (рис. 76, 6, 7, 13, 15). Другое тесло или долото весьма небрежной обработки, утилизировано из какого-то более крупного орудия. Оно имеет лишь частичную пришлифовку и довольно сильно сработанное лезвие (рис. 76, 8).

Помимо того, встречено довольно крупное орудие, со слегка асимметричной рабочей частью, которое выполняло, по-видимому, функцию топора или долота, поскольку лезвие его сильно сработано лишь с одного края (рис. 76, 14).

Одно небольшое сланцевое тесло изготовлено из материала типа диорита или разновидности песчаника, размер его небольшой, очертания подчетырехугольные. лезвие сильно асимметричное, поверхность зашлифована (рис. 76, 9).

Наконец, укажем еще на два обломка шлифованных сланцевых орудий. Судя по очень ровным, правильным граням, можно полагать, что они сформованы с помощью опиала, следы которого, однако, исчезли при последующей зашлифовке.

Помимо описанной группы специально изготовленных сланцевых тесел и долот, в поселении Нарва I встречено 3 экз. крупных орудий, основой для которых послужили сильно удлиненные гальки с естественно оглаженной поверхностью; широкий конец их с помощью зашлифовки, сточившей в одном случае одну, в двух — обе стороны, превращен в рабочую часть орудия (рис. 76, 16—18).

Наиболее крупная из них галька имеет сильно зауженную тыльную часть, меньшая (более уплощенная) — округлую и несколько более широкую по сравнению с лезвием. Тыльная часть третьего экземпляра обломана, а скол, образовавшийся в результате этого, подправлен вторично пришлифовкой. Все три предмета свидетельствуют об известной ограниченности поделочного материала, заставившей жителей поселка Нарва I использовать менее высококачественную породу камня (кварцитовый песчаник) такой формы, какую придала им природа, лишь слегка подправив ее.

Из прочих предметов, изготовленных из сланца, имеются три тоненьких, округлых

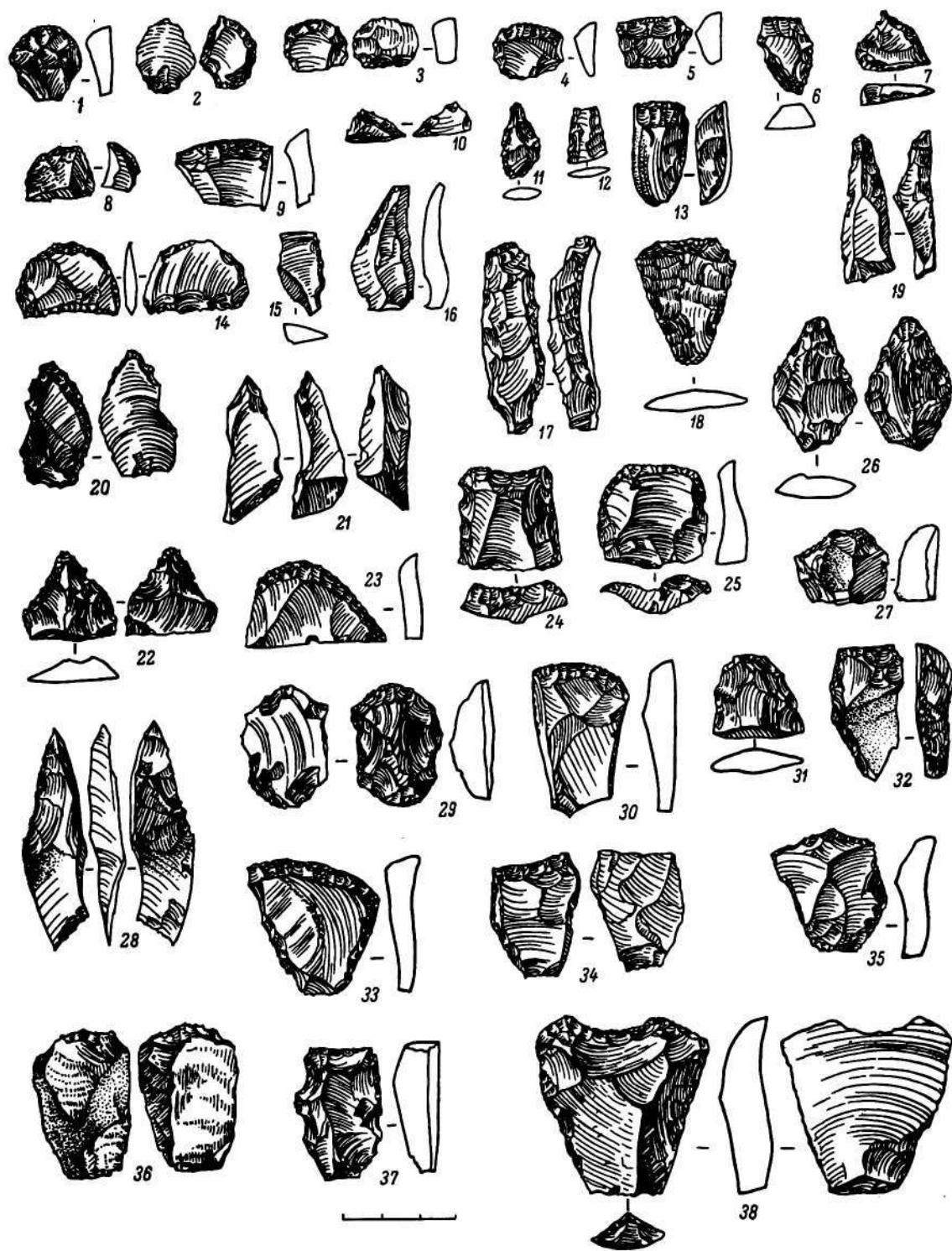

Рис. 75. Кремневые орудия. Нарва I (1-38).

или слегка овальных в плане стерженька, очень тщательно зашлифованные по всей поверхности и напоминающие графит толстого карандаша (рис. 76, 3—5). Конец одного сильно сточен и потому уплощен, второго — равномерно сужен, третьего — обломан. Возможно, данные предметы применялись как штампы для орнаментации керамики.

Последний сланцевый предмет — это очень плоская, прекрасно зашлифованная, овальной формы галечка с двумя отверстиями, одно из которых просверлено в крае, второе — ближе к середине (рис. 76, 1). Крайнее отверстие широкое, с сильно заглаженными краями, долгое время служившее для продевания в него шнура, второе, по-видимому, не было использовано в этих целях, на что указывает отсутствие сглаженности концентрических кругов, оставшихся от действия сверла. С одной стороны близ края этого отверстия заметна еще небольшая луночка от начатого, но незавершенного сверления. Вероятно, подобрав подходящую тоненькую галечку и слегка подправив ее с помощью последующей пришлифовки, мастер приступил к просверливанию отверстия в средней части. Почему-то первая попытка оказалась неудачной, и не закончив сверление, он перенес его чуть ближе к центру. Однако в процессе высверливания галечка сломалась, после чего мастер проделал отверстие в ее крае и, подвесив таким образом, носил длительное время. Отчетливо заметно, что одна сторона ее (там, где имеется луночка) в отличие от другой не только зашлифована, но и очень сильно, до блеска залощена, при этом залощенность покрывает и часть обломанной поверхности в середине галечки, указывая на то, что эту подвеску носили и после того, как она сломалась. Следы заполированности на противоположной стороне предмета отсутствуют.

Помимо керамики, одним из существенных доказательств долговременности обитания поселка Нарва I служит чрезвычайное обилие и разнообразие предметов, используемых для изготовления орудий труда: пил, шлифовальных плит, точил и гладил (вместе с обломками более 120 экз.). Как мы могли видеть в поселениях Нарва III и Нарва II, они встречаются также довольно часто, но все же не в таком большом количестве.

Для всех предметов, связанных со шлифованием, затачиванием или служивших для заглаживания поверхности кожаных или глиняных изделий, использованы крупные и мелкие гальки кварцита или песчаника, близкого к нему по плотности, в различной мере окатанные и имеющие весьма разнообразные очертания.

В основном по форме и в большой мере по характеру использования их можно разделить на три основные группы, выделив при этом одно точило оригинальной формы и тридцать обломков от шлифовальных плит и точил.

Наиболее многочисленную группу составляют обломки крупных кварцитовых шлифовальных плит, для изготовления которых применяли подходящие по форме (уплощенные) гальки, найденные жителями где-нибудь поблизости на берегу реки или моря. При этом все камни выбраны с учетом их абразивных свойств. Подобрав такой подходящий камень, человек использовал его длительное время, работая сначала на одной, а затем и на второй поверхности. Иногда это использование было столь интенсивным, что в результате получалась плита чашеобразной формы, с сильно вогнутыми двумя противоположными поверхностями, которые, стачиваясь, становились до того тонкими, что ломались. Однако мастер не выбрасывал их после этого, а использовал средние тонкие сточенные куски после легкой дополнительной подправки в качестве пил.

Для того чтобы представить себе, насколько сильно стачивалась средняя часть шлифовальных плит по сравнению с ее боковыми частями, достаточно привести следующие данные по одному из экземпляров. Плита № 2837 при толщине 2,5 см имеет в средней части (где произошел разлом) всего лишь 2 мм, а есть плиты, средняя часть которых сточена до 1 мм. Это стачивание происходило в результате того, что при шлифовке предмета производились круговые или в двух противоположных направлениях (от себя и к себе) движения, при этом на среднюю часть приходилась наибольшая нагрузка. О подобных движениях свидетельствуют очень ясные следы, сохранившиеся на обеих плоскостях многих шлифовальных плит.

В отдельных случаях, когда форма только что найденного камня — будущей шлифо-

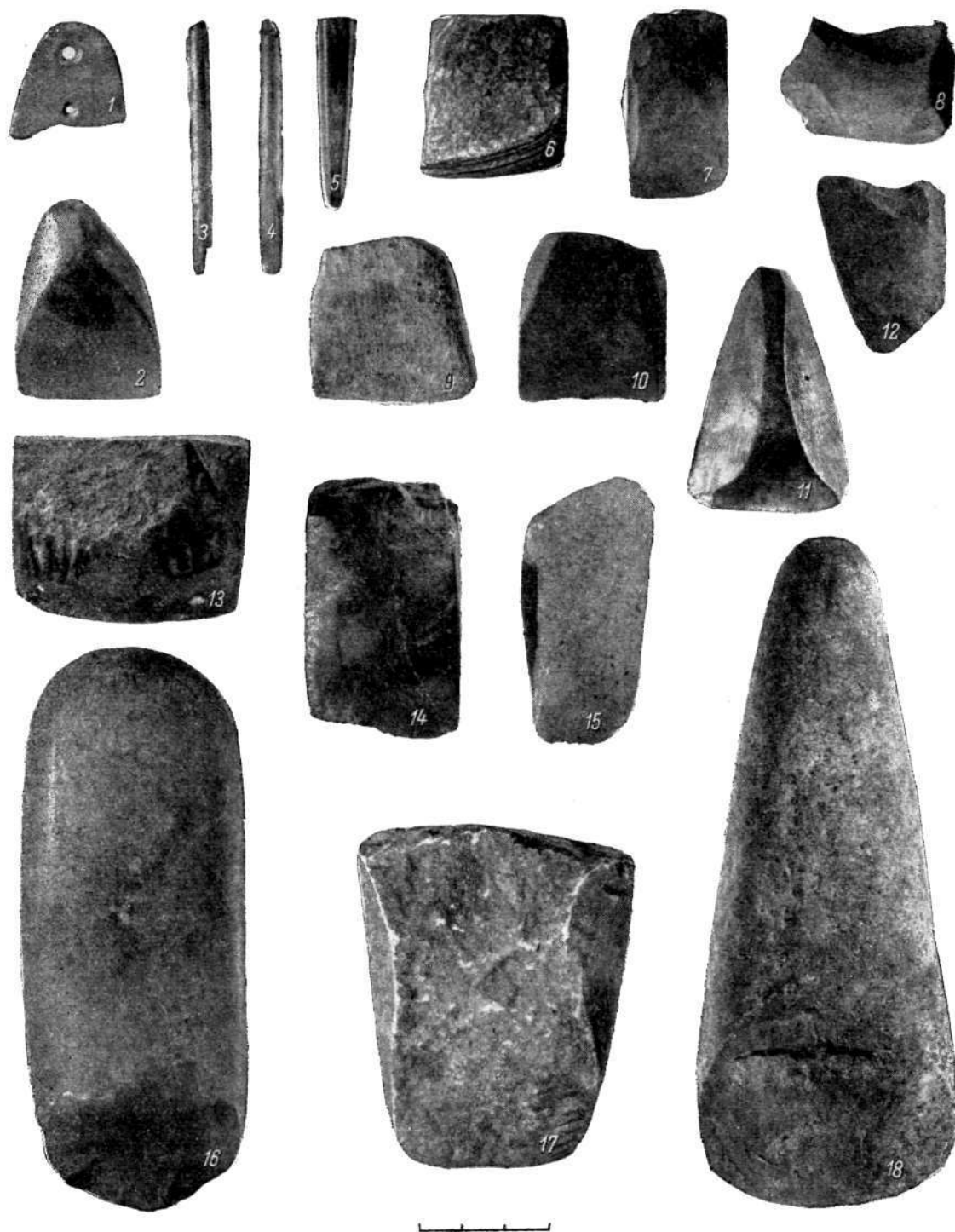

Рис. 76. Орудия из сланца и кварцита. Нарва I (1—18).

вальной плиты — не удовлетворяла мастера, он слегка оббивал ее края с целью придать необходимую округлость. Нет сомнений, что на таких шлифовальных плитах обрабатывались крупные плоские предметы, нередко из твердой породы (каменные), на что указывают резкие штрихи, оставленные на поверхности шлифовальных плит.

Вторую группу составляют 20 экз. сравнительно крупных галек удлиненной формы, с четырехугольным поперечным сечением, в большей или меньшей мере уплощенных, иногда плоских (18 см длины, 5,5 см ширины, при толщине 1,5 см). Внешняя поверхность их сильно заглажена, в ряде случаев залощена от длительного использования. Рабочими частями этих предметов служили в большинстве случаев все четыре грани (как широкие, так и узкие). При этом очень часто узкие грани сработаны сильнее широких, реже все четыре грани сточены в одинаковой мере. Только в 3 экз. рабочей частью послужили лишь широкие стороны. У одного из них рабочая грань оказалась настолько интенсивно использована в двух противоположных направлениях — к себе и от себя, что получила вогнутую форму. Некоторые экземпляры имеют округлые узкие грани, а одна из галек снабжена скошенным и сильно залощенным концом, который был использован для пришлифовки или заглаживания каких-то мягких предметов (например, швов на кожаных изделиях).

Третья группа предметов аналогичного назначения представлена 11 экз. удлиненных, неправильных по форме галек, округлых в поперечном сечении, с округлыми же концами. Они сильно заглажены по всей поверхности и в особенности на концах, которые иногда сильно стертые. Вся эта категория предметов может быть названа гладилками, употреблявшимися для выравнивания различных, но во всех случаях относительно мягких поверхностей — глины, кожи, бересты и т. п. Заглаживая обрабатываемую поверхность, эти предметы в результате длительного употребления сами получали сильную залощенность в той части, где они соприкасались с обрабатываемым предметом, тогда как остальная поверхность оглаживалась в результате соприкосновения с рукой работника. К этой же категории следует причислить и еще 16 галек, отличающихся от только что описанных менее

вытянутой формой и значительно большей уплощенностью.

Все описанные предметы, выделенные нами в третью группу, будучи близкими по назначению к предметам двух первых групп, отличаются от них тем, что сами являются орудиями производства, активно воздействующими на другой предмет, тогда как предметы двух первых категорий (шлифовальные плиты и точила) служили средством, способствующим изготовлению орудий.

Необходимо указать на один предмет оригинальной формы, напоминающий катушку, — с широкими концами и сильно зауженной округлой средней частью. Оба широких конца его заканчиваются уплощенной поверхностью, полученной в результате употребления. По-видимому, случайно подобранная галька вследствие удачной формы использовалась длительное время.

Наконец, следует упомянуть 36 обломков более мелких шлифовальных плит, также хранящих следы длительного употребления. Ряд их в дальнейшем, вероятно, послужил бы в качестве основания для пил.

В плане изучения технических приемов изготовления орудий исключительного интереса заслуживают кварцевые пилы, представленные на поселении Нарва I 34 экз. (рис. 77, 1—14). Столь значительное число пил, совершенно необычное для других памятников, само по себе представляет интерес. Кроме того, огромное количество удивительно стандартно опиленных эпифизов метаподий крупных животных, обилие рогов лося, опиленных одним и тем же приемом, позволяют с полным основанием говорить о наличии здесь производственной мастерской по обработке кости. Однако на этом вопросе мы остановимся более подробно в следующем разделе работы.

Очень существенно, что пилы на данном поселении представлены во всех фазах своего изготовления и сработанности.

Как и в карельских неолитических памятниках, где в изобилии встречаются подобные инструменты, они представляют собой сравнительно тонкие пластинки твердого песчаника или кварцита, основой для части которых послужили сильно сточенные куски шлифовальных плит, для других же — специально сколотые тонкие куски кварцита.

Все пилы разнообразны по очертаниям. Общим является лишь их отчетливая упло-

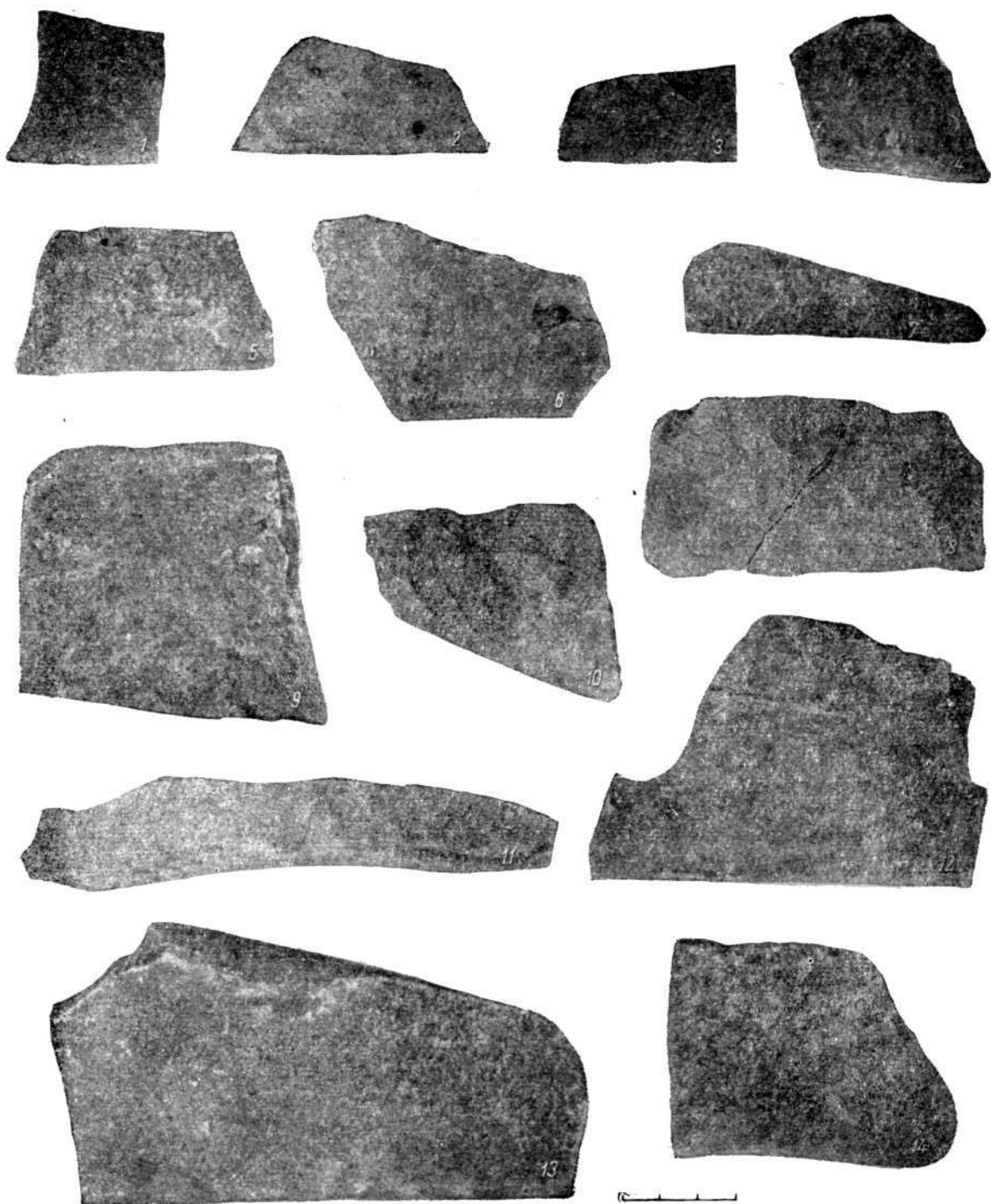

Рис. 77. Кварцитовые пилы. Нарва I (1-14).

ценность. За исключением одной, они не имеют какой-либо определенной законченной формы, чаще всего в плане неправильно четырехугольных очертаний, реже трапециевидных (когда оба края их, перпендикулярные лезвию, в большей или меньшей степени скошены кверху). Однако несмотря на отсутствие твердо установленных очертаний, в силу чего пилы производят впечатление скорее обломков, а не целых предметов, в действительности они не являются таковыми. Только в одном случае удалось подобрать их друг к другу, чтобы составить целый предмет, во всех же остальных экземплярах края оказались заглаженными от соприкосновения с рукой мастера.

Встречаются крупные куски пил (16×18 см), лезвия которых не обладают необходимой остротой для такого рода орудий, иногда оно достигает ширины 7 мм. Однако заглаженность рабочего края и характерные, отчетливо выраженные параллельные лезвию штрихи с бесспорностью свидетельствуют о том, что данный предмет был использован в работе. При этом значительная ширина прилегающего к краю заглаженного участка (до 3 см) указывает, что инструментом производился достаточно глубокий распил. По-видимому, эта пила употреблялась сравнительно недолго, так как конец ее не успел сработаться. Она служила для распиливания длинных предметов, таких, например, как метаподи лося или тура, на что указывает непрерывность штрихов, прослеживаемых на значительном расстоянии. Остальные части этой пилы заглажены от пребывания в руках.

Работа такими пилами могла производиться с применением мокрого песка, оставившего после себя горизонтальные параллельные полосы. Целых экземпляров и кусков таких тупых пил насчитывается двенадцать. По ширине полосы, покрытой параллельными штрихами, видно, что пила не врезалась в предмет глубже 3 см. Это, как мы увидим при описании «костерезной мастерской», соответствовало ширине распила кости и рога.

Вторую группу (4 экз.) составляют тонкие пилы; при ширине пилы 5 мм, ширина лезвия не более 3 мм. Они также округлы в рабочем крае, но более острые по качеству материала и по следам сработанности, ничем не отличаются от описанных выше инструментов.

Пилы, выделенные нами в третью группу (17 экз.), будучи сходными с предшествующими, имеют значительно более тонкий рабочий конец, не превышающий по толщине 1—2 мм. За исключением 6 случаев, толщина тела их также не более 6 мм. Следы сработанности лезвия прослеживаются на них с чрезвычайной отчетливостью.

Так же как в Нарве III и Нарве II, в поселении Нарва I встречено довольно большое количество кварцитовых галек (рис. 78, 1—3) и кварцевых отщепов, часть которых имеет следы использования, а также некоторое число изготовленных из кварца орудий (рис. 74, 1—18, 20, 22, 24, 26). Следует указать, однако, что среди них отсутствуют сколько-нибудь устойчивые формы, в большой мере они зависят от более или менее удачно подобранного отщепка.

Бесспорно лишь, что для изготовления орудий были использованы найденные на берегу реки или моря окатанные кварцевые гальки, которые и служили своего рода нуклеусами (рис. 74, 24, 26). Количество кусков кварца с сохранившейся коркой (61 экз.) бесспорно свидетельствует об этом. Помимо того, имеется 16 крупных сколов с галек со следами ретуши и сработанности, 3 ретушированные части их, использованные в качестве скребков, и части галек с резцовыми сколами или подправленные ретушью и использованные в качестве резчиков. Размер таких галек редко превышает 6 см. Иногда после скалывания с них отщепов и незначительной подправки, а то и вовсе без нее они использовались в качестве скребущих орудий.

Наиболее отчетливо выраженный скребок представлен небольшим плоским овальным отщепом с мелкой ретушью по всем граням и отщепом удлиненной формы, две противоположные узкие вогнутые стороны которого, являющиеся рабочими, получены в результате сколов, направленных от лезвия в противоположные стороны (рис. 74, 16). Несколько сколов с галек превращены в резчики, значительная часть поверхности их покрывает корка, острая же рабочая часть образована резцовыми сколами и в отдельных случаях подправлена ретушью.

Наиболее отчетливо выражен лишь один нуклеус, маленький (2 см), приближающийся по форме к коническим.

Среди вещественного материала, полученного при раскопках поселения Нарва I,

как было указано выше, исключительный интерес вызывает костяной инвентарь, а также предметы, связанные с производством костяных орудий. Большая серийность последних позволяет проследить изготовление орудий от самой начальной фазы до завершающего момента и, кроме того, все технические приемы, употреблявшиеся от начальной разделки кости и рога вплоть до завершающей обработки изготовленных орудий с помощью шлифования, а также

к первому жилищу и в черте его. В общей сложности их было найдено 91 экз. (рис. 79).

Это явление перестает казаться загадочным, как только мы вспомним, что среди костяного инвентаря этого поселения значительный процент принадлежит удлинённым орудиям, изготовленным из расщепленных метаподий крупных парнокопытных животных с косым лезвием, срезанным также под углом в 45° . Сопоставление этих двух типов предметов не оставляет сомнений в их органической связи.

Не меньший интерес для изучения процесса производства костяных и роговых орудий имеют многочисленные куски рогов (108 экз.) со следами пиления, также в основном найденные вблизи жилища № 1.

Наконец, исключительно большое значение для правильного понимания этих находок имеет набор кварцитовых пил, составляющих единый комплекс с опилёнными костями и рогом. Как мы могли видеть, имеется целый набор их — от весьма толстых, только что подготовленных для работы до острых, сильно сточенных, с отчетливыми следами от употребления в виде многих мелких ярких штрихов, параллельных друг другу и лезвию самого орудия. Все это, взятое в совокупно-

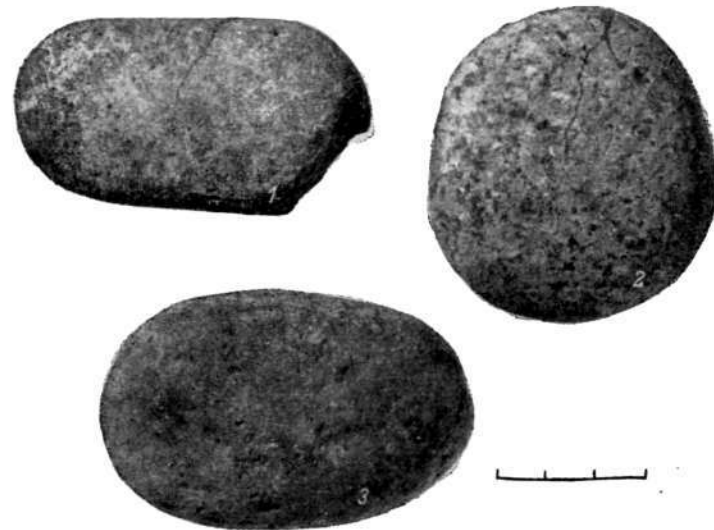

Рис. 78. Кварцитовые галки. Нарва I (1—3).

сти, позволяет понять сущность процесса изготовления как этих весьма оригинальных и широко распространенных в неолите орудий, так и подавляющего большинства других типов, встреченных на Нарвских поселениях и за их пределами. Поразительная серийность имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет проследить приемы изготовления орудий во всех деталях. При этом нетрудно заметить общую закономерность, проявляющуюся в чрезвычайно однообразии технических приемов, свидетельствующих, что человек к тому времени уже нашел вполне целесообразную форму и наиболее рациональные методы изготовления костяных орудий.

«починку» орудий — частичную их подправку для вторичного использования. Обилие такого материала выдвигает поселение Нарва I в этом отношении в число уникальных памятников, позволяя подробно осветить вопросы производства и использования костяных орудий.

В связи с этим начнем описание с «костерезной мастерской», чтобы затем рассмотреть изготовленные в ней орудия в действии.

В процессе раскопок жилища № 1 и прилегающих к нему квадратов обратило на себя внимание обилие эпифизов крупных костей животных, срезанных под углом в 45° . Единичные экземпляры таких предметов были встречены и в других частях раскопа, а также на поселениях Нарва II и Нарва III. Однако основная масса сосредоточивалась в квадратах, примыкающих

к первому жилищу и в черте его. В общей сложности их было найдено 91 экз. (рис. 79). Это явление перестает казаться загадочным, как только мы вспомним, что среди костяного инвентаря этого поселения значительный процент принадлежит удлинённым орудиям, изготовленным из расщепленных метаподий крупных парнокопытных животных с косым лезвием, срезанным также под углом в 45° . Сопоставление этих двух типов предметов не оставляет сомнений в их органической связи. Не меньший интерес для изучения процесса производства костяных и роговых орудий имеют многочисленные куски рогов (108 экз.) со следами пиления, также в основном найденные вблизи жилища № 1. Наконец, исключительно большое значение для правильного понимания этих находок имеет набор кварцитовых пил, составляющих единый комплекс с опилёнными костями и рогом. Как мы могли видеть, имеется целый набор их — от весьма толстых, только что подготовленных для работы до острых, сильно сточенных, с отчетливыми следами от употребления в виде многих мелких ярких штрихов, параллельных друг другу и лезвию самого орудия. Все это, взятое в совокупно-

сти, позволяет понять сущность процесса изготовления как этих весьма оригинальных и широко распространенных в неолите орудий, так и подавляющего большинства других типов, встреченных на Нарвских поселениях и за их пределами. Поразительная серийность имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет проследить приемы изготовления орудий во всех деталях. При этом нетрудно заметить общую закономерность, проявляющуюся в чрезвычайно однообразии технических приемов, свидетельствующих, что человек к тому времени уже нашел вполне целесообразную форму и наиболее рациональные методы изготовления костяных орудий. Исходным материалом для мастера служили пястные и плюсневые кости крупных парнокопытных животных и рога лося, основным орудием — кварцитовая пила, а ко-

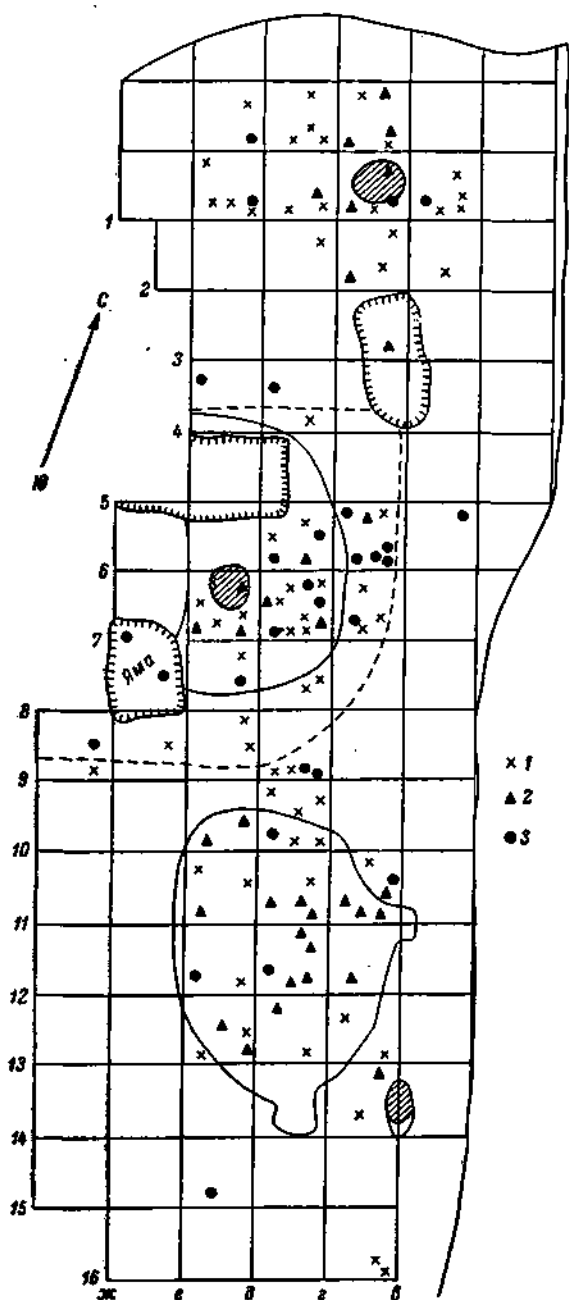

Рис. 79. Расположение опиленных эпифизов и кусков рога в пределах раскопа. Нарва I.

1 — опиленные эпифизы; 2 — опиленные рога;
3 — кварцевые пылы.

нечной целью — костяные орудия под углом в 45° и мотыги, изготовленные из рогов лося.

Как мы увидим далее, на поселении Нарва I присутствует и масса других костяных орудий в большинстве своем также весьма устойчивой формы, однако сделанные преимущественно из длинных трубчатых костей (гарпуны, наконечники стрел, долота, тесла и др.). Они не выявляют такой стандартизации в технических приемах изготовления и, встречаясь равномерно по всей площади поселения, свидетельствуют об отсутствии тесной связи с «мастерской». По всей вероятности, большинство таких орудий мог делать для себя каждый член рода.

В мастерской основным сырьем, по определению Н. М. Ермоловой, для изготовления костяных орудий послужили пястные и плюсневые кости тура, коровы и лося. Роговые же изделия сделаны из рогов лося.

Выбор именно пястных и плюсневых костей был продиктован тем, что они прямые и ровные в отличие от трубчатых, имеющих относительно тонкие костные стенки и непрямую ось. Из трубчатых же костей изготавливали более мелкие орудия, как, например, наконечники стрел, проколки и др.

По всей вероятности, использовалась прежде всего свежая кость от недавно убитого животного. Возможно, прежде чем приступить к изготовлению орудия, кость, предназначенную для обработки, предварительно размягчали. Ее долго вымачивали в холодной или теплой воде, отчего она становилась значительно более податливой, иногда же кость подвергалась длительному вывариванию. Такие приемы предварительной обработки костного сырья до недавнего времени применяли, например, холмогорские костерезы.

Последовательность изготовления орудий из метаподий в нашей мастерской была следующей (рис. 82, 20—31; 83). Мастер брал плюсневую или пястную кость крупного рогатого животного, клал ее в горизонтальном или чуть наклонном (от себя) положении и производил продольное пиление таким образом, что в результате его с одной стороны оставалась медиальная часть, с другой — латеральная (рис. 80). При этом пропилился с двух сторон до средней части кости, состоящей из губчатого вещества, значительно более мягкого, нежели внешняя оболочка.

Когда пропили довели примерно до се-

редины кости и пилить становилось трудно из-за того, что пила слишком глубоко входила в материал, мастер переворачивал кость и начинал пиление с противоположной стороны, стараясь попасть точно против первого пропила. Однако это не всегда ему удавалось; бывали случаи, когда пропилы не совпадали и вместо ровной линии, какал должна была получиться, создавалась небольшая ступенчатость в средней части на месте губчатого вещества. В таком случае иногда часть со следами пропила как бы налегает на другую (с противоположной стороны), нависая над ней тонким зубцом.

Ширина пропила была различной. Очень редки случаи, когда пропил одной стороны достигает 4 см, значительно же чаще он колеблется от 1—2 до 3 см, чаще всего средняя толщина пропила плотного костного вещества равна 2 см. Бывают случаи, когда и двух продольных опилов, направленных с противоположных друг к другу сторон, оказывалось недостаточно, и тогда приходилось производить дополнительно третий пропил. При неудачном пиении в ряде случаев видно, как мастер несколько менял его направление. Одностороннее пиление встречается исключительно редко. Если пропил с одной стороны был широким, то с другой — узким (1—2 и 3 см; 2 и 2.5 см и т. д.). В тех редких случаях, когда в месте эпифизов губчатая поверхность оставалась недопиленной, она обламывалась. Бывают примеры, когда пропилы настолько точно совпадают, что создается впечатление, будто кость распилена лишь с одной стороны.

Нередко глубина пиления определялась формой кости. Так, на одном экземпляре кости тура в месте эпифиза заметен с одной стороны очень глубокий пропил (около 4 см), тогда как с другой стороны, где кость вогнута, он равен всего лишь 0.5 см. Наконец, в одном случае кость имеет односторонний пропил, а вторая сторона имеет скол.

Судя по тому, что при пиении кости кварцитовой пилой требовалось применение большой физической силы, возможно допустить предположение об использовании соответствующих зажимов для закрепления концов кости.

После того как была завершена продольная распиловка кости, мастер приступал к дальнейшей работе — отпиливанию эпи-

физа.⁸ Кость поворачивалась вверх одной, теперь уже плоской, стороной, и производился косой опилов с целью удаления верхнего эпифиза.⁹ При этом он всегда располагался под определенным углом (45°) к продольной оси, и можно только удивляться, насколько это было точно сделано (рис. 80, 5; 81, 1—10). Отклонения бывают чрезвычайно редки, и части эпифизов, полученные в результате косых опилов, до того одинаковы, что как будто действительно вышли из рук одного мастера.

Косой опилов производился также совершенно закономерно. Как правило, его начинали с внутренней, плоской, стороны кости, что уменьшало возможность скольжения пилы, обычное при начале пиления. Кроме того, при таком способе значительно легче было обломить недопиленный участок, так как, сохраняясь только на наиболее выпуклой части, он имел очень небольшую длину. В тех же случаях, когда неопиленный участок оставался сравнительно толстым и не мог быть сломан; мастер вынужден был произвести дополнительный небольшой запил с внешней стороны.

Кроме одностороннего опилов эпифизов, наиболее часто применялся и второй способ, когда пропил производили с двух сторон навстречу друг другу, при этом между ними оставался небольшой недопиленный участок, который затем обламывался, в результате чего между двумя ровными, гладкими, как бы зашлифованными полосами создавался небольшой гребень. При этом способе пропил обычно начинался с внутренней, плоской, стороны кости — продольного опилов, а затем переносился на внешнюю (выпуклую) сторону. Как правило, пропил с внутренней стороны был значительно глубже, чем с внешней (иногда до 4 см). Только единственный экземпляр кости тура не имеет следов пиления, хотя к нему применены все те же приемы —

⁸ Имеется всего лишь один случай (правая плюсневая кость благородного оленя), когда косому опиливанию верхнего эпифиза не предшествовал продольный распил и он был отчленен с помощью двустороннего опилов от целой кости.

⁹ Во всех случаях отпиливались навсось только верхние концы пястных и плюсневых костей. Нижние концы в подавляющем большинстве служили тыльной частью орудия или отбивались. В качестве отходов они встречаются на поселении в исключительных (6) случаях и то от молодых особей, в связи с чем произошло их естественное отчленение.

продольный скол, заменяющий продольный пропи́л, и косой скол, нанесенный взамен косого пропи́ла.

Иногда неудачное начало пиления прослеживается как в продольном, так и в косом

того как был сделан продольный пропи́л кости.

Наблюдения над неудачными запилами показывают, что начало пиления производилось сравнительно тонкой пилой (следы пилы имеют очень небольшой диаметр и скорее напоминают надрезы, чем надпилы). Однако в процессе работы пила заметно тупилась и ширина углубления, пропиливаемого ею, увеличивалась. В отдельных случаях изменялась и линия лезвия: вместо совершенно прямой она приобретала несколько выпуклую форму, а линия пропи́ла соответственно этому вогнутую.

Серийность материала позволяет сделать другие наблюдения. Например, плюсневые кости лося всегда пропиливались вдоль не с одной, а с двух сторон, но, поскольку полая часть в них имеет значительный размер (вместо губчатой поверхности, наблюдаемой у тура и коровы), ширина пропи́лов оказывалась незначительной, при этом косые пропи́лы чаще произведены с одной стороны или второй пропи́л лишь слегка дополняет первый и заметен в основном на наиболее выпуклой части кости. К костям лося изредка применен и такой способ расчленения, когда они вдоль расколоты, а пиление использовано лишь при удалении эпифиза. Затем мастер приступал к третьему этапу работы над костяной болванкой. Отступя на расстояние 5 см от только что опиленного конца, он производил второй, параллельный первому косой опи́л кости, но уже всегда одно-сторонний, начиная с плоской

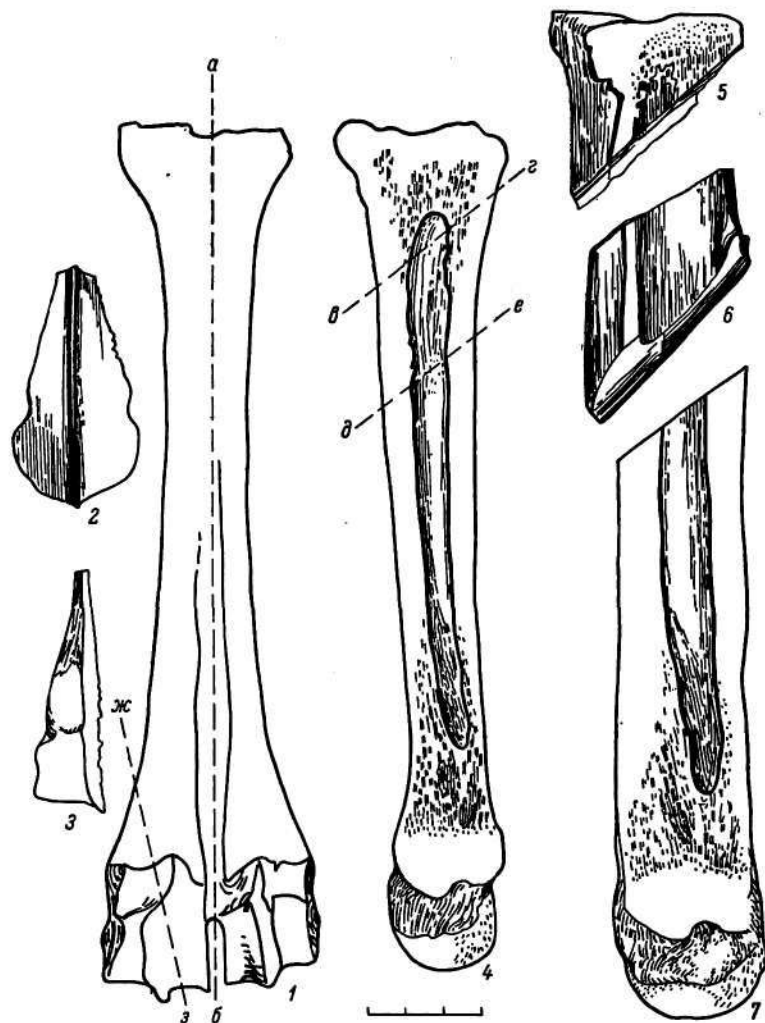

Рис. 80. Последовательность процесса распиливания метаподия парнокопытного животного. Нарва I (1—7).

а—б, в—г, д—е, ж—з — направление распилов.

направлении. Однако такие случаи не слишком часты. Наличие их при косом надпиле лишний раз свидетельствует о том, что пиление значительно удобнее было начинать с внутренней уплощенной стороны.

Неудавшийся пропи́л особенно отчетливо заметен на одном из эпифизов тура. Косой срез произведен здесь в три приема, после

сторонней ее, что было сравнительно легко сделать, поскольку сплошная масса кости была здесь незначительной из-за наличия большой пустоты в ее средней части.

В результате этого второго опи́ла получался кусок кости, по форме напоминающий ромб, и удлиненное орудие с одной, косо срезанной частью (рабочей) и нижним эпи-

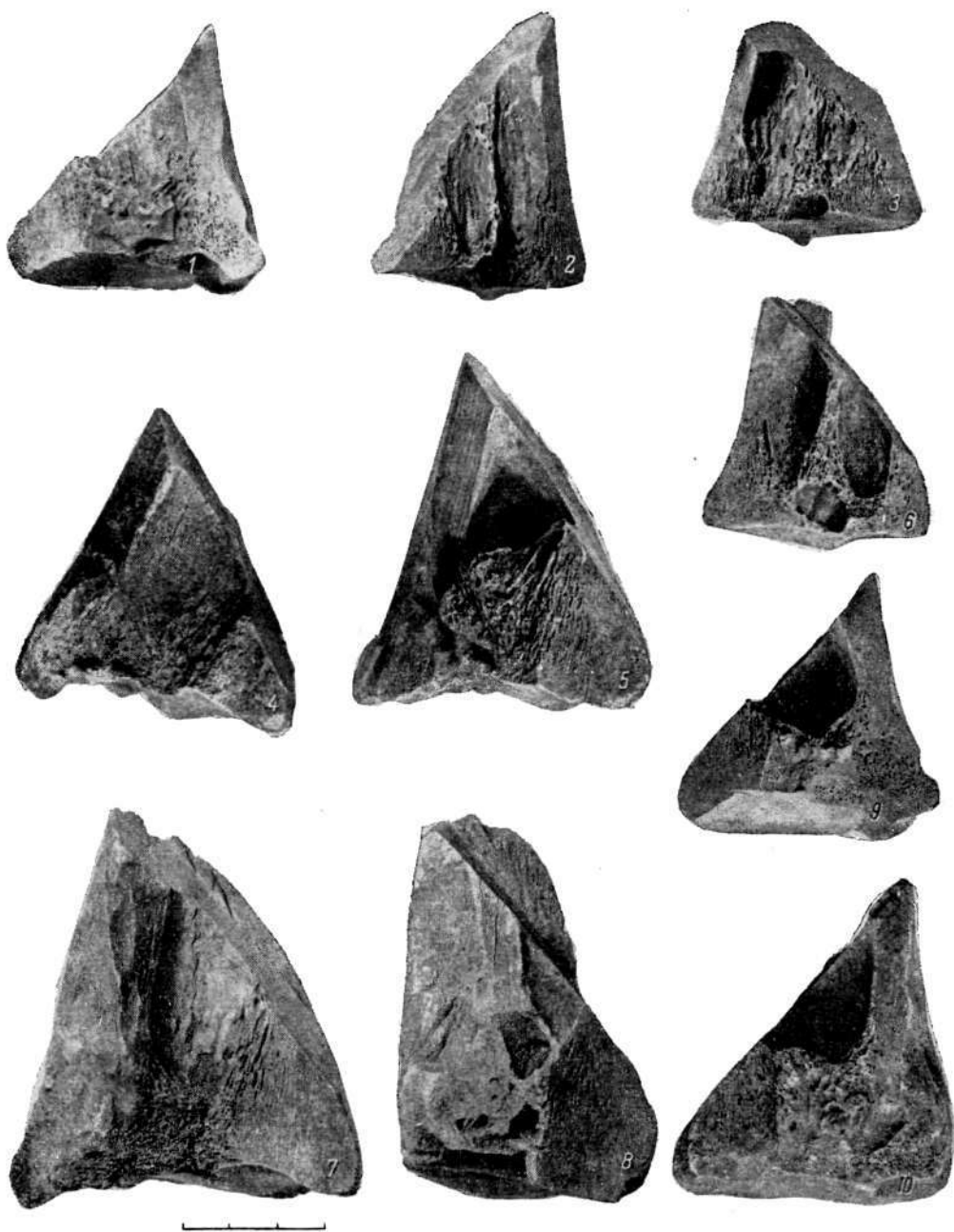

Рис. 81. Опиленные эпифизы метаподий. Нарва I (1—10).

физом (тыльная часть) (рис. 80, 6; 82, 20—31).

В отдельных случаях (в двух из одиннадцати, имеющих у нас) мастер на этом считал работу законченной. Во всех же других орудиях отчетливо выступает и последующий прием изготовления. С целью сделать тыльную часть более удобной с нижнего эпифиза спиливался его внешний, слегка выступающий кусок-блок. При этом всегда применялся прием двустороннего опиления, в результате чего получалась уплощенная, весьма удобная тыльная часть орудия и отход в виде небольшого куска кости подтреугольных очертаний, с округлым основанием — блоки (рис. 80, 2, 3; 83, 1—6, 10, 11). Это было завершающей операцией изготовления орудия под углом в 45° , если не считать, что тыльная часть слегка заглаживалась на месте гребешка, который образовывался при двустороннем опиливании блока.

Такая последовательность обработки прослеживается на всей серии орудий и спиленных с них частей.

Очень существенно, что не совсем понятное по назначению второе косое опиление находило свое объяснение. Оказывается, у всех 12 экз. коротких в форме ромба частей кости один конец имеет двусторонний опил с гребнем в средней части на стыке двух опилов, а другой — совершенно ровный; поверхность его сильно зашлифована от работы. Точно такая же поверхность прослеживается и на рабочем конце самого орудия под углом в 45° . По-видимому, все эти небольшие кусочки кости (12 экз.) были использованы для работы по какому-то мягкому материалу, например, для заглаживания швов на кожаных изделиях или бересте, чему вполне отвечала их форма.

В результате всех перечисленных операций получалось широко распространенное орудие, имеющее в археологии наименование — орудия под углом в 45° (рис. 84, 1—15), а также небольшое орудие ромбической формы. По-видимому, оба они имели различное применение, находящееся в полном соответствии с их величиной.

Таким образом, в результате длительного изучения всего материала поселения Нарва I, как готовых костяных орудий, так и всех отбросов вплоть до мельчайших кусочков, сопоставляя их друг с другом, удалось раскрыть сущность процесса массового изготовления орудий под углом в 45° и тесно

связать все последовательные этапы, не потеряв ни одного из звеньев этой общей цепи.

В отдельных случаях острие таких орудий затачивалось впоследствии с помощью небольшого опиала с противоположной стороны лезвия не под углом в 45° , а под острым углом. Однако такие случаи были редки и производились, возможно, лишь при вторичной подправке орудия после того, как его лезвие снашивалось.

Очень удобной была и тыльная часть орудия, поскольку после спиливания блока оставшийся гребешок заглаживался.

Однако существовал и другой способ изготовления орудий под углом в 45° — расчленение метаподий с помощью распила не по передне-задней стенке, а по боковым. Об этом свидетельствует наличие естественно продольных желобков, сохранившихся на внешней поверхности орудий. При этом если в первом случае для нас ясна вся последовательность обработки кости, звено за звеном, то во втором мы имеем лишь готовые орудия, бывшие в длительном употреблении, в силу чего в них стерты детали процесса обработки. Иногда продольное расчленение кости произведено не с помощью пиления, а посредством резких сколов. Однако и в этом случае рабочая часть получалась с помощью косого одностороннего опиления. Тыльной частью служил сильно уплощенный нижний эпифиз метаподия. Нередко эпифиз отсутствовал вовсе, и тыльный конец орудия был заточен двумя встречными сколами, в целом же ряде случаев тыльная часть оказывалась обломанной. Изредка эти орудия образованы из больших кусков крупных трубчатых костей.

Для полноты характеристики технических приемов изготовления орудий на поселении Нарва I большое значение имеет коллекция распиленных рогов лося — 108 фрагментов (рис. 85, 1—7; 86, 1—10). В совокупности с массой отпиленных эпифизов метаподий они составляют уникальную коллекцию, неизвестную ни в одном из неолитических памятников, хотя единичные экземпляры указанных предметов весьма часто встречаются в неолитических поселениях Прибалтики.

Куски рога, так же как и опиленные эпифизы, в основном сосредоточены в контурах жилища № 1 и в непосредственном его окружении.

В нашем распоряжении имеются куски рога лося крупного размера. Так же как и

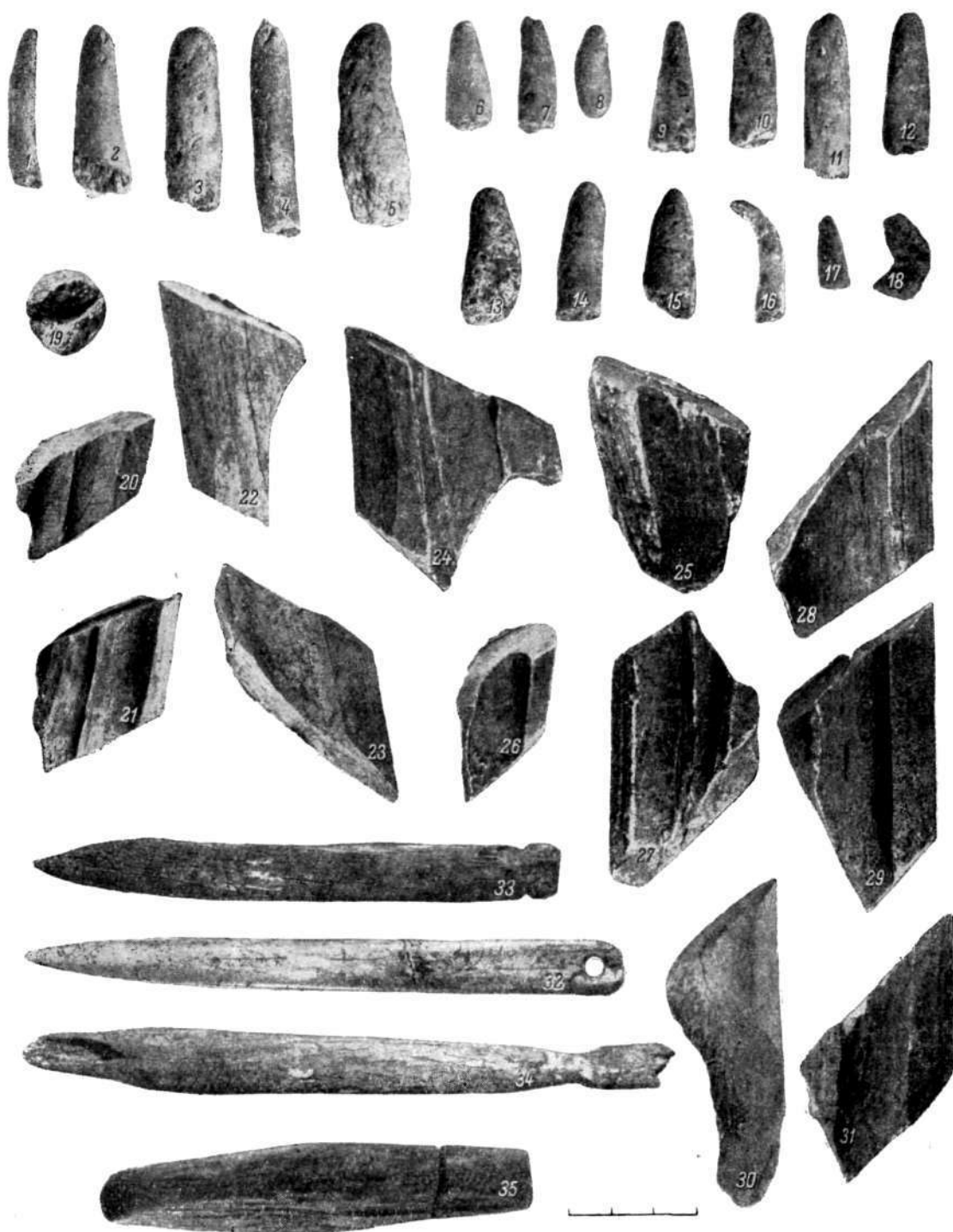

Рис. 82. Глиняные стерженьки (1—19) и костяные орудия (20—35). Нарва I.

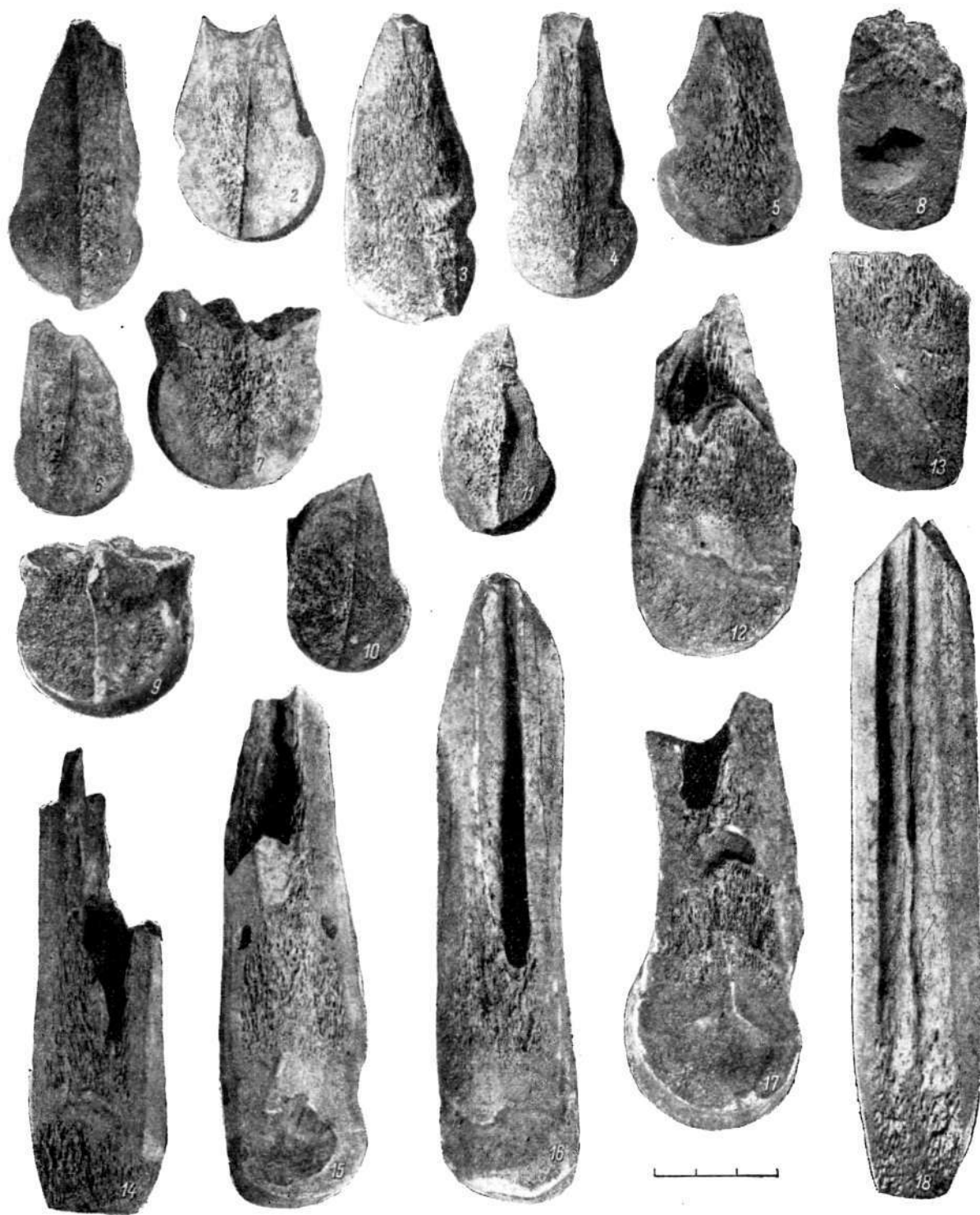

Рис. 83. Части распиленных метаподий парнокопытных. Нарва I (1—18).

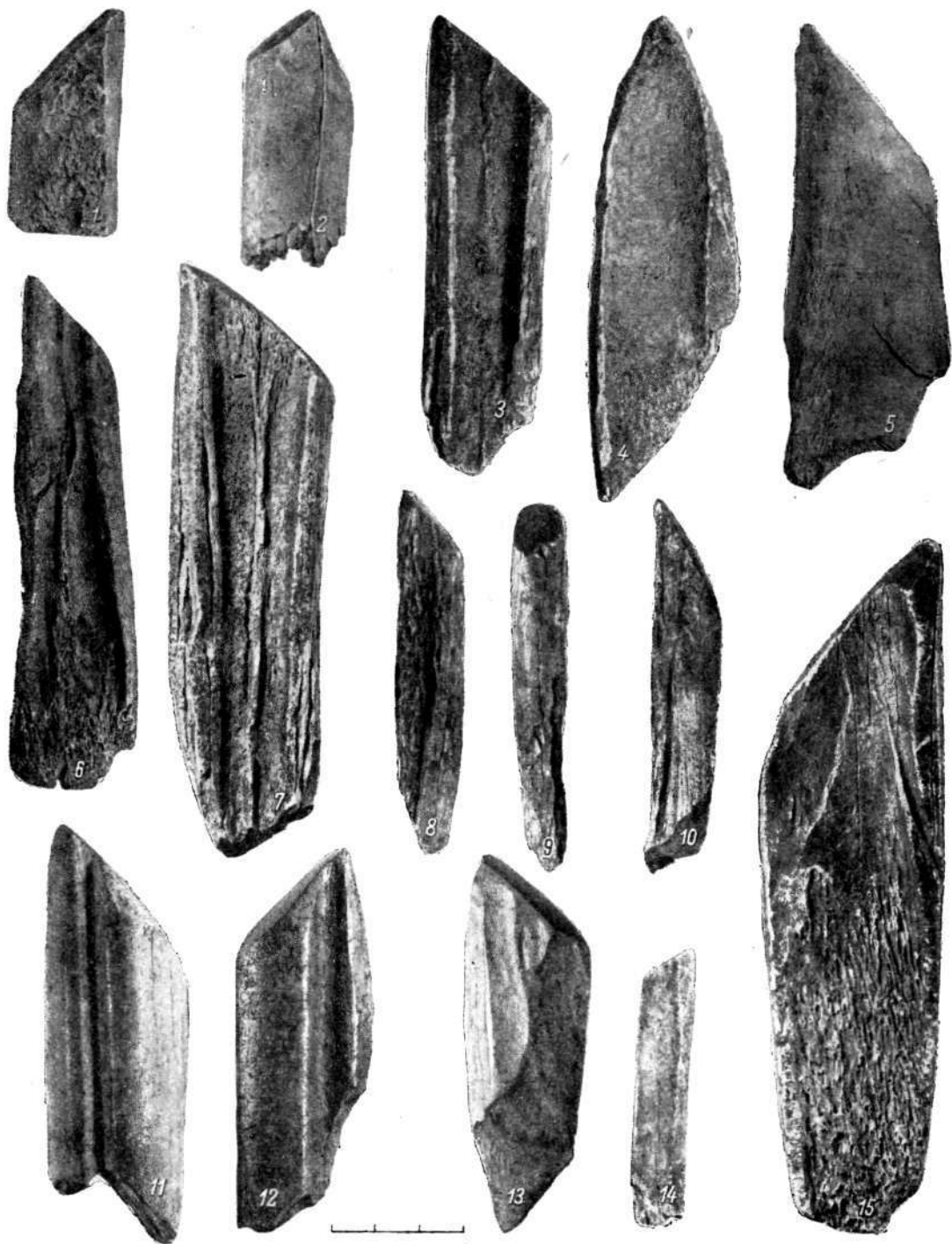

Рис. 84. Костяные орудия под углом в 45° , изготовленные из метаподий. Нарва I (1—15).

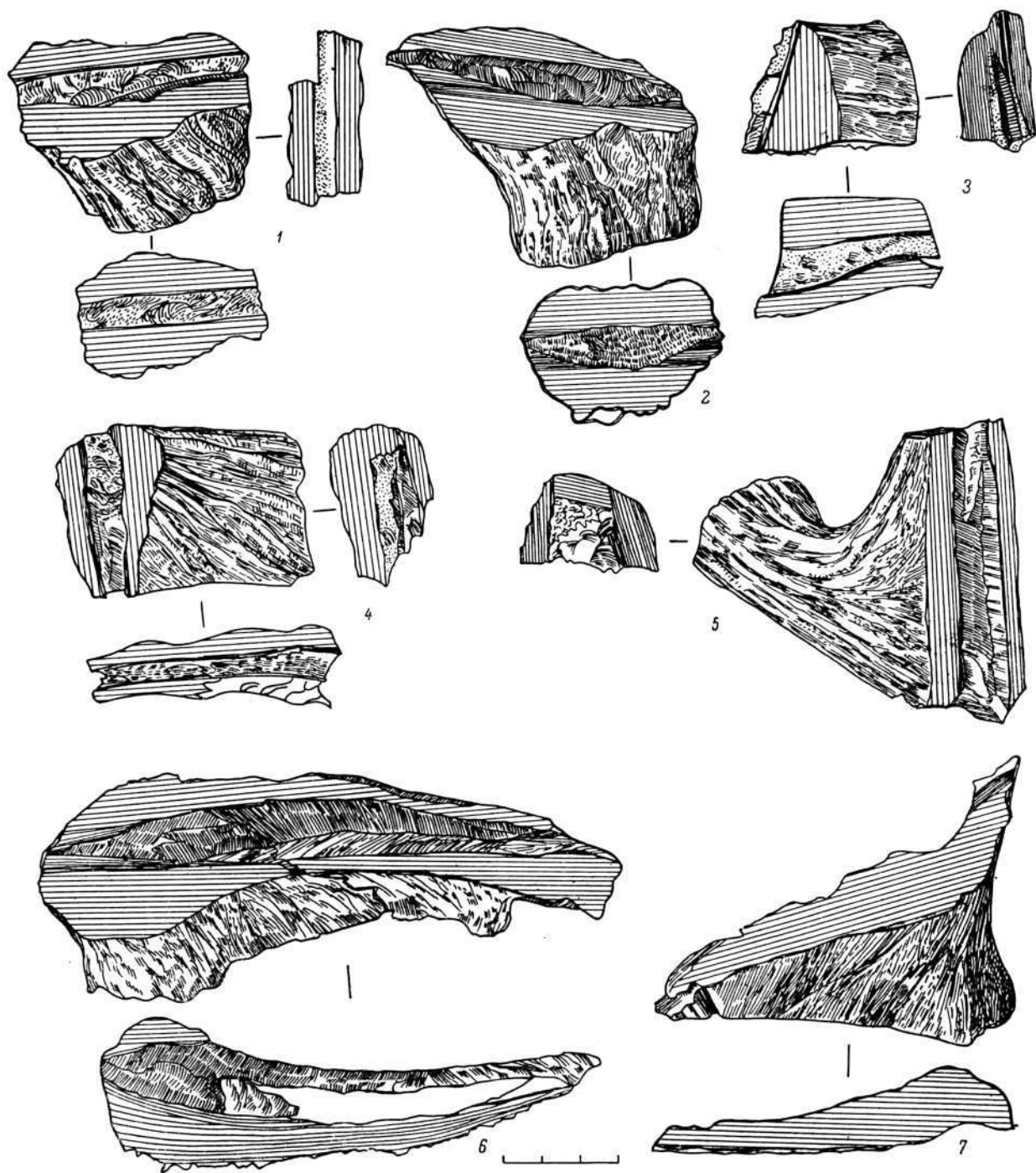

Рис. 85. Обработка рога с помощью пиления. Нарва I (1—7).

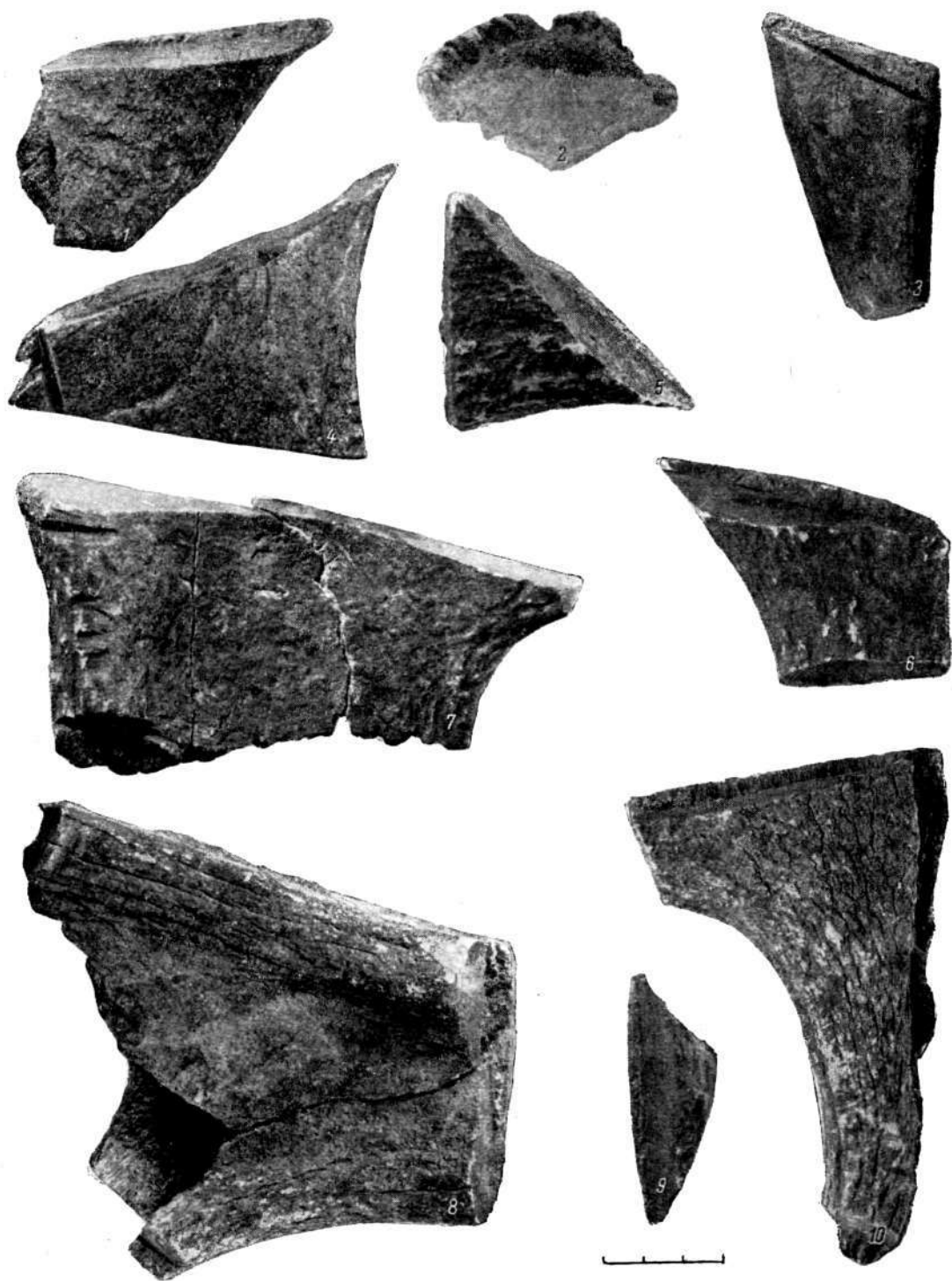

Рис. 86. Обработка рога с помощью пиления. Нарва I (1—10).

метаподии, они обрабатывались с помощью пиления кварцевыми пилами, следы которых удивительно отчетливы. Очень часто при начале пиления древний мастер изменял направление, отчего на поверхности рога оставались частичные запилы, тогда как окончательный распил производился в непосредственной близости от него.

В коллекции преобладают куски, отпиленные от широкой части рога, есть экземпляры, отделенные от основания, причем три из них сохранили остатки самой основы рога.

Следует подчеркнуть, что, так же как и в метаподиях, пиление производилось всегда с двух противоположных сторон, будучи направленным навстречу друг другу, и доводилось до губчатой поверхности рога, расположенной в средней части; затем рог надламывался. Чем толще было костное вещество, тем глубже пропилил. Только в одном случае, на грибовидной части основания рога, максимальная глубина пропила равнялась 4 см, во всех же остальных она значительно меньше, чрезвычайно редко достигает 2,5 см, наиболее же часто глубина пропила колеблется от 5 до 12 мм.

Большая серийность материала позволяет сделать ряд наблюдений над приемами распиливания рога, столь же хорошо разработанными, как и приемы распиливания костей. Несомненно, такой отчетливо выработанной стандартизации технических приемов предшествовало время, затраченное на поиски наиболее рационального и эффективного способа изготовления орудий.

Порядок распиливания рога был различным в зависимости от конечной цели, стоящей перед мастером. Нередко рог распилывался только в поперечном направлении (при этом всегда двумя встречными пропилами), чаще всего с двух противоположных концов. Нередко опилены на обоих концах были прямыми, иногда же один был прямым, а второй косым. В ряде случаев этим и ограничивались. Наличие нескольких таких кусков заставляет считать, что целью для мастера являлся этот небольшой кусок, который служил ему затем болванкой для последующего изготовления из него мотыгообразного орудия. Размер кусков колеблется от 3 до 14 см. Такой прием применялся к массивным частям рога, расположенным близко к основанию, и к более широким и плоским, расположенным дальше от него.

Из этой группы заслуживает внимания наиболее крупный кусок рога (14 × 6,5 см), на котором утолщенные части хорошо опилены с обеих сторон, а тонкие лишь с одной, с другой же просто обломаны. Помимо основного распила, на одном из утолщенных концов имеется односторонний надпил, который был оставлен мастером сразу, как только тот понял, что произвел его неудачно (рис. 86, 7). В нескольких случаях, преимущественно у утолщенной части, рог опилен под таким острым углом, что создает фигуру треугольника. Один небольшой рог продольно распилен с двух сторон, а на конце, противоположном эпифизу, произведено пиление под небольшим углом к длинному пропилу.

Только в единственном случае мастер использовал в качестве материала для работы основание рога (имеющее грибовидную форму), распилив его наискось в продольном направлении. Два поперечных и один продольный опил имеют 4 экз. рогов. Они представляют собой наиболее утолщенные (округлые) части рога, переходящие затем в утолщенную широкую лопатообразную часть. В поперечном сечении отпиленные куски имеют подтреугольную форму с округлым основанием и срезанной с помощью пиления вершиной, в результате чего получились весьма массивные предметы, напоминающие по форме рукоятки ножей. Три опилены, направленные под углом друг к другу, имеют 14 экз. Во всех случаях это расширенная часть рога, иногда с одной утолщенной боковой гранью. В абсолютном большинстве куски эти подтреугольной формы, реже подчетырехугольной. В трех случаях они крупные (9,5 × 13 см), массивные, полученные в результате одного длинного опиления, отделенного рог от его утолщенного основания, и двух коротких опилов, отчленивших два его отростка.

Встречен единственный случай, когда двустороннее пиление рога произведено с четырех граней. С помощью одного опиления рог был отделен от своего основания. Далее мастер сделал попытку распилить этот широкий и плоский кусок пополам, но почему-то не завершил ее.

Таким образом, обилие опиленных кусков рога в сочетании с огромным числом отпиленных эпифизов, где так отчетливо выражена стандартизация приемов обработки, а также набор разнообразных пил, встречаемых в совокупности с опиленными рогами и

метаподиями, свидетельствует о наличии на поселении Нарва I специальной мастерской по обработке кости и рога.

IV. Орудия охоты, рыболовства и бытовые предметы из кости и рога

Наличие столь интересного комплекса, как стандартно опиленные рога и масса плюсовых и пястных костей с отчлененными от них эпифизами, чрезвычайно существенно с точки зрения изучения технических приемов обработки кости с целью изготовления из нее орудий. Однако это следует воспринимать как самый начальный этап производства орудий труда — выбор сырья и его первичную обработку. Вместе с тем было бы неправильно рассматривать эту мастерскую саму по себе. Поэтому, приступая к описанию костяных орудий, необходимо проследить, как же трансформировались предметы, от которых были удалены эпифизы и что изготовлялось из кусков рога, которые были отпилены от целых экземпляров рогов животных. Только что описанный нами материал, встречаемый в мастерской, является лишь отходом производства, так же как, например, небольшие куски кожи от выкраиваемых сапожником заготовок обуви. Иными словами, в найденных нами готовых орудиях и иногда даже во фрагментах мы должны постараться найти ту в прошлом заготовку, которая вышла из рук работника «костерезной мастерской».

В этой связи с наибольшей отчетливостью выступают упомянутые уже нами орудия, изготовленные из метаподий крупных рогатых животных. Различные по величине (и, вероятно, по назначению) они объединяются по форме, в результате чего и получили в русской археологической литературе¹⁰ собирательное название «орудия под углом в 45°».

Во всех экземплярах скошенная под углом в 45° рабочая часть на 8—9 см (в сторону тыльной) чрезвычайно сильно, иногда до блеска заполирована от работы (что в особенности заметно на внешней поверхности), и на ней очень отчетливо видны штрихи, указывающие, что работа этим инструментом производилась в продольном направлении.

¹⁰ Со времени публикации А. А. Иностранцевым Приладожских стоянок. См.: А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

Однако функциональное назначение этих орудий не совсем ясно. Наблюдения над аналогичными предметами из Приладожских стоянок, произведенные С. А. Семеновым с помощью бинокулярной лупы, привели его к выводу об использовании такого типа инструментов для снятия коры с деревьев.¹¹ Очень вероятно, что большое количество их действительно применялось для этих целей, поскольку кора широко употреблялась для изготовления различных бытовых предметов.

То обстоятельство, что в нашей коллекции у 10 из 11 рабочие концы сильно сработаны, заставляет прийти к выводу, что ими производилась весьма интенсивная работа. Орудия подобного типа были широко распространены в неолитических памятниках Прибалтики и прилегающих территорий, а также в мезолитических стоянках, что указывает на их большую роль в хозяйстве. Нельзя не заметить и изношенность этих орудий (в 11 случаях из 25).

Когда орудия этого типа сделаны из кусков трубчатой кости, они тонкие, а рабочая часть острая. Среди них есть 8 экз. небольшого размера — не более 6 см, тогда как наиболее крупные достигают 16 см. При этом массивные орудия, соответственно этому с более тупыми концами, могли иметь и несколько иное назначение. Область распространения их достаточно широка, а существование длительно (от мезолита до эпохи раннего металла).¹² Однако наиболее часто они встречаются в неолитических стоянках Прибалтики (Эстония и Латвия).

Помимо орудий под углом в 45°, из метаподий крупных рогатых животных на поселении Нарва I изготовлялись и массивные тесла (рис. 87, 8, 17—21). Для этих целей использовались как боковые, так и переднезадние стороны этих костей, расчлененные также двусторонним опилением. Тыльной частью их всегда служил нижний конец кости, с которого почти полностью удалялся эпифиз и лишь на самом конце с внутренней стороны сохранялся небольшой участок с губчатой поверхностью. Ровные боковые грани орудий получены (в 5 экз. из 6) с помощью двустороннего опиления. Рабочий конец

¹¹ См.: Н. Н. Гурьян. Древняя история северо-запада Европейской части СССР, МИА, № 87, стр. 397.

¹² В отличие от наших орудий в мезолитическую эпоху расчленение кости производилось с помощью надрезов и сколов, а не пиления.

оформлен легким стачиванием с внешней и внутренней стороны, в результате чего образовано широкое, плоское прямое или слегка скошенное лезвие. Поверхность таких орудий заглажена, а в нескольких случаях чрезвычайно сильно, до блеска, залощена от употребления. Судя по форме лезвия и отчетливой заполированности его, следует считать, что работа этими орудиями производилась нередко по мягкому материалу. По всей вероятности, часть их служила для тех же целей, что и орудия под углом в 45° . В этом плане обращает на себя особое внимание одно орудие небольшого размера, с блестящей поверхностью и слегка вогнутыми в результате работы лезвием. При этом сильная залощенность прослеживается почти до самого тыльного конца, на расстоянии не менее 6.5 см от лезвия. Хотя оно и вогнуто в результате сработанности, однако не имеет сколько-нибудь заметных повреждений. Примерно то же наблюдается и на втором экземпляре. Следует полагать, что работу ими производили или по мягкому материалу — коже, или, возможно, сильно размягченному с помощью воды, или обожженному дереву таким образом, что с обрабатываемой поверхностью соприкасался не только самый рабочий конец орудия, но и более отдаленная от него часть. Их могли использовать, например, для отделения шкуры от мяса и снятия мездры с кожи, учитывая, что на поселении не встречено соответствующих для этих целей крупных скребков, изготовленных из камня. Вместе с тем у других экземпляров лезвие сильно повреждено — свидетельство производившейся ими более грубой работы.

Особенно многочисленна категория орудий, используемых, по-видимому, в качестве тесел (рис. 87, 1—7, 9—16), долот или стамесок, изготовленных из средней части крупных трубчатых костей животных. Среди них есть незначительная группа орудий (9 экз.) небольших по величине (от 2.5 до 8 см, наиболее часто 4—5 см), зашлифованных по обеим длинным граням, имеющих резко вытянутое овальное или подчетыреугольное поперечное сечение и часто почти симметричное лезвие. Судя по незначительной величине, орудия этого типа использовались для каких-то мелких работ по сравнительно мягкому материалу, поскольку лезвие их не имеет резких следов сработанности.

Особенно многочисленны орудия такого же назначения, но несколько упрощен-

ной обработки. Во всех случаях это куски средней части внешней поверхности трубчатой кости; одна сторона их выпуклая, другая (внутренняя) — вогнутая. Лезвие образовано с помощью затачивания небольшого участка (5—8 мм) внутренней части кости, сделавшем ее в этом месте плоской, чем создано необходимое условие для эффективной работы. Большинство орудий имеет укороченные пропорции, поэтому по форме они приближаются к квадрату, реже к вытянутому четырехугольнику.

Лезвие их различно; в большинстве случаев округлое, реже прямое, весьма тщательно обработанное шлифовкой до заметной уплощенности. Внешняя поверхность ряда экземпляров очень сильно заглажена и залощена от работы.

Орудия резко вытянутых пропорций часто имеют менее вогнутую внутреннюю сторону и потому более плоское лезвие. В двух случаях они снабжены двумя рабочими концами (тыльная сторона их также уплощена с помощью пришлифовки и имеет неширокое прямое лезвие).

Среди этой категории орудий встречаются экземпляры, весьма небрежно изготовленные, — куски трубчатой кости с небольшой пришлифовкой на конце, формирующей прямое или слегка округлое лезвие. Размер их колеблется в пределах от 2×2.5 до 4.5 см.

Значительный интерес вызывает группа костяных орудий, различных по величине, форме и назначению (рис. 88, 1—19, 21; 89, 1—16). Два из них сделаны из частей крупной трубчатой кости, плоские, удлиненные очертаний, с одним округлым, уплощенным в результате затачивания рабочим концом. Тыльная часть одного экземпляра срезана, второго — обломана. По всей поверхности предметы сильно залощены (рис. 89, 7, 13).

Третье орудие, имеющее более округлое поперечное сечение, изготовлено из трубчатой кости с одной вогнутой стороной; эпифиз ее использован в качестве тыльной части. Рабочий конец слегка скошен под углом и сужен. Вся поверхность, как и у двух предыдущих орудий, до блеска залощена. Судя по наличию тонкого рабочего конца и заполированности, данные предметы следует считать орудиями типа кочедыка, используемыми для плетения каких-либо изделий из коры или прутьев, циновок, частей одежды и обуви или корзин, при плетении которых

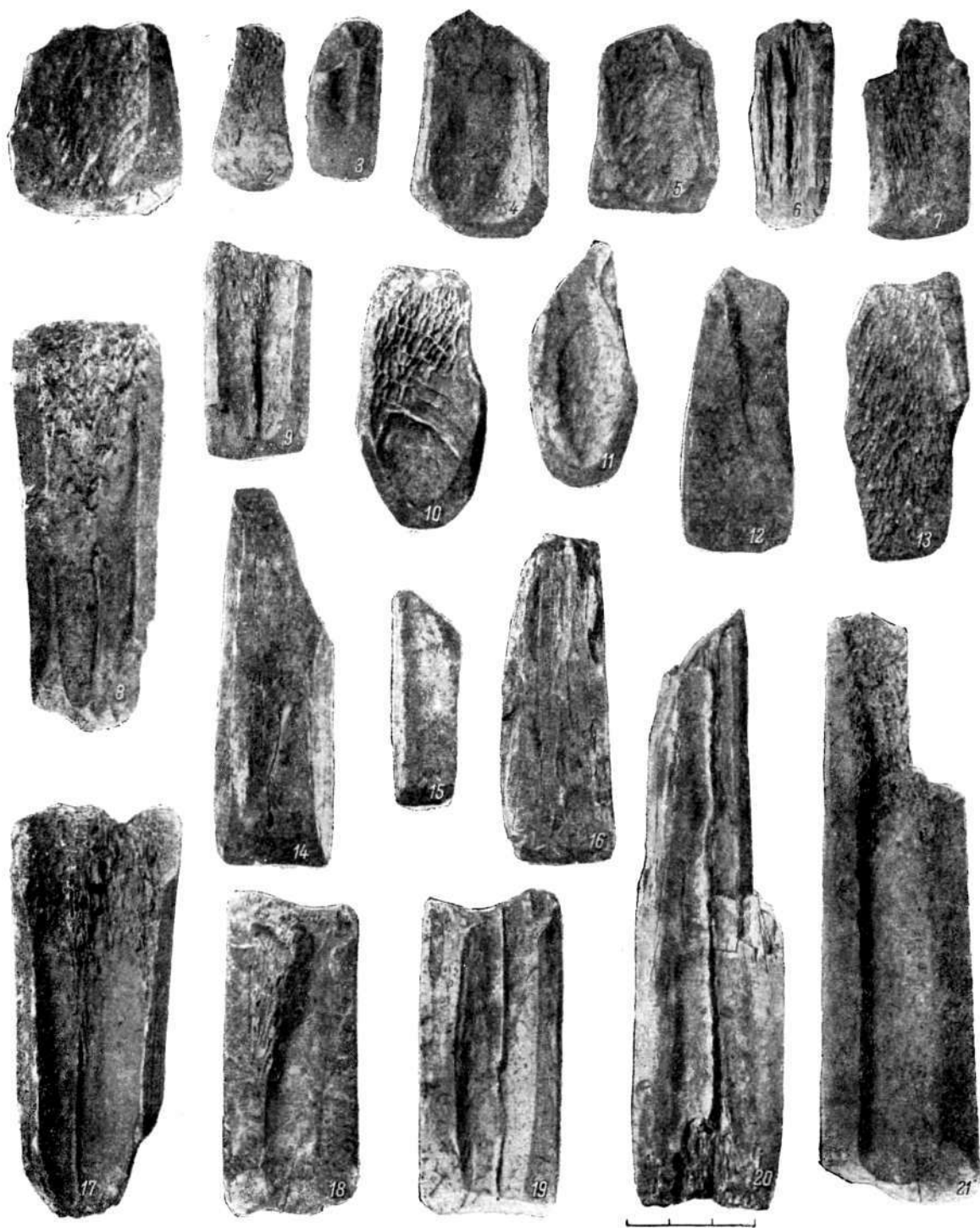

Рис. 87. Костяные тесла. Нарва I (1—21).

рабочий конец орудия служил для того, чтобы приподнимать «основу», через которую пропускался «уток».

Четыре остальных предмета близки, по-видимому, по назначению. Один из них изготовлен из рога, три — из кости. Роговой инструмент небольшой (10,5 см длины), массивный, подтреугольный в поперечном сечении. Конец его, более тонкий, стесан под небольшим углом, с тыльной части имеется круговая нарезка для прикрепления нити. Внешняя поверхность чрезвычайно сильно залощена (рис. 82, 32—35). Три других предмета, резко удлиненные, тонкие, сделаны из внешней части трубчатых костей. Длина их колеблется от 12 до 15 см, ширина — 1,5 см, поперечное сечение плоское, концы заострены, у двух в тыльных частях есть нарезки для привязывания нитей, у третьего — просверленное отверстие. Поверхность их чрезвычайно сильно заглажена от работы (в особенности у предмета с отверстием). Наличие нарезок и отверстий, с помощью которых закреплялись нити, а также удивительная залощенность всей поверхности заставляют считать эти предметы, вероятнее всего, иглами для вязания сетей.

Подобные орудия известны среди прибалтийских неолитических памятников, примером чего может служить стоянка Оса в Латвии.¹³

Весьма устойчивой формой обладает категория орудий (7 экз.), изготовленных из крупных трубчатых костей животных (в единичных случаях из метаподий), расчлененных в продольном направлении (три с помощью пиления, два — сколов) (рис. 88, 18, 19, 21). Внешняя сторона их выпуклая, внутренняя в большей или меньшей степени вогнутая. Рабочий конец на расстоянии 3—4 см округлый в результате стачивания. У 3 экз. собственно острие обломано, у 4 экз. округлый рабочий конец внизу сильно сплюснен и превращен в лезвие шириной 6 мм. Сопоставляя их с современными инструментами, можно увидеть полное тождество по форме с некрупными стамесками.

Назначение таких орудий не вполне понятно. Там, где сохранилось лезвие, оно имеет заметную сработанность, свидетельствующую о применении их при обработке твердого материала. Вероятнее всего, они

употреблялись для мелких работ по размягченному дереву или коре, при этом движение шло по направлению от мастера, на что указывают мелкие продольные следы, строго перпендикулярные широкой части лезвия.

Следует отметить, что эта весьма оригинальная форма костяных орудий вместе с тем очень устойчива; она встречается в ряде стоянок Прибалтики, в частности относящихся к нарвской культуре, и в Приладожских стоянках.

Численно большую группу составляют орудия, которые функционально объединяются в одну группу, — проколки и шилья (рис. 88, 1—16). Во всех случаях они изготовлены из осколков диафизов трубчатых костей животных (локтевые и берцовые кости собаки или волка, плечевые кости бобра (?), локтевые кости зайца и др.). Форма их чрезвычайно разнообразна, что зависит от формы используемой кости. В отличие от многих орудий этого памятника, где наблюдается четкая повторяемость форм, костяные проколки и шилья не имеют устойчивых типов. Для этой категории орудий нередко брался лишь более или менее подходящий кусок кости (правда, во всех случаях трубчатой), обладающей наибольшей прочностью, но часто случайной формы.

В 12 случаях из 54 эти орудия изготовлены из частей с сохранившимися эпифизами, которые иногда слегка подправлены, а иногда сглажены в результате употребления.

Рабочие части орудий имеют различную остроту; есть сравнительно тупые, по-видимому служившие для нанесения относительно широких отверстий, и чрезвычайно тонкие, острие которых сравнимо лишь с острием металлической иглы средней толщины. Это относится как к очень мелким (до 3,5 см), так и к более крупным (до 10 см длины). Нередко поверхность их рабочего конца, а иногда и близко к тыльной части залощена до блеска от длительного употребления. Такие орудия, вероятнее всего, использовались для тонкой работы — сшивания шкурок мелких животных, тогда как более толстые проколки применялись для сшивания шкур крупных животных, идущих на покрытие жилья и т. п. Не может не вызывать удивления отсутствие игл с ушками. Насколько известно, они не встречаются и в стоянках Прибалтики, где в обилии сохраняются костяные изделия.

¹³ Раскопки Ф. А. Загорских. Материалы хранятся в Институте истории Академии наук Латв. ССР.

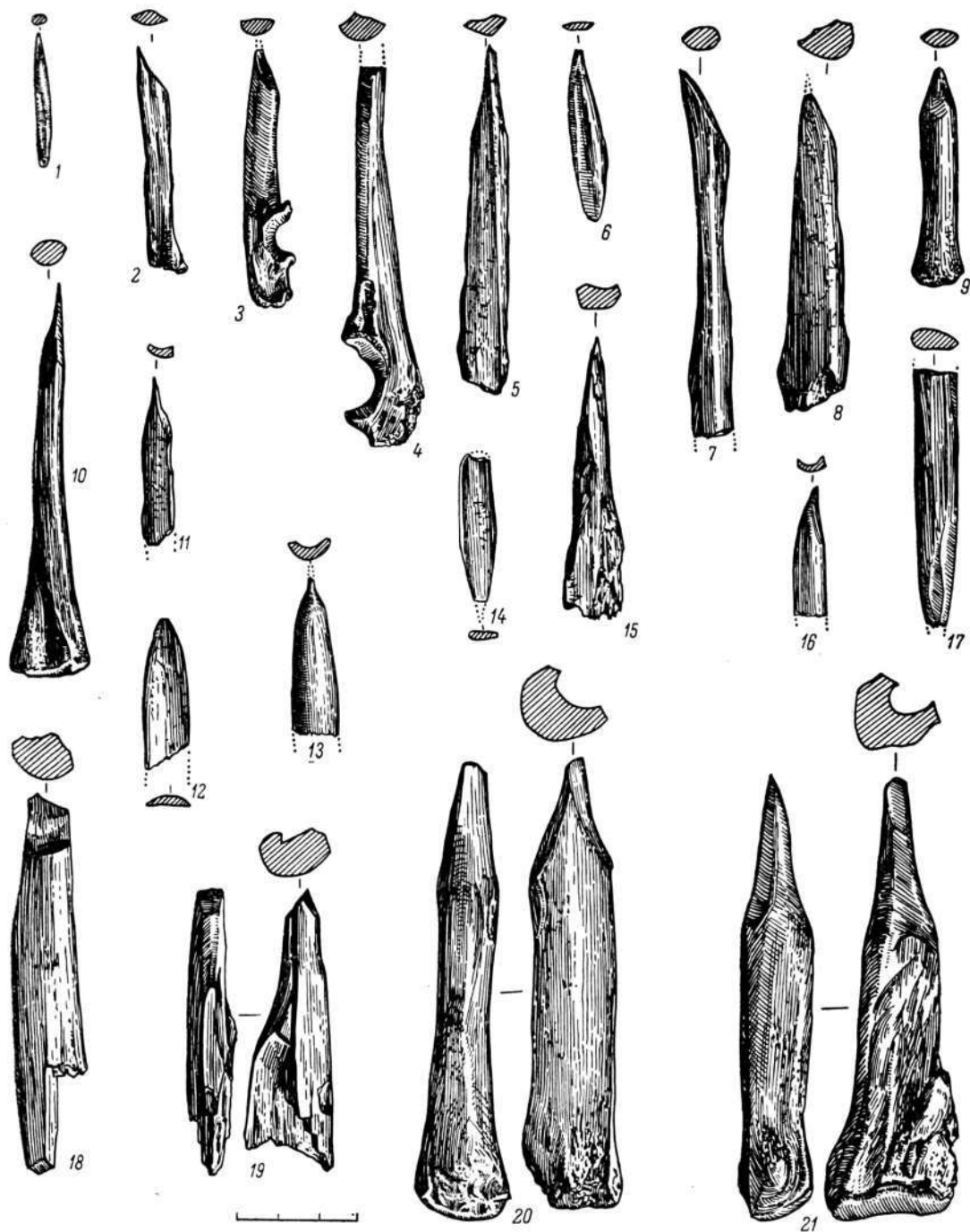

Рис. 88. Костяные орудия. Нарва I (1—19, 21) и Нарва III (20).

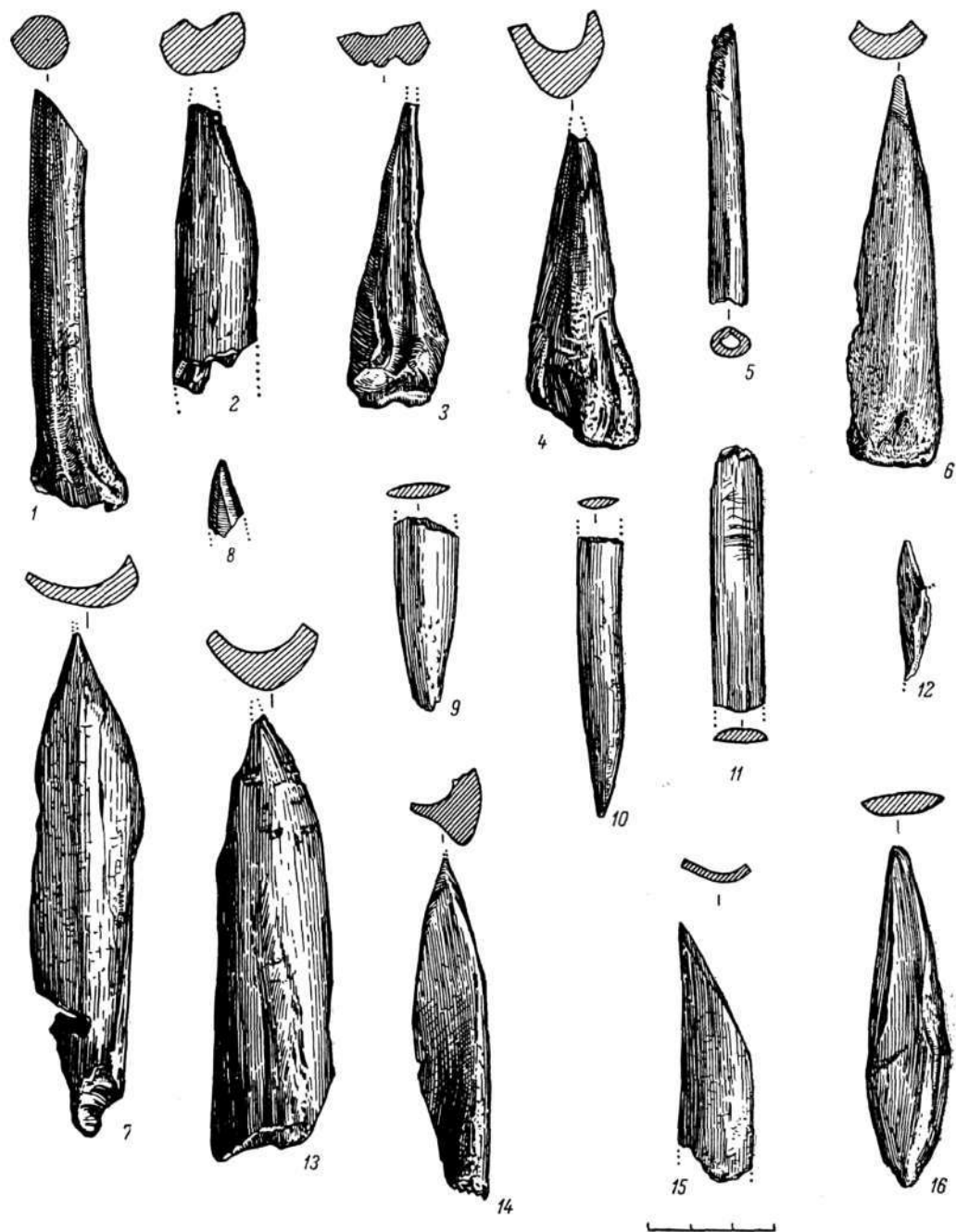

Рис. 89. Костяные орудия. Нарва I.

1 — орудие под углом в 45° ; 2—16 — проколки и костяные стержни.

Несколько проколов изготовлено из широких кусков крупных трубчатых костей, рабочая часть их весьма тщательно обработана и достаточно остра.

Наконечники стрел в поселении Нарва I занимают численно скромное место (рис. 90, 10—15, 25). Целых насчитывается всего лишь 7 экз. и 19 фрагментов. Все они, так же как и гарпуны, изготовлены из стенок диафиза метаподий. Форма их весьма неустойчива, нет даже двух наконечников, похожих друг на друга.

Наиболее совершенной отделкой обладает крупный наконечник (12 см) с хорошо выраженным треугольным поперечным сечением и уплощенной тыльной частью, чрезвычайно живо напоминающий северные наконечники из шифера (например, в поселении Исады). Все остальные экземпляры в большей или меньшей степени уплощены, с овальным поперечным сечением, из них два с отчетливо выраженным черешком, третий — с округло-утолщенной тыльной частью или ударным концом.¹⁴ В ряде фрагментированных экземпляров тыльная часть заметно заужена. Лишь один наконечник имеет игловидную форму с подтреугольным поперечным сечением.

Гарпуны (13 экз.) в большой мере фрагментированы (в двух случаях сохранились только тыльные части, в двух — ударные концы — кусочки зубцов). Преимущественно они массивны, изготовлены из трубчатых костей, в результате чего одна из сторон слегка вогнута (рис. 90, 1—9), внешняя поверхность зашлифована и нередко очень сильно залощена.

Оформление тыльных частей различно. В 3 экз. они вогнуты с одной стороны в соответствии с естественной вогнутостью самой трубчатой кости, в 2 экз. имеется один небольшой односторонний выступ или зубец, в 1 экз. — уплощенное расширение с небольшим перехватом ближе к телу гарпуна и в 1 экз. тыльная часть плавно расширена и утолщена; только один гарпун снабжен двумя сквозными просверленными отверстиями. Количество зубцов также различно — от 1 до 3.

По своему типу гарпуны стоят ближе всего к неолитическим гарпунам стоянок Прибалтики.

¹⁴ Для данного экземпляра трудно решить, что является его концом, а что тыльной частью.

Следует думать, что все эти орудия использовались при охоте на крупную рыбу или морского зверя, поскольку некоторые из них имеют исключительно сильно заглаженную поверхность, свидетельствующую о неоднократном употреблении.

К числу орудий рыболовства относятся четыре предмета, один из которых является бородкой очень маленького, тонкого крючочка с острым жалцем и тоненьким стерженьком (рис. 90, 19). На конце расширенной части его имеется небольшая выемка (для наиболее прочного прикрепления наживки), конец, к которому привязывалась леска, утрачен. Вся поверхность предмета исключительно тщательно зашлифована и заглажена в процессе употребления.

Два других предмета служили составными частями рыболовных крючков. Один из них — стержень, изготовленный из рога, в нижней расширенной части снабжен небольшим косо направленным и сильно затертым углублением, служившим для наиболее прочного закрепления бородки (рис. 90, 20). Верхний конец стержня утрачен — вероятно, он имел нарезку или утолщение, как у составных крючков других неолитических стоянок Прибалтики и Финляндии.

Второй предмет служил бородкой другого составного рыболовного крючка (рис. 90, 18). Очень напоминает бородку крючка и еще два сильно заостренных стерженька с овально-округлым поперечным сечением (рис. 90, 16, 17).

Среди костяных предметов необходимо отметить четыре рога косули, небольшой величины, из которых только один имеет явные следы воздействия человека, — конец его сломан после предварительной круговой надреза. На трех же остальных можно рассмотреть лишь легкую заглаженность в результате использования и сильные следы в виде параллельных друг другу зарубок в тыльной части, полученные при отделении рога от грибовидного основания.

Несомненный интерес вызывают фаланги (12 экз.) (рис. 91, 1—12) крупных животных (лося), с пробитыми отверстиями, нанесенными вверху, — во всех случаях с передней части и только в одном случае с задней. Чаще отверстия имеют небольшой диаметр (около 2 см), округлой формы, в пяти же случаях более крупные (до 5 см), овальных очертаний, причем они захватывают не только лицевую, но и боковую части фаланги. На 2 экз.

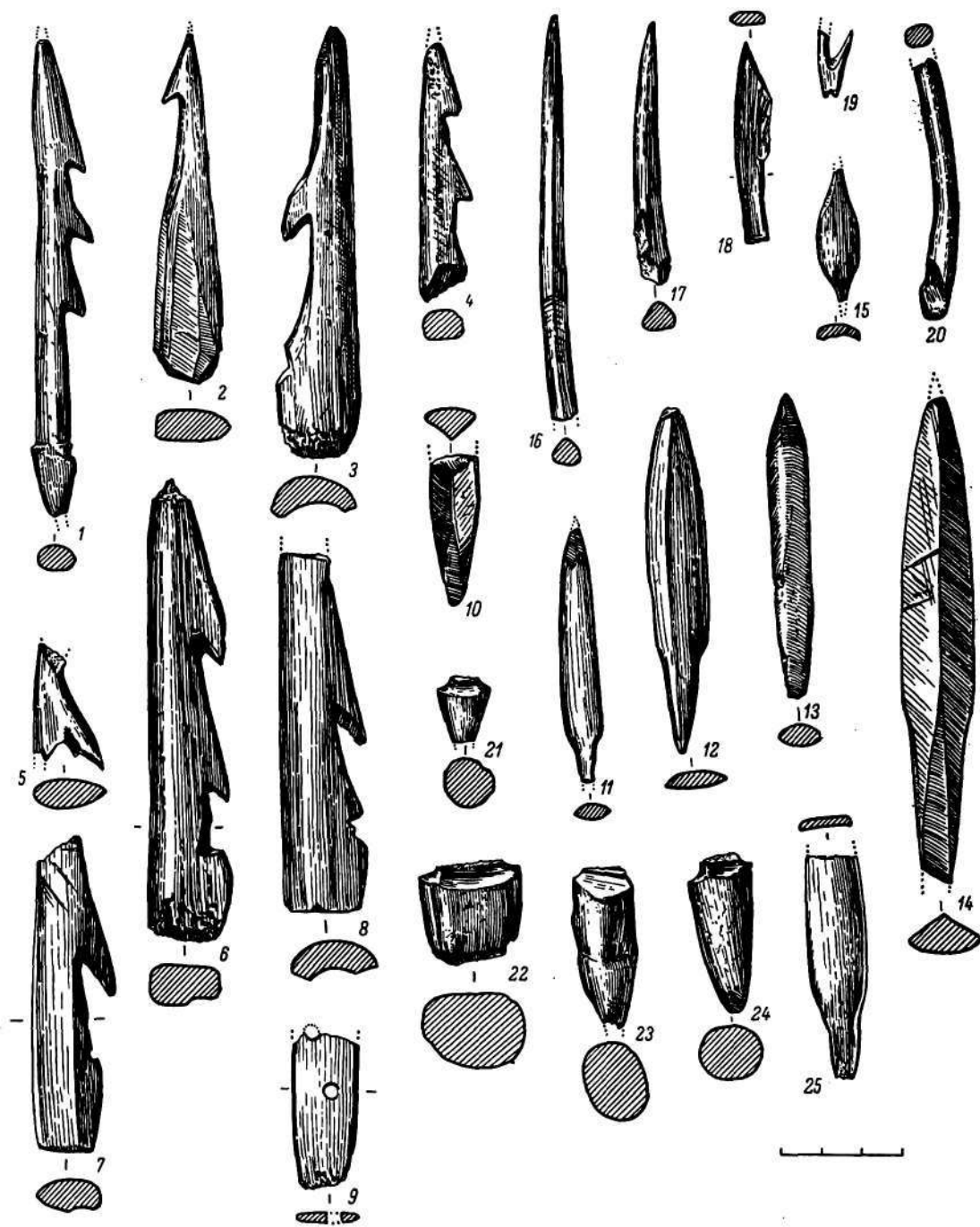

Рис. 90. Костяные орудия. Нарва I.

1—9 — гарпуны и их фрагменты; 10—15 — наконечники стрел; 16, 17 — костяные стержни; 18—20 — части рыболовных крючков; 21—24 — концы зашлифованных стержней; 25 — маленький костяной наконечник (?).

Рис. 91. Пробитые фаланги лося (1—12).

Состав костяного инвентаря

Наименование памятника	Наконечники стрел	Гарцуны	Рыболовные крючки	Иглы для вязания сетей и плетения	Орудия под углом в 45°	Тесла и долота	Проколки и шпилья	Мотыги и их части	Топорообразные орудия из рога	Кинжаловидные орудия	Лопцвля	Скребки с лезвием в 6 мм	Ножи на резах ка-бана
Нарва I	26	13	4	6	25	66	54	57	3	—	11	7	6
Нарва II	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—
Нарва III	2	2	1 (P)	—	—	3	2	5	—	1	—	2	1

эти отверстия дополнены вторыми, небольшой величины, округлыми, пробитыми с противоположной стороны, отчего отверстия получились сквозными. Внутренняя часть их не имеет каких-либо следов преднамеренной обработки.

Эти оригинальные предметы весьма типичны для прибалтийских мезолитических и неолитических памятников и имеют очень устойчивые приемы пробивания отверстий.

Привлекают к себе внимание пять костяных орудий, чрезвычайно сильно заглаженных; три из них являются частями ребер какого-то крупного животного: одна грань их острая, противоположная же слегка округлая. На конце одного из них видны продольные надрезы. Сильнейшая залощенность свидетельствует о длительности применения инструментов в работе по мягкому материалу. Они могли быть использованы, например, для соскабливания мездры при выделке кож животных.

Необходимо отметить два крупных костяных орудия весьма оригинальной формы, для которых использованы фрагменты локтевых костей парнокопытных. Поверхность их в одном случае подверглась предварительной обработке, во втором оказалась заглаженной в результате использования. Нижняя часть, имеющая небольшую естественную вогнутость, чрезвычайно сильно залощена, исходя из чего можно заключить, что и эти предметы использовались в качестве лопцвля.

Среди орудий неясного назначения есть 5 экз., совершенно аналогичных друг другу.

В четырех случаях они округлого, в пятом — овального сечения, к одному концу заостренные, с другого срезаны, в результате чего имеют конусообразную форму (рис. 90, 21—24). Плоский конец получен пилением, в 2 экз. с помощью глубоких круговых нарезок; недопиленные и недорезанные части обломаны. Внешняя поверхность предметов хорошо зашлифована. Совершенно очевидно, что все заостренные концы отрезаны от каких-то округлых или овальных в сечении предметов, тщательно зашлифованных, но каково их назначение, остается неясным.

Помимо огромного количества разнообразных костяных орудий, в поселении Нарва I встречено 43 фрагмента их, нередко весьма крупного размера, до 17 см длины (табл. 4). Иногда поверхность их зашлифована, на отдельных экземплярах заметны следы опилов и сильная заглаженность тыльных частей. Однако далеко не во всех случаях удается определить назначение того или иного предмета.

Следует указать также на коллекцию трубчатых костей (28 экз.), преднамеренно расколотых, иногда со следами употребления, и на обломки мелких костяных орудий, служивших в большей части проколками.

Пытаясь проследить последовательные этапы процесса изготовления орудий из рога и понять, для чего отпиливались именно такие, а не другие куски, далеко не всегда можно найти объяснение каждому предмету. Следует учесть, что подавляющее количество имеющихся у нас кусков являются отходами производства, т. е. та их часть, которая полу-

Таблица 4

поселений Нарва I—III

Предметы с орнаментом	Украшения и амулеты из зубов животных	Пронизки и подвески	Косо и продольно опиленные эпифизы	Орудия на плосневых костях с острем 45°	Трубчатые кости с продольным пилением	Ромбические лопатки на метаподий	Опиленные куски рога	Рога и их части со срезами	Острые концы, отрезанные от орудий	Распленные нижние эпифизы метаподий	Фаланги пробитые	Обломки костяных орудий неопределенной формы	Обломки крупных костей со сколами	Блоки, спиленные с нижнего конца пястных или плосневых костей	Обломки разбитых костей
7	40	5	91	11	9	12	108	6	5	4	12	193	34	12	466
—	—	—	5	—	1	4	1	—	—	—	—	20	—	—	—
1	—	1	1	—	—	2	1	—	1	—	1	10	—	1	62

чалась в результате стремления добиться желаемой формы.

Однако в целом ряде случаев мы узнаем те куски отпиленных рогов, которые в результате последующей обработки были превращены в готовые изделия.

Прежде всего имеется семь целых и несколько фрагментированных роговых орудий теслообразной формы, для которых были использованы нижние части рогов лося. Мы их условно называем «мотыгами» (рис. 92, 1—14). Тыльные концы их отпилены или отрезаны от основания рога, рабочие концы же, всегда асимметричные, в разной степени заострены или (значительно реже) только стесаны с помощью сильного затачивания на шлифовальной плите; в этом случае ширина рабочей части менее 1 см, длина — от 6.5 до 16.5 см. В первом случае использована лишь часть, примыкающая к основанию, во втором — полный рог, при этом естественный конец его с помощью шлифования уплощен и превращен в острие.

Внешняя поверхность их хорошо зашлифована, нередко заметно, что она произведена в различных направлениях, при этом небольшими участками. Помимо того, все без исключения экземпляры до блеска залощены в процессе использования. Как мы увидим далее, поверхность и многих других массивных орудий этого типа имеет сильную заглаженность.

Вторую группу крупных роговых орудий (6 экз.), изготовление которых удается проследить, составляют боковые широкие части рога, отчлененные от более тонких, уплощен-

ных частей (рис. 93, 1—6). Величина их различна — от 9 до 17 см, однако они совершенно тождественны по способу изготовления; тыльные части, за исключением одного случая, сохранили следы поперечного, обычно прямого, иногда косога опиления рога от основания и двустороннего продольного опиления одной из граней, произведенного с целью отделения утолщенной части. Противоположная ей продольная грань сохраняет естественную округлость, в результате чего поперечное сечение этих орудий получилось подтреугольным, с округлым основанием и срезанной противоположающей ему вершиной.

Лезвие по сравнению с тыльной частью часто несколько более широкое, в большей или меньшей степени уплощено, за исключением одного случая (косо срезанного), и сильно сработано. Нижняя часть орудий зашлифована, в трех случаях по всей поверхности, в остальных — заглажено от употребления.

К общему числу мотыгообразных орудий следует прибавить также 19 фрагментов их, чаще всего расслоившихся по продольной оси. У некоторых из них лезвие оказалось сильно сработанным, но хорошо сохранились тыльные части; они интересны в плане прослеживания процесса изготовления и интерпретации мотыгообразных орудий. Здесь отчетливо видны следы пиления с двух противоположных сторон, произведенного до губчатой поверхности, занимающей среднюю часть, которая затем заглаживалась. Залощенность предметов, хорошо заметная на всей тыльной части, лишней раз свидетель-

Рис. 92. Роговые мотыги. Нарва I (1—14).

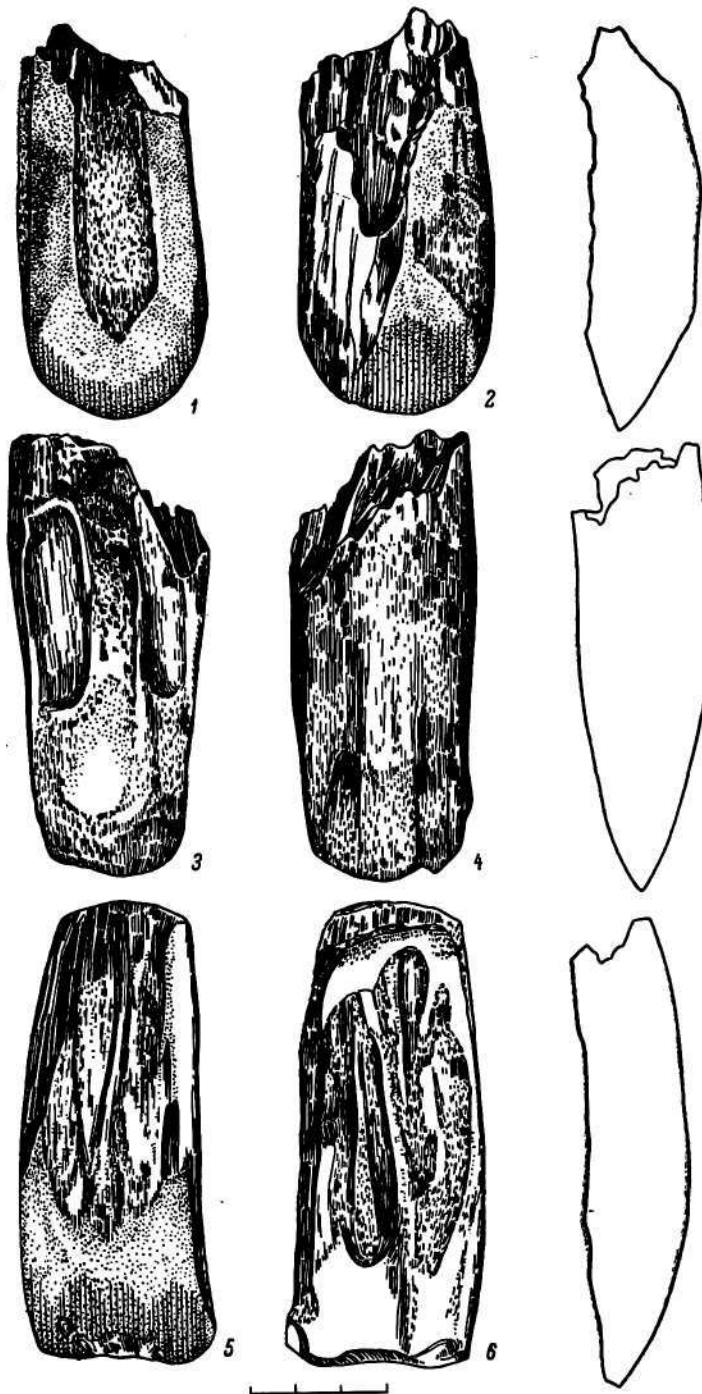

Рис. 93. Роговые тесла. Нарва I (1—6).

стует, что они не вставлялись в рукоятку, а зажимались непосредственно в руках человека.

Особую группу составляют 8 частей орудий, изготовленных из длинных, грубчатых костей крупных животных (лося). Величина некоторых из них превышает 26 см, длинные грани почти всегда сохраняют следы пиления, нарушенного в отдельных местах срезами, произведенными с помощью ножа, или испорченного в результате того, что орудие сломалось. Иногда тыльные части их специально заглажены, в других пригнаны в процессе употребления. Рабочие концы не сохранились. Возможно, что некоторые из них впоследствии были бы утилизированы для изготовления каких-либо более мелких орудий типа долот или тесел или использовались сами по себе, будучи снабженными заостренным концом, подобно многочисленным орудиям такого типа, известным во множестве неолитических и мезолитических стоянок Прибалтики.

Из крупных роговых орудий, процесс изготовления которых прослеживается наиболее отчетливо, следует отметить также целых 3 экз. и несколько фрагментированных. Это теслообразные орудия из плоских кусков рога. Форма их в плане удлиненно-подчетырехугольная, суженная к тыльной части и расширенная к слегка асимметричному, довольно тщательно зашлифованному лезвию. Боковые грани его сформованы с помощью пиления.

Незначительное количество таких орудий указывает на ограниченное распространение их, причиной чего служило легкое расслаивание их по губчатой внутренней части рога.

Остальные крупные орудия, изготовленные из рога, в меньшей мере сохранили следы первичной обработки. Совершенно очевидно лишь, что они также изготовлены из толстых частей

рога, отпиленных близко к основанию. При этом опил был двусторонним или многократным, с помощью коротких опилов. Продольно-

ное пиление на них отсутствует, благодаря чему поперечное сечение округлое, а ближе к рабочей части уплощенное. Одна сторона почти прямая или лишь слегка поката в сторону лезвия. Как правило, она сохраняет естественную изогнутую поверхность. Вторая сторона с помощью шлифовки, а в отдельных случаях сильного среза или косого опиления резко спущена к лезвию, отчего образован сильно асимметричный рабочий конец.

У подавляющего большинства таких орудий вся поверхность до тыльной части включительно очень сильно сглажена, а у некоторых залощена до глянца, в результате чего совершенно сняты естественные неровности (продольные бороздки), характерные для поверхности рога.

Некоторой разновидностью крупных роговых орудий являются 4 экз., также изготовленные из толстой части рога, но более уплощенные по форме и немного округлые в слегка скошенной рабочей части. Поверхность их, за исключением одного, сравнительно мало залощена.

Рассмотренные выше крупные мотыгообразные орудия, удивительно сходные по форме, общее количество которых превышает 50 экз., заставляют сделать вывод о большом значении их в хозяйстве неолитических обитателей побережья р. Нарвы. Более того, совершенно аналогичные орудия встречаются также и в других прибалтийских памятниках, особенно там, где присутствует керамика нарвского типа. Тожественные орудия известны также и в более ранних, мезолитических, стоянках Эстонии и Латвии. Исходя из формы, скорее всего следует сделать предположение, что данные крупные экземпляры таких орудий служили мотыгами, употреблявшимися для различных земледельческих работ, таких, например, как выкапывание съедобных кореньев, а также для копки землянок и всевозможных ям хозяйственного назначения. В пользу предположения именно о таком характере работы свидетельствуют, казалось бы, и достаточно частые случаи сильной сработанности лезвия и рабочего конца в целом.

Однако нельзя умолчать о выводах С. А. Семенова, производившего их изучение по следам сработанности. Приводим его полностью: «Заслуживающим внимания вариантом являются лоцила из Нарвы I, сделанные из рога лося. Серия около двух десятков ору-

дий, найденная в разной степени сохранности, имеет размеры от 7 до 14 см длины, отличается массивностью, скошенным рабочим концом, слегка выпуклым в профиле и закругленным по краю. Профиль рабочего конца указывает, что ось орудия в процессе лощения находилась под углом в 30—35° к плоскости обрабатываемого предмета. Лоцилом работали преимущественно одной рукой, но не исключено, что левая рука принимала участие в усилении давления.

Лоцила представляют части лосевого рога, выпиленные абразивной пилой, отесанные в отдельных случаях каменным теслом, отточенные на песчаниковой плите. На некоторых экземплярах можно отметить следы насечки для уменьшения скольжения руки. Для обтачивания выпуклой рабочей части орудия существовали абразивные плиты из мелкозернистого песчаника. На их вогнутой поверхности сохранились следы движения шлифуемого предмета. Линейные следы изнашивания на заполированной поверхности выпуклого рабочего конца расположены по большой оси прямолинейно. Это значит, кинематика работы ими не отличалась от кинематики работы палеолитическими лоцилами из ребра. Лоцилом работали абдукционно (от себя). Типологически орудия относят к категории „мотыг“.¹⁵

Таким образом, вопрос об употреблении данных орудий нельзя считать окончательно решенным. В пользу предположения С. А. Семенова свидетельствует небольшая величина ряда экземпляров, имеющих к тому же очень узкое лезвие. Исходя из различной величины орудий и отличия в их форме, можно предположить, что отдельные типы этих орудий употреблялись для различных целей.

Среди костяного инвентаря данного поселения особое место занимают украшения и предметы искусства — многочисленные зубы животных (рис. 94—95). Использовались в основном резцы лося, клыки медведя, резцы и клыки кабана, клыки собаки, части резцов бобра, челюсть собаки (рис. 94, 1—27). Одни из них явно служили в качестве подвесок, о чем свидетельствуют нарезки или просверленные отверстия, другие (более мелкие), сильно заглаженные, возможно, нашивались на одежду, крупные же могли но-

¹⁵ Данное заключение было сделано специально для настоящей работы.

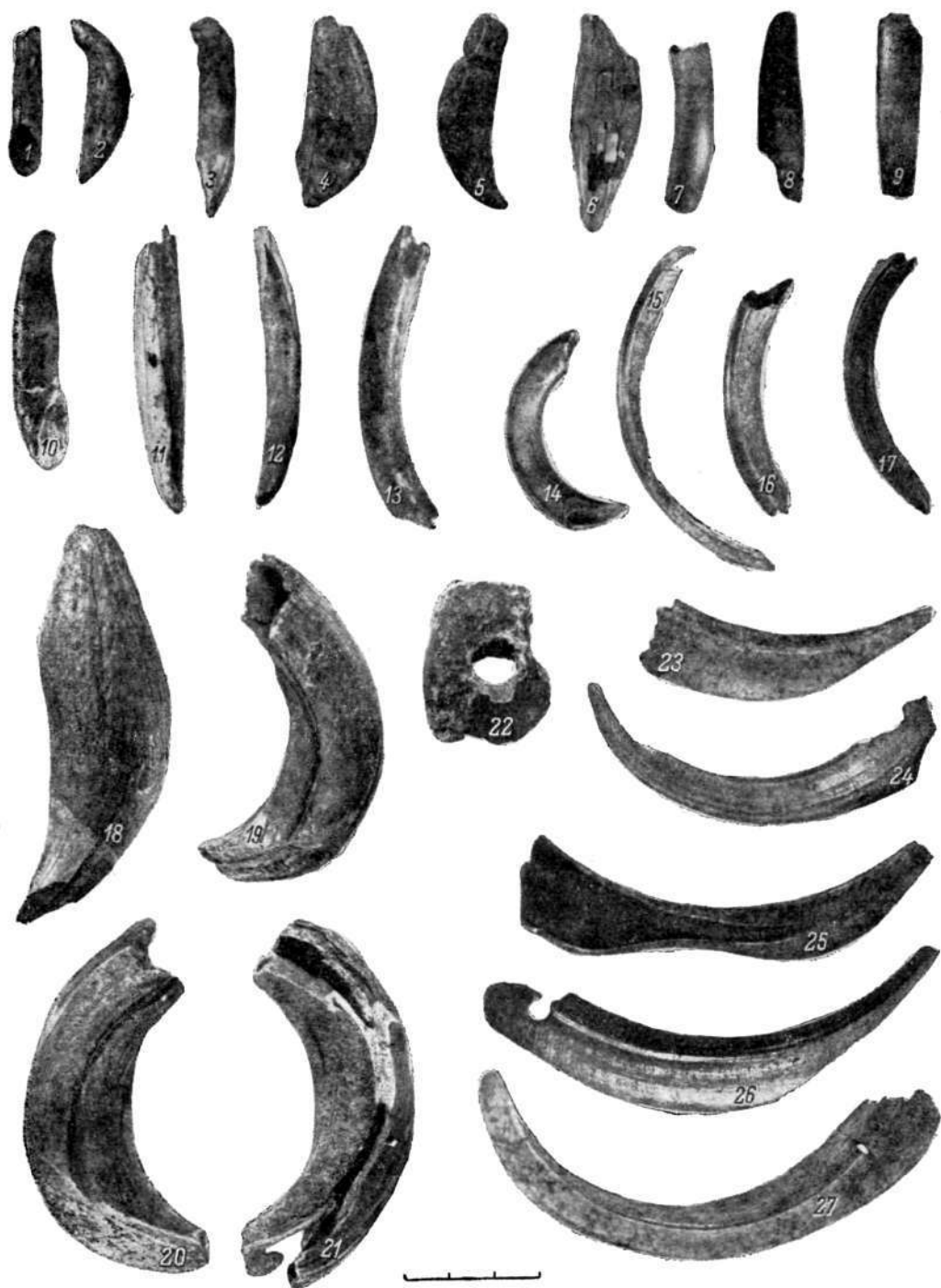

Рис. 94. Амулеты и украшения. Нарва I (1—27).

сечь в специальных приспособлениях — мешочках. Резцы бобра и лося не имеют следов специальной обработки. Лишь один из клыков медведя имеет на конце круговую на-

очень тоненькая нарезка, на втором — просверленное отверстие (рис. 94, 26—27). Кончики их, чрезвычайно тонкие и приостренные, являлись хорошим инструментом, про-

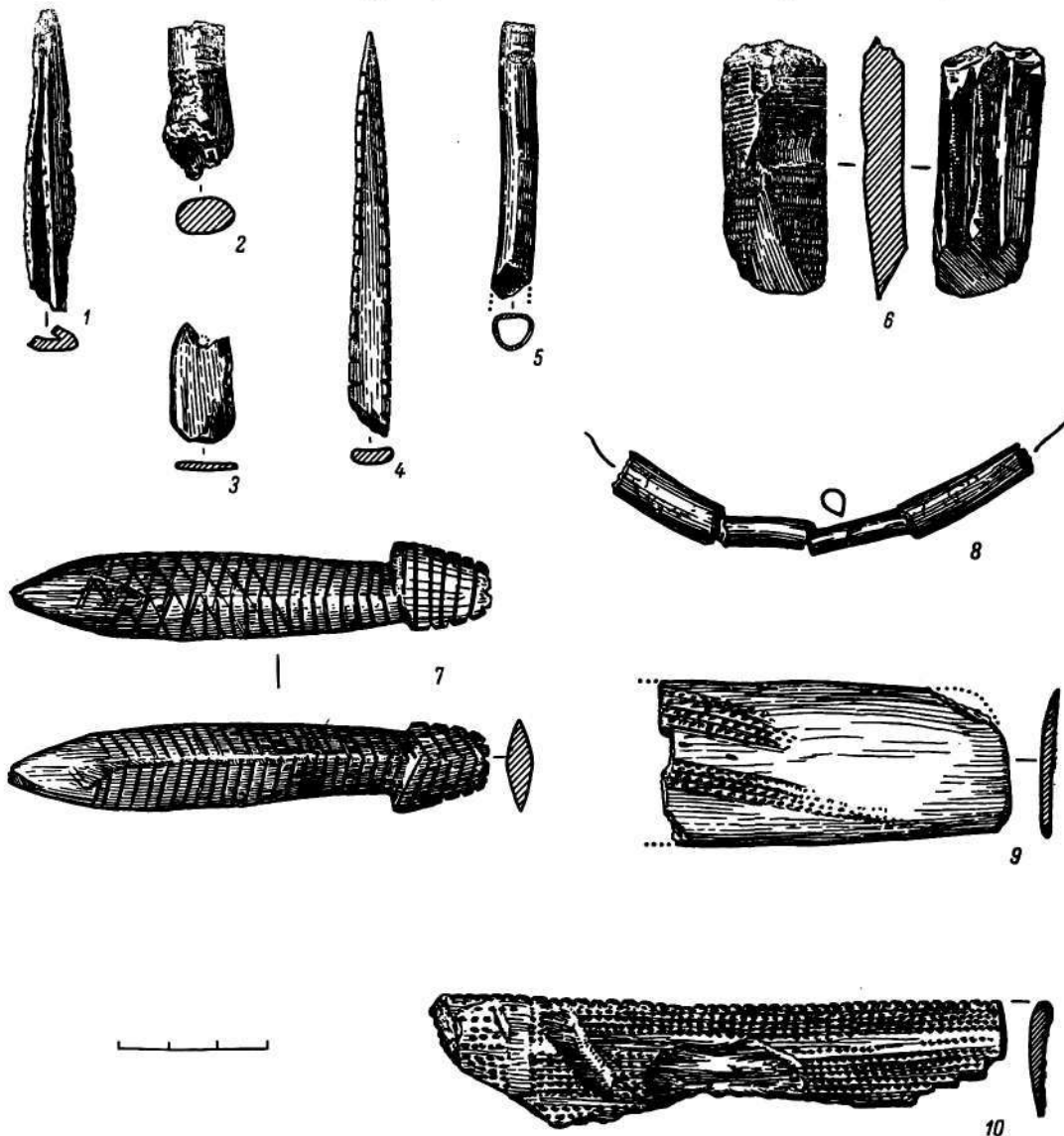

Рис. 95. Украшения и предметы искусства. Нарва I (1—9) и Нарва III (10).

резку, челюсть же собаки и клык волка — просверленные отверстия.

Резцы кабана (рис. 94, 23—27), представляющие собой изогнутые пластинки, имеют косо срезанные и очень сильно заполированные от работы концы. У двух есть приспособления для подвешивания — на одном

изводившим работу, однако не по твердому материалу, от сильного соприкосновения с которым они неизбежно сломались бы. К украшениям или амулетам следует причислить острагал медведя и фалангу мелкого животного — собаки (?), имеющую круговую нарезку, а также 4 пронизки из трубчатых

костей птиц длиной до 2,5 см. По их концам хорошо заметен способ изготовления: на длинной трубчатой кости птицы делали сначала круговые нарезки, а затем кусок кости обламывали.

Два предмета представляют собой части некрупных круглых в разрезе костей. Одна из них (рис. 95, 2) с сохранившимся эпифизом, на противоположном конце ее сделано шесть параллельных друг другу неглубоких нарезок.

Особого внимания заслуживает второй предмет — тонкая трубчатая кость птицы (чирка?), чрезвычайно сильно залощенная по всей поверхности (рис. 95, 5). На передней стороне ее с целью украшения нанесены тонкие нарезки, в верхней части кости имеется прорезь овальной формы, позволяющая использовать данный предмет в качестве своего рода простейшего музыкального инструмента — флейточки, возможно применяемого в качестве манка для привлечения птиц, кости которых в таком изобилии встречены на поселении (в особенности утки и чирка).

Два небольших стерженька (6 и 8 см длины) сделаны из трубчатой кости, пристроенной на конце (рис. 95, 1, 4). Один из них плоский, второй — подтреугольный в сечении, с мелкими, но довольно широкими нарезками по узким граням (один предмет фрагментирован и, возможно, потому имеет нарезки только по одной из них). Целый экземпляр очень сильно залощен по всей поверхности, включая и обломанный конец. Несомненно, что он длительное время и интенсивно использовался человеком.

Значительный интерес вызывают два предмета, которые в большей мере, чем другие, раскрывают степень развития эстетических потребностей и вкусов людей того времени. Одним из них является кусок ребра, сильно залощенный с внешней и внутренней стороны, в результате чего на внутренней стороне

поверхность оказалась чрезвычайно ровной. Один конец его срезан по прямой линии, и самый кончик заточен с двух сторон на

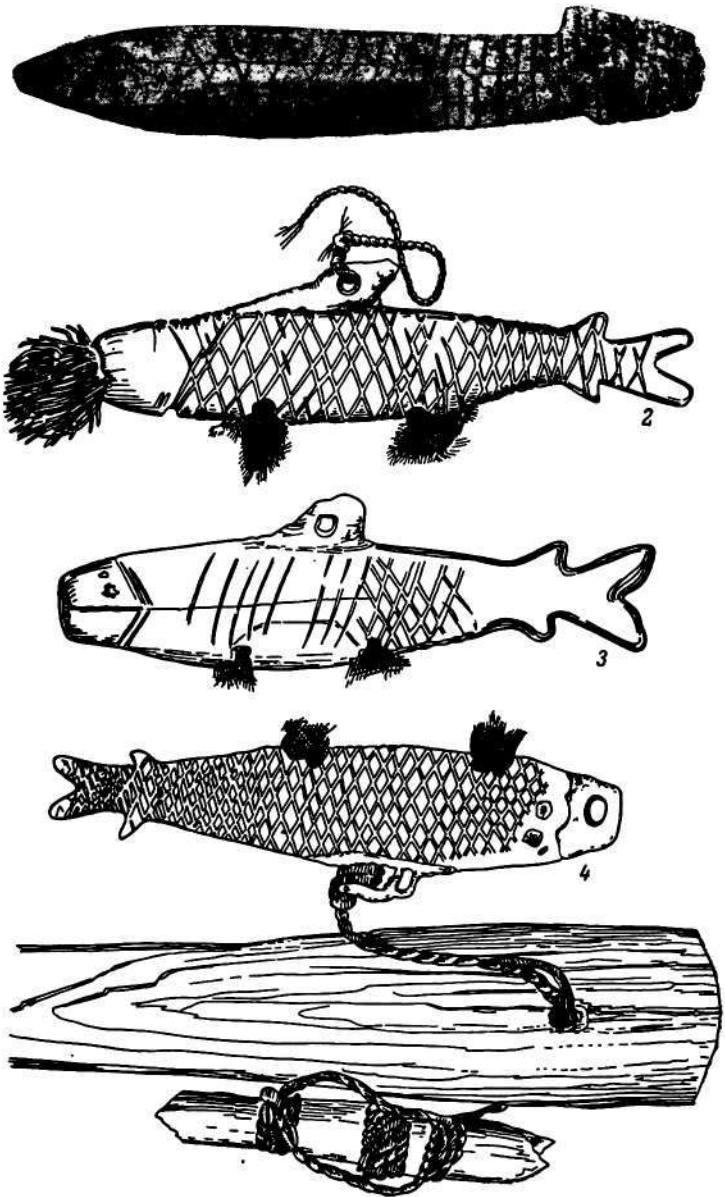

Рис. 96. Костяная рыбка с поселения Нарва I (1) и этнографическая параллель к ней (2—4).

1 — костяная рыбка; 2—4 — способ применения рыбки-приманки звенками.

2—3 мм, в результате чего образовано лезвие. На внешней поверхности ребра близ тыльной части нанесен орнамент, слабо за-

метный также и на одном из участков, при-
мыкающих к лезвию, хотя здесь он очень
сильно затерт (рис. 95, 9). Рисунок состоит
из двух параллельных друг другу линий,
которые ранее доходили, по-видимому,
до самого конца орудия — лезвия. Одна
из них в результате работы оказалась цели-
ком стертой, другая же теперь слабо замет-
ной. Не могут не вызвать удивления пора-
зительная четкость в нанесении орнамента,
правильное чередование его элементов.

Рисунок, до чрезвычайности прост и вме-
сте с тем очень изящен. Орнаментальная по-
лоса состоит из тонкой горизонтальной, слабо
подчеркнутой линии, ниже которой нанесены
мелькие округлой формы точки, поставленные
близко друг к другу в четыре яруса, при
этом величина точек и расстояние между
ними настолько мало и точно, что трудно по-
верить в выполнение рисунка без примене-
ния штампа. В целом же создается легкий,
как бы кружевной узор.

Судя по чрезвычайно сильной заглажен-
ности, данный предмет был в частом упот-
реблении, но, вероятно, использовался не
в производственных целях. Может быть, он
применялся для совершения туалета, напри-
мер обработки тела (раскраска охрой, рас-
тирание жиром и пр.), или создания при-
чески.

Нельзя не видеть поразительного сход-
ства этой пластинки с аналогичной пла-
стинкой из поселения Нарва III, к сожа-
лению, довольно сильно фрагментированной
(рис. 95, 10).

Последним предметом, характеризующим
искусство в поселении Нарва I, является
костяная стилизованная рыбка (рис. 95, 7;
96, 1).

Изготовленный из сильно удлинённого
куска трубчатой кости, он имеет округлые
границы, по одной из которых проходит слабо
заметное ребро, отчего поперечное сечение
предмета приближается к сильно удлинён-
ному ромбу со сглаженными углами. К од-
ному концу он уплощен и сужен — это го-
лова рыбы; к противоположному концу сна-
чала слегка сужен, а затем имеет сильно
утолщенное расширение в виде выступа, при-
ближающегося по очертаниям к четырех-
угольнику с зубчатым краем, — это хвост
рыбы.

Вся поверхность предмета, помимо за-
шлифованности, сильно залощена, что сви-
детельствует о чрезвычайно длительном
употреблении. Одна сторона его покрыта
тонкими нарезками, нанесенными под углом
друг к другу. Вторая сторона с тыльного,
широкого конца (хвоста) орнаментирована
параллельными нарезками, близко постав-
ленными друг к другу. Начиная примерно
со средней части, ближе к зауженному
концу (голове рыбы), в результате пересе-
кающихся тонких косых линий образована
сетка. Зауженный конец оставлен неорна-
ментированным. Только с одной стороны
намечен треугольником и точкой глаз рыбы.

Чрезвычайная залощенность предмета
свидетельствует с бесспорностью о длитель-
ном его употреблении.

Глава III

ХОЗЯЙСТВО, БЫТ, ВЕРОВАНИЯ

Для того чтобы представить себе хозяйственную деятельность и быт людей, отделенных от нас многими тысячелетиями, археологии требуется помощь смежных наук — антропологии, освещающей физический облик человека, и этнографии, способной заставить найденные в земле вещи рассказать о себе.

Однако начинать во всех случаях приходится с данных естественных дисциплин — геологии, палеоботаники и палеозоологии, поскольку именно они создают представление о естественной среде, являющейся тем фоном, на котором развивалась человеческая история. Так, характер геологического процесса прежде всего способствовал или тормозил заселение того или иного района, а климат, почва, растительность, наличие или отсутствие водных бассейнов во многом предопределяли направление хозяйственной деятельности первобытного человека. В этом отношении исследователи памятников, расположенных в устье р. Нарвы, находятся в весьма благоприятном положении. Помимо чрезвычайно отчетливой геоморфологии района, в поселениях сохранились остатки пыльцы¹ и многочисленные кости живот-

ных,² костяные орудия, следы жилищ и, наконец, погребений.³

Поскольку рассматриваемые памятники, как мы постараемся показать, хронологически близки между собой, характеристика природной среды будет для них общей.

Попытаемся прежде всего на основе наблюдений над геоморфологией и использования данных палеоботаники и палеозоологии представить себе ту естественную обстановку, в которой жил человек в эпоху неолита.

Наблюдаемое нами в настоящее время расположение остатков древних поселков в общих чертах соответствовало той картине, какая была в древности. Их культурный слой не переместился и сохранился *in situ*. Однако за истекшие тысячелетия произошли серьезные изменения в очертаниях берега моря и реки, животном и растительном мире. Характер возвышенностей, чередующихся с сильно пониженными однообразно ровными участками, позволяет прочесть рельеф местности того времени, когда по берегам Нарвы бродил неолитический человек.

Совершенно очевидно, что равнина (от нынешнего г. Нарвы и вплоть до Усть-Нарвы), поросшая теперь буйной травой и пестрыми луговыми цветами, являлась во время существования древних поселков дном Литоринового моря.⁴ Над его поверхностью возвышался песчаный коренной берег, вы-

¹ Геологические исследования здесь были проведены Р. Индрекко. Помимо того, нарвские археологические стоянки в связи с нашими работами изучались Г. Н. Лисицкой, П. М. Долухановым, А. Д. Колбутовым, М. Г. Кишани. См.: Г. Н. Лисицкая. Вопросы палеогеографии неолита районов северо-запада Европейской части СССР. Приложение № 3 к книге Н. Н. Гуршиной «Древняя история северо-запада Европейской части СССР», МИА, № 87, 1961, стр. 535—578; П. М. Долуханов. Поздне- и послеледниковая история Балтийского моря и археологические памятники в его бассейне. Автореф. канд. дисс. Л., 1966. — В связи с работами Л. Ю. Янитса исследованием этих районов занимались эстонские геологи.

² Костные остатки изучались В. И. Бибиковой, Н. М. Ермоловой, К. Л. Паавером.

³ Антропологический материал исследовался К. Ю. Марк. См.: К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 219—242.

⁴ R. I n d r e k o. Die Mittlere steinzeit in Estland. Stockholm, 1948, рис. 24.

тянувший узкий язык к северо-востоку, к оконечности которого примыкали небольшие островки, прикрывающие вход в залив. Река Нарва была значительно короче, и ее устье, вероятно, находилось не менее чем на 8 км дальше от современного берега моря. В то время оно было неглубоким, во всяком случае у берегов, поскольку наиболее низкая горизонталь, лежащая у основания гряды и островов, не превышала 8.5 м.

Древние поселенцы приютились на узком мысу, далеко врезающемся в тихую приустьевую бухту, по-видимому сильно опресненную благодаря близости крупной реки Нарвы (рис. 97, А, Б). Тихая, почти совершенно отгороженная от моря, закрытая от штормов и потому удобная для причала лодок, мелководная бухта была исключительно хороша для рыболовства во всех его формах.

Если древний рельеф местности восстанавливается на основании геоморфологии, то характер растительности и животного мира воссоздается данными палеоботаники и палеозологии.

Г. Н. Лисицына, изучавшая пыльцу, пришла к выводу, что во всех взятых ею образцах «существенная роль принадлежит пыльце древесных пород, среди которых преобладает сосна, береза, ольха, а также широколиственные породы (вяз, липа, орешник); в образце № 44 встречено одно пыльцевое зерно граба. Ель отмечена единично и не во всех образцах. Общий характер пыльцевого спектра позволяет считать, что формирование культурного слоя происходило в конце фазы „широколиственных пород и ольхи“ — в начале фазы „верхнего максимума ели“».⁵ Обобщая полученные данные, она считает, что «исследуемая территория в это время была полностью облесена. Широко были распространены сосновые ассоциации на сухих песчаных участках и сравнительно небольшие массивы елово-широколиственных пород на более богатых почвах. В сильно увлажненных понижениях рельефа значительным развитием пользовались группировки из ольхи и березы».⁶

Следовательно, все побережье моря на пространстве, окружавшем поселки, было покрыто густым смешанным лесом.

Известным дополнением характеристики древней растительности служат кости животных, найденные на стоянке, поскольку существование каждого из видов обусловлено определенной средой.

Благоприятным обстоятельством для нарвских поселений, как было указано, является наличие огромного фаунистического материала, весьма разнообразного по своему составу.

В. И. Бибикова, тщательно изучавшая эту коллекцию, выделяет 20 видов животных (табл. 5).

Приведенные данные позволяют сделать вывод о весьма большом разнообразии животного мира, окружавшего неолитического обитателя нарвского побережья.⁷

По сильно облесенным пространствам вблизи поселков бродило большое количество разнообразных животных, среди которых было и немало таких, которые ныне уже исчезли из этих мест, а леса населяли пернатые. Но особенно много было водоплавающей птицы. Мелководье моря, наличие в непосредственной близости устья реки, дающей пресную воду, привлекало сюда огромные стаи пернатых. О количестве их и размерах уничтожения человеком достаточно наглядно свидетельствует число птичьих костей, найденных на поселении Нарва III, раскопанного, как мы могли видеть, в очень небольшой мере. Среди костных остатков, встреченных на поселениях, обнаружены кости гагары и особенно много костей уток, в огромном количестве гнездившихся в тихих, узких заливах на низких, заболоченных берегах р. Нарвы и впадающих в нее мелких речек и ручьев. Но не только водоплавающая птица водилась в морском заливе. В числе костных остатков, найденных в культурном слое, встречены многочисленные кости тюленя, среди которых немало принадлежащих молодым особям, и даже кости кита. Но особенно много было рыбы, кости и чешуя которой в изобилии встречаются на наших стоянках.

Исключительно благоприятное местоположение поселений, о чем свидетельствует и длительность их существования, богатая природа, окружающая человека, обеспечивала

⁵ Г. Н. Лисицына. Вопросы палеогеографии неолита районов северо-запада Европейской части СССР, стр. 540.

⁶ Там же, стр. 541.

⁷ Как можно видеть из табл. 5, принципиального различия между фаунистическим материалом поселений Нарва I, II и III не наблюдается.

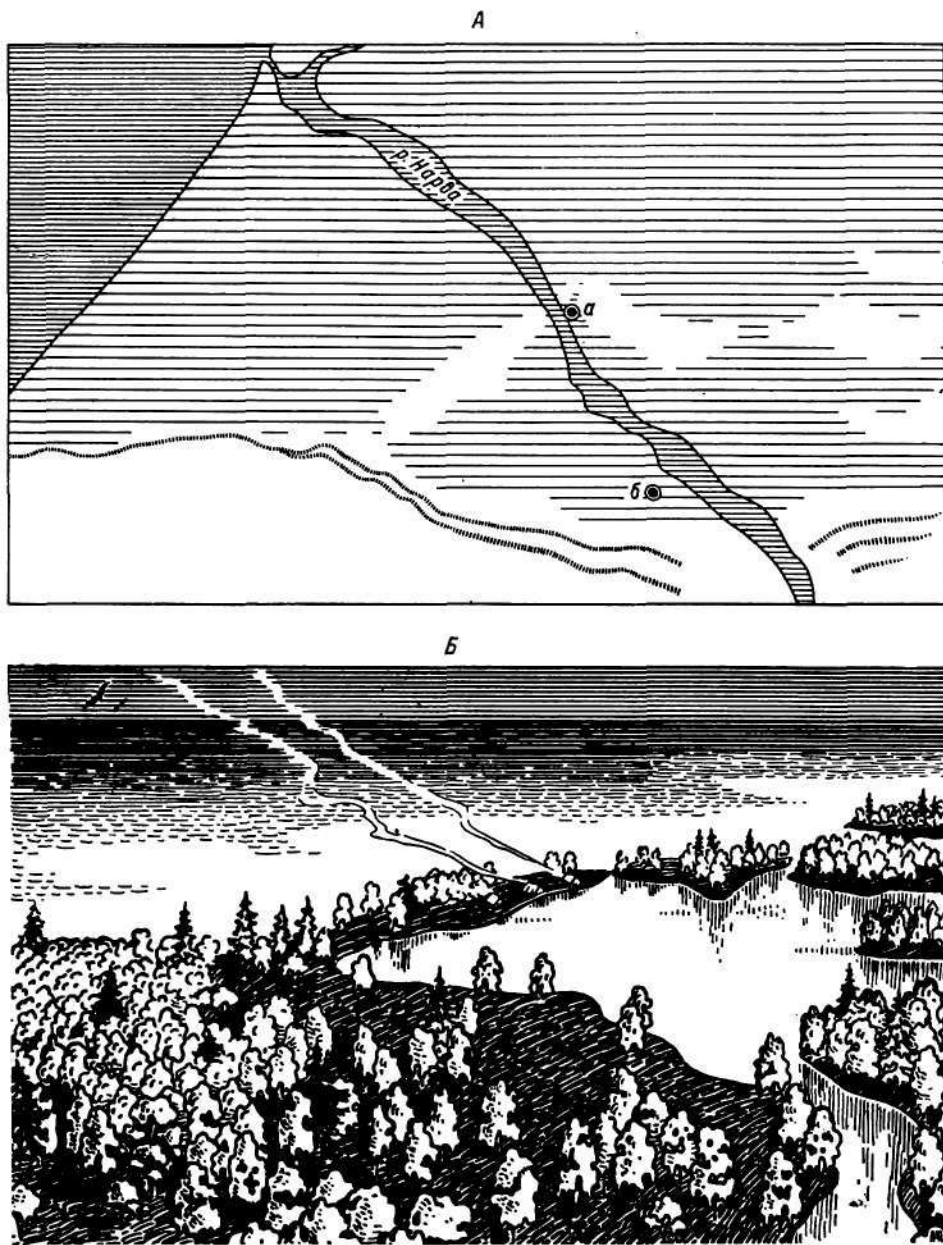

Рис. 97. Местоположение поселений Нарва I—III (А) и реконструкция места древнего поселка (Б). Рисунок А. К. Филиппова.
 а, б — мезолитические стоянки: Тырвала (а), Сивертс (б).

ему относительное благополучие даже при том экстенсивном хозяйстве, которое он вел.

Вокруг были все виды животных, необходимые для его существования (олень, лось, тур, кабан, бобр, заяц, косуля, рысь, лисица, медведь, барсуки, норки, хорек, куница, выдра и др.), дающие большое количество мясной пищи, крепкие шкуры для устройства жилищ и мягкие теплые шкурки для изготовления одежды. Однако только изобретательность, знание повадок и образа жизни животных, относительно эффективное вооружение создавали возможности успешной охоты.

Способы охоты, рыболовства и морского промысла не могут быть раскрыты нами с желаемой подробностью, однако хорошо сохранившиеся каменные и в особенности костяные орудия, а также некоторые наблюдения, произведенные над костями животных, с большей или меньшей долей вероятности позволяют высказать определенные суждения.

В известной мере приближенно мы можем говорить о способах, применяемых древним человеком при охоте на сухопутного зверя. При этом ряд выводов, которые возможно сделать по имеющемуся охотничьему вооружению, будут в большой степени стандартными, мало чем отличающимися от выводов исследователей, находящих подобные же материалы на других стоянках.

К числу их относится утверждение, что охота на крупного зверя, в особенности имеющего очень крепкую и толстую кожу, производилась в основном с помощью лука и стрел, снабженных острыми кремневыми наконечниками, закреплявшимися в древке. Причем стрелы по форме существенно не различались. По всей вероятности, решающим здесь был лишь размер наконечников: мелкие употреблялись на маленьких зверьков, а большей величины — на крупного зверя. Такими наконечниками были не только каменные, но и костяные, имевшие широкое употребление, в том числе крупные экземпляры, обнаруженные, например, в поселении Нарва I. Массивные, острые и крепкие только что изготовленные из свежей кости, они служили хорошим оружием для защиты от животных и нападения на них, способные проколоть достаточно крепкую шкуру его и глубоко вонзиться в мягкую ткань. Об эффективности таких наконечников с отчетливостью свидетельствуют, на-

пример, сибирские палеолитические материалы.⁸

Но не только мясо и теплую шкуру давали человеку лесные звери, и в частности крупные парнокопытные, они доставляли ему и необходимое вооружение. Наконечники стрел, копий и гарпунов, как правило, изготовлялись из костей крупных животных. Только среди определяемых костей (без учета орудий, изготовленных из них) В. И. Бибикова отмечает, что из 359 костей и рогов лося, найденных в коллекции, 20% несут следы обработки. В действительности же количество костей, в частности лося и тура, неизмеримо больше, поскольку, как мы могли видеть, они являлись основным поделочным материалом в «костерезной мастерской», обнаруженной на поселении Нарва I.

Из 17 различных видов животных, кости которых встречены на стоянках, 11—12 видов представлены ценными пушными зверьками. В наших поселениях отсутствуют специальные наконечники с тупым концом, предназначенные для охоты на пушного зверя. Однако не исключена возможность, что такие наконечники могли изготовляться из дерева, как это делали, например, многие из северных народностей. А. А. Попов, описывая охоту у долган, отмечает, что «стрела выделывалась из твердого и тяжелого листовичного крена (смолистая сердцевина). Передний конец стрелы заострялся, задний имел вид лопаточки с зарубкой сбоку».⁹ Такие стрелы употреблялись не только на мелких зверей и птиц, но даже и на крупных животных, в частности на диких оленей.

Но кроме охоты на сухопутного зверя, большое значение для человека имел и морской промысел, в особенности охота на тюленя. По определению В. И. Бибиковой, основным объектом охоты были кольчатая нерпа, обыкновенный тюлень и гренландский тюлень. В процентном отношении кости тюленя, найденные на поселении Нарва I, занимают второе место, уступая только костям медведя (635 костей), в Нарве II — третье место (23 кости) и в Нарве III — первое место (178 костей).¹⁰

⁸ См.: З. А. Абрамова. К вопросу об охоте в верхнем палеолите. СА, № 4, 1964, стр. 177—180.

⁹ А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган. Сб. памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, стр. 155.

¹⁰ При этом не учитывается количество костей птиц и 4589 недиагностичных костей.

Большинство из них принадлежит гренландскому тюленю.

Чрезвычайно обильная этнографическая литература по морскому промыслу северных народов Европы и Азии,¹¹ в частности эскимосов, свидетельствует, что основным орудием при охоте на морского зверя является гарпун. Брошенный с большой силой наконечник гарпуна вонзается в тело животного и, оставаясь в нем, удерживает зверя посредством шнура, привязанного к наконечнику и древку, находящемуся в руках охотника. Целые гарпуны и их фрагменты найдены, как мы могли видеть, на поселениях Нарва I и III.

По мнению специалистов, вряд ли можно допустить охоту с гарпуном на сухопутного зверя. И это справедливо. Животное, плавающее в воде, может удерживать охотник, сидящий в лодке, следуя за ним беспрепятственно по водной поверхности. Однако удерживать крупное раненое животное, мчащееся с огромной скоростью между деревьями и с силой натягивающего шнур (с помощью которого привязан наконечник гарпуна к древку), вряд ли представляется возможным.

Несомненно морской промысел, так же как и рыболовство, предполагает использование лодок. Косвенным указанием на существование их может служить большое количество костяных тесел и долот, служивших, по всей вероятности, для обработки дерева.

К сожалению, прямые доказательства, вероятно, трудно было бы получить при раскопках поселения даже и в том случае, если бы к этому имелись более благоприятные стратиграфические условия. Естественно, что лодки не приносились в древний поселок, как, например, охотничье вооружение; их оставляли на самом берегу морского залива или прямо на воде, привязав к дереву или специально вбитому в берег колу, как это делает каждый рыбак и в наши дни. И если бы удалось провести большие раскопки на кромке старого берега реки, то очень возможно, что были бы обнаружены остатки деревянных лодок, в существовании которых нельзя сомневаться, учитывая ши-

роко развитое рыболовство, морской промысел и топографическое расположение поселков, окруженных почти со всех сторон водой.

Помимо охоты на тюленей с лодки, в большом количестве их истребляли и на лежбищах, когда они выползали на берег подышать воздухом или для выведения потомства. В коллекции половина особей является молодыми, среди них есть эмбрионы, близкие к моменту рождения.

Присутствие на поселении костей китов (Нарва I — 3 кости от двух особей, Нарва III — 1 кость) свидетельствует об употреблении древними жителями Нарвы в пищу мяса кита. Охотились ли в то время люди на китов и с помощью каких орудий? Некрупный размер китов во всех трех случаях делает возможным предположение об активной охоте. Однако возможно допустить, что найденные кости принадлежали животным, выброшенным во время бури на берег или заплывшим в мелководную бухту. Чрезвычайно малое количество костей кита во всяком случае уже говорит о том, что этот промысел если и существовал, то не имел широкого распространения.

Важным объектом охоты являлась и птица, главным образом водолавающая, о чем свидетельствуют кости, в особенности найденные на поселении Нарва III.

Сильно опресненная тихая морская бухта, вероятно заросшая камышами, создавала богатую возможность гнездиться птицам. Только на поселениях Нарва I и Нарва III сохранилось 2450 костей птицы от 327 особей, при этом особенно большое число их обнаружено в Нарве III (2303 экз. от 304 особей). Следует полагать, что в действительности, конечно, это составляло лишь чрезвычайно малый процент уничтоженных людьми птиц. Среди костей абсолютное большинство принадлежит семейству утиных (кряквы, свиязи, чирка и др.). Имеется 1 кость лебедя, 7—8 костей гагар и 2 кости крупного хищника.

Помимо охоты на них с помощью лука и стрел, была широко распространена и поимка всевозможными силками и, по всей вероятности, массовая охота во время осенних перелетов или в момент линьки, когда птица в июне месяце сильно линяет и, теряя перья, лишается способности летать. О чрезвычайно широком применении такого способа среди северных охотников достаточно

¹¹ G. I. Quimby, Toggle Harpoon Heads from the Aleutian Islands. *Fieldiana: Anthropology*, vol. 36, 1946, стр. 15—23; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

хорошо известно.¹² Напомним лишь, что в этом случае охота носит массовый характер, в ней участвуют все члены рода, вплоть до женщин и детей, охотятся с применением сетей. В расставленные сети, перегораживающие тихие морские мелководные бухты или озера, жители всего поселка, двигаясь по берегу и на лодках в сторону от него, криками пугая птицу, загоняют ее в сети и там, избивая палками или свертывая головы, уничтожают в огромном количестве.

Вероятно, массовое истребление птицы было и в момент осеннего перелета, когда многочисленные стаи ее, летящие с севера на юг, перелетев море, приземлялись на отды в тихой бухте.

О таком истреблении птицы во время осенних перелетов свидетельствует, например, тот факт, что все 2450 костей, за исключением только одной, принадлежат взрослым особям.

Косвенным указанием на массовое истребление водоплавающей птицы, в частности утки, во время линьки или осеннего и весеннего перелета служит то обстоятельство, что почти все кости утки (свыше 300 особей), найденные на поселении Нарва III, залегали в пределах очень небольшого участка; следовательно, они попали туда в относительно короткий срок.

Этнография свидетельствует, что коллективная охота на водоплавающую птицу с помощью сетей, устраиваемая, например, индиганцами или долганями, позволяла добывать несколько тысяч птиц за один раз. В это время, помимо употребления ее в пищу, производится и массовая заготовка впрок. Женщины поселка ощипывают с птицы перья, потрошат ее, а мясо коптят на огне или вялят.

По-видимому, гораздо меньшее значение имела охота на боровую птицу.

Верным помощником человеку в охоте на зверя и птицу была собака. Уже во время возникновения поселения Нарва III, люди прочно приручили это животное. О том, какое значение имела собака, можно судить по обилию ее костей. На поселениях Нарва I найдено 536 костей от 34 особей, Нарва II — 16 костей от 3 особей и Нарва III — 32 кости от 3 особей. Не исключена возможность, что этот четвероногий друг человека, особенно

в голодный период времени, служил для него и пищей. Нахождение целого ряда костей собаки в пределах землянки показывает, что человек делил с ней не только пищу, но и кров, точно так же как это делали все охотники и рыбаки севера. Порода ее, вероятно, была близка к диким волкам.

Как свидетельствуют многочисленные этнографические источники, хозяйство первобытных коллективов почти никогда не может существовать только за счет охоты и должно быть дополнено какой-то еще одной или более чем одной отраслью хозяйства. Таким вторым важным источником существования древних обитателей побережья Нарвы являлось рыболовство.

Само местоположение поселков и присутствие костей рыб в культурном слое не оставляет никакого сомнения в огромном его значении. По всей вероятности, именно оно и являлось хозяйственной основой неолитических племен, будучи дополненным охотой во всем ее многообразии.

Надо думать, что рыба должна была в изобилии водиться в мелкой и тихой заводи. Среди найденных костей рыбы встречаются сиговые, судак, щука. Как бы при этом мы не делали скидку на определенную долю случайности в подборе костей, все же напрашивается заключение, что ловля рыбы производилась в пресном или сильно опресненном бассейне. Ни одной из морских пород не встречено.

Материал, сохранившийся на стоянке, свидетельствует о двух различных способах лова — коллективном и индивидуальном.

Прежде всего можно утверждать, не делая большой ошибки, что обитатели нарвского побережья ловили рыбу с помощью сетей. К сожалению, сами сети не были найдены, но наличие их могут подтвердить находки, сделанные в непосредственной близости от поселков Нарва I—III на берегу того же древнего морского залива, в местечке Сивертс — окраине г. Нарвы, уничтоженной во время войны.¹³ Среди отложений, относящихся к атлантическому периоду, были обнаружены остатки сетей и несколько костяных орудий, по-видимому, потерянных древними рыбаками. Присутствие их в столь ранних памятниках, предшествовавших нашим

¹² См.: А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган, стр. 178—189.

¹³ См.: История Эстонской ССР. Под ред. Г. И. Наана. Таллин, 1952, стр. 6—7; R. Indrek o. Die Mittlere steinzeit in Estland, стр. 90—95.

поселениям, расположенным на берегу того же бассейна, может служить хорошим доказательством наличия сетей у жителей побережья р. Нарвы в неолитическую эпоху.

На поселении Нарва I найдены костяные орудия удлинённой формы, два из которых имеют на конце зарубки, а третий — сквозное отверстие. В меру заостренные и чрезвычайно сильно до блеска заполированные, они, по всей вероятности, являлись иглами для вязания сетей. Зарубки и отверстия на концах служили для прикрепления нити.

В пределах поселков (Нарва I) встречен также набор камней — гладких уплощенных галечек, которые не являются обычными за пределами поселения. Одинаковая величина, уплощенная форма и сильно окатанная поверхность заставляют видеть в них грузила для сетей, при этом иной конструкции, чем те, какие мы привыкли встречать, например, на неолитических стоянках Карелии или Финляндии (просверленные). Способ употребления таких камней в качестве грузил хорошо иллюстрируют находки предметов, потерянных современными рыбаками, на том же берегу реки против древней стоянки. Устройство их чрезвычайно просто и остроумно. Камень оплетается берестой, образуящей ушки, за которые он привязывается к сети.

Несколько иной формы, но близкие по принципу устройства известны грузила из неолитического слоя Шигирского торфяника.¹⁴ Там к кольцу, согнутому из толстого прута, с внутренней стороны прикладывается камень, который затем довольно плотно оплетается берестой так, что камень скрывается в ней полностью. Затем эти грузила с помощью свободной от бересты части кольца прикрепляются к сети.

Встреченное нами на берегу р. Нарвы современное грузило свидетельствует об удивительной стабильности некоторых рыболовных орудий и консервативности их форм.

Безусловно мы не можем перечислить все существовавшие в древности способы ловли рыбы, так как не обладаем достаточным материалом. Однако нет сомнений, что в большом употреблении тогда были всевозможные ловушки, сплетенные из прутьев, о чем свидетельствуют многочисленные сооружения такого типа, найденные в торфяниках. О ча-

стом использовании их мы знаем по этнографическим и по археологическим источникам, относящимся к неолитической эпохе.¹⁵

Помимо ловли рыбы сетями и всевозможными ловушками, обитатели нарвских поселков использовали маленькие, очень тщательно сделанные рыболовные крючки с острой бородкой для ловли мелкой рыбешки и составные крючки для более крупной рыбы. Бородка со стержнем закреплялась в них с помощью нити и, возможно, обмазывалась после этого смолой. Для ловли крупной рыбы могли употребляться костяные гарпуны и наконечники стрел с зубцами, которые, будучи соединенными по два-три, составляли острогу.

Неолитическое население побережья р. Нарвы, находящееся в благоприятных природных условиях, по-видимому, было обеспечено продуктами охоты и рыболовства. Однако следует думать, что и собирательство имело для него немаловажное значение, в особенности в наиболее трудные периоды, когда не хватало пищи. Культурный слой Нарва I изобилует речной раковинной улиткой, залегающей большими скоплениями. Вероятно, улитку употребляли в пищу, особенно в весенне-летнее время, когда ее было много на берегу.

Нет сомнений, что рыболовство и охота являлись основными отраслями хозяйственной деятельности неолитического населения нарвского побережья. Однако нельзя умолчать и об одном возможном предположении — наличии у них начальной формы скотоводства.

Как указывалось выше, изучение нарвской фауны было произведено В. И. Бибиковой, несомненно крупным специалистом в области палеозоологии. Приведенная таблица сделанных ею определений (табл. 5) свидетельствует, что на поселении Нарва I найдено 827 костей быка (*Bos taurus* и *Bos primigenius*) от 17 особей, в Нарве II —

¹⁴ См.: П. А. Дмитриев. Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе. ИГАИМК, вып. 106, 1934.

¹⁵ См.: Siralius. Über die sperrfischerei bei den finnischugrischen Volkern. Helsingfors, 1906; А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган; В. В. Федоров. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. СА, III, 1937; S. Pälvi. Ein Steinzeitlicher Maorfund. SMVA, XXXIII; Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды). МАЕСВ, вып. 1, Сыктывкар, 1962; Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарматском торфянике (Латвийская ССР). Сб. «Древние поселения и городища на территории Эстонии». Таллин, 1955, стр. 138—152.

73 кости от 4 особей и в Нарве III — 155 костей от 6 особей. При этом в таблице в примечаниях к Нарве I В. И. Бибикова пишет: «Преобладает домашний бык, есть тур», к Нарве II — «3 особи домашнего быка, 1 особь тура» и к Нарве III — «Есть домашний бык и тур». В процессе изучения ею были выделены также 3 кости лошади и овцы, найденные в верхнем горизонте поселения Нарва I и Нарва III, относящиеся к более позднему времени.

Примечательно, что во всех памятниках представлены кости домашнего быка. Было бы, конечно, совершенно несерьезно объяснять их присутствие так, как это сделал Л. Ю. Янитс в своей работе, предположив, что в результате сборов костных остатков, произведенных якобы не по соответствующим горизонтам, эти кости быка «относятся ко времени существования более поздней керамики или связаны с сельским поселением нового времени».¹⁶

Дело обстоит гораздо сложнее. Помимо костей домашнего быка, в коллекции Нарва I имеется большое число косо опиленных эпифизов этого животного.¹⁷ К. Л. Паувер, также изучавший позже фауну нарвских поселений,¹⁸ не соглашается с определением В. И. Бибиковой и считает часть костей посеваемыми. Трудность решения этого принципиально важного для нас вопроса заключается, как говорят палеозоологи, в неотчетливой выраженности диагностических различий тура, лося и коровы на первой ступени ее одомашнивания.

Естественно, не беря на себя смелость решения столь сложного вопроса, не будучи специалистом в этой области, нельзя, однако, удержаться от некоторых замечаний.

В настоящее время принято считать и, вероятно, вполне обоснованно, что скотоводство на территории Эстонии возникло в связи с приходом сюда южных скотоводческих племен-носителей шнуговой керамики.¹⁹ Не

¹⁶ Л. Я. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, стр. 93, прим. 2.

¹⁷ См. статью Н. М. Ермоловой «О костных обломках из костерезной мастерской неолитической стоянки Нарва I» в приложении к данной книге, стр. 199—205.

¹⁸ К сожалению, он не ознакомился с археологической коллекцией из поселений, в которой содержится, в частности, свыше сотни только одних опиленных эпифизов.

¹⁹ См.: Х. А. Моора. Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. КСИИМК,

оспаривая данного утверждения, следует высказать и возможное предположение о том, что приплытые скотоводческие племена застали здесь известным образом подготовленную почву. Однако формы этого скотоводства были различными. Если южные степные или лесостепные племена шнуговой керамики привели с собой мелкий рогатый скот — овцу и козу, приручение которых было осуществлено в свободных от леса пространствах, то на территории наших поселков, покрытых, как мы видели густыми смешанными лесами, могла существовать первичная фаза одомашнивания крупных животных (тура), для которых эти леса являлись более благоприятной средой. Естественно предположить при этом, что близость домашней коровы к диким турам в этом случае была максимальной, поскольку в своем развитии скотоводство ушло еще так недалеко по сравнению с более поздним временем, когда у одомашненных животных появились специфические признаки, сильно отличающие их от диких сородичей. Близость эта, вероятно, объяснялась еще и тем, что нередко корова крылась диким туром. Нельзя при этом не видеть объективного факта, что кости тура в наших памятниках использованы очень широко для изготовления из них орудий в отличие от большинства одновременных памятников, известных в настоящее время на территории Эстонии и Латвии, где в основном для этих целей применялись кости лося.

Итак, даже если в настоящее время палеозоологи и не придут к единодушному мнению в решении этого вопроса, археологам необходимо иметь его в поле зрения с целью накопления новых фактов.

Что же касается земледелия, то наши поселения не содержат никаких данных, если не считать наличия большого числа мотыгообразных роговых орудий, крупные экземпляры которых с успехом могли применяться для рыхления земли, в особенности если учесть мягкость песчаного грунта в пределах поселка. Теоретическая возможность этого имелась, учитывая относительную мягкость в то время климата, обилие лиственных деревьев, создающих плодородный перегной, и отсутствие большой каменистости почвы. И все же занятие нарвских жителей земле-

Х, 1941; Л. Я. Янитс. 1) Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги; 2) Поздне-неолитические могильники Эстонии. КСИИМК, XLII, 1952, стр. 53—65.

Таблица 5

Фауна неолитических поселений в окрестностях г. Нарвы по раскопкам Н. Н. Гурьной (1952—1953)
Определение В. И. Бибиковой

Название вида	Нарва I			Нарва II			Нарва III		
	Кол-во		Примечание	Кол-во		Примечание	Кол-во		Примечание
	костей	особей		костей	особей		костей	особей	
Собака домашняя (Canis familiaris)	536	34	Из них 2 молодые особи.	16	3	—	32	3	1
Еж (Erinaceus europaeus)	—	—	—	—	—	—	1	1	—
Куница лесная (Martes martes)	76	14	—	—	—	—	4	1	—
Хорек (Putorius sp.)	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Норка (Lutreola lutreola)	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Барсук (Meles meles)	1	1	—	—	—	—	2	1	—
Выдра (Lutra lutra)	11	2	—	—	—	—	1	1	—
Медведь (Ursus arctos)	89	8	—	2	1	—	13	2	—
Лисица (Vulpes vulpes)	20	4	—	—	—	—	—	—	—
Рысь (Lynx lynx)	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Тюлень (Phoca sp.)	635	27	Много молодых особей. Преобладают гренландские тюлени, есть нерпа и, по-видимому, обыкновенный тюлень.	23	3	—	178	9	Много молодых особей. Преобладают гренландские тюлени.
Киты (Cetacea)	3	2	Не крупные.	—	—	—	1	1	Не крупные.
Кабан (Sus scrofa ferus)	1260	30	10 молодых особей.	52	3	—	83	3	1 молодая особь.
Косуля (Capreolus capreolus)	20	4	1 молодая особь.	—	—	—	6	2	—
Олень благородный (Cervus elaphus)	10	2	—	—	—	—	—	—	—
Лось (Alces alces)	1643	26	3 молодые особи.	4	1	—	226	7	1 молодая особь.
Быки (Bos sp.)	827	17	3 молодые особи. Преобладает домашний бык; есть тур.	73	4	3 особи домашнего быка, 1 особь тура.	155	6	Есть домашний бык и тур.
Заяц (Lepus sp.)	7	2	1 молодая особь.	—	—	—	—	—	—
Бобр (Castor fiber)	200	12	—	4	1	—	24	3	—
Водяная крыса (Arvicola amphibius)	21	6	По-видимому, с культурным слоем не связаны.	—	—	—	—	—	—
Птицы (Aves)	147	23	Утки, гагары, хищные.	—	—	—	2303	304	Масса уток, есть гагары, лебедь, хищные.
Рыбы (Pisces)	250	25	Щуки, судак, сиговые.	1	1	—	10	4	Щуки, сом.
Человек (Homo sapiens)	165	5	—	—	—	—	49	2	—
Недиагностированных	4589	—	—	169	—	—	613	—	—
Не определено	8	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 5 (продолжение)

Название вида	Нарва I			Нарва II			Нарва III		
	Кол-во		Примечание	Кол-во		Примечание	Кол-во		Примечание
	костей	особей		костей	особей		костей	особей	
Мелкий рогатый скот (Ovis et Capra)	45	4	Кости светлые, по-видимому из более поздних культур.	17	4	—	4	3	По-видимому, из более поздних культур.
Лошадь (Equus caballus)	3	1		—	—	—	—	—	
Итого	10569			361			3705		

делим даже в самой простейшей его форме не выходит пока из сферы предположений, поскольку в пределах культурного слоя не было найдено зерен культурных злаков или их пыльцы, а также отчетливо выраженных сельскохозяйственных или связанных с этим орудий.

Как мы могли видеть, на поселениях Нарва II и III сохранились очаги и хозяйственные ямы, а на поселении Нарва I, помимо того, остатки двух жилищ. Вероятно, и на первых двух поселениях были землянки, учитывая большое сходство вещественного материала их с материалом Нарва I. Однако в связи с сильным разрушением площадок они были уничтожены.

Судя по распространению культурного слоя, поселения были вытянуты вдоль берега моря, при этом Нарва II занимала северо-западный край гряды.

Берег у поселка Нарва II был невысоким, по-видимому, с хорошим песчаным пляжем (здесь песчаная гряда очень полого спускалась к морю). По существу это была стрелка, поскольку море здесь огибало узкий мыс.

В стороне поселка Нарва III (там, где теперь протекает рч. Черная) была юго-восточная оконечность гряды, довольно круто обрывающейся в сторону моря. Поселок Нарва I занимал срединное положение, располагаясь сравнительно узкой полосой не вдоль, а поперек гряды. По приблизительным подсчетам²⁰ общая площадь поселения

Нарва II составляла 400 м², Нарва III — 500 м² и Нарва I — более 700 м².

По-видимому, центральной частью поселения Нарва II являлась северо-западная, судя по сосредоточенности здесь различных хозяйственных сооружений. Крупные ямы служили хозяйственными кладовыми, маленькие ямки являлись, возможно, следами от каких-то столбов, врытых в песок. Хотя в их расположении не прослеживается четкого порядка, однако размещение четырех из них в непосредственной близости от кладовой № 2 служит некоторым основанием для предположения, что они указывают места, где стояли столбы заслона, огораживающего яму № 2 от ветра, дующего с холодной северной стороны (с моря).

Несомненный интерес представляет очаг, по-видимому являвшийся печью, сложенной из камней, несколько углубленный своим основанием в материковый песок. Чело этой печи было обращено в южную, т. е. подветренную сторону (к горе). В результате частого выгребания углей из печи (вероятно, после или во время приготовления пищи) со стороны ее чела образовался очень отчетливо выраженный зольно-углистый выступ. Существенно напомнить, что такой же конструкции очаг²¹ был вскрыт и на поселении Усть-Рыбежна I. Очень возможно, что рядом с этим очагом существовало и жилище, уничтоженное поздними постройками.

Что эта часть действительно являлась центральной, указывает большая насыщенность находками квадратов близ воронок

²⁰ При этом учитывается не только площадь раскопа, но и признаки культурного слоя данного поселения, разрушенного позднейшими сооружениями.

²¹ См.: Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР, стр. 236.

Г—Д, расположенных на противоположной стороне фундамента современного дома.

Судя по большой площади распространения культурного слоя, этот поселок был сравнительно большим, но жизнь на нем оказалась не столь продолжительной, как, например, на соседнем поселении Нарва I. Насыщенность культурного слоя находками не очень значительна, в особенности на периферийной части.

Сильное разрушение поселения Нарва III в военное время чрезвычайно затрудняет хотя бы приблизительное восстановление планировки этого древнего поселка. Очевидно лишь, что довольно интенсивно обитавшей была часть его, обращенная к северо-восточному краю гряды, в сторону моря (ныне к рч. Черной), поскольку именно здесь располагался очаг, сложенный из камней, и ямы, две из которых служили, по всей вероятности, кладовыми для хранения запасов пищи.

Очаг, сложенный из камней, нижней частью был вкопан в материковый слой. По своей конструкции он был более простым по сравнению с очагом Нарвы II.

Значительно лучше сохранились бытовые остатки на поселении Нарва I, хотя и здесь произошли немалые разрушения: из двух жилых углублений одно наполовину было уничтожено дзотом.

Два жилища, расположенные в средней части поселка, по всей вероятности, являлись единственными. Как показали шурфы, культурный слой выклинивался в северной части, не распространяясь до ручья. Та же картина прослеживается и вдоль всей юго-западной стороны поселка, где находки встречались сравнительно редко. С южного же конца поселения смыкалось с поселением Нарва III.

Однако интенсивная жизнь, в особенности в летнее время, протекала и за пределами жилищ, о чем рассказывают очаги с мощным углистым слоем, встреченные в юго-восточной части поселка близ жилища № 2 и в северной части его (на кв. Г₁—В₁), около которых (в особенности в северной части) сосредоточивалось чрезвычайно большое количество находок.

Между жилищами №№ 1 и 2 размещалась яма овальных очертаний (1,75 × 1 м), конической формы, в нижней части заполненная ракушняком.

Вследствие особой структуры культурного слоя — мелкозернистого несортированного

песка — до нас с наибольшей отчетливостью дошли лишь нижние части жилищ, врезанные в светло-желтый подстилающий песок, сильно контрастирующий с темным гумусированным культурным слоем. Конструктивные же детали верхней части жилищ затерялись в нем.

С большой достоверностью можно говорить лишь о том, что дно жилища № 1 было плоским, врезанным в материк не более чем на 35—40 см. Наибольший диаметр его равнялся 7 м.

Жилище № 2 овальных очертаний, вытянулось по длинной оси с юго-запада на северо-восток, т. е. вдоль всего поселения. Дно его было достаточно ровным, углубленным в материковый светло-желтый песок до 50 см. По длинной оси размер его равнялся 7 м, по короткой — 6 м. В сторону реки прослеживался очень пологий вход, с южной стороны — небольшая ниша.

В первом жилище очаг в виде интенсивного углистого пятна располагался на небольшой (20 см) высоте от пола, во втором — значительно выше его (до 60 см), при этом сравнительно близко к стенке. Последнее обстоятельство трудно объяснить; оно допускает возможность связи этого очага не с жилищем, а с погребением, так же как и очага в первом жилище. В обоих случаях погребения и очаги залегают почти на одном уровне.

В силу отсутствия каких-либо следов от столбов, говорить о конструкции жилища можно лишь в форме предположений. Однако имеется некоторое количество фактов, могущих служить исходными в последующих теоретических построениях. Одним из них является полуподземный характер жилищ. Хотя они были неглубоко врезаны в материковый слой (50—60 см), однако пол их находился ниже поверхности, по которой ходили люди вне жилища. Об этом отчетливо свидетельствует совершенно чистый желтый песок, лежащий вне контуров темного пятна (рис. 16, Б). (В процессе раскопок стоило только сойти с темного пятна на светлый, как тотчас же на нем отпечатывались темные следы.) Вторым фактом следует считать отсутствие в наших жилищах сруба, впущенного в землю, поскольку жилища имеют не четырехугольную, а овальную форму.

Дальнейшая реконструкция жилищ целиком находится в сфере предположений. Однако и здесь мы должны учитывать все, что может пролить хотя бы некоторый свет

на решение этого вопроса. Мы считаем наиболее правильным за исходное положение взять утверждение этнографа, крупнейшего специалиста по материальной культуре народов Сибири А. А. Попова. В сводной работе, посвященной жилищам сибирских народов, он пишет: «Жилые постройки народов Сибири как по архитектурным формам, так и по конструкциям различны и тесно связаны с климатическими условиями и окружающей географической средой, доставляющей строительные материалы. Географическая среда в условиях примитивной техники оказывала большое влияние на конструкцию и архитектурные формы жилищ, придавая им большое разнообразие. Меньшее влияние, чем это можно было предполагать, оказывала на архитектурные формы жилищ хозяйственная деятельность человека».²²

Напомним, что местоположение наших поселков на узком мысу, далеко врезающемся в водное пространство, при этом с северной стороны являвшемся берегом открытого моря, было несколько необычно. Допускаемая сильную облесенность этого участка во время существования поселков, все же приходится считать, что этот мыс был открыт сильным ветрам, не встречающим никаких преград.²³

Хотя и следует учитывать некоторое различие в характере климата и более высокую среднегодовую температуру, все же приходится считать, что зимы в то время были достаточно холодными. Следовательно, постоянные жилища зимнего типа люди вынуждены были строить так, чтобы они были теплыми и устойчивыми против сильного ветра. Судя по достаточно совершенным каменным и в особенности костяным орудиям, техника изготовления которых была столь разработана и целесообразна, следует думать, что жители нарвского побережья успешно справлялись и с задачами домостроительства. Вероятно, их полуподземное жилище было каркасным, с двускатной или конической крышей (рис. 98).

Возможно, концы слег, которые составляли каркас, не вкапывались в землю, а ста-

вились на дно углубления пола или на борты ямы. Вверху концы слег скреплялись вместе, если это был конический каркас, или попарно (иногда по три), если жилище имело двускатную крышу. Затем, во втором случае на связки клались жерди и уже затем на них накладывалась покрывка. Примером такой конструкции может служить двускатное жилище ороков.²⁴

Каркасные конические жилища имели очень широкое распространение среди северных народов. Они встречались у хантов,²⁵ селькушов,²⁶ кетов,²⁷ иганасан,²⁸ ненцев,²⁹ алтай-кижи,³⁰ теленгитов,³¹ телеутов,³² тофалар,³³ тувинцев,³⁴ якутов,³⁵ долган,³⁶ эвенков,³⁷ нигидальцев,³⁸ нанайцев,³⁹ ороков.⁴⁰ А. А. Попов пишет: «Несмотря на легкость конструкции, чумы и яранги обладали большой устойчивостью благодаря подпоркам изнутри с подветренной стороны. В ярангах эти подпорки являлись постоянными, в чумах они устанавливались только во время сильных пург. Кроме того, для устойчивости яранги против сильных ветров, господствующих главным образом на морском побережье, коническая крыша с подветренной стороны делалась более пологой, благодаря чему вершина ее получалась сдвинутой в сторону от центра, причем тем сильнее, чем севернее было местонахождение яранги. В жилищах оленных коряков и чукчей, а также эвенков, кочующих в лесотундре и в лесной полосе, вершина крыш была расположена ближе к центру, поскольку ветры там не имеют такой силы, как в тундре».⁴¹

Возможно, что жилища нарвских обитателей тоже имели коническую форму со смещенной вершиной в целях большей устойчивости против ветра.

²⁴ См.: А. А. Попов. Жилище, стр. 200, табл. 3, 6.

²⁵ Там же, табл. 1, 5; 3, 1, 2.

²⁶ Там же, табл. 6, 1.

²⁷ Там же, табл. 7, 3.

²⁸ Там же, табл. 8, 1.

²⁹ Там же, табл. 8, 2, 3.

³⁰ Там же, табл. 10, 3.

³¹ Там же, табл. 12, 1, 2.

³² Там же, табл. 13, 1.

³³ Там же, табл. 18, 1.

³⁴ Там же, табл. 18, 3; 19, 1.

³⁵ Там же, табл. 21, 2, 3.

³⁶ Там же, табл. 23, 1, 2.

³⁷ Там же, табл. 24, 2—6; 25, 1.

³⁸ Там же, табл. 26, 1.

³⁹ Там же, табл. 28, 1.

⁴⁰ Там же, табл. 33, 1—3.

⁴¹ Там же, стр. 131.

²² А. А. Попов. Жилище. Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, стр. 131.

²³ Уместно заметить, что нам приходилось наблюдать действие ветра в процессе раскопок. В сильно ветреные дни работа могла производиться только в защитных очках, а в отдельных случаях и вовсе прекращалась.

Как мы могли видеть, у них был узкий выход, также слегка углубленный в землю в форме очень короткого коридора, вероятно перекрытого сверху, как это наблюдалось, например, у нивхов. Покрывались жилища, вероятно всего, шкурами и берестой, а возможно и присыпались землей. А. А. Попов пишет: «Так у большинства народов севера

защиты людей мы можем представить себе на основании анализа материала. В этом плане не может не привлечь к себе внимание рассмотренная уже нами «костерезная мастерская».

Как было видно, процесс изготовления костяных орудий из метаподий крупных парнокопытных, прослеженный во всех звеньях,

Рис. 98. Реконструкция жилища на поселении Нарва I. Рисунок А. К. Филиппова.

зимние и летние конические шалаши имели совершенно одинаковую конструкцию, но только зимой покрывались покрывками, сшитыми из меховых шкур оленей; летом — полотнищами из раудуги или полосами, сшитыми из отдельных кусков бересты».⁴²

Нарвские поселения не сохранили прямых указаний на характер общественной организации их жителей. Можно констатировать лишь, что это не были укрепленные поселки, наоборот, они располагались на наиболее легко доступном, открытом со всех сторон мысу. И как мы попытаемся показать далее, население их, по-видимому, мирно уживалось даже с представителями других племен. Все же некоторые детали общественной органи-

не может не поразить своей стандартизацией и удивительной разработанностью технических приемов. При этом приходится учитывать, что речь идет о достаточно оригинальном техническом приеме, а не об изготовлении, например, обычных проколов, рабочий конец которых одинаково приострялся во все эпохи и на всех территориях. Процесс, наблюдаемый нами, значительно сложнее и своеобразнее. Как будет видно из дальнейшего изложения, изготовление орудий именно таким способом прослеживается на определенной относительно узкой территории.

Очень существенно распределение указанных предметов в пределах поселения. В процессе раскопок была зафиксирована ярко выраженная локализация пиленых ко-

⁴² Там же, стр. 132.

стей и рогов, а также кварцитовых пил в контурах жилищ №№ 1 и 2, а также вблизи костра, в непосредственном соседстве с жилищем № 1. Статистический подсчет показал, что здесь найдено свыше 70% всего материала (рис. 79). При этом нельзя забывать, что необычайно большое число распиленных метаподий, косо спиленных эпифизов и одинаково «разделанных» кусков рога, имеющих у нас, однако, еще не отражают действительного их количества. Следует помнить, что до нас сохранилась приблизительно лишь $\frac{1}{3}$ жилища № 1, а остальные $\frac{2}{3}$ были уничтожены дотом: если бы этого не случилось, вероятно, количество такого материала оказалось бы несравненно большим.

Учитывая эти факты, следует признать, что на поселении Нарва I существовала своего рода «костерезная мастерская» по изготовлению крупных стандартных орудий из кости и рога. Приемы распиливания кости и рога и строгая последовательность обработки, отчетливо выявляющаяся в наших материалах, не оставляет сомнений, что все распиленные метаподий и рога произведены руками, если и не одного мастера, то во всяком случае ограниченного круга мастеров. При этом очевидно, что ими являлись мужчины, поскольку процесс пиления кости требовал применения большой физической силы. По всей вероятности, эта группа людей, занимавшаяся изготовлением таких орудий, обеспечивала ими весь поселок. Нет оснований сомневаться в том, что продукт мастерской был собственностью всего коллектива поселка прежде всего потому, что процесс изготовления орудий являлся лишь одним из этапов, хотя и очень важным, общего процесса их производства, поскольку требовал доброкачественного сырья — свежих костей туров или лосей, убитых на охоте. Очень возможно, что сам мастер в силу каких-то индивидуальных качеств (например, физических) не принимал участия в охоте, а получал лишь готовое костяное и роговое сырье. Возможно, что именно это и позволило ему так хорошо разработать технические приемы изготовления крупных орудий. Не исключена возможность, что часть орудий выходила из мастерской за пределы поселка в качестве продукта обмена с другими родовыми организациями.

Что касается мелких костяных и, вероятно, каменных орудий, например проколов

или тесел из всевозможных кусков трубчатой кости, с небольшой пришлифовкой на одном из концов, не требующих особо сложной обработки, то их изготовление было доступно любому из членов рода. Таким образом, поселение Нарва I зафиксировало один из очень важных моментов общественной организации — разделение труда между членами рода.

Источники, позволяющие судить о миропонимании людей, населявших нарвское побережье, не очень обширны, однако и они способны пролить некоторый свет на этот вопрос. Несомненный интерес представляют в связи с этим погребения, найденные на поселениях Нарва I и III, предметы искусства и скопления костей в хранилище.

Как мы могли видеть на поселении Нарва I, в контурах обоих жилищ было зафиксировано погребение взрослого субъекта и ребенка. Помимо того, в пределах второго жилища в двух местах обнаружено скопление человеческих костей. Разрозненные человеческие кости встречались также и вне жилищ, в разных частях поселения.

Как было указано, обряд захоронения в жилищах тождествен (ориентировка головой на север, с небольшим отклонением к западу, вытянутое положение костяков). В обоих случаях справа от погребенных размещались небольшие очажные пятна. Глубина залегания костяка в жилище № 1 равнялась 30 см от верхней границы культурного слоя, глубина очага — 25 см. Глубина залегания детского скелета в жилище № 2 равнялась 40—48 см, глубина очага — 20—25 см от верхней границы культурного слоя.

В обоих случаях костяки и очаги залегали выше пола жилища, в толще культурного слоя, при этом различие в глубине залегания их было не очень значительным (во втором жилище 5 см, в первом — 20—23 см). Погребение в жилище № 1 располагалось в самом крае его.

Для понимания существовавшего тогда погребального ритуала, а следовательно, и скрывающегося за этим характера верований существовавшим является установление связи захороненного с жилищами. Точность самого факта не вызывает сомнений. Погребения находились в контурах землянок. Однако к какому этапу существования жилищ они относятся? Было ли совершено захоронение в то время, когда в жилищах еще

люди жили, или после того, как они уже бросили их? На эти вопросы трудно ответить, поскольку контуров могильных ям проследить не удалось. Очевидна лишь ненарушенность перекрывающего культурный слой светлого песка и верхнего горизонта самого культурного слоя, залегающего над погребениями. Скопление человеческих костей в контурах жилища № 2 следует расценивать как остатки разрушенных погребений. Причем после этого акта прошло значительное время, достаточное для того, чтобы над ними успел образоваться культурный слой. Однако если и можно предполагать специальное захоронение в жилищах — явление, наблюдаемое на других неолитических памятниках, то следует полагать, что все же этот обряд не был единственным на поселении Нарва I, поскольку захоронения производились и в других местах поселка, вне жилищ, о чем свидетельствуют разрозненные человеческие кости, найденные на площади раскопа.

Захоронения в черте поселка — явление, довольно типичное для неолитических памятников лесной полосы европейской части СССР. Они известны, например, на Кубенинской стоянке,⁴³ Караваихе,⁴⁴ Языковской,⁴⁵ Володарях.⁴⁶

Особого интереса заслуживают памятники, расположенные в непосредственной близости от наших поселений на территории Эстонии. За последние годы здесь были, в частности, исследованы Л. Ю. Янитсом два крупных неолитических памятника — Валма и Тамула. «На поселении Валма были найдены остатки трех человеческих захоронений. Кроме того, в некоторых местах культурного слоя попадались человеческие зубы, которые

остались, возможно, от разрушенных захоронений».⁴⁷

В Тамула исследовано 21 захоронение, располагавшиеся в культурном слое или непосредственно под ним (12 на спине в вытянутом положении, 5 в скорченном состоянии и 3 сохранились лишь частично); по мнению исследователя, «покойники несомненно были погребены во время существования поселения».⁴⁸

При вскрытии культурного слоя в раскопе О на поселении Акали обнаружено около десятка фрагментов человеческого черепа.⁴⁹

Важным для нас является указание на то, что в детском погребении на стоянке Валма «вокруг черепа в песке найдены угли; непосредственно у черепа и над ним имелось пятно от золы и углей диаметром 20 см и толщины 10 см. Связь между костяком и кострищем, очевидно, не случайная, а обусловлена способом захоронения».⁵⁰

На стоянке Тамула в процессе раскопок 1955 г. «были найдены три детских захоронения, расположенных на участке, где находился очаг без камней».⁵¹

Укажем также на захоронения по соседству с поселением в Крейчи (Латвия), исследованные Ф. А. Загорским.⁵²

Приведенные примеры указывают на то, что, по-видимому, захоронения на стоянках в сопровождении очагов весьма типичны для неолитических памятников Прибалтики, что имеет существенное значение для понимания комплексов на поселении Нарва I. Основываясь на стратиграфических наблюдениях и общности части нашего материала (в особенности керамики) с материалом поселения Валма, возможно предположить, что очаги в жилищах Нарвы I имели не практический, а ритуальный характер.

Хотя предметов украшений и искусства найдено и небольшое число, все же они дают некоторое представление об эстетических

⁴³ См.: М. Е. Фосс. 1) Погребения на стоянке Кубенино. Сб. статей по археологии СССР. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938; 2) Стоянка Кубенино, СА, V, 1940; 3) Неолитические культуры севера Европейской части СССР, СА, IX, 1947.

⁴⁴ См.: А. Я. Брюсов. 1) Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Тр. ГИМ вып. XII, 1941; 2) Результаты Вологодской археологической экспедиции в Черозерском районе Вологодской области КСИИМК, XXI, 1947.

⁴⁵ См.: О. Н. Бадер. 1) Археологические раскопки у д. Языково, Антропологический журнал, 1936, № 2; 2) Неолитические погребения на верхней Волге, СА, III, 1937.

⁴⁶ См.: И. К. Цветкова. Стоянка Володары по материалам раскопок 1946 г., КСИИМК, XX, 1948.

⁴⁷ См.: Л. Ю. Янитс. Неолитическое поселение Валма. Тр. Прибалтийской экспедиции, т. 1, М., 1959, стр. 38—39.

⁴⁸ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, стр. 102.

⁴⁹ Там же, стр. 35.

⁵⁰ Л. Ю. Янитс. Неолитическое поселение Валма, стр. 39.

⁵¹ Там же; L. Jaanits. Neue Gräberfunde auf dem Spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. Studia neolithica in Honorem Aarne Aurapää. SMVA, LVIII, 1957, стр. 85—88, 95—96, рис. 1.

⁵² F. Zagorskis. Kreicu neolita kapulauks. Archeologija un etnografija, III, Rīga, 1961, стр. 3—18.

стремлениях их создателей и в некоторой степени о мировоззрении неолитических племен нарвского побережья. Встречены костяные пронизки из трубчатых костей птицы, а также различные зубы животных с отверстиями для привязывания, которые, возможно, чередуясь между собой, составляли своеобразное ожерелье. По всей вероятности, клыки и резцы животных имели и культовое значение, будучи амулетами-оберегами или талисманами, способствовавшими успеху охотничьего промысла, как, например, у чукчей, саянских эвенков,⁵³ эскимосов.⁵⁴ Для этих же целей служили, вероятно, и пластинки из резцов бобра, которые могли закрепляться на одежде, как это было у древних оленеостровцев.⁵⁵

Надо полагать, что один из важнейших элементов верований жителей нарвских поселков был культ животных и связанные с этим магические обряды.

В этом плане значительный интерес вызывает находка в Нарве III (раскопки Л. Ю. Янитса) костяной головки животного с хорошо выраженной шеей (конец которой опилен). Сильно поврежденная голова затрудняет точное определение изображенного объекта, однако по форме он живо напоминает головы лосей из Оленеостровского могильника.⁵⁶

Доказательством существования таких верований, связанных с культом животных, служит обнаруженная на поселении Нарва III яма, сплошь заполненная костями утки (свыше 2000, при этом в абсолютном большинстве представленные плечевыми костями). По-видимому, мы должны исключить здесь случайность и видеть преднамеренный отбор именно этих частей птицы. В представлении фетишистов сохранение крыльев должно было способствовать изобилию птицы в соседнем морском заливе. Обычай сберегать кости убитых животных с целью их возрождения широко известен в этнографии.⁵⁷

⁵³ См.: М. В. Степанова. Два эскимосских пояса из собрания МАЭ. Сб. МАЭ, XI, 1949.

⁵⁴ См.: E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology, Annual Report, 18, 1899.

⁵⁵ См.: Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, МИА, № 47, 1956.

⁵⁶ Там же, рис. 129, 130.

⁵⁷ См.: Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 298; А. Ф. Анисимов. Представления эвенков о шинг-

Нельзя не вспомнить в этой связи, что, по-видимому, именно культ утки имел немалое значение в верованиях неолитических племен Прибалтики и Карелии, что нашло свое отражение в изображении этой птицы на глиняных сосудах: Кубенино,⁵⁸ Лаваяки,⁵⁹ Негежма,⁶⁰ Вой-Наволоок,⁶¹ Урал и в особенности на территориально близком поселении Ломми.⁶²

О верованиях, связанных с этой птицей и нашедших отражение в фольклоре Карелии, я имела возможность остановиться в связи с исследованием неолитических памятников Карелии.⁶³

Определенный интерес вызывает костяная стилизованная рыбка, одна сторона которой покрыта параллельными друг другу нарезанными линиями, вторая же — образованной из них сеткой. Нам кажется, что последний орнамент не является случайным; сетка, нанесенная на поверхность рыбы, должна была иметь магическое значение, символизируя успех рыбной ловли.

Назначение данного предмета не совсем ясно. Очевидно лишь, что следы чрезвычайно сильной его залоченности, до блеска, свидетельствуют об очень длительном и интенсивном употреблении. Можно допустить два наиболее вероятных предположения. Первое из них заключается в том, чтобы, судя по форме предмета, вполне логично представить использование его в качестве иглы для вязания сетей. Острый конец этого предмета служил рабочей частью, тогда как к выступившему навязывалась нить. И тогда смысловое значение данного предмета приобретает ясность.

Возможность второго объяснения подсказывают эвенкийские рыбки-приманки, опубли-

кэн'ах и проблема происхождения первобытной религии, МАЭ, XII, 1949, стр. 167.

⁵⁸ См.: В. И. Смирнов. Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино, КСИМК, X, 1941, стр. 137—138.

⁵⁹ См.: S. Pälssi. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa, SMVA, XXVIII, 1920.

⁶⁰ См.: Б. Ф. Земляков. Негежемская неолитическая стоянка. Тр. КИЧПЕ, вып. II, 1932, стр. 47—68.

⁶¹ См.: Н. Н. Гурина. Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. КСИМК, VII, 1940, стр. 28—36.

⁶² См.: Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР, МИА, № 87, 1961, стр. 147, рис. 23, 2.

⁶³ Там же, стр. 149, 150.

ликованные А. П. Окладниковым в связи с его интерпретацией каменных и костяных рыбок серовского этапа в Прибайкалье⁶⁴ (рис. 96, 2—4). Нельзя не видеть чрезвычайно близкого сходства этих изображений не только по форме, но, вероятно, и по смыслу с нашей костяной рыбкой. Отсутствие специального приспособления для подвешивания не исключает предположения о возможном использовании ее в качестве приманки, поскольку предмет мог привязываться за выступ-хвост. Сходство с эвенкийскими рыбками особенно подчеркивается рисунком на теле рыбок, несомненно означаемым сеть.

⁶⁴ См.: А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.—Л., 1950, стр. 255, рис. 80; М. Г. Леви и. Эвенки Северного Прибайкалья. СЭ, № 2, 1936, стр. 76.

Но на каком бы мы ни остановились предположении, очевидно лишь, что наш предмет связан с магическими представлениями древних обитателей Нарвы, о чем свидетельствует изображение сети на теле рыбы.

Об эстетических потребностях и возможностях неолитических обитателей Нарвы свидетельствуют предметы с нарезным орнаментом то в виде коротких чередующихся нарезок по краю, то горизонтальных параллельных линий. Наиболее же отчетливо вкусы и любовь к украшениям проявились в костяных предметах, для которых использованы ребра животных. Узор, нанесенный на них мелкими точками, очень прост и вместе с тем приятен для глаза, как бы кружевной.

Существенно, что обе пластинки из поселений Нарва I и Нарва III совершенно тождественны.

Глава IV

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

В известной мере итогом каждого археологического изучения значительной группы поселений является попытка установить, к какой культурной, а возможно и этнической, общности принадлежит древнее население, оставившее после себя исследуемые памятники. Этот вопрос возникает и перед нами. Однако едва ли есть необходимость говорить о том, сколь сложна эта задача.

В большой мере решение этой проблемы осложнено разнотипностью имеющегося в нашем распоряжении материала и необычностью некоторой его части, в отношении которой не успели еще установиться твердые критерии. Достаточно сказать, что немногим больше десяти лет тому назад понятия «керамика нарвского типа» вовсе не существовало. Впервые эта группа керамики с перечнем характерных для нее признаков была выделена нами в 1955 г. при описании материала Нарва III и I.¹ Несколько позже Л. Ю. Янитс при характеристике такой керамики в Нарве (город) и Акали присвоил ей наименование «керамика нарвского типа», определив ее ранненеолитический возраст.²

Интенсивные полевые работы, развернувшиеся в Эстонии и в особенности в Латвии в самые последние годы,³ дали чрезвычайно важные и обильные материалы, связанные

с этим кругом вопросов. Большое количество вновь полученных фактов заставляет расширить наши представления о сущности поселений с указанным типом керамики и значительно раздвинуть территорию их распространения.

Известные к настоящему времени материалы позволяют сделать некоторые выводы. При этом нельзя не видеть значительных трудностей, обусловленных прежде всего еще не отстоявшимся понятием «керамика нарвского типа», в силу ее оригинальности и разнообразия — типологической неустойчивости. Последнее обстоятельство сильно усложняет возможность включения в эту категорию целого ряда памятников, близких, но не тождественных, что в свою очередь усложняет выделение твердых границ распространения этой культуры.

В целях установления принадлежности нарвских поселений к определенной культурной общности мы должны подвергнуть анализу все имеющиеся в нашем распоряжении факты, при этом прежде всего необходимо ответить на вопрос: имеется ли значительный хронологический разрыв между тремя соседними памятниками Нарва I, II и III, нашедший отражение в различных типах керамики, или последняя обусловлена этнокультурными особенностями.

Несмотря на обилие и разнообразие гребенчато-ямочной керамики, представленной на поселениях Нарва II и Нарва I, удается все же выявить целый ряд общих признаков, с одной стороны, объединяющих ее, с другой — отличающих от классической ямочно-гребенчатой керамики, например, Карелди, ранней керамики Волго-Окского междуречья и районов, лежащих к востоку и северо-во-

¹ См.: Н. Н. Гурьна. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. Сб. «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 167. — При этом было осторожно высказано предположение о возможности сопоставления ее с поздне-неолитической керамикой.

² См.: Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.

³ Работы ведутся под руководством молодых энергичных археологов Ф. А. Загорских и И. А. Лозе.

стоку: современной Архангельской и Вологодской областей, Костромского и Ярославского Поволжья. Там хорошо перемешанное глиняное тесто с очень удачной пропорцией примеси мелкого песка вместе с сильным обжигом придает сосуду удивительную прочность. В нашей керамике, даже наиболее близкой к типичной ямочно-гребенчатой (группа II) с неорганической примесью (подгруппа А), наблюдаются заметные различия в примеси и деталях орнамента. Значительное количество крупных зерен кварца в сочетании, по-видимому, со слабым обжигом делают сосуд непрочным, легко ломающимся и подверженным сильному расслоению. Состав примеси влияет не только на сохранность сосудов, но и на внешний вид — поверхность их неровная, шероховатая, занозистая на ощупь. К этому следует добавить неустойчивость в толщине сосудов (в отдельных случаях стенки их достигают 1,5 см, чаще же приближаются к 1 см) и наличие на некоторых из них расчесов на внешней поверхности. Еще резче выступает это различие при сопоставлении с типичной ямочно-гребенчатой керамикой нашей керамики II группы с неорганической примесью (подгруппы Б). Несходство в составе теста дополняется различием в манере нанесения орнамента. Очень существенным признаком нашей керамики служит преобладание гребенки над ямками, выступающими лишь как дополнительный элемент узора, — явление, явно противоположное тому, которое мы наблюдаем на керамике указанных выше районов.

Несходство прослеживается и в манере нанесения орнамента. В ямочно-гребенчатой керамике отчетливо заметно желание выдержать строгую зональность рисунка, его правильное чередование. Мастер стремится к очень точному соблюдению орнаментальных зон, достигаемому четким и аккуратным нанесением штампа. Ямки там всегда правильно округлы и неизменно нанесены строго в шахматном порядке. Заметно много изобретательности, чтобы создать нарядный узор, используя столь ограниченные средства.

В орнаментации наших сосудов это стремление не выявляется с такой отчетливостью. Узор, получаемый из сочетания гребенки и ямок, очень прост и небрежен. Прослеживается явное неумение четко разделить орнаментальные зоны, оставив между ними хотя бы небольшое свободное пространство.

Особенно это бросается в глаза при просмотре краев, всегда так тщательно орнаментированных в ямочно-гребенчатой керамике. У нас же почти всегда узор из ямок перебивается узором из гребенки, нарезок, заполняя краем на него, или ряды гребенки перебивают другой ряд гребенчатых отпечатков. Часто ямки, оформляющие венчик сосуда, нанесены чрезвычайно близко к его березку, не оставляя свободного поля, в результате чего создается впечатление, что рисунок как бы обрезан.

Нередко ширина орнаментальных полос неодинакова, а сами они не отделены свободным пространством. Не прослеживается четкого шахматного порядка в нанесении ямок. Бывают случаи, когда, например, более сложный геометрический узор так вмонтирован в основной рисунок, что не украшает его, а лишь усложняет, создавая излишнюю пестроту.

На некоторых сосудах прослеживается техника налепа, столь характерная для керамики нарвского типа и совершенно не свойственная типичной ямочно-гребенчатой керамике. Примером этого технического приема может служить черепок (3892), верхняя часть которого в месте слома легко может быть принята за край сосуда. При этом существенно, что ниже лента указывает на применение техники подлепа. Второй случай налепа прослежен на сосуде 2181, имеющем в качестве примеси к плохому промешанной глине очень крупные зерна кварца, отчего сосуд легко расслаивается. Существенно, что это сочетается с заметными расчесами на внешней поверхности, тогда как орнамент типичен для прибалтийской керамики — флажки или короткие диагональные линии, выполненные параллельными отпечатками гребенки.

Встречаются единичные сосуды, в глиняное тесто которых введено такое большое количество примеси, что они легко расслаиваются на мелкие части.

Следует отметить и своеобразное оформление края (довольно часто встречающееся) путем периодического нажима пальцем, в силу чего он становится гофрированным. Наконец, к числу мелких, но характерных черт, отличающих основную часть этой керамики от основной массы керамики ямочно-гребенчатой, является частичный перенос рисунка на внутреннюю сторону венчика, а также изредка встречаемые сквоз-

ные отверстия на сосудах, произведенные на сильно подсушенной или обожженной уже глине.

Все эти черты, как было указано, с особой отчетливостью проявляются на сосудах, имеющих органическую примесь (в отдельных случаях раковину), но орнаментированных гребенчато-ямочным узором. Если, например, расчесы поверхности или техника налепа в сосудах с примесью кварца встречается в виде редкого исключения, то на сосудах II группы с органической примесью это явление обычное (в первую очередь расчесы).

Отмеченные особенности свидетельствуют о заметном своеобразии гребенчато-ямочной керамики нарвских поселений, отличающих ее от классической ямочно-гребенчатой керамики. Несмотря на наличие ряда существенных черт — формы сосуда, размера и глубокого рельефного узора, керамика II группы нарвских стоянок отражает наслоение новых чуждых черт, как бы перешедших на нее с керамики нарвского типа. Следует при этом подчеркнуть весьма существенный момент, имеющий важное значение для общих выводов. Во всех случаях керамика впитала в себя только технические приемы изготовления сосудов нарвского типа, но полностью сохранила основы орнаментации ямочно-гребенчатых сосудов.

Анализ I группы керамики — нарвского типа — должен быть произведен не только на основании трех наших поселений, но и с привлечением аналогичных материалов соседних территорий и прежде всего Эстонии и Латвии. Это тем более необходимо, что в настоящее время, помимо значительного интереса, возникшего к керамике нарвского типа, существует немало недоумений и недостаточно правильной ее интерпретации.

Сложность типологического выделения нарвской керамики как наиболее ранней из прочего материала обуславливается в основном двумя обстоятельствами: 1) крайней неустойчивостью и различием ее и 2) удивительным сходством с поздненеолитической и керамикой раннего металла.

В силу многогранности и заметного разнообразия керамики нарвского типа возникает необходимость выделения нескольких вариантов. Теперь уже совершенно очевидно, что нарвская керамика — понятие

широкое, включающее в себя весьма различные черты, прослеживаемые, однако, в достаточно широкой области. Чем дальше отстоят отдельные районы один от другого, тем сильнее выступают варианты нарвской керамики.

Таблица 6

Устойчивые признаки различных типов керамики

Признаки	Нарвская	Ямочно-гребенчатая	Гребенчато-ямочная
Примесь раковины или других органических веществ	+	—	+
Расчесы внешней и внутренней поверхностей	+	—	+
Техника налепа	+	—	+
Орнамент на внутренней стороне	+	—	+
Тонкий край (округлый, скошенный или слабо утолщенный)	+	—	+
Оттянутое или сплошь заполненное днище, неправильно-округлое	+	—	—
Сосуды-лодочки	+	—	—
Поверхностный орнамент из гребенки, ямчатых вдавлений, коротких нарезок	+	—	—
Неразработанность орнамента, отсутствие частой повторяемости узора	+	—	—
Черный и темно-серый цвет сосудов	+	—	—
Орнамент шагающей гребенки	+	—	—
Строгая разработанность орнамента	—	+	+
Строгая зональность узора и шахматное расположение	—	+	+
Утолщенный край во внешнюю или внутреннюю сторону	—	+	+
Ковчическое слегка утолщенное днище	—	+	+
Глубокий рельефный орнамент с применением глубоких ямок	—	+	+
Толстостенность (9—10 мм)	—	+	+
Флажковый орнамент	—	+	+
Примесь песка	—	+	—

Вместе с тем имеется достаточное количество устойчивых признаков, позволяющих выделять ее в особую группу, заметно отличающуюся от ранее известных больших керамических групп. Основные общие черты и признаки, выделяющие ее из ямочно-гребенчатой керамики следующие (см. табл. 6).

1. Органическая примесь в глиняное тесто (преимущественно раковины), заметная на поверхности и в изломе черепка или оставившая после себя пустоты округло-подчетырехугольных очертаний.

2. Своеобразная техника изготовления сосудов налепом — наращиванием узких лент, отчетливо проявляющаяся в Нарве I, III и соседних с ними памятниках.

3. Острая форма дна, иногда резко оттянутая, нередко с округлыми, концентрическими штрихами (полученными от поворачивания сосуда при формовке, вероятно в песке) или округло-коническая, образующая в разрезе значительно более широкий угол (около 100°). При этом наиболее характерной чертой является сплошное заполнение глиной всей углубленной части дна. Третий вариант дна — неправильно-округлое, слегка утолщенное по сравнению с толщиной стенок.

4. Прямой край сосудов: а) срез края чаще всего плавно округлый, никогда не утолщенный; б) венчик несколько тоньше стенок, как бы пристроен и слегка скошен внутрь; в) также прямой, тонкий край, но не округлый, а едва заметно отогнутый наружу у самого среза.

5. По преимуществу серый цвет черепков, иногда же темный, почти черный. Нередко на сосудах темного цвета присутствуют сильные следы нагара с внешней стороны (Приладожские стоянки, Сарнае): сила обжига различна, для ряда сосудов очень значительная (темные сосуды с гладкой поверхностью из Нарвы III, Нарвы I и Приладожских стоянок), в иных случаях средняя.

6. Обработка внешней и внутренней поверхности расчесами, произведенными, по всей вероятности, по мокрой или слегка подсушенной глине широким гребенчатым штампом, иногда образующим значительные группы штрихов, расположенных в перпендикулярном друг к другу направлении. Эта черта является очень характерной для абсолютного большинства керамики нарвского типа. Однако в пределах одного поселения рядом с массой таких сосудов встречаются и другие, внешняя поверхность которых очень гладкая, как бы залощенная путем заглаживания предметом шириной 6—8 см, оставившем после себя слегка выпуклые рубчики, опоясывающие сосуд с внутренней стороны.

7. Наличие отверстий, просверленных по сухой глине сплошным сверлом, с сохранившимися концентрическими кругами, во всех случаях нанесенными с внешней стороны.

Эта, казалось бы незначительная, деталь является тем не менее весьма устойчивым признаком, который прослеживается на керамике нарвского типа, если не всех, то на абсолютном большинстве памятников. Назначение этих отверстий, по-видимому, было чисто утилитарным — для починки сосудов.

8. Значительное число неорнаментированной керамики.

9. Бедность орнаментации. Встречающиеся элементы орнамента можно свести к следующим типам: а) поверхностные отпечатки гребенчатого штампа, сравнительно крупного или мелкого; б) мелкие полукруглые вдавления; в) мелкие маленькие округлые ямочки; г) мелкие маленькие подчетырехугольные ямочки; д) короткие, неглубокие нарезки.

Композиции, слагающиеся из этих элементов, чрезвычайно просты: а) горизонтальный пояс, расположенный у самого края сосуда, составленный из вертикально поставленных коротких и сравнительно тонких отпечатков гребенчатого штампа; б) горизонтальные пояса (один или два) из отпечатков гребенки, поставленных не строго вертикально, а под небольшим углом друг к другу. В некоторых (единичных) случаях путем покачивания ее создан слабо заметный или отчетливый узор шагающей гребенки (Нарва I, Нарва III, Нарва (город), Акали); в) горизонтальные пояса из двойной или тройной линии мелких круглых или четырехугольных ямочных вдавлений или одного ряда тонких полукруглых нарезок. Такая орнаментация является характерной для чистого комплекса керамики нарвского типа в ее наиболее восточном варианте.

10. Наличие маленьких, очень характерной овальной формы сосудов-лодочек со слегка уплощенным и в некоторых случаях богато орнаментированным дном.⁴

Оценивая орнаментацию керамики нарвского типа в целом, следует сделать вывод, что отличительной особенностью ее является не только поверхностный характер узора, но и удивительная его неразработанность, отсутствие строго установленной нормы, свойственной ямочно-гребенчатой керамике, в которой рисунки на нескольких сосудах нередко столь сходны, что едва отличимы лишь в деталях. В орнаментации сосудов

⁴ В Нарве III имеется несколько фрагментов, по-видимому от таких сосудов.

нарвского типа отсутствует строгая сменяемость узора. Орнамент не покрывает всей внешней поверхности сосуда от края до дна. В основном он сосредоточен лишь сверху и значительно реже нанесен на срединную и нижнюю или среднюю часть сосуда. Отсутствуют элементы орнамента, наиболее типичные для ямочно-ребенчатой керамики, — глубокие ямки, нет отчетливо повторяющейся орнаментации дна.

Нетрудно заметить, что керамика нарвского типа обладает целым рядом таких черт, которые мы обычно привыкли связывать с позднеолитической керамикой и эпохой бронзы.⁵ К ним относятся: а) органическая примесь, в частности толченой раковины, б) резкие штрихи от заглаживания внешней и внутренней поверхности, в) сосредоточенные орнаменты в верхней части сосуда, г) сильная разреженность его и значительный процент вовсе неорнаментированных сосудов, д) бедность элементов и композиций узора, отсутствие устойчивых норм и как бы деградация орнамента, выражающаяся в поверхностных отпечатках различного ребенчатого штампа и неправильных очертаниях ямчатых вдавлений.

Все эти черты заставили меня, так же как и некоторых других исследователей, первые появившиеся памятники этого рода отнести к позднему неолиту.⁶

Однако наблюдения над стратиграфией поселения Акали, в котором встречалась керамика нарвского типа и ямочно-ребенчатая, позволили Л. Ю. Янитсу выступить с утверждением о более раннем возрасте нарвской керамики по сравнению с ямочно-ребенчатой. Более веские доказательства в этом плане были получены несколько позже, в процессе раскопок им стоянки Нарва (в черте г. Нарва) и поселения Кяапа.

Сведя данные стоянки Акали, опубликованные Л. Ю. Янитсом, по раскопкам, где встречается керамика нарвского типа, можно прийти к следующему выводу.⁷

⁵ Естественно, что мы имеем здесь в виду лишь территорию лесной и отчасти лесостепной зоны.

⁶ См.: Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии, стр. 153—175; Л. В. Ваякина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Сб. «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 138—152.

⁷ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, стр. 32 (раскоп Н), 34 (раскоп Р), 36 (раскоп О), 39—44

В нижней части раскопа на одинаковой глубине залегает нарвская и ямочно-ребенчатая керамика. Не меняет положение и то обстоятельство, что единичные фрагменты ямочно-ребенчатой керамики иногда залегают выше единичных фрагментов нарвской и наоборот.

Вместе с тем устойчиво прослеживается расположение ямочно-ребенчатой керамики с органической примесью, выделенной Л. Ю. Янитсом в поздний тип, в более высоких горизонтах культурного слоя.

На нарвской стоянке в 1954 и 1957 гг. наблюдалась несколько иная картина — керамика нарвского типа залегала здесь над мезолитическим слоем и была перекрыта ямочно-ребенчатой керамикой с примесью дров.⁸

Существенна в этом плане стоянка Кяапа, исследованная Л. Ю. Янитсом в последние годы. Там, так же как и в Нарве I—III, удается проследить лишь планиграфию; в одной части раскопа встречается керамика нарвского типа, на более же высоких участках смешанная — нарвская и ямочно-ребенчатая.

То же самое положение наблюдалось и в Нарве III, где на крайнем участке, как мы могли видеть, было встречено небольшое количество ямочно-ребенчатой керамики.

Что касается Нарвы I, то все попытки проследить поглубинное расположение керамики нарвского типа и ребенчато-ямочной не привели к существенным результатам. Это произошло, возможно, потому, что в связи с устройством жилищ-ям и погребенной земля в процессе существования поселения неоднократно перекапывалась, что не могло не оказать заметного влияния на залегание находок, учитывая характер грунта — несортированного песка. Вместе с тем это может объясняться и другой причиной — отсутствием ощутимого хронологического разрыва между всеми тремя типами керамики. Существенно, что попытки поглубинного расчленения нарвской и ямочно-ребенчатой керамики, произведенные Ф. А. Загорским на поселении Пяестыня, также не дали положительных результатов. Оба типа керамики встречались вместе.

(раскоп J), 45 (раскоп L), 46 (раскоп M), 48 (раскоп N), 51—53 (раскоп I), 53 (раскоп K), 55 (раскоп Q).

⁸ Там же, стр. 96.

Для решения вопроса о хронологическом соотношении гребенчато-ямочной керамики нарвского типа значительный интерес имеет поселение Оса, исследованное в последние годы Ф. А. Загорским. В одном из раскопов наблюдалось залегание нарвской керамики с гребенчато-ямочной керамикой над горизонтом, содержащим мезолитические находки. Между обеими горизонтами лежала стерильная прослойка. Второй раскоп дал лишь типичную нарвскую керамику. Сопоставление абсолютной глубины залегания показало, что слой с нарвской и смешанным типом керамики залегал почти на одинаковой глубине (слой со смешанным типом керамики выше лишь на 20 см).

Незначительная площадь раскопов и незавершенность исследования (намеченного на ближайшие годы) заставляет пока воздержаться от окончательных выводов.

Для того чтобы исчерпать все известные к настоящему времени факты стратиграфического характера, способствующие решению вопроса о взаимоотношении нарвской и ямочно-гребенчатой керамики, упомянем поселение Сарнаге,⁹ где эти типы керамики встречались вместе, не перекрывая, однако, друг друга, а локализуясь на определенных участках.

Существенным для определения возраста нарвской керамики и в большой мере взаимоотношения ее во времени с керамикой ямочно-гребенчатой имеют абсолютные даты, полученные с помощью метода C^{14} лабораторией Тарту. Согласно им поселения с нарвской керамикой имеют следующий возраст: Кяпа — 4.350 ± 220 лет от наших дней; Сарнаге 4.900 ± 250 , а стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой датируются: Вилла 3570 ± 240 лет от наших дней; Лейманишки — 3970 ± 250 ; Тамула 3600 ± 180 ; Крейчи 4030 ± 300 лет от наших дней.

Таким образом, помимо стратиграфии, данные точных наук свидетельствуют о более древнем возрасте этих поселений.

Изучение инвентаря, сопутствующего керамике, позволяет, как нам кажется, усмотреть известную связь его с мезолитическими материалами, что имеет существенное значение не только для определения относительного возраста памятников с нарв-

ской керамикой, но и для установления путей возникновения этой культуры.

Характерной особенностью, общей для всех поселений этой группы как на побережье р. Нарвы, так в Эстонии и Латвии вообще является чрезвычайная бедность кремневым инвентарем. Кремневые орудия в полном смысле единичны, они мелкие, не имеют сколько-нибудь устойчивого типа. В абсолютном большинстве случаев кремнь темно-серый, невысокого качества, по всей вероятности местного происхождения. Орудия, изготовленные из него, представлены лишь небольшими, очень невыразительными скребками или предметами типа проколов. Другие орудия и в том числе наконечники стрел почти отсутствуют (в Нарве III имеется всего лишь 1 наконечник). Малому количеству кремневых орудий соответствует и чрезвычайная малочисленность кремневых отщепов, при этом величина их очень незначительна.

Это почти полное отсутствие кремня на стоянках с керамикой нарвского типа особенно заметно при сопоставлении с соседними стоянками, имеющими гребенчато-ямочную керамику, где, помимо обилия орудий и отщепов, бросается в глаза и большое разнообразие используемого кремня.¹⁰

Явный недостаток кремневого сырья у владельцев керамики нарвского типа, обусловленный, по всей вероятности, слабо развитым обменом с соседними племенами, обитавшими в районах, богатых кремнем, вынуждало население пользоваться другими породами камня, в частности кварцем. Однако и кварцевые орудия, так же как и отщепы его, очень малочисленны, а орудия аморфны. Нередко это просто отщепы с частичной обработкой по одному, реже двум краям. В отдельных случаях встречаются проколки и скребки. Среди последних есть небольшие с вогнутой рабочей частью.

Сравнительно малое количество кремневых орудий, низкое качество кремня и наличие кварцевых орудий — все это сближает стоянки с керамикой нарвского типа со стоянкой Кунда.

О близости рассматриваемых поселений с мезолитическими свидетельствует почти полное отсутствие в них сланцевых шлифо-

⁹ Работы производились под руководством Л. В. Ванкиной.

¹⁰ В этой связи напомним стоянки Нарва III — 2 кремневых орудия и 4 отщепы, и Нарва II — 142 орудия и 853 отщепы, нуклеуса и ножевидных пластинок.

ванных орудий, обусловленное, по всей вероятности, также ограниченностью подходящего для этих целей сырья.

Последнее обстоятельство, по-видимому, явилось причиной того, что в эпоху мезолита и неолита на территории Прибалтики (Эстонии и Латвии) так пышно расцвела техника изготовления костяных орудий. В плане доказательств связи стоянок с керамикой нарвского типа и мезолитических служит весьма оригинальный и вместе с тем устойчивый тип орудий под углом в 45°. Они в изобилии встречаются в нижнем слое Нарвы (город), Пярну, Кунда и других мезолитических местонахождениях, а также на всех стоянках с нарвской керамикой (Нарва I, Нарва II, Нарва, Кяапа, Оса, Пiestиня); их сопровождают косо опиленные эпифизы (рис. 99—102). Различие заключается лишь в том, что в мезолите они обрезаны, в неолите — опилены. Это именно те опиленные эпифизы и орудия из метаподий, которые представлены в мастерской Нарвы I и в единичном количестве найдены в Нарве III и II. Черты сходства стоянок с керамикой нарвского типа и мезолитических, в частности Кунда, прослеживаются и в аналогичном использовании фаланг крупных парнокопытных, хотя по-видимому, и не с техническими целями. Мы имеем в виду целые наборы их, найденные в Нарве I с пробитыми отверстиями в средней части для извлечения мозга. Точно такие же фаланги, при этом в очень значительном числе, найдены в Кунда и некоторых других мезолитических стоянках Прибалтики.

Выявляется известная общность между мезолитическими стоянками и стоянками с керамикой нарвского типа, проявляющаяся в ряде костяных и роговых орудий, в частности в долотах, изготовленных из расколотых вдоль крупных трубчатых костей, а также в многочисленных мотыгообразных роговых орудиях.

Наблюдается и общность орнаментальных мотивов на костяных предметах стоянок с керамикой нарвского типа и мезолитических.

Все указанные выше черты свидетельствуют в пользу генетической связи культуры поселений с керамикой нарвского типа с предшествующими мезолитическими памятниками, что в свою очередь может служить основанием для отнесения стоянок с керамикой нарвского типа к ранне-неолитическим.

Решение вопроса о возрасте поселений с керамикой нарвского типа в ряду неолитических памятников этой территории имеет прямое отношение к установлению хронологической последовательности трех наших поселений и попытке решения связанных с этим некоторых этнических вопросов.

Как было уже указано, несмотря на столь выраженную территориальную близость культурный слой памятников весьма отчетливо локализован. Между Нарвой II и Нарвой I он полностью отсутствует, между Нарвой I и Нарвой III заметно прерывается.

Рассмотрение взаимоотношений всех трех памятников во времени наиболее правильно будет начать с указаний об отсутствии значительных изменений в природной среде. Сопоставление состава фауны, встреченной на поселениях Нарва I—III, приводит к выводу, что между ними нет больших различий.

Совершенно очевидно, что во время существования всех трех поселений море подходило вплотную к косе со всех сторон так, что наиболее низкий участок ее — площадка, занятая поселением Нарва II, являлась берегом, о чем с бесспорностью свидетельствуют найденные здесь фрагменты керамики нарвского типа.

Таким образом, попытка установления относительной хронологии всех трех поселений, исходя из высотных отметок памятников, не имеет серьезных оснований.¹¹ Вероятно только, что в самом конце существования поселков (Нарва I) произошло понижение уровня моря, и морской залив в месте расположения поселений стал более мелководным в связи с начавшейся регрессией Литоринового моря. Анализ состава инвентаря всех трех поселений и фауны свидетельствует, что люди продолжали заниматься охотой, рыболовством и, по-видимому, достаточно интенсивно, морским промыслом.

Заметное различие прослеживается, как мы могли видеть, наиболее отчетливо между поселениями Нарва III и Нарва II в кремневом инвентаре. Совершенно очевидно, что жители поселка Нарва II имели значительно больше кремневых орудий, причем кремнь, используемый для этих целей, был более высокого качества (вместо серого употреблялся цветной кремнь, в том числе и фиолетовый валдайский).

¹¹ В качестве доказательства более раннего возраста Нарва III Л. Ю. Янитс указывал на ее более высокое расположение над уровнем моря.

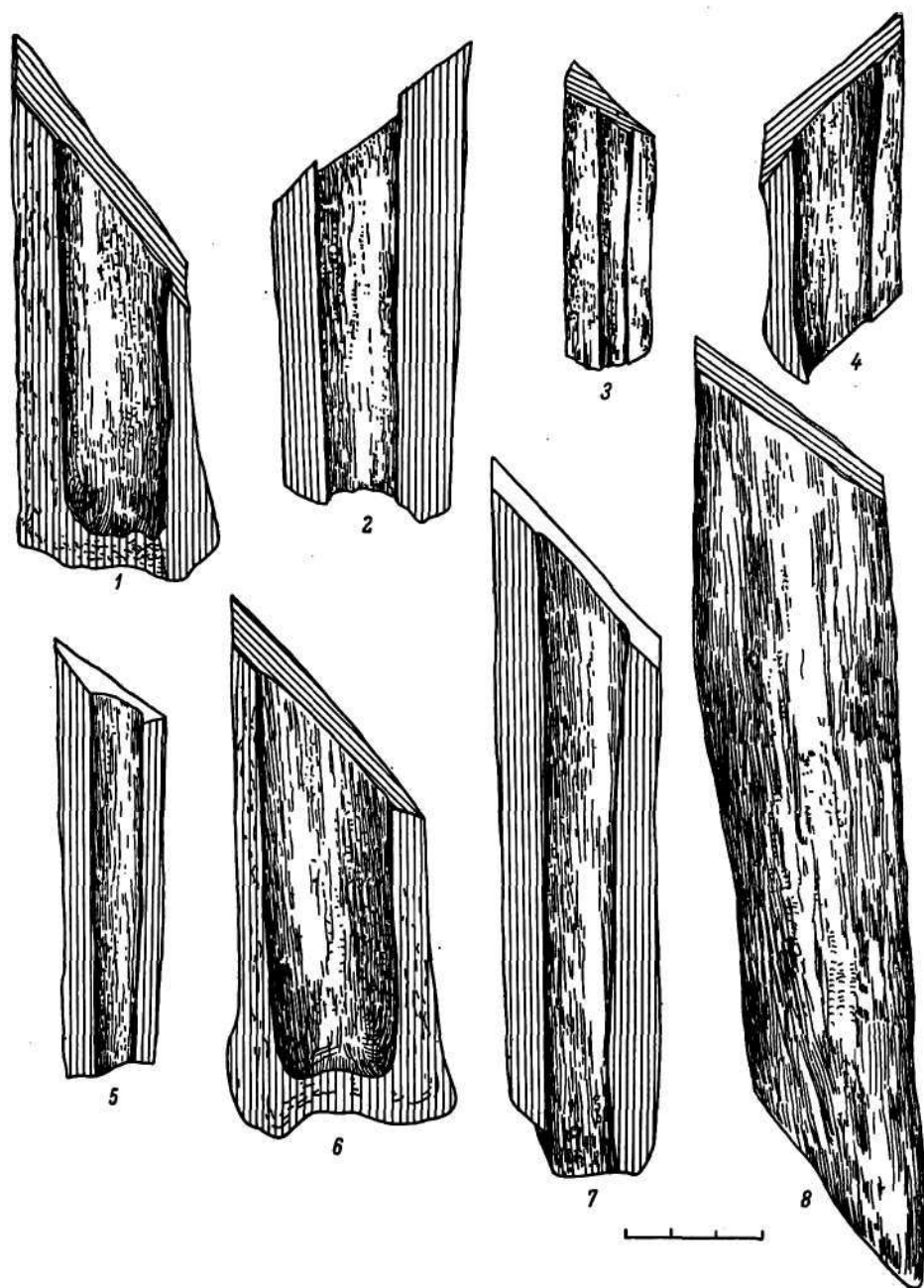

Рис. 99. Костяные орудия из стоянок Оса (1, 5, 6), Кунда (2, 7) и Кяапа (3, 4, 8), аналогичные нарвским.

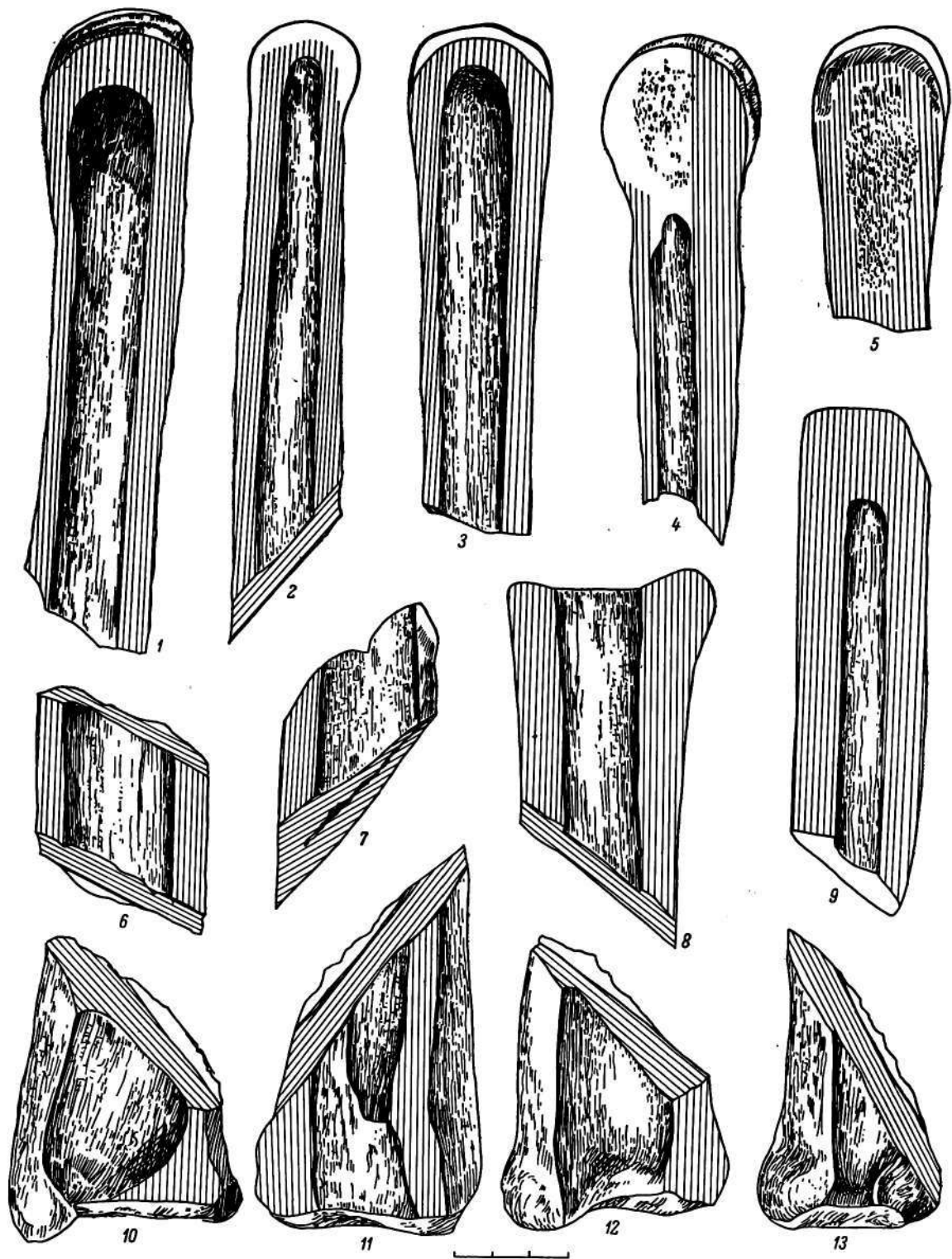

Рис. 100. Костяные орудия со стоянок Кяапа (1-4, 6, 8, 10-13) и Оса (5, 7, 9), аналогичные нарвским.

Что же касается поселения Нарва I, то встреченные там каменные орудия не имеют существенных различий с орудиями поселения Нарва II.

Сопоставление костяных орудий всех трех поселений говорит об их значительном

было бы объяснить лишь в том случае, если бы в культурном слое не встретилось остатков фауны и полностью отсутствовал костяной инвентарь. По-видимому, говоря о частичном исчезновении костяных орудий в Нарве II, в особенности мелких, все же

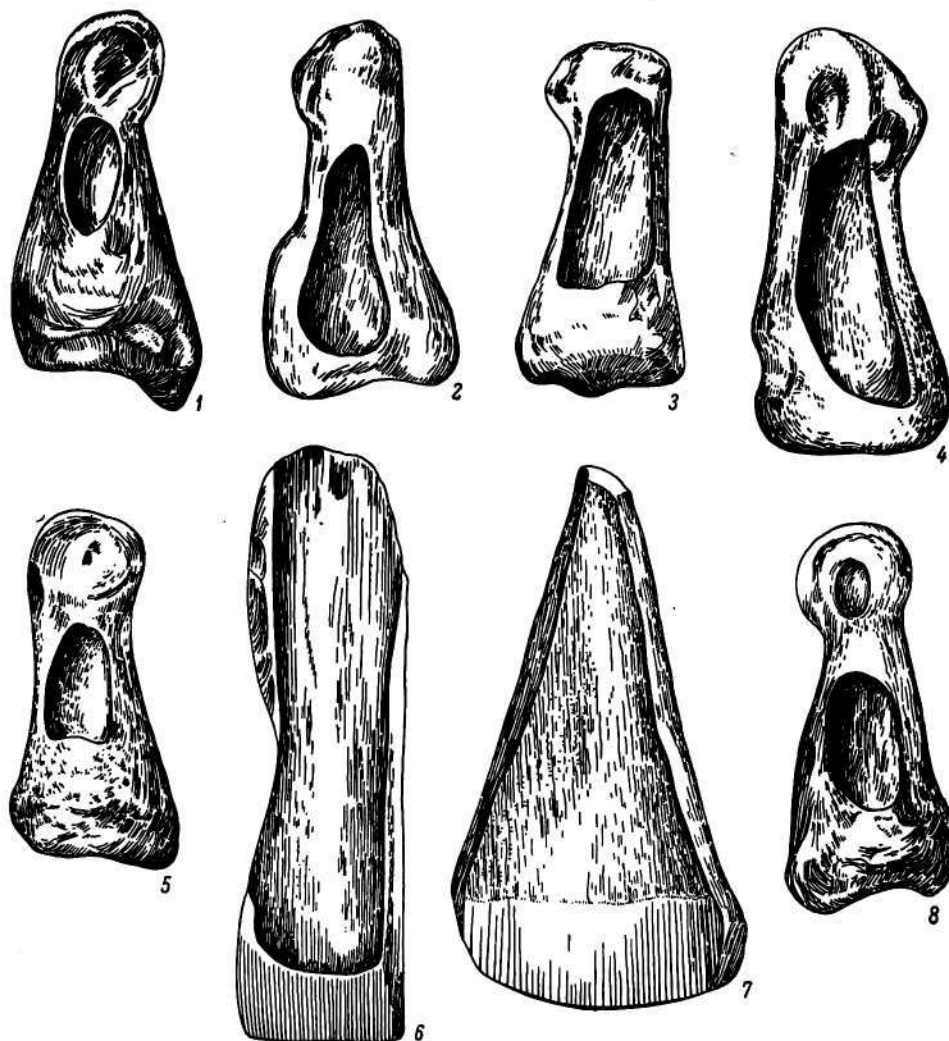

Рис. 101. Фаланги и орудия из стоянок Кунда (1—7) и Кяпа (8).

сходстве. Говоря о различном количестве костяного инвентаря, мы учитываем стратиграфические особенности всех трех памятников (наличие ракушняка на поселении Нарва I и отчасти Нарва III и полное отсутствие его в Нарве II). Однако это не может служить единственной причиной. Исчезновение костяных орудий в Нарве II только из-за неблагоприятной стратиграфии можно

мы должны допустить их действительно малое число.

Вместе с тем весь имеющийся материал трех поселений свидетельствует о такой общности, которая не допускает отнесения этих памятников к различному времени. Помимо сходства в типах орудий — гарпунах, наконечниках стрел, подвесках из зубов животных (между Нарвой I и Нар-

вой III), еще более убедительно в пользу очень близкого возраста памятников свидетельствуют найденные в этих стоянках оригинальные костяные орудия под углом в 45° и роговые мотыги (Нарва I, Нар-

сходство в типах орудий, но, что особенно существенно, на полное тождество весьма оригинальных приемов их обработки.

Последнее обстоятельство не позволяет утверждать о наличии большого хронологи-

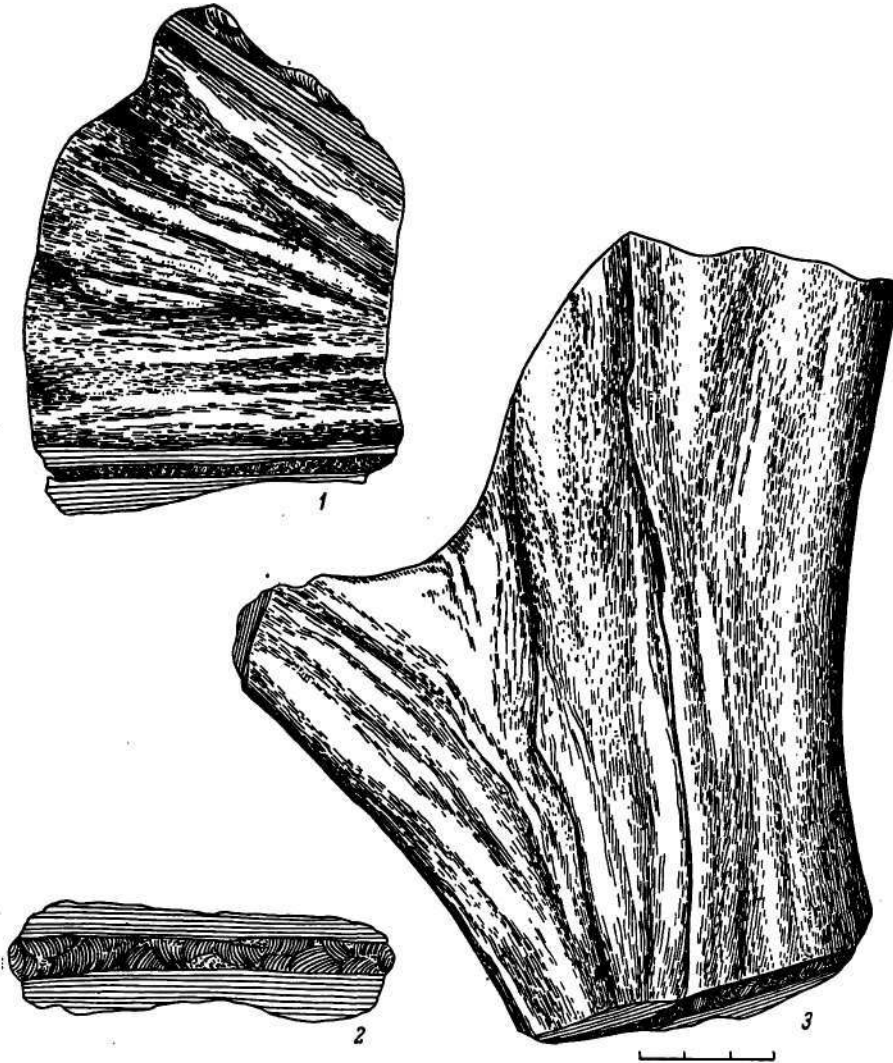

Рис. 102. Распиленный рог из стоянки Кяапа (1—3).

ва III); распиленные вдоль метаподии парнокопытных; косо опиленные эпифизы и двусторонне опиленные блоки; выпиленные ромбические куски метаподий; тесла из трубчатой кости (Нарва I—III), а также совершенно одинаковый орнамент на костяных предметах — ребрах (Нарва I, Нарва III). Все это указывает не только на

чиского разрыва между всеми тремя памятниками. Однако решающее значение в этом вопросе имеет керамика, как известный элемент материальной культуры, наиболее восприимчивый к происходящим изменениям.

Как следовало из описания и сводных таблиц 1 и 2, в нарвских поселениях встре-

чаются три группы керамики:¹² нарвская, гребенчато-ямочная с примесью дресвы и гребенчато-ямочная с органической примесью (гибридная).

Однако в каждом памятнике существенное значение имеет их соотношение. Нетрудно заметить, что на поселении Нарва III численно явно преобладающей группой керамики является нарвская (96.7%), а на поселении Нарва II — гребенчато-ямочная (97%). Что же касается поселения Нарва I, то оно занимает явно промежуточное положение, имея 26.7% нарвской керамики и 73.3% гребенчато-ямочной. Таким образом, поселения Нарва III и Нарва II мы должны принять как относительно чистые комплексы.

Вместе с тем, как можно было видеть, и сама гребенчато-ямочная керамика не является однородной. Среди нее выделяется группа с неорганической примесью (в абсолютном большинстве крупные зерна кварца) и с органической примесью, часто, по-видимому растительной, реже раковины.

Существенно, что оба эти типа сосудов встречаются в поселениях Нарва I и Нарва II.¹³ Определенное значение имеет их процентное соотношение на каждом из названных памятников. Так, в Нарве I керамика с неорганической примесью составляет 54.5% от общего числа всей гребенчато-ямочной керамики, а в Нарве II — 58%. Приведенные цифры свидетельствуют об относительно одинаковом процентном соотношении керамики с неорганической примесью. Однако ради большей точности следует подчеркнуть, что процент гребенчато-ямочной керамики с органической примесью в поселении Нарва I меньше, чем в Нарве II, за счет увеличения процента нарвской керамики.

В целях краткости и большей ясности доказательств примем условно буквенные выражения для каждого вида керамики. Так, керамику нарвского типа обозначим буквой А, гребенчато-ямочную с неорганической примесью — Б, гребенчато-ямочную

с органической примесью — Б₁. Выше мы останавливались на имеющихся к настоящему времени доказательствах относительно раннего возраста керамики нарвского типа (А). В процессе подробного описания керамического материала поселений Нарва I и Нарва II мы подчеркивали гибридный характер гребенчато-ямочной керамики с органической (растительной или раковинной) примесью, вобравший в себя черты гребенчато-ямочной (орнамент) и нарвской (технику). На отдельных сосудах это прослеживалось с поразительной отчетливостью. Рассуждая логично, в таком случае мы должны считать эту керамику (Б₁) относительно более поздней, производной от исходных элементов (А и Б), поскольку гибрид естественно не мог появиться ранее, чем появились элементы, скрестившиеся между собой.

Подтверждение более позднего характера гребенчато-ямочной керамики с органической примесью дает и стратиграфия — глубинное распределение в Акали и Кулломяги, прослеженное Л. Ю. Явйтсом, и абсолютные данные по С¹⁴, полученные для стоянки Тамула, где этот комплекс керамики явно преобладает.

Таким образом, относительный возраст двух групп гребенчато-ямочной керамики с неорганической и органической примесью в общем плане, кажется, следует считать решенным.

Обратимся теперь к нашим конкретным материалам и постараемся понять, какое же из поселений Нарва I или Нарва II, содержащие гибридную керамику, следует считать более ранним.

Сопоставляя керамику обоих поселений каждой из указанных групп в отдельности (Б с Б, Б₁ с Б₁), мы не можем усмотреть существенного различия между ними. По форме, тесту и орнаментации они сходны. В этом убеждает, в частности, одинаковая примесь к глине крупных зерен кварца вместо песка, наиболее типичного для ямочно-гребенчатой керамики. Используются те же элементы орнамента и собственно та же композиция узора. Показательно в этом отношении присутствие в обоих памятниках наиболее оригинального узора — геометрического, в виде флажков. Не улавливается существенных различий и при сопоставлении гребенчато-ямочных сосудов с неорганической и органической примесью. Весьма от-

¹² Мы не включаем сюда единичные фрагменты шнуровой и более поздней керамики, не имеющей к данному вопросу прямого отношения.

¹³ Мы не останавливаемся здесь на Нарве III, где эта керамика представлена в полной мере единичными фрагментами, по всей вероятности, в результате механического смешения, поскольку она строго локализована на краю поселения.

четливое сходство проявляется и при сопоставлении внутри каждого памятника гребенчато-ямочных сосудов с неорганической и органической примесью. Они имеют одинаковую форму и оригинальный флажковый орнамент. Только на сосудах с органической примесью значительно чаще техника налепа и расчесы.

К сказанному следует добавить, что и между керамикой нарвского типа поселений Нарва III и Нарва I наблюдается значительное сходство, проявляющееся в тесте (примесь раковины или растительного вещества), оригинальной форме сосудов (отгнутое днище, прямой или слегка утоньшенный и скошенный внутрь край) и орнаментации (преобладании неорнаментированных фрагментов, легкий поверхностный узор из гребенки или ямчатых вдавлений, нарезок), в частности наличии весьма оригинального узора пагающей гребенки.

Таким образом, сходство в типах орудий, технике их изготовления и отчетливая близость керамики не позволяют считать, что все три указанных поселения отделены друг от друга значительным отрезком времени. Это безоговорочно может относиться в первую очередь к поселениям Нарва III и Нарва I, в которых отчетливо выступает преобладание материальной культуры.

Не менее отчетливо выступает и связь Нарвы II с поселением Нарва I.

Однако наше утверждение об отсутствии значительного хронологического разрыва между всеми тремя нашими памятниками не означает, однако, что мы склонны отрицать различие трех указанных типов керамики в историко-культурном плане. Нарвские поселения зафиксировали один из этапов весьма сложного конкретного исторического процесса, для понимания которого необходимо выйти за пределы нарвских поселений и рассмотреть их материалы на более широком фоне.

Прежде всего постараемся выяснить область распространения керамики нарвского типа. При этом следует учитывать указанную нами выше сложность в выделении этой керамики в силу разнообразия ее вариантов и сходства ряда черт с керамикой позднего неолита и бронзы. К этому следует добавить, что большинство материалов еще не опубликовано и потому их использование затруднено. Наконец, в ряде случаев некоторые характерные признаки этой кера-

мики сглажены и вместе с тем присутствуют новые не свойственные ей черты, которые особенно отчетливо проявляются на территориях, наиболее удаленных от центра распространения этой керамики.

Факты, позволяющие решить данный вопрос, в последние годы очень сильно умножились. Существенно при этом, что поселения данного типа, будучи открыты на новой территории, видоизменили границы ее распространения и дали большее основание к выделению центра этой культуры.¹⁴

Наиболее близко расположенным и, по всей вероятности, органически связанным с нашими памятниками, является поселение Нарва (город), исследованное Л. Ю. Янитсом в 1954, 1957, 1960, 1962—1964 гг.¹⁵ Особая ценность этого памятника заключается в наличии здесь мезолитического слоя, позволяющего произвести сопоставление с ним слоев, содержащих керамику нарвского типа и допускающего тем самым возможность в известной мере проследить генезис этой культуры.

При раскопках нарвского поселения в 1954 и 1957 гг. наблюдалась следующая стратиграфия (в раскопах С и D): 1) дерн; 2) песчано-гравийный слой со значительным содержанием известковой щебенки, с единичными фрагментами керамики, в том числе текстильной; 3) неравномерный слой черной земли мощностью 0.5—1.5 м с керамикой XII—XIII вв. в верхней части; нижний горизонт, более светлый по окраске этой черной земли, содержал типичную неолитическую ямочно-гребенчатую керамику с примесью дресвы в тесте, некоторые изделия из кремня и кости и подвеску из янтаря; 4) более тонкий слой сероватой земли, в котором подзол перемешан с мелким песком. Местом (особенно в раскопе D) он был отделен от залегающего на нем слоя тонкой

¹⁴ К сожалению, многие из памятников еще не успели получить освещение в печати и только готовятся к публикации. В связи с этим наши сопоставления не всегда, возможно, будут даны с исчерпывающей полнотой. Пользуемся случаем выразить благодарность за предоставленную возможность ознакомиться с материалом Л. Ю. Янитсу, Ф. А. Загорских, И. А. Лозе, Л. В. Ванкиной, А. М. Микляеву.

¹⁵ В 1954 и 1957 гг. было заложено 9 шурфов общей площадью 240 м², расположенных в разных местах. См.: Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, рис. 14 и 15.

прослойкой чистого песка, нанесенного, по-видимому, ветром. В этом слое была найдена примитивная керамика пористого состава иногда с содержанием раздробленных ракушек, со слабо заштрихованной поверхностью — нарвского типа.

В раскопах F, H и I под неолитическим отчасти перемешанным культурным слоем находился песок 20—50 см и под ним более ранний культурный слой темной окраски, с зольными пятнами, мелкими углями, относящийся к мезолиту.¹⁶

Прежде всего, общей чертой поселений Нарва III и Нарва (город) является чрезвычайно незначительное количество кремневых орудий и отщепов кремня. При этом в абсолютном большинстве они изготовлены из серого низкокачественного кремня и только один скребок из розовато-желтого с фиолетовым оттенком, по-видимому валдайского. Так же как и в нашем памятнике, они не имеют отчетливо выраженных устойчивых форм. Вместо этого в материале присутствует значительное число орудий, изготовленных из кварца. В этом случае для скребков использованы также небольшие галечки, что отчетливо заметно по нуклеусам и готовым орудиям, сохранившим корку. При этом технические приемы и типы орудий совершенно тождественны нашим.¹⁷

Из числа предметов, связанных с изготовлением орудий, следует отметить обилие шлифовальных плит и уплощенных, сильно окатанных галек, нередко со слегка углубленной от употребления поверхностью. Очень существенно, что отсутствие местных необходимых пород камня заставило и жителей поселения Нарва (город) использовать в качестве рубящих орудий подходящей формы гальки, подвергая лишь незначительной подправке их рабочей конец.¹⁸

Однако наряду с ними встречаются и орудия, изготовленные из темно-серого сланца, хорошо зашлифованные по всей поверхности и при этом сходные или тожде-

ственные по форме орудиям из Нарвы III и Нарвы I¹⁹ (в частности небольшие долотца, зауженные и вместе с тем утолщенные к тыльной части).

В числе оригинальных предметов, особенно подчеркивающих сходство поселений Нарва III, Нарва I и Нарва (город), следует указать на кварцевую пилку,²⁰ костяное орудие типа стамески или кочедыка, представленные серией в Нарве I, Приладожских стоянках, Каяпа и др.,²¹ пробитую фалангу²² и т. д.

Особенно отчетливое сходство проявляется в керамике. Существенно, что здесь наряду с керамикой нарвского типа встречается и гребенчато-ямочная. Нарвская керамика и гребенчато-ямочная сходны с керамикой Нарвы III и Нарвы I.

В сосудах нарвского типа примесь в тесто служит толченая раковина и, по-видимому, какое-то растительное вещество. На внешней поверхности отчетливо видны расчесы, на многих фрагментах встречается техника налепа как широкими (4,5 см), так и узкими (1,5 см) полосами (при этом ряд фрагментов, распавшихся по стыку лент, удается склеить); форма края совершенно тождественна (утопленная и слегка скошенная внутрь или округлая, равная толщине стенок); имеются просверленные по сухой глине отверстия, оттянутые днища, сплошь заполненные глиняной массой.

Большое количество черепков вовсе лишены орнамента, другие украшены (преимущественно в верхней части) легкими отпечатками гребенки, ямчатыми вдавлениями, мелкими нарезками. Тождественны и композиции узора, вплоть до наличия на нескольких фрагментах шагающей гребенки.²³

Между рассматриваемыми памятниками отчетливо выявляется сходство и в гребенчато-ямочной керамике: та же примесь в глиняное тесто, форма сосудов (в частности волнистый край), элементы и композиции орнамента, наличие сосудов с геометрическим узором — диагональными полосами.

¹⁶ Там же, стр. 94—97; Л. Ю. Янитс. Новые данные по мезолиту Эстонии. Сб. «У истоков древних культур (мезолит)», МИА, № 126, 1966, стр. 114—123.

¹⁷ Материалы хранятся в Институте истории Академии наук Эст. ССР, колл. № 4264: 1368, 2164, 2213, 2236, 2315, 234, 2397, 2401, 2071, 3079, 3408; № 4101: 219, 221; № 4264: 1822, 1850, и др.

¹⁸ Колл. № 4101: 219, 221; № 4264: 1822, 1850, и др.

¹⁹ Колл. № 4264: 2293, 2297.

²⁰ Колл. № 4264: 1851.

²¹ Колл. № 4101: 106.

²² Колл. № 4264: 3431.

²³ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, табл. III, 1—8.

Встречаются также и прямые аналогии нашей гибридной керамике. Часто в пределах одного сосуда сочетаются характерные черты гребенчато-ямочной и нарвской керамики, причем в этих сосудах особенности керамики нарвского типа проявляются в технических приемах изготовления (примесь растительной и раковины, расчесы внешней и внутренней поверхности, наращивание сосуда с помощью налепа,²⁴ тогда как особенности гребенчато-ямочной — в орнаментации и форме края (утолщенного во внутреннюю сторону или волнистого).

Вторым весьма близким поселением является Акали.²⁵ Отчетливое сходство с нашими памятниками проявляется в кремневом инвентаре: наконечниках стрел мелкого размера, листовидных, приближающихся к ромбическим и черешковым, мелких разнотипных скребках и отщепках с частичной обработкой; сланцевых хорошо зашлифованных теслах и долотах, среди которых есть с поперечным желобком (круймайзель); в значительном количестве обломков шлифовальных плит иногда подчетырехугольных очертаний, очень характерных для Нарвы I и Нарвы III. Среди костяных изделий в Акали встречаются орудия под углом в 45°, стамески с плоскими лезвиями (кочедыки?), роговые мотыгообразные орудия, ножи из клыков кабана, длинные разрезанные вдоль трубчатые кости, костяные проколки, рога с обработанными концами и иглы для вязания сетей, а также такие оригинальные предметы, как глиняные стерженьки.

Отчетливая близость прослеживается и в керамике: тот же характер глиняного теста (раковина и растительная примесь), оттянутая форма днищ, техника налепа, преимущественно узкими лентами.²⁶ Большое количество сосудов вовсе не орнаментировано и покрыто лишь резкими расчесами.

Орнаментированные сосуды имеют поверхностные отпечатки гребенки, легкие ямчатые вдавления подчетырехугольных очертаний и широкие нарезки, имеется еди-

ничный фрагмент с пагающей гребенкой.²⁷ Следует указать на наличие очень маленьких сосудиков.

Значительное сходство дает и гребенчато-ямочная керамика с крупными зернами кварца и органической примесью. В орнаментации ее прослеживается явное преобладание гребенки над ямками, использование в качестве элементов орнамента нарезок, мелких ямок, тонкого гребенчатого штампа, изредка двойной гребенки. Среди композиций встречаются такие оригинальные, как диагональные линии и флажки. Общим является некоторое количество ромбо-ямочных вдавлений и волнистый край.

Из числа орнаментированных иначе, чем в нарвских поселениях, следует отметить сосуд, украшенный фигурами, напоминающими дерево.

Особого интереса заслуживает поселение Кяапа, исследованное в последние годы Л. Ю. Янитсом в Эстонии, представляющее весьма чистый комплекс керамики нарвского типа.²⁸ Прежде всего обращает на себя внимание тождественность костяных орудий и, что особенно существенно, технические приемы их изготовления. Речь идет об орудиях под углом в 45°, выпиленных, так же как и в нарвских поселениях, из метаподий крупных парнокопытных (в данном случае преимущественно лося). При этом последовательность приемов обработки была совершенно такой же, как и в мастерской Нарвы I: продольный распил метаподий,²⁹ косой, двусторонний опил верхнего эпифиза,³⁰ выпиливание небольшого куса односторонним косым опилом (ромбическое орудие).³¹ Все эти части присутствуют в материалах Кяапа. Не может не поразить эта совершенная тождественность разделки кости до мельчайших деталей. Только будучи изготовленными из метаподий лося эти орудия под углом в 45° имеют несколько большую ширину.³²

²⁷ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, табл. III, 9.

²⁸ Некоторое количество гребенчато-ямочной керамики локализовалось на определенном повышенном участке.

²⁹ Колл. № 4245 : 3532, 3660.

³⁰ Колл. № 4245 : 1316, 1468, 1525, 2483, 2976, 3214, 3413, 3422, 3464, 3734, 3957, 3960.

³¹ Колл. № 4245 : 3990.

³² Колл. № 4245 : 1844, 3297.

²⁴ Колл. № 4101 : 64, и др.

²⁵ См.: Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги.

²⁶ Материалы хранятся в Институте истории Академии наук Эст. ССР, колл. № 4013 : 3770, 3788, 4034, 5456, 697.

В коллекции представлены тесла из крупных трубчатых костей,³³ игла для вязания сетей (так же как в Нарве I с отверстием на конце).³⁴ Значительное число роговых мотыг,³⁵ аналогичных нарвским, с очень сильно заполированной поверхностью, а также костяная стамеска с прямым лезвием оригинальной формы (кочедык?), найденные в Нарве III, Нарве I, Нарве (город), Акали, Приладожских стоянках.³⁶ Встречаются тождественные острия, наконечники стрел, подвески из зубов животных.³⁷ Совершенно так же разделяется рог двусторонним опиливанием.³⁸ Как и в Нарве III, кремневых орудий немного.

Сосуды нарвского типа, составляющие на данном памятнике подавляющее большинство, не имеют каких-либо принципиальных различий с керамикой Нарвы III и Нарвы I. Цвет сосудов то темный, то серый, реже светло-желтый, основной примесью к глине служит толченая раковина или какое-то растительное вещество. В полном соответствии находится и толщина стенок сосудов, форма края (прямая округлая наверху, утоньшенная с внутренней стороны или с очень слабым выступом во внешнюю сторону). Сходно по форме и весьма оригинальное днище — неправильно-округлое утолщенное или остроконическое, но сплошь заполненное глиной.³⁹

Преобладают неорнаментированные фрагменты, нередко гладкие, сильно закопченные (подобно фрагментам сосудов Приладожских стоянок) или с резкими расчесами. Орнаментированная часть сосудов покрыта неглубоким узором, нанесенным в большинстве случаев поверх расчесанной поверхности, отсутствует строгая зональность и шахматное расположение элементов орнамента. Нет многократно повторяющихся композиций. Сами элементы столь же ограничены: а) оттиски очень поверхностной гребенки, с помощью которой как бы перешително нанесен нечеткий орнамент, б) мелкие прямые или полукруглой формы нарезки, в) очень мелкие маленькие ямки

округлых и подчетыреугольных очертаний и г) крошечные ямки-точки. Однако узор, созданный ими, более сложный и нарядный. Имеется и такая деталь, как отверстия, просверленные по сухой или сильно подсушенной глине. Есть очень маленькие сосудики.

Вместе с тем нельзя не отметить и новые по сравнению с нарвскими типы орудий, такие, как крупные костяные кияжалы, особой формы шигирские наконечники стрел, крупный гарпун, кремневый наконечник стрелы на ножевидной пластинке, с намеченным ретушированным черешком и обработкой на конце, кремневый наконечник треугольной формы с несимметрично вогнутым основанием (оба наконечника имеют южно-прибалтийскую форму, типичную для Литвы и Белоруссии).

Значительного интереса заслуживает группа памятников, обнаруженная за последние годы и в большой мере исследованная в восточной части Латвии в Лубанской низменности Ф. А. Загорских (Оса, Пиестиня), И. А. Лозе (Нейнекте, Мальмута, Абора) и др.⁴⁰

Наиболее чистый комплекс нарвской керамики представлен на поселении Оса, где, как было указано, на одной части поселения прослеживается четкая локализация этой керамики, а на другой — гребенчато-ямочной. Сосуды поселения Оса содержат все характерные черты керамики нарвского типа — примесь раковины или растительности, расчесы, тонкостенность, прямой край, сплошь заполненное глиной коническое днище, поверхностный орнамент, состоящий по преимуществу из мелких, коротких нарезок и, наконец, сосуды-лодочки, богато орнаментированные по днищу. Прослеживается значительная общность с поселениями Нарва I и Нарва III и в инвентаре (малое количество кремневых орудий, сделанных из серого местного кремня, орудия под углом в 45° из метаподий крупных парнокопытных, изготовленные с помощью пиления, косо опиленные эпифизы, пробитые фаланги и др.).

Более смешанный комплекс имеет поселение Пиестиня. Здесь наряду с более поздней керамикой нарвского типа довольно много гребенчато-ямочной керамики, ча-

³³ Колл. № 4245 : 576, 3503, 3519.

³⁴ Колл. № 4245 : 4362.

³⁵ Колл. № 4245 : 3106, 3388, 3502, 4364.

³⁶ Колл. № 4245 : 3445.

³⁷ Колл. № 4245 : 3008, 3022, 3091, 3637, 3672, 3673, 3678.

³⁸ Колл. № 4245 : 1421, 3123.

³⁹ Колл. № 4245 : 1519, 3642.

⁴⁰ Ф. А. Загорских. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1967.

стично с неорганической примесью, больше с органической — раковинной или растительной (гибридная). Глубокий рельефный орнамент ее весьма типичен для этой группы. Украшения отличаются от орнамента нарвской керамики большей нарядностью и некоторой оригинальностью, выявляющей местные традиции.

Количество нарвской керамики в Нейнекте и Мальмуте значительно меньше и она менее выразительна, тогда как более поздние комплексы представлены чрезвычайно интересным и богатым материалом, керамикой, кремневыми орудиями и совершенно изумительными поделками из янтаря.

На востоке следует отметить комплекс нарвской керамики в поселениях южного Приладожья, исследованных А. А. Иностранцевым.⁴¹ Вследствие того что большинство материала было собрано рабочими во время углубления канала, количество керамики оказалось очень незначительным. Исходя из этого, мы можем лишь утверждать присутствие определенных типов и допускать отсутствие других лишь с известной долей условности. В той же мере это может относиться и к орудиям (рис. 103, 1—18).

Анализ материала этих стоянок, произведенный нами в 1961 г. в связи с изучением древней истории северо-западных областей европейской части СССР,⁴² позволил установить наличие керамики нарвского типа, хотя и с некоторыми индивидуальными особенностями.

По характеру теста и орнаментации приладожская керамика делится на две резко различные группы. Первая представлена большими сосудами с примесью к глине крупных зерен кварца, с утолщенным краем, внешняя поверхность которых украшена глубоким гребенчато-ямочным орнаментом. Такие сосуды весьма типичны для всей территории современной Ленинградской области и в частности для Усть-Рыбежна I.⁴³ Вместе с тем по целому ряду деталей она сходна и с гребенчато-ямочной керамикой нарвских поселений. Эта общность проявляется в одинаковой примеси к глине песка, как обычно, а крупных зерен квар-

ца, наличии расчесов на некоторых черепках и флажковом орнаменте. Вместе с тем в этих сосудах несравненно сильнее выступают черты типичной ямочно-гребенчатой керамики пограничной области — Карелии. Глубокие конические ямки имеют правильную форму, а узор — строгую зональность.

По-видимому, с первым керамическим комплексом в Приладожских стоянках следует связывать большое число прекрасно шлифованных крупных сланцевых орудий — топоров, тесел и, в частности, кирки русско-карельского типа, а также такие специфические орудия, как тесло с поперечным желобком — круммайзель.

Вторую группу составляют сосуды совершенно иного облика. Примесью к глине для них послужила раковина. Внешняя, чаще темно-серая, почти черная поверхность заглажена, внутренняя — часто покрыта сильным нагаром. Край прямой, ровный, несколько утолщенный, бережок округлый. На некоторых сосудах прослеживается оригинальная техника налепа и нередко отверстия, просверленные по сухой глине. Орнамент отсутствует. Эта керамика наиболее близка к части керамики нарвского типа (сосуды гладкостенные, как бы с залощенной внешней поверхностью, без расчесов и орнамента), встреченной в Нарве III, Нарве I и Нарве (городе). Отличие от других групп нарвской керамики проявляется в отсутствии резких расчесов в орнаментации. Совершенно очевидно, что эта керамика заметно отлична от всего керамического материала, известного до сих пор на обширной территории, лежащей к востоку от р. Нарвы.

По-видимому, с комплексом нарвской керамики следует связывать и большую группу костяных орудий под углом в 45°, которые всегда сопутствуют керамике нарвского типа на поселениях современной Эстонии и Латвии и встречаются там, начиная с эпохи мезолита, а также некоторые костяные изделия, такие, например, как различной формы проколки, наконечники стрел, очень сходные с наконечниками из стоянок с нарвской керамикой Эстонии, иглы для вязания сетей, мелкие шлифованные орудия, изготовленные из сланца, шлифовальные плиты, просверленные каменные подвески, зубы животных, используемые в качестве украшений и амулетов, ножи из клыков ка-

⁴¹ См.: А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

⁴² См.: Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР.

⁴³ Там же, стр. 402—403, рис. 152—153.

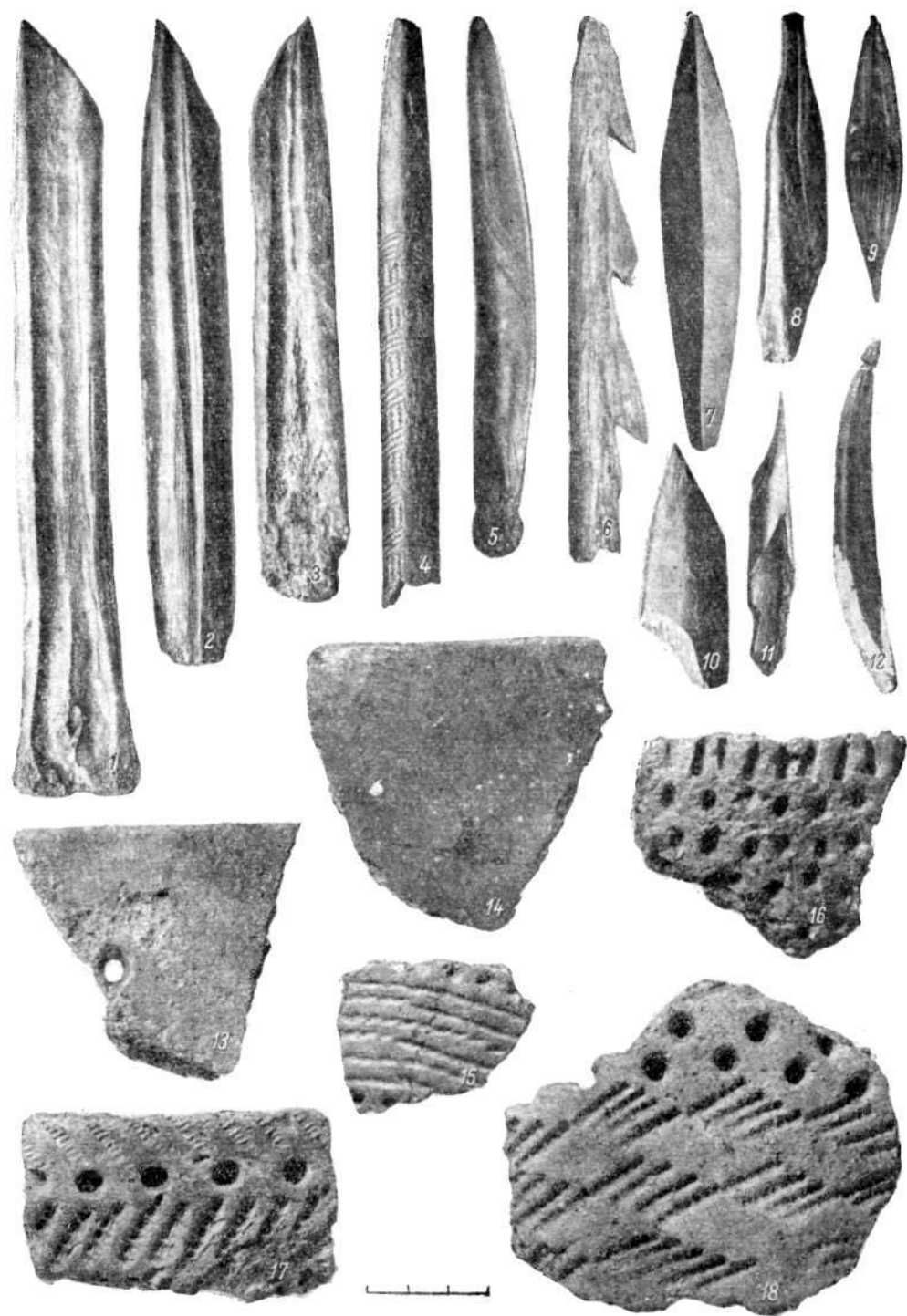

Рис. 103. Инвентарь Приладожских стоянок (1—18).

бана. Чрезвычайно близок орнамент на костяных предметах.

Очень показательно одно орудие — костяная стамеска (кочедык?) оригинальной формы, вместе с тем встречающаяся на многих стоянках с нарвской керамикой, на что мы уже указывали выше (Нарва I, Нарва III, Кяша, Акали и др.) (рис. 103, 8).

Существенно наличие кварцитовых пилок, точно таких же, как и в Нарве I и Нарве III.

Отмечая общие черты, свойственные стоянкам побережья р. Нарвы и Ладожского озера, необходимо указать на наличие в пределах поселения дробленой раковины и разрозненных человеческих костей, по-видимому свидетельствующих о ритуале захоронения своих умерших непосредственно в самом поселке, так же как в Нарве I, Нарве III, Акали, Валме и Тамуле. Наконец, очень сходен состав фауны, подтверждающей хронологическую близость памятников.

Вместе с этим прослеживаются и известные отличия. Помимо упомянутых уже нами крупных сланцевых орудий, на Приладожских стоянках среди всего обилия костного материала нет ни одного случая продольного пропиливания кости с последующим удалением эпифиза с помощью косога опиала. Наряду с этим имеется очень много орудий под углом в 45°, также изготовленных из метаподий крупных парнокопытных. Отсутствие эпифизов можно объяснить двояко: либо мастер не был знаком с тем техническим приемом изготовления подобных орудий, которым пользовались жители побережья р. Нарвы, либо случайностью, помня о характере получения материалов путем сборов.

Иначе обрабатывался и рог. Чаше он распиливался вдоль, в поперечном направлении наносились надрезы, а средняя часть, не захваченная ими, обламывалась.

В свете вновь полученных материалов следует выделить также некоторое количество керамики нарвского типа в поселении Усть-Рыбежна I. Среди огромного числа гребенчато-ямочных сосудов обращают на себя внимание 88 фрагментов с органической примесью, в отдельных случаях имеющих пустоты подчетыреугольных очертаний. На внешней стороне отдельных сосудов заметны резкие штрихи от заглаживания. Орнамент поверхностный, преимущественно из нарезок, коротких или более удлиненных,

иногда нечеткой гребенки, встречаются отверстия, просверленные по сухой глине.⁴⁴

Из числа областей, лежащих к востоку от р. Нарвы и Чудского озера, куда распространялась керамика нарвского типа, в известной мере условно можно указать на побережье оз. Ильмень (поселение Коломцы). Материалы ныне утрачены в связи с разгромом фашистами Новгородского музея,⁴⁵ вследствие чего мы вынуждены пользоваться здесь лишь публикацией автора раскопок В. С. Передольского⁴⁶ и А. А. Иностранцева,⁴⁷ посетившего эти стоянки в процессе раскопок. Однако ввиду важности установления области распространения племен, к которым могли принадлежать древние обитатели Нарвы, эти сведения приобретают несомненную ценность, хотя принимать их мы можем лишь с определенной долей осторожности.

Прежде всего не может не заинтересовать стратиграфия местности, в которой были сделаны находки. Они залегали, по свидетельству А. А. Иностранцева, в слое, содержащем ракушняк на глубине более 3 м.⁴⁸ Наличие напластований синей и красноватой глины свидетельствует о том, что находки были перекрыты мощными аллювиальными отложениями, которые, по-види-

⁴⁴ Там же, стр. 370, рис. 139, 1—12.

⁴⁵ Те материалы, которые числятся теперь в Новгородском музее как «с Коломцов», были выделены Н. А. Чернышевым лишь условно.

⁴⁶ См.: В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. СПб., 1893.

⁴⁷ См.: А. А. Иностранцев. Отчет о поездках в местность «Коломцы» близ Новгорода. Изв. Археологической комиссии, вып. 17, 1905.

⁴⁸ Там же. — Вместе с тем провазенные нами рекогносцировочные раскопки на Коломцах в 1961—1962 гг. позволили обнаружить культурный слой, насыщенный раковинной улиткой, однако залегающий на меньшей глубине (1,80 м). Встречены сланцевые орудия и значительное число фрагментов керамики с примесью песка и типичным прибалтийским орнаментом, в частности флажком. По-видимому, следует полагать, что, так же как и на побережье р. Нарвы, на Коломцах существовал целый ряд поселений, среди которых были, вероятно, чистые и смешанные комплексы. Определению точного местонахождения раскопок В. С. Передольского мешает характер местности — совершенно ровной, ежегодно заливаемой на длительное время весенними водами, в силу чего и самому автору раскопок было трудно указать какие-либо точные координаты, кроме того, что поселение расположено против Юрьевского монастыря.

тому, следует связывать с трансгрессией Ладожского озера (через р. Волхов оз. Ильмень соединяется с Ладожским озером). Таким образом, отложение культурных остатков на Коломцах и в Приладожье, а следовательно, и древние поселки следует считать хронологически близкими. Во всех памятниках культурный слой насыщен ракушками унго, что говорит об использовании их в пищу.

В процессе раскопок В. С. Передольским на стоянке также были найдены человеческие захоронения.⁴⁹

Описание керамики В. С. Передольским дает основания предполагать наличие на побережье оз. Ильмень поселения, аналогичного Нарве III. При этом надо учитывать, что книга написана тогда, когда не было известно нарвской керамики, и потому автор не мог иметь перед собой какого-либо образца.⁵⁰

Привлекают внимание следующие черты: черный цвет, примесь к глине толченой раковины, отсутствие орнамента, котлообразная форма сосудов. Все указанные весьма характерные признаки дают основание предполагать сходство этой посуды с приладожской, тем более что ни в каких других памятниках, более ранних или поздних данной и соседней территории, не встречено керамики подобного типа.

В связи с новыми, появившимися за последние годы материалами нельзя не увидеть ряда характерных черт керамики нарвского типа, заметных в сосудах более далеких поселений. Поскольку они являлись, по-видимому, периферийными, керамический материал их иногда носит на себе очень сильное влияние иных пограничных культур. Мы имеем прежде всего в виду поселение Кривина в Северной Белоруссии, исследованное частично К. М. Поликарповичем и Е. И. Красковской.⁵¹ Сложное по своей стратиграфии, долговременно обитаемое, оно содержит некоторую долю керамики, очень близкую к керамике нарвского типа, хотя и отличающуюся рядом индивидуаль-

ных особенностей, рожденных, по всей вероятности, под влиянием южных неолитических культур — днепродонецкой и среднего Поднепровья.

Сходство с керамикой нарвского типа (по-видимому, ее более поздним вариантом) прослеживается и в сосудах поселения Усвяты в районе Невельских озер, исследованного за последние годы А. М. Микляевым.⁵² Однако в керамике этого поселения также весьма отчетливо заметно влияние более южных культур, в частности днепродонецкой.

Такова в основном область, занятая керамикой нарвского типа.

По имеющимся к настоящему времени материалам граница ее проходит где-то по южному Приладожью, оз. Ильмень, Невельским озерам, северной Белоруссии, западной Латвии, Эстонии и южной части Балтийского моря. Явно выраженной керамики нарвского типа на территории Финляндии нам неизвестно. По всей вероятности, в то время там господствовала керамика типа сперрингс, как и на территории современной Карелии.

Очерченная область, как можно видеть, весьма обширна и представляет довольно целостную территорию. Судя по насыщенности памятниками и характеру материала, в настоящее время можно предполагать, что центр этой культуры находился, по-видимому, где-то в пределах сев.-восточной Латвии (Лубанская низменность) и юго-восточной Эстонии.

После того как авторами проведенных исследований⁵³ будет сделана полная публикация материала, станет очевидным, что эта керамика, имея общие черты, все же различается в целом ряде существенных деталей, давая возможность уже сейчас выделять ее варианты и наметить хронологические этапы, укладываемые, однако, в пределы относительно короткого в археологическом понимании отрезка времени.

Так, довольно отчетливо выявляется западный вариант этой керамики, представленный в поселении Сарнате профилированными сосудами, имеющими некоторые отличия в деталях орнаментации и техниче-

⁴⁹ Наши попытки отыскать местонахождение антропологических остатков пока не привели к положительным результатам.

⁵⁰ К сожалению, работа В. С. Передольского «Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья...» не содержит иллюстраций.

⁵¹ К. М. Поликарпович. Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР, Тр. АИЧПЕ, № 6—7, стр. 44—46.

⁵² Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже.

⁵³ Л. Ю. Янитсом, Ф. А. Загорским, Л. В. Ванкиной, И. А. Лозе, А. М. Микляевым и М. М. Чернявским.

ских приемах их изготовления (ребристость внутренней поверхности). При этом нельзя не заметить известного сходства этих сосудов с сосудами из четвертого слоя кьеккенменддингов в Дании⁵⁴ (рис. 104, 1—5).

Заметно отличаются от этой керамики сосуды поселения Оса (по всей вероятности, наиболее чистый комплекс), тонкие, прямостенные, орнаментированные по преиму-

угольных линий, узкой гребенки.⁵⁵ По мнению Ф. А. Загорски, исследованное им поселение Пиестиня относится к более позднему времени по сравнению с Оса.

По всей вероятности, в эту группу следует отнести и часть керамического материала поселений Мальмута и Нейнекте, исследованных в последние годы в Лубанской низменности И. А. Лозе.⁵⁶

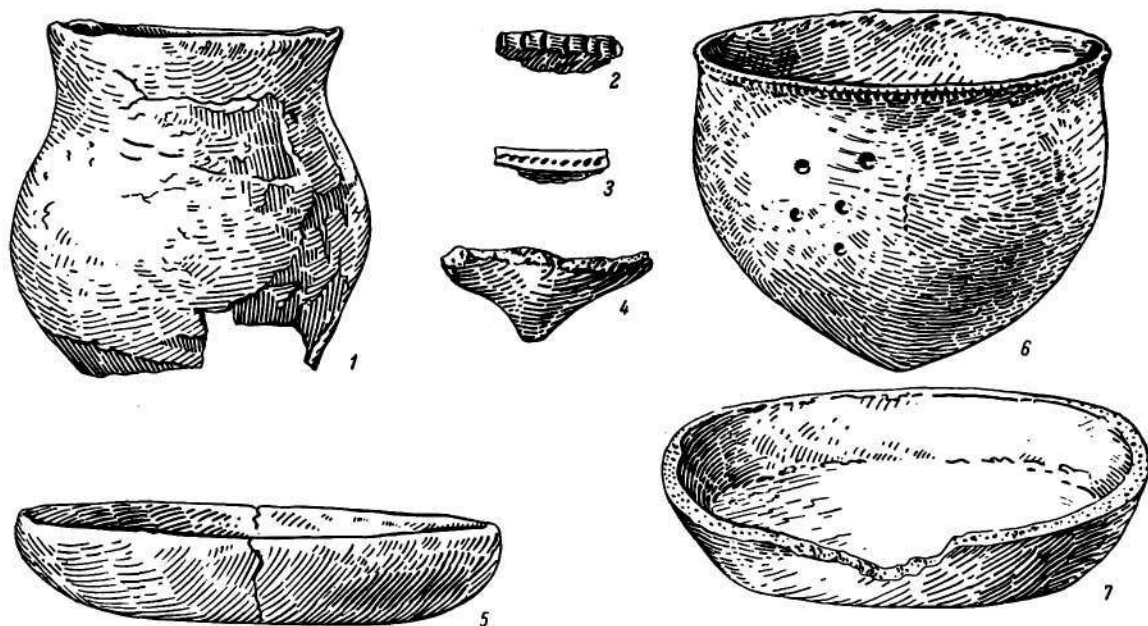

Рис. 104. Керамика поселений Эртебёлле (1—5) и Сарнае (6, 7).

ществу мелкими, короткими насечками или тонкой гребенкой, образующими горизонтальные ряды.

Общие черты этой группы керамики прослеживаются и на других поселениях восточной и южной Латвии. Среди них следует указать на Пиестиня, где некоторая часть сосудов украшена такими же или несколько изогнутыми по форме нарезками, образующими, помимо горизонтальных рядов, более сложные композиции (диагональные полосы, иногда зигзаг, сетку или елочный узор). Вместе с тем на этом поселении широко представлены и другие виды орнамента, однако столь же поверхностного узора, состоящего из мелких ямчатых вдавлений,

Наконец, вероятно к этой же группе надо причислить часть сосудов с прямыми по форме краями, орнаментированные мелкими поверхностными нарезками, создающими чаще всего простые узоры из горизонтальных линий, из Крейче и Ича.⁵⁷

Относительно близко примыкает к этой группе и керамика поселения Кяпа.

⁵⁵ Мы имеем здесь в виду лишь керамику нарвского типа, помимо которой на этом поселении достаточно многочисленными материалами представлена и гребенчато-ямочная керамика, в частности гибридная.

⁵⁶ Материалы хранятся в Институте истории Академии наук Латв. ССР.

⁵⁷ Материалы хранятся в Историческом музее г. Рига и Институте истории Академии наук Латв. ССР; см.: Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайги, стр. 111.

⁵⁴ Johannes Brøndsted. Nordische Vorzeit, Bd. I. Neumunster, 1960.

Тождество проявляется в форме сосудов, прямом крае, в частности конических днищах со сплошным заполнением глиной, богатстве орнаментации и оригинальности. Однако выявляются и некоторые специфические черты, отмеченные нами выше, — наличие ряда иных форм орудий, большее разнообразие и богатство узоров.

Весьма существенно, что на этом поселении костяные орудия обработаны такой же техникой, как и на поселении Оса.

По-видимому, выделяется и третья наиболее восточная группа этой керамики, куда включаются поселения Нарва III, Нарва I, Нарва (город), Акали, Приладожские стоянки и Прильмень.⁵⁸

Керамика этих поселений, обладая общими чертами с более западными вариантами, имеет, однако, некоторые особенности в деталях. Резче выявляется в них, например, оттянутая форма днища, присутствуют гладкие, как бы залощенные, не орнаментированные сосуды, изредка встречается узор шагающей гребенки, отчетливо выражена оригинальная техника налепа.

По всей вероятности, проявившееся большее сходство в материальной культуре человеческих коллективов, оставивших после себя керамику, причисленную нами к последней группе, было обусловлено их близкими, родственными отношениями. Нельзя забывать, что все эти памятники связаны одной водной магистралью. Так, например, Акали, Нарву (город), Нарву I—III соединяла р. Эмайыги, впадающая в Чудское озеро, и р. Нарва, вытекающая из него. Далее Финский залив соединялся тогда с Ладожским озером через р. Вуоксу, а оз. Ильмень (стоянка Коломцы) и Ладожское озеро (стоянки Усть-Рыбежна I и Приладожские) рекой Волхов.

Несомненно, что большее сходство прослеживается между соседними вариантами нарвской керамики, чем между наиболее удаленными друг от друга. Так, наши нарвские поселения в этом отношении стоят ближе к поселениям восточной Эстонии и

Латвии, чем к поселениям западных областей. Иными словами, третий (наиболее восточный) вариант ближе ко второму, чем к первому; соответственно этому первый вариант имеет меньше общего с третьим, но гораздо ближе ко второму. И только второй вариант нарвской керамики, занимающий центральное положение, совмещает в себе ряд черт обоих пограничных вариантов (первого и третьего).

Цельность территориального распространения весьма оригинальной нарвской керамики, наличие значительного количества одинаковых орудий из камня и кости, в ряде случаев весьма специфических форм, общность техники изготовления их — все это позволяет, как нам кажется, выделить особую нарвскую археологическую культуру, включающую в себя, по-видимому, не менее трех вариантов (рис. 105).

Сопоставление керамики нарвского типа с классической ямочно-гребенчатой не позволяет предполагать наличие между ними генетической связи.

Нарвская керамика, как мы старались показать, не может являться производной и от гребенчато-ямочной керамики. Основная область распространения последней лежит к востоку от очерченной нами зоны, занятой нарвской керамикой. Область, занятая нарвской культурой, составляет лишь часть территории распространения прибалтийской неолитической культуры (гребенчато-ямочной керамики). Помимо территории современных Эстонии и Латвии, в область гребенчато-ямочной керамики входит юго-восточная и отчасти южная Финляндия и полностью современные Ленинградская и Новгородская области. Если же к этому добавить классическую ямочно-гребенчатую керамику, то территория распространения ее раздвинется еще далее на восток, север и юг.

Таким образом, мы имеем как бы три культурные области. Самой широкой из них является область, занятая ямочно-гребенчатой керамикой в различных ее вариантах, более узкой — область, занятая гребенчато-ямочной керамикой (прибалтийской), и, наконец, наиболее узкой — область, занятая керамикой нарвского типа.

При рассмотрении конкретных материалов трех нарвских поселений мы показали неоднородность самой гребенчато-ямочной керамики; наличие сосудов с неорганической

⁵⁸ В плане доказательств наличия нарвской керамики в Коломцах представляет интерес утверждение об общности Приладожских стоянок и Коломцов, сделанное А. А. Иностранцевым при описании наносов в устье р. м. Гнялка, в отчете 1892 г. «Геоморфологический очерк района р. Волхов и оз. Ильмень», составленный Н. Н. Соколовым под ред. Л. И. Праслова (стр. 11).

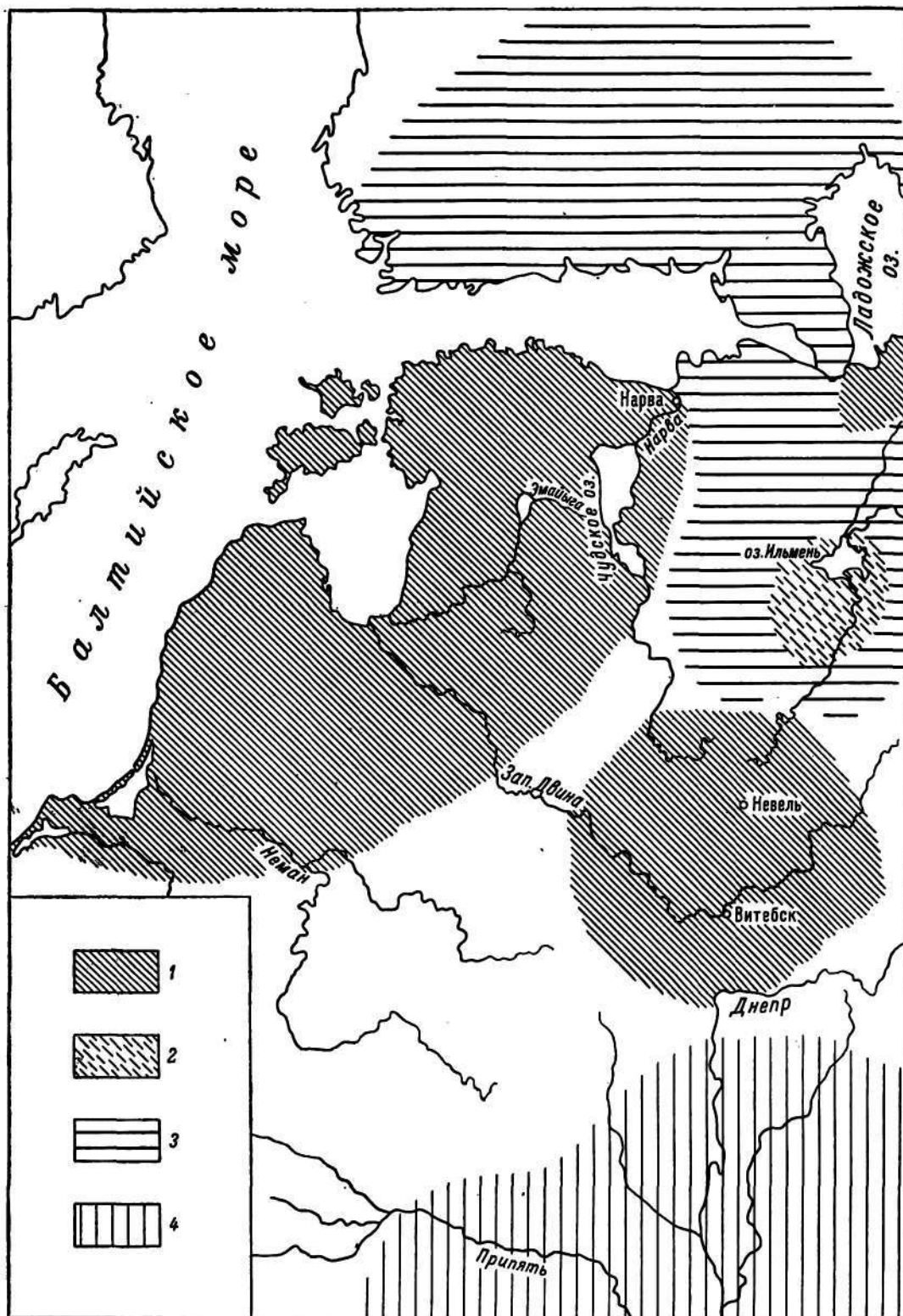

Рис. 105. Территория распространения нарвской и ранней прибалтийской культур в конце IV—первой половине III тыс. до н. э.

1 — нарвская культура; 2 — предполагаемая нарвская культура; 3 — прибалтийская культура; 4 — днепродонецкая культура.

примесью и сосудов, обладающих рядом иных черт как бы гибридной керамики (примесь раковины, растительности, техника налпа, расчесы поверхности). Такой характер сосудов встречается на очень многих неолитических поселениях Эстонии и Латвии, часто эта керамика сочетается с керамикой нарвского типа и классической гребенчато-ямочной с неорганической примесью. Картографирование такой гибридной керамики показывает, что область ее распространения совпадает в основном с областью, занятой керамикой нарвского типа, и несколько уже области, занятой всей прибалтийской гребенчато-ямочной керамикой.

Так, наиболее восточной границей ее является поселение Ломми и лишь в очень небольшой мере (88 фрагментов вместе с керамикой нарвского типа) поселение Усть-Рыбежна I. Пока только в порядке редкого исключения в полной мере единичные стоянки встречены на Карельском перешейке, Новгородской области и Финляндии.

Сопоставление гребенчато-ямочной керамики нарвских поселений с аналогичной керамикой соседних памятников приводит к выводу о большей общности ее, в частности, с керамикой восточной зоны — современной Ленинградской области: поселения Ломми,⁵⁹ Сестрорецкого залива,⁶⁰ отчасти Сосновой Горы,⁶¹ Токсово,⁶² некоторой части поселения Усть-Рыбежна I, западного Приладожья (рис. 106, 1—21), тогда как другая большая часть материалов этого поселения имеет много общего с материалами областей, лежащих к северу (Карелия) и югу (Волго-Ожское междуречье).

Общими чертами керамики Нарва I, Нарвы II и Усть-Рыбежна I являются: значительное распространение нарезок, замещающих гребенку;⁶³ неряшливость нанесения орнамента, когда ямки неправильно-овальных очертаний перебивают гребенчатые отпечатки;⁶⁴ некоторое количество отпечатков двойной гребенки;⁶⁵ просверленные отверстия по сухой глине;⁶⁶ волнистый край сосу-

дов, образованный в результате периодического нажима пальцем, и расчесы на внешней поверхности⁶⁷ и, наконец, флажковый узор,⁶⁸ выполненный узкой или широкой гребенкой, а также диагональные полосы.⁶⁹ При этом следует заметить, что такой орнаментальный мотив, как флажки, является широко распространенным в прибалтийской керамике, в частности на памятниках, лежащих к востоку от нарвских поселений.

Однако несмотря на такое обилие сходных черт, все же большинство сосудов Усть-Рыбежна I украшено правильной конической ямкой, имеющей больший удельный вес, нежели в орнаментации нарвских поселений.

* * *

До сих пор мы оперировали только фактами. Попробуем теперь на основании их представить, что же произошло на интересующей нас территории несколько тысячелетий тому назад.

Определение области распространения нарвской культуры и сопоставление ее с территорией, занятой гребенчато-ямочной прибалтийской культурой, а также отмеченные резкие различия в керамике и инвентаре поселений, относящихся к этим культурам, приводят к выводу о том, что они, по-видимому, отражают различные этнические общности.

Учитывая значительную близость и преемственность нарвской культуры мезолитической, следует признать, что в сложении ее приняли значительное участие местные элементы, хотя они и не были единственными. В настоящее время, вероятно, нельзя пока ответить, какие компоненты участвовали в формировании этой культуры и, в частности, откуда была принесена или заимствована керамика, если отказаться от ее местного происхождения. Возможно лишь указать на ее сходство, с одной стороны, с керамикой датских кьяккенмеддингов (тесто, форма днища, сосуды-лодочки), а с другой — с сосудами Поднепровья (оттянутые днища и некоторые сходные элементы в костяных орудиях).

⁵⁹ Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР, рис. 157.

⁶⁰ Там же, рис. 159.

⁶¹ Там же, рис. 172.

⁶² Там же, рис. 173.

⁶³ Там же, рис. 135, 8, 11; 136.

⁶⁴ Там же, рис. 134, 2; 135, 10.

⁶⁵ Там же, рис. 135, 4.

⁶⁶ Там же, рис. 134, 9.

⁶⁷ Там же, рис. 132, 2; 138, 1, 10.

⁶⁸ Там же, рис. 147.

⁶⁹ Там же, рис. 146, 148.

По-видимому, племена нарвской культуры в эпоху раннего неолита занимали восточную и среднюю (а возможно и западную) Эстонию, Латвию, на востоке некоторые группы их дошли до южного Приладожья и оз. Ильмень, на западе периферийной частью являлась современная Калининградская область, на юге — южная часть Псковской области и северная Белоруссия, а возможно, и часть Литвы. Дальнейшие исследования несомненно уточнят эту границу. Однако, по-видимому, центром этой культуры являлась восточная Эстония и Латвия. По всей вероятности, вскоре после освоения этой территории и частичного продвижения на периферию племен с нарвской керамикой, они столкнулись с новыми пришельцами с востока, скорее всего из Приладожья, — носителями гребенчато-ямочной керамики. Последние, будучи, по-видимому, очень многочисленными, оказали на местное население значительное влияние и в большой мере ассимилировали его. Есть основания полагать, что этот процесс происходил мирно. Естественно, что наиболее быстрой ассимиляции подверглось население северо-восточной окраины указанной области, ближе всего расположенной к источнику движения новых племен. В таком положении оказались, прежде всего, жители нарвских поселков.

После того как поселение Нарва III просуществовало какое-то время в чистом виде, сюда продвинулся новый человеческий коллектив, вероятно откуда-то с ближайших мест Приладожья или Карельского перешейка, заняв территорию, лежащую по другую (северную) сторону песчаной косы (Нарва II). По всей вероятности, это население принадлежало не к враждующим племенам, иначе трудно было бы ожидать столь быстрой ассимиляции. Возможно, они общались ранее в течение какого-то времени, живя по соседству. О том, что племена нарвской культуры и гребенчато-ямочной существовали одновременно, но на различных территориях, свидетельствует, в частности, дата поселения Усть-Рыбежна I, полученная с помощью радиоуглеродного метода. Так, возраст угля из очага был определен радиоуглеродной лабораторией ИА АН СССР в 6380 ± 220 лет. Повторный анализ верхней прослойки торфа, залегающего выше культурного слоя, дал 5410 ± 85 лет. Таким образом, поселение Усть-Рыбежна I возникло не позже, а раньше, например, поселения Кяла и Сарнате.

О скрещивании и постепенном слиянии двух различных групп населения — аборигенов с нарвской керамикой и пришельцев — племен с гребенчато-ямочной керамикой — отчетливо свидетельствует гибридная керамика, впитавшая в себя черты обеих исходных групп. Очень показательным, что это с особой силой проявилось в пограничных, восточных памятниках Нарва I, Нарва II и Нарва (город). При этом во всех случаях слияние в керамике весьма различных тенденций происходило таким образом, что от нарвской керамики заимствовывались некоторые технические приемы изготовления (примесь раковины или растительности, расчесы, техника налепа), а от гребенчато-ямочной — орнаментация как наиболее устойчивый племенной признак.

Очень существенно, что скрещивание различного населения, в частности на побережье Нарвы, прослеженное нами по материальной культуре, подтверждается антропологическими данными К. Ю. Марк, изучавшей погребения Нарва I, Нарва III. Характеризуя долихокраний, вполне европеоидный тип, с высоким и узким лицом, она считает, что древнейшую пока находку его для Эстонии представляет детский череп из жилища № 2 со стоянки Нарва I. «Он напоминает предполагаемые мезолитические черепа из Литвы (Кирсна и Кебеляй)... В своей же преобладающей части черепа со стоянок культуры ямочно-гребенчатой керамики Эстонии, наоборот, брахикранны, с широким и низким лицом. При этом лицо уплощенное и переносье на двух черепках (Валма II и Тамула XIV) очень низкое, что характерно для монголоидов; орбиты на некоторых черепках высокие, типичные для монголоидов. Наряду с этим некоторые из этих черепов имеют довольно выступающий, вполне европеоидный нос (например, череп Валма II). Таким образом, можно говорить о наличии у этих черепов монголоидной примеси. Часть черепов этого типа характеризуется крупными размерами и массивностью (Валма III, Тамула XI и XIV), остальные же имеют небольшие размеры и являются более грацильными (Тамула I и мужской череп (из жилища № 1 — Н. Г.) со стоянки Нарва — Риги-Кюля)».⁷⁰

⁷⁰ К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 224.

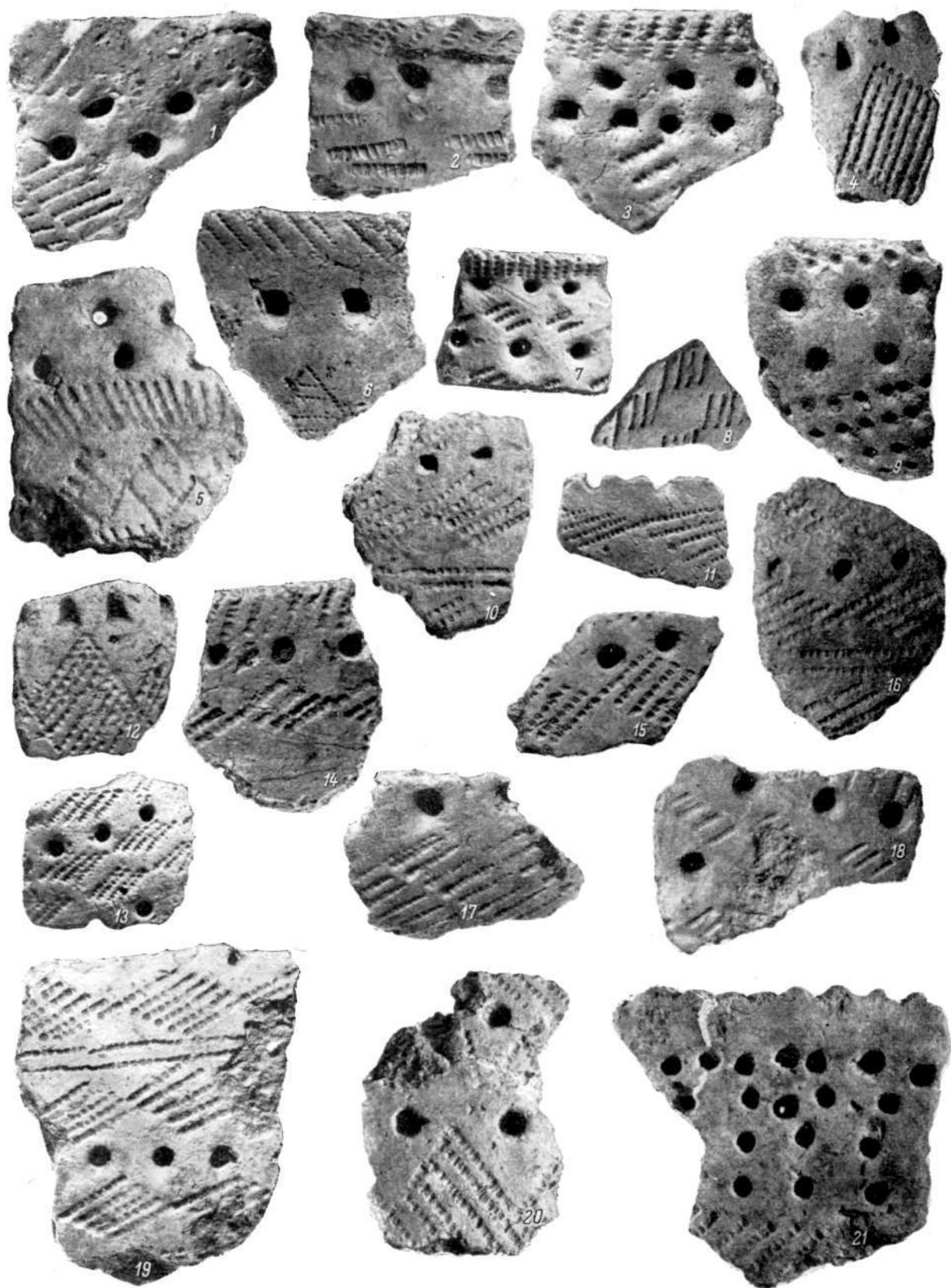

Рис. 106. Неолитическая керамика современной Ленинградской области.

1—6 — Карельский перешеек (Каукола); 7—11 — Усть-Рыбежна I; 12—14 — Токсово; 15 — Сестрорецкий разлив; 16—21 — Сосновая Гора.

По мере продвижения на запад племена — носители гребенчато-ямочной керамики (рис. 107) впитывали в себя черты культуры встречаемого ими народа, но вместе с тем и отдавали свое. Таким образом, в частности, рождалась гибридная приростая керамика, характерная для более поздней фазы неолита, распространялись особые технические приемы изготовления костяных орудий, вырабатывались их типы. Так оформлялась и отшлифовывалась прибалтийская неолитическая культура, также имеющая некоторые различия в деталях.

Факты свидетельствуют о том, что пришельцы с востока продвинулись на значительное расстояние на запад, вплоть до современной Калининградской области.⁷¹ Правда, сюда доходили, по-видимому, лишь относительно небольшие отряды пришельцев с востока; это продвижение народа было подобно морским волнам, которые достигают береговой окраины, уже потеряв свою силу.

Среди обширной области, освоенной племенами с гребенчато-ямочной керамикой, по-видимому сохранились некоторые участки, где при смешении двух различных групп населения верх взяли местные традиции, в частности в изготовлении глиняной посуды.

Вновь полученные материалы при исследовании Лубанской низменности И. А. Лозе показывают, что многие из основных приемов изготовления глиняной посуды, характерные для раннего неолита (нарвская керамика), продержались в течение всех последующих периодов неолита, вплоть до эпохи раннего металла, до прихода сюда новой волны населения — племен шнуровой керамики. Это с большой наглядностью проявляется, в частности, в поселении Абора, где встречены оригинальные сосуды, внешняя поверхность которых сплошь покрыта тонким переплетенным шнуром, намотанным, по-видимому, на дощечку, выполнявшую роль штампа.⁷² Аналогичные материалы были встречены и на ряде других поселений Латвии.

Пришельцы с востока и, вероятно, их потомки, представлявшие уже смешанное население, в особенности в первый период были тесно связаны с населением, живущем к во-

стоку от них, и, прежде всего, со своими ближайшими соседями, обитателями побережья Финского залива и южного Приладожья. Общность неолитического населения этих областей прослеживается очень отчетливо в их материальной культуре, в инвентаре (например, в мелких сланцевых орудиях, среди которых встречаются такие оригинальные формы, как круммайзель), орнаментации керамики (иногда весьма сложным узором), форме верований (изображение утки на сосудах, скульптуре лося) и др.

Вместе с тем существовало и общение с более далекими, но, по-видимому, дружественными и, возможно, родственными племенами, населявшими, в частности, лесостепную Украину, Валдайскую возвышенность и Карелию. Свидетельством некоторой связи с Приуральем и Прикамьем является общность костяных орудий и некоторых элементов орнаментации керамики, с Валдайской возвышенностью — наличие фиолетового кремня, с Карелией — общность некоторых орудий и орнаментация сосудов. Одним из наиболее вероятных путей продвижения племен на запад был водный — по Финскому заливу, р. Нарве, Чудскому озеру, р. Эмайги и далее — на территорию центральной Эстонии, в Латвию, Калининградскую область и, возможно, в северную Литву.

Так представляется нам один из этапов конкретной истории племен, обитавших на побережье р. Нарвы, в эпоху раннего и развитого неолита. Их история была неразрывно связана с общей историей людей, обитавших на прилегающей территории. Еще до начала трансгрессии Литоринового моря в V—VI тыс. до н. э. на коренных берегах прибрежных участков р. Нарвы, лежащих на 8,5 м над уровнем моря, жили мезолитические племена, оставившие после себя такие памятники, как Тырвала (на правом берегу против нарвских поселений) и Сивертс (на окраине г. Нарва). Это население по материальной культуре и, вероятно, этнически было родственно мезолитическим племенам, населявшим Кунду, район р. Пярну и, по всей вероятности, Лубанскую низменность.

Начавшаяся затем литориновая трансгрессия закрыла пониженные участки морского побережья, в том числе Тырвалу и Сивертс, заставив людей покинуть эти поселения. В тот период коренной берег и выдвинулся узким языком в море. На этом участке позже поселились люди, заняв южный более

⁷¹ W. Gaerte. Die Steinzeitliche keramik ostpreussens. Königsberg, 1927, рис. 73, 74.

⁷² Поселение Абора исследуется И. А. Лозе. Материал хранится в Институте истории Академии наук Латв. ССР.

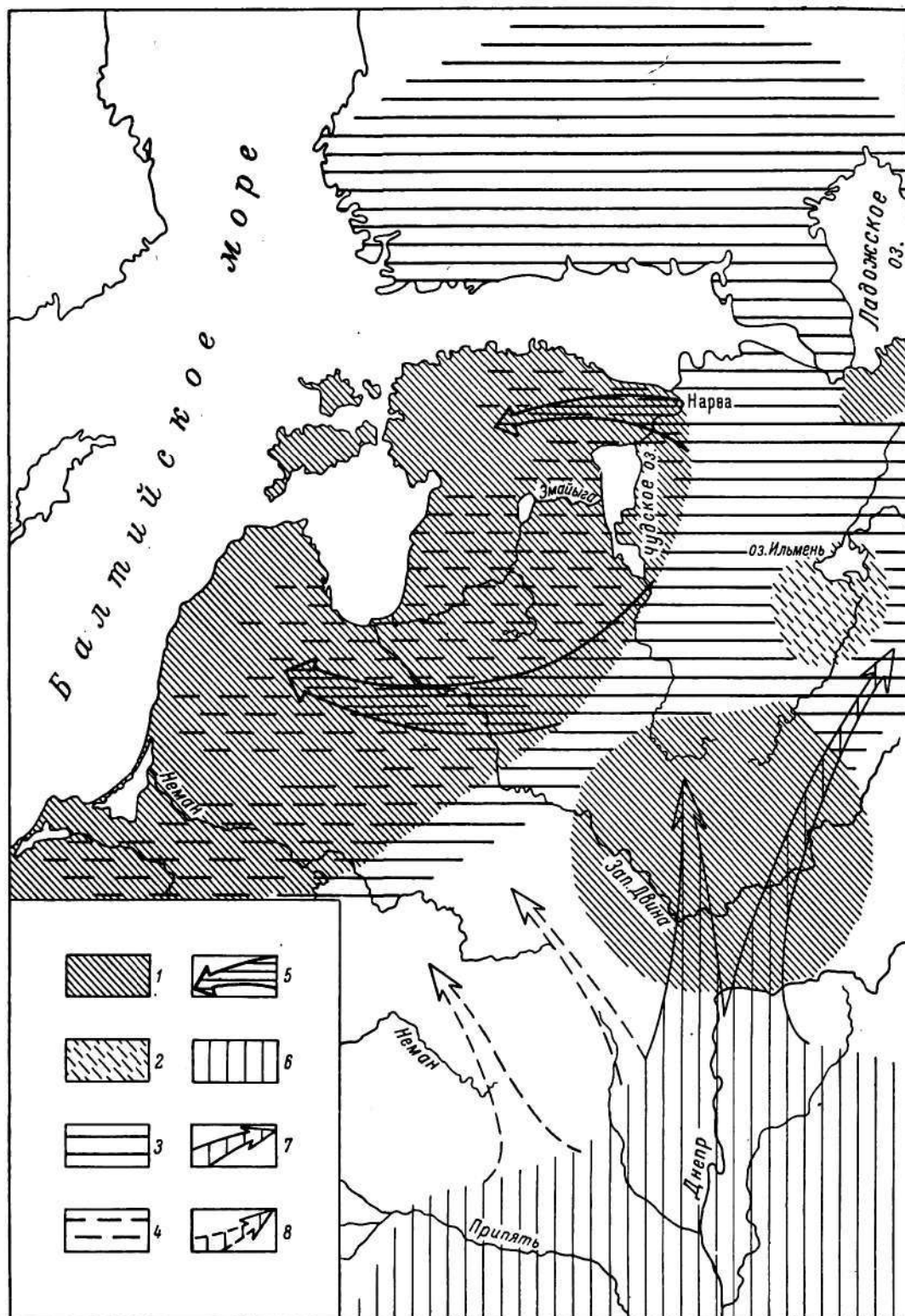

Рис. 107. Этнокультурные области во второй половине III—первой половине II тыс. до н. э.
 1 — нарвская культура; 2 — предполагаемая нарвская культура; 3 — прибалтийская культура;
 4 — днепро-донецкая культура; 5—8 — зоны смешанных культур и пути продвижения племен.

высокий склон косы (Нарва III). Затем пришла часть другого племени, обосновавшегося на противоположной северной стороне косы (Нарва II), и только потом они передвинулись на центральный участок (Нарва I), возможно уже частично освоенный во время существования поселка Нарва III.

Эта центральная часть была обитаема сравнительно долгое время, о чем свидетельствует мощность культурного слоя и разнообразие материала. Однако и поселение Нарва I затем было покинуто людьми, возможно передвинувшимися западнее, в частности ближе к устью р. Нарвы (на место современного города). По всей вероятности, причиной этого явилась начавшаяся регрессия Литоринового моря, вызвавшая отход воды от косы, вследствие чего берег стал менее удобным для жизни. Позже эта часть территории (коса) посещалась лишь в эпоху бронзы и то чрезвычайно редко носителями шнуровой керамики, для которых низменные участки, бывшие ранее дном моря, могли служить удобными пастбищами. И только уже в историческое время это побережье послужило местом, где возникла деревня Риги-Кюля.

Полученные в результате раскопок материалы не в силах пока ответить на целый ряд вопросов. Однако следует верить, что будущие исследования, как на территории Прибалтики, так и в смежных областях несомненно пополнят факты, на основании которых представится возможность углубить

и конкретизировать понятие нарвской культуры и, вероятно, несколько расширить территорию ее распространения. Следует надеяться, что новые материалы позволят уточнить взаимоотношения этих племен с племенами гребенчато-ямочной керамики, а также предоставят новые факты для решения вопросов этногенеза современных народов, живущих на этой территории.

Однако уже и теперь приведенный материал заставляет рассматривать не только племена гребенчато-ямочной, но и нарвской культуры как определенный субстрат, участвовавший в сложении прибалтийско-финского населения, поскольку, как следует из археологического материала, эти племена не были уничтожены, а лишь ассимилированы пришельцами. Так же как и пришлое население, они внесли и свою долю в материальную и духовную культуру, вероятно, в язык и физический тип последующих племен. Таким образом, и племена нарвской культуры не могут быть выключенными из общего этногенетического процесса народов Прибалтики. Основываясь на территории распространения нарвской культуры, центром которой являлась, по-видимому, восточная и центральная Латвия и юго-восточная Эстония, и на том, что она на этой территории оказала заметное влияние на культуру последующих племен, допустимо сделать предположение об известной роли ее как одного из компонентов, участвовавших в сложении и современных балтов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. М. Ермолова

О КОСТНЫХ ОБРЕЗКАХ ИЗ КОСТЕРЕЗНОЙ МАСТЕРСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ НАРВА I

При раскопке неолитической стоянки Нарва I, которая производилась Н. Н. Гурьиной в 1951—1953 годах, обнаружено большое количество сделанных из костей и рогов орудий. Основная часть костяных изделий изготовлялась из различных участков

туру принадлежит 26 обрезаков верхних частей пястных костей, по крайней мере от 10 особей. Эти костные фрагменты свидетельствуют о том, что кость распиливалась сперва пополам вдоль ее оси по переднезаднему диаметру кости. Затем от каждой

Таблица 1
Распределение обрезаков верхних частей метаподий по видам

Название вида	Кол-во обрезаков верхних частей		Минимальное кол-во особей
	пястных костей	плюсневых костей	
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	26	18	10
Лось (<i>Alces alces</i>)	25	28	14
Благородный олень (<i>Cervus elephus</i>)	—	1	1
Всего:	51	47	25

диафизов метаподий парнокопытных. Найдены не только орудия из этих костей, но и много неиспользованных обрезаков, которые позволяют судить как о видовой принадлежности костей, так и о способах их распиливания каменными пилами. Среди остатков костерезной мастерской обнаружено 98 обрезаков только верхних частей пястных и плюсневых костей.

Как видно из табл. 1, обнаруженные фрагменты верхних частей метаподий принадлежали в основномтуру и лосю. Так,

половины отделялся верхний эпифиз. При этом кость пилилась наискось так, что линия распила шла от края суставной поверхности плантарной (передней) стороны и спускалась вниз к вентральной (задней) стороне кости. Причем боковые стенки диафиза распиливались под разными углами, но к передней стороне кости линия распила всегда была поднята и доходила до суставной поверхности (рис. 1, А—В). Это позволяет предположить, что костная ткань передней стороны диафиза метаподий цепилась

выше, чем задней. На костях с более толстыми стенками можно заметить, что верхний эпифиз отделялся надпиливанием с двух сторон — внутренней и наружной. Среди обрезков пястных костей тура имеется 12 ла-

отделялся от каждой половины косым распилом, идущим обычно как снаружи, так и изнутри. Линия распила, так же как и в случае с пястной костью, шла под углом от суставной поверхности на передней сто-

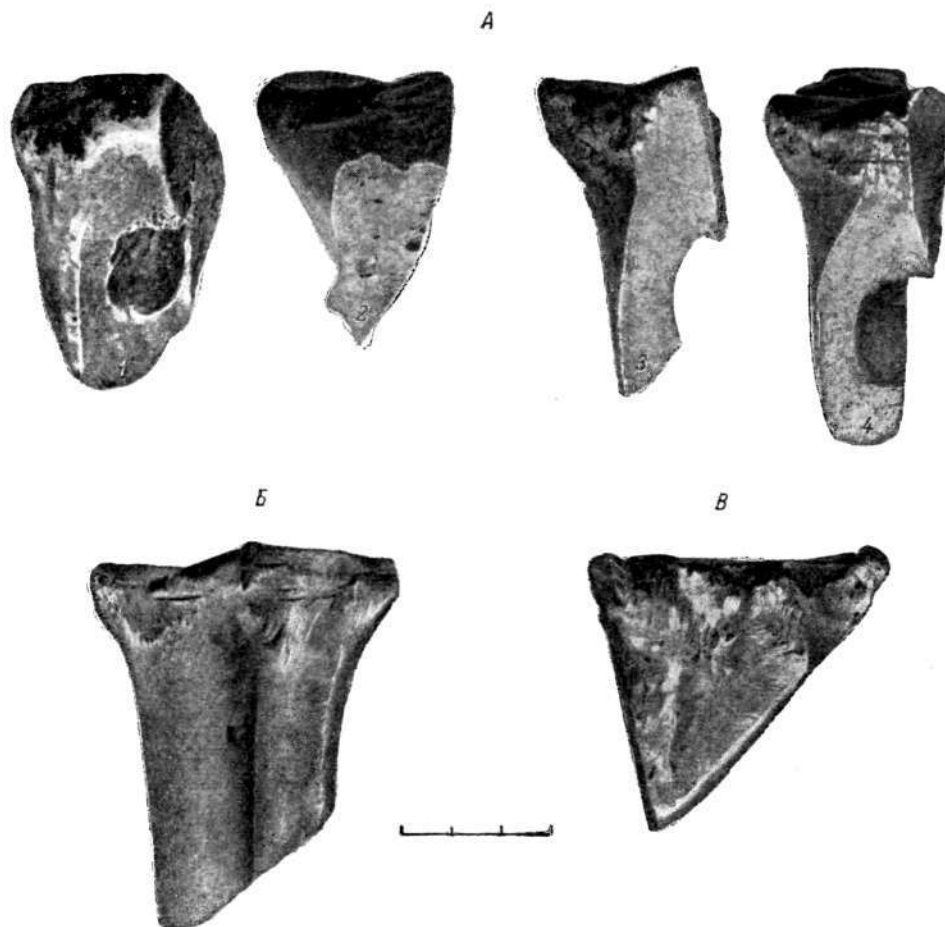

Рис. 1. Обрезки метаподий *Bos primigenius*.

А — распиленные по передне-заднему диаметру; 1, 2 — фрагменты пястных костей, 3, 4 — фрагменты плюсневых костей; Б — распиленный по поперечному диаметру фрагмент плюсневой кости; В — косой распил боковой стенки метаподии (примерно под углом в 45°).

теральных частей верхних эпифизов и 15 медиальных.

Фрагментов верхних частей плюсневых костей — 18, причем в 16 случаях эта кость была сперва распилена пополам вдоль по передне-заднему диаметру, т. е. так же как и пясть, и только в 2 случаях линия распила была направлена по поперечному диаметру, разделяя переднюю и заднюю стенки кости. Затем верхний эпифиз плюсневой кости

роне кости. Угол распила различен, но всегда существует. Скошенная линия распила, по всей видимости, свидетельствует о том, что необходимы были орудия именно с идущим под углом к оси кости верхним краем, а не только с рабочим краем такого характера, в противном случае, верхняя суставная поверхность метаподий не обрезалась бы вовсе. Подобного типа орудие с целой верхней суставной поверхностью имеется среди кост-

ного инвентаря, найденного на Ладужской стоянке Иностранцева.¹ Верхний эпифиз мог бы также отшлифоваться и по прямой линии, а не наискось, как это делалось на стоянке Нарва I. Целесообразность отделения верхней части пястных и плюсневых костей косым срезом доказывается и нали-

о значительном половом различии размеров этих животных.²

Можно предположить, что фрагменты мелких пястных костей принадлежали уже отчасти измельчавшим одомашненным животным, тем более, что В. И. Бибилова при определении костей из «кухонных отбро-

Рис. 2. Суставные поверхности верхних эпифизов пястных костей.

1, 3, 6 — латеральные части суставных поверхностей; 2, 4, 5 — медиальные части суставных поверхностей. А — *Bos primigenius* (из стоянки Нарва I); Б — *Bos taurus* (современная форма).

чем на стоянке своеобразных мелких орудий ромбовидной формы, называемых «орудиями под углом в 45°».

Следует отметить, что как среди латеральных, так и среди медиальных фрагментов верхних эпифизов пястных костей выделяются по 2 фрагмента, имеющих незначительную величину, и 2 — очень крупные (рис. 2, А). Фрагменты эпифизов меньшего размера принадлежали, видимо, очень мелким особям, возможно самкам, которые по своей величине не превышали размеров крупного домашнего скота (*Bos taurus*). Сильное различие в размерах этих костей говорит либо о большой индивидуальной изменчивости туров в тот период, либо

сов» Нарва I отметила наличие крупного рогатого скота.

По строению верхних суставных поверхностей фрагменты пястных костей мелких особей близки к турам, так как медиальный эпифиз их более округл, чем у *Bos taurus*, а латеральный — относительно более узок (рис. 2), но этот факт может быть объяснен наличием в тот период контакта домашнего скота и туров и возможностью спаривания коров с самцами диких животных.

Наличие или отсутствие домашнего скота в Нарве I — вопрос очень существенный не только для характеристики хозяйства, но и для хронологии этой стоянки, но решение его затруднено, так как определение костей посткраниального скелета и отнесение их

¹ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладужского озера. СПб., 1882, стр. 194, рис. 92.

² Указанные фрагменты принадлежали взрослым особям.

к *Bos primigenius* или к *Bos taurus* производятся в основном лишь по размерам костей. Принято считать, что рогатый скот раннего неолита был очень мелких размеров. Найденные же в Нарве I костные фрагменты быков, сильно отличающиеся по раз-

превышали многие современные породы домашнего скота.⁴ Следует также отметить, что кости домашних быков эпохи бронзы из Грузии, как сообщает Н. И. Бурчак-Абрамович, по размерам и форме близки к костям *Bos primigenius*.⁵

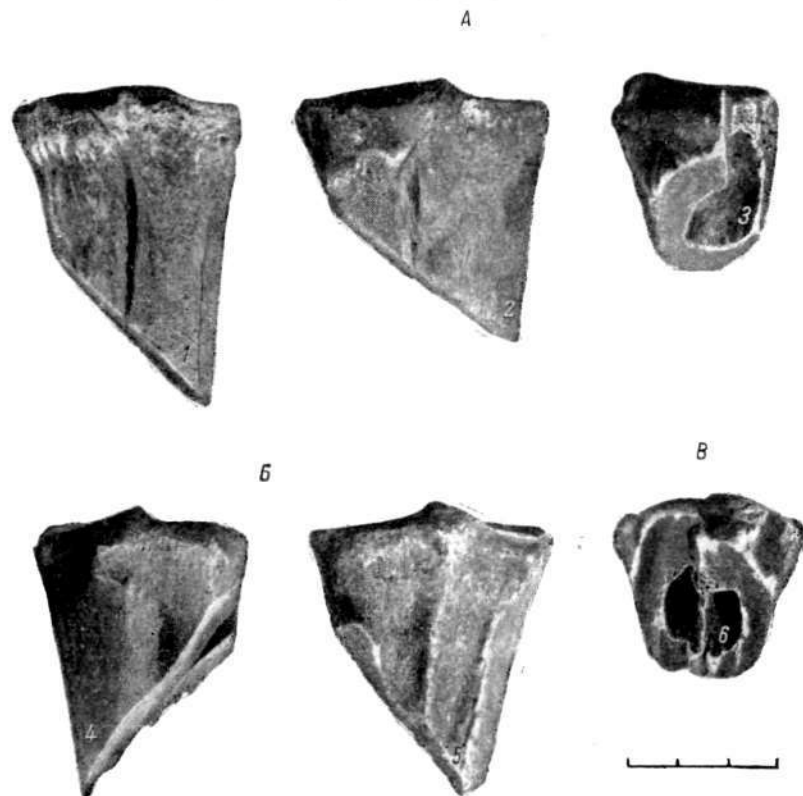

Рис. 3. Обрезки верхних частей метаподий.

А — пястные кости *Alces alces*: 1, 2 — распилены по передне-заднему диаметру кости, 3 — распилена по поперечному диаметру кости; Б — плюсовые кости *Alces alces*: В — плюсовая кость *Cervus elaphus* (вдоль кость не распиливалась).

меру от аналогичных костей крупных туров, все же нельзя назвать очень мелкими. Известно, что в раннеолитических поселениях Швейцарии в одних случаях (на озере Бьенн) найдены остатки мелкого домашнего скота типа *Bos longifrons*, сильно отличающегося от тура,³ в других (на озере Цурих) кости трех групп размеров, крупные из которых считают принадлежащими диким турам, а мелкие — домашними быками, но тоже похожими на туров. По размеру последние

³ E. Dottrens. La Faune Neolithique de la Couche Profonde de St Aubin II. Rev. Suisse zool., 54, 1942, стр. 383—486.

Таким образом, в настоящее время к сожалению чрезвычайно трудно решить, судя только по размерам фрагментов костей, был ли в Нарве I уже одомашненный скот или только дикий.

Большое количество костных обрывков, найденных в мастерской стоянки Нарва I, является фрагментами метаподий лося. Так,

⁴ K. Hescheler and J. Rüger. Die Reste der Haustiere aus dem neolithischen Pfahlbandörflein Egolzwil 2 und Seematten-Gelfingen Vierteljahrsschr. naturf. Ges., Zürich, 87, 1942, стр. 383—486.

⁵ Н. И. Бурчак-Абрамович. Ископаемые быки Старого Света, т. I. Тр. Ест.-ист. музея им. Г. Зардаби, Баку, 1957, стр. 10.

верхних частей пястных костей — 25. В 19 случаях пястная кость лося распиливалась сперва по поперечному диаметру, в результате чего отделялась не пригодная для изготовления орудий задняя стенка кости. В трех случаях задняя стенка просто отбита и только в трех случаях кости с наиболее толстыми стенками были распилены, как и у тура, сперва пополам по передне-заднему диаметру кости. Следующей линией

предварительного распиливания ее пополам (рис. 3, *B*).

В значительно меньшем количестве в остатках костерезной мастерской Нарва I встречаются нижние части метаподий. Объясняется это, видимо, тем, что последние более полно использовались при выделке орудий, а не отделялись и выбрасывались как верхние части метаподий. В коллекции имеются 3 половины нижних эпифизов лося

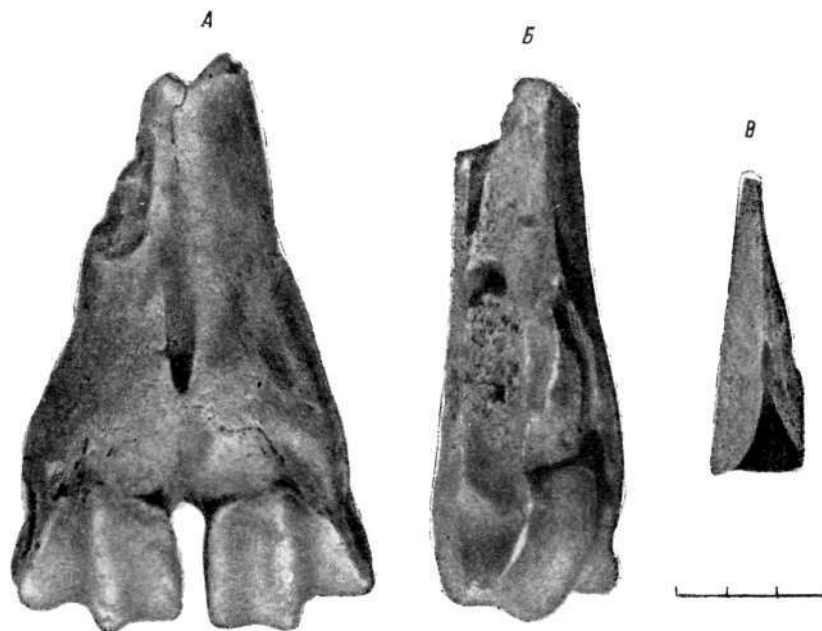

Рис. 4. Обрезки нижних частей метаподий *Bos primigenius*.
 А — целый нижний эпифиз; Б — отпиленная половина нижнего эпифиза;
 В — отпиленный латеральный блок.

распила, косо идущей по передней стенке кости, обычно как с внутренней, так и с наружной стороны отделялся верхний эпифиз (рис. 3, *A*).

Обрезков плюсневых костей лося также много. Фрагментов верхних частей этих костей — минимум 28 от 12 особей; 8 из них — фрагменты кости, распиленной вдоль по передне-заднему диаметру на внутреннюю и наружную половины, 17 — обрезки передних сторон плюсневых костей, распиленных по поперечному диаметру (рис. 3, *B*). Так же как и в случае с пястной костью лося, от плюсны отделялась не используемая задняя стенка кости.

Среди костных обрезков имеется и верхняя часть плюсны благородного оленя, отделенная от остальной кости целиком, без

и один целый и 3 половины — тура. Эпифизы разделялись распилом кости по линии сращения метаподий. Кроме того, среди костных обрезков имеются латеральные блоки нижних эпифизов, отпиленные по линии соединения их с медиальными блоками (рис. 4, *A—B*).

Особо следует отметить наличие в коллекции со стоянки Нарва I обрезков локтевых костей, большинство которых принадлежит медведям (*Ursus arctos*). Имеется 8 обрезков верхних частей локтевых костей минимум от 5 особей медведей. Во всех случаях эти части, видимо не используемые, отделялись от диафиза локтевой кости косым распилом, идущим от основания суставной поверхности. Причем здесь большую ценность представляла задняя сторона

кости, так как линия распила на задней стороне поднималась высоко (рис. 5). Другого типа орудия, по-видимому, делались из локтевых костей парнокопытных. Здесь использовался диафиз кости до места его срастания с лучевой костью, а так как длина его невелика, оставлялась и часть кости с верхней суставной поверхностью, отпиливались лишь выступающие ее части и локтевой отросток. У медведя локтевая кость длинная, так как на всем своем протяжении нигде не срастается с лучевой костью и поэтому могут быть использованы прямые стенки ее диафиза на значительно большем протяжении, чем локтевые кости парнокопытных.

Рис. 5. Обрезки локтевых костей медведя (*Ursus arctos*).

Фрагменты крупных трубчатых костей конечностей (плечевых, бедренных, лучевых) также служили для выделки костяных орудий, но, так как нет обрезков этих костей, можно думать, что на поделки шли подходящие обломки. Только более прямые большие берцовые кости таких хищников, как волк, лисица, собака, шли на выделку проколов. Для этого использовалась верхняя половина кости, а нижняя срезалась наискось на уровне изгиба диафиза.

В неолитическом поселении Нарва I встречается очень много обрезков рогов лося. Большинство из них является различными

фрагментами расширенной части рога — лопаты (рис. 6, 2). Для изготовления орудий использовались главным образом пальцевидные отростки лопаты (рис. 6, 1), концы

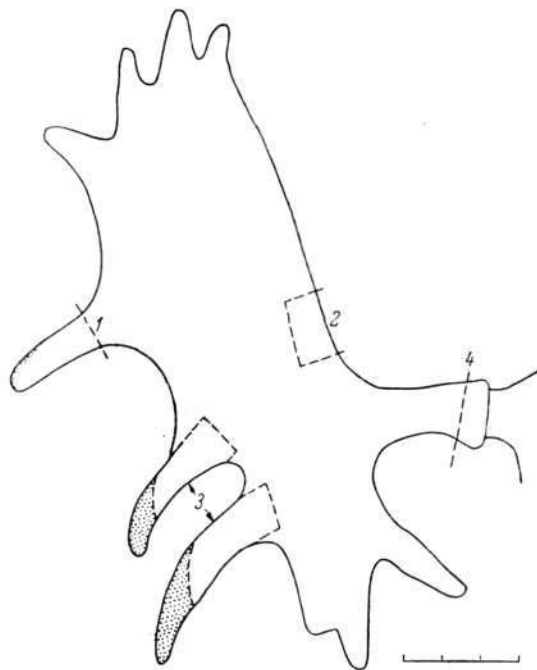

Рис. 6. Рог *Alces alces* (правый).

1 — пальцевидный отросток лопаты; 2 — край лопаты; 3 — части лопаты с основаниями отростков; 4 — основание ствола рога. Заштрихованные места — обычно сработанные части фрагментов рога.

которых служили рабочим краем, кроме того, своеобразные орудия делались из основания отростка и примыкающей к нему части лопаты (рис. 6, 3). Рабочим краем здесь является спиленная наискось, сильно залощенная боковая сторона проксимальной части отростка. Широкое использование рогов лося для изготовления орудий объясняется тем, что вещество рога — материал не только крепкий, но и вязкий и, следовательно, прочный на излом.

При выделке орудий из костей животных большое значение имеет толщина стенок костей и направление костных структурных элементов плотного поверхностного слоя — остеонов. Так, группы остеонов диафизов метаподий копытных животных располагаются по вертикальной плоскости, и поэтому

эти кости прочны на поперечный излом, хотя легко раскалываются вдоль. Они наиболее часто применялись для изготовления

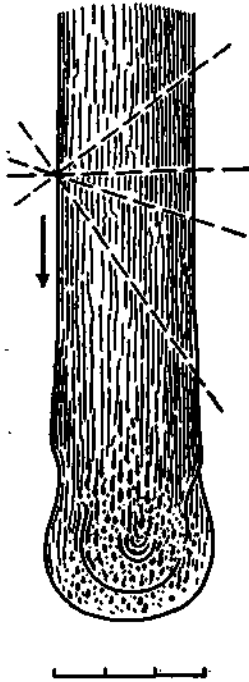

Рис. 7. Положение рабочего края на костяном орудии по отношению к направлению группы остеонов.

Стрелка — направление групп остеонов; прерывистые линии — рабочий край орудия.

орудий с рабочим краем, проходящим по горизонтальной плоскости кости или под некоторым углом к ней (рис. 7). У прочих трубчатых костей конечностей могли использоваться в качестве орудий такие обломки,

где направление слоев остеонов перпендикулярно или под углом к рабочей поверхности. Разумеется, не употреблялись такие костные фрагменты, где направление групп остеонов могло быть параллельно будущему рабочему краю. Следует отметить, что в том случае, когда рабочий край орудия находится под большим углом к направлению костных слоев, наибольшая нагрузка при работе с этим орудием должна падать на острый угол рабочего края.

Тот факт, что у метаподий лося использовались передние стенки кости, а не боковые, как у туров, можно объяснить тем, что толщина стенок диафиза метаподий лося на передней стороне кости значительно больше, чем на боковой. Поэтому, несмотря на то что, казалось бы, проще распилить кость по передне-заднему диаметру, а не по поперечному, так пилились только более толстые вообще кости туров. Предположение, что способ распиливания метаподий зависел в основном от толщины их стенок, подтверждается и тем фактом, что среди обрывков костерезной мастерской встречен фрагмент плюневой кости благородного оленя, с значительно более тонкими стенками диафиза, чем у лося и тура, который был отпилен от целой кости, без предварительного распиливания ее вдоль (пополам).

Как видно из изложенного выше, для выделки костяных орудий использовались различные кости животных и выбор тех или иных костей, а также способ их обработки зависел в основном от строения костей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
КИЧПЕ — Комиссия по изучению четвертичного периода Европы.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии академии наук СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
SMVA — Suomen Muinaismuis toyhdis-tyksen Aikakauskirja.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	5
Глава I. Топография и стратиграфия памятников	7
Глава II. Инвентарь и керамика поселений Нарва III, Нарва II и Нарва I	31
Глава III. Хозяйство, быт, верования	153
Глава IV. Хронологическое соотношение памятников и некоторые вопросы этногенеза	170
Приложение. <i>Н. М. Ермолова</i> . О костных обрезках из костерезной мастерской неолитической стоянки Нарва I	199
Список сокращений	206

НИНА НИКОЛАЕВНА ГУРИНА
ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ СССР

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. А. Карпова*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Л. М. Семенова*
Корректоры *М. А. Горилас, Н. И. Журавлева и Г. И. Яковлева*

Сдано в набор 19/ХП 1966 г. Подписано к печати 16/IV 1967 г. РИСО
АН СССР № 124—104В. Формат бумаги 84×108²/₁₆. Бум. л. 6²¹/₁₆. Печ. л. 13+
+2 вкл. (3/2 печ. л.) = 22,46 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20,27. Изд. № 3230.
Тшп. ван. № 1403. М-22654. Тираж 1600. Бумага типографская № 2.
Цена 1 р. 50 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская дин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
159	12 снизу, правый стлб.	Sigalius.	Sigelius.
159	4—3 » » »	Сарматском	Сарнатском
160	13 » левый »	Л. Я. Янитс.	Л. Ю. Янитс.
160	4 » правый »	Л. Я. Янитс.	Л. Ю. Янитс.
196	19 сверху » »	с Приуральем	с Зауральем
197	Рис. 107.	3 — прибалтийская культура; 4 — днепро-донецкая культура; 5—8 — зоны смешанных культур и пути продвижения племен.	3—4 — прибалтийская культура; 5,7,8 — зоны смешанных культур и пути продвижения племен; 6 — днепро-донецкая культура.

Н. Н. Гурьина. Из истории племен